

202.9(сч)
Г/3
В. Г. Гаджиев

СОЧИНЕНИЕ И. ГЕРБЕРА

„ОПИСАНИЕ
СТРАН
И НАРОДОВ
МЕЖДУ
АСТРАХАНЬЮ
И РЕКОЙ
КУРОЙ
НАХОДЯЩИХСЯ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Дагестанский филиал
ордена «Знак Почета»
Институт истории, языка и литературы

В. Г. Гаджиев

СОЧИНЕНИЕ И. ГЕРБЕРА

**«ОПИСАНИЕ
СТРАН И НАРОДОВ
МЕЖДУ АСТРАХАНЬЮ
И РЕКОЮ КУРОЙ
НАХОДЯЩИХСЯ»**

КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Миниатюра посвящена источниковедческому анализу чрезвычайно ценного по истории народов Кавказа первого тома труда И. Гербера, опубликованного в 1773 г. Автор изучил три рукописных экземпляра, время составления, достоверность сообщений. Вместе с тем он вносит немало нововведений. Вместе с тем он вносит немало нововведений, связанных с развитием социального устройства феодальных владений. Уточняет отдельные моменты истории народов Кавказа.

Ответственный редактор

доктор исторических наук
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель, книга, которую Вы держите в руках, посвящена анализу источника первой трети XVIII в. Труд И. Гербера — это памятник исключительного значения как для внутренней социально-экономической и политической истории горских народов Кавказа, так и для истории взаимоотношений Дагестана с соседствующими народами Кавказа, с Россией, Ираном и Турцией.

Обширность затрагиваемых в книге вопросов, насыщенность различными сведениями, в ряде случаев являющимися единственными дошедшими до нас данными, создали труду И. Гербера широкую известность. Без преувеличения можно сказать, что ни один исследователь досоветской истории народов северо-восточного Кавказа не обходится без этого источника. И как ни странно, до сих пор нет ни одного специального исследования, посвященного разбору этого интересного и ценного памятника. Имеются лишь небольшие по объему характеристики библиографического характера.

Известно, что труд И. Гербера впервые на русском языке был опубликован в 1760 г. Это издание давно стало библиографической редкостью. Достаточно сказать, что в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина труд этот хранится в отделе редких книг и не высылается даже по межбиблиотечному абонементу. Вторичное издание сочинения И. Гербера по архивной копии, хранящейся в ЦГАДА (Москва), было осуществлено в 1958 г. М. О. Косвенюком.

Сопоставление этих текстов показывает наличие в них разночтений, иногда существенного характера. Для изучения и оценки источника, критической проверки фактов, установления их достоверности и полноты, для определения количественного и качественного соответствия содержащихся в источнике сведений необходим глубокий анализ текстов памятника. Однако тексты, о которых шла речь выше, являются, как известно, переводом с немецкого оригинала. Поэтому было необходимо выявить подлинник, чтобы сравнить имеющиеся в нашем распоряжении тексты с оригиналом, определить точность переводов, раскрыть причины и смысл разночтений. К сожалению, нам не удалось обнаружить немецкий оригинал текста сочинения И. Гербера, изданного М. О. Косвенюком. Может быть, он даже безвозвратно

утрачен для науки. Обнаруженный в Ленинградском отделении Архива АН СССР немецкий статейный текст, как нам кажется, является одним из списков интересующего нас источника. Здесь же хранится и карта северо-восточного Кавказа, составленная И. Гербером. Не останавливаясь на истории ее составления и издания, укажем, что, несмотря на существующие неточности, она сама по себе служит ценным историческим источником. Чрезвычайно важна карта и для правильного понимания рассматриваемого нами источника. Все это заставило нас расширить рамки работы. В итоге проблема источниковедческого анализа труда И. Гербера вылилась в подготовку к изданию более полного текста памятника, которое мы надеемся осуществить в ближайшее время.

В настоящее время, когда молодая отрасль исторической науки — советское кавказоведение, интенсивно изучающая прошлое и настоящее народов Кавказа, вступила в новую, более совершенную фазу своего развития, стало значительно больше уделяться вниманию выявлению и изданию первоисточников. Тем не менее «расширение источниковедческих изысканий остается ответственнейшей задачей советской исторической науки»¹.

Марксистско-ленинский принцип историзма требует рассматривать каждое историческое явление не с точки зрения предвзятой идеи, а с точки зрения условий, породивших его, изучать исследуемый объект во всесторонности и конкретности, взаимной связи и взаимообусловленности, отделять главное от второстепенного, необходимое от случайного. «Весь дух марксизма, — указывает В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»². Эти требования марксизма-ленинизма составляют также теоретическую методологическую основу для источниковедческого анализа памятников истории. Особое значение для изучения исторических источников имеет ленинская теория отражения. Сознание человека, учит В. И. Ленин, есть образ внешнего мира. «...Отображение, — подчеркивает он, — не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»³.

Однако человек не пассивно копирует объективную реальность. «Глубокий смысл ленинской теории отражения в применении к источниковедению как раз и заключается в том, что человек, отображая реальную действительность, в то же время, создавая исторические источники, воздействует на нее, т. е. процесс отображения и практическая действительность неотде-

¹ Буганов В. И., Трухан Г. А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. — ВИ, 1977, № 3, с. 3.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

³ Там же, т. 18, с. 66.

лжны друг от друга. Следовательно, сам процесс отображения следует понимать как процесс взаимодействия субъекта с объектом»⁴. Вместе с тем при оценке источника необходимо учитывать, что в одних случаях отображающий является участником или свидетелем событий, в других он рассказывает со слов очевидцев, в третьих «он сам наблюдает их, но в трансформированном виде (в языке, в фольклоре, в обычаях). Наконец, он сообщает имеющийся в его распоряжении материал»⁵.

Наряду с определением происхождения, выяснением достоверности содержащейся в источнике информации конкретной задачи источниковедения является раскрытие идейной направленности, классовых и партийных позиций его создателя⁶. В. И. Ленин указывает, что необходимо «за любыми правительственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁷. Этими основополагающими положениями исторического познания марксизма-ленинизма руководствовались мы при анализе нашего источника. Считаем также своим долгом напомнить нашему читателю, что предлагаемая работа — по существу первая попытка источниковедческого анализа труда И. Гербера. Уже в силу этого наше исследование не может претендовать на полноту разбора затрагиваемых в источнике вопросов.

Из многочисленных и разнохарактерных сведений источника мы коснулись лишь тех, которые нашли наиболее существенными, определяющими и могущими оказаться наиболее полезными при решении вопросов истории народов северо-восточного Кавказа.

Автор сознает, что не все затронутые в работе вопросы решены с одинаковой полнотой, а предлагаемые решения некоторых из них в силу ряда независимых от исследователя причин носят предварительный характер и должны рассматриваться как материал для будущих углубленных изысканий и решений. Но если читатель предлагаемой работы получит хотя бы некоторое представление о сложности и необходимости источниковедческих ис-

⁴ Пушкирев Л. И. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 12.

⁵ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов, 1976, с. 19.

⁶ Детальной разработке методологических вопросов исторического источниковедения посвящены: Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973; Марксистско-ленинская методология (теоретические и методологические проблемы). М., 1969; Пашута В. Т., Салов В. И., Черепнин Л. В. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; Пушкирев Л. И. Указ. соч.; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973; Пронштейн А. П. Указ. соч.; и др.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

следований, обнаружит сведения для размышления и дальнейших поисков, автор сочтет задачу этой книги выполненной.

В заключение считаем приятным долгом выразить глубокую признательность научным сотрудникам Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР за оказанное содействие в выявлении и копировании немецкого текста анализируемого источника, географической карты Кавказа и плана-схемы крепости Св. Креста. Автор выражает также благодарность сотрудникам сектора истории досоветского периода, членам Ученого совета Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР и всем товарищам, принимавшим участие в обсуждении и оказавшим помощь при издании данной книги.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

«Торжество исторической критики — из того, что говорят люди известного времени, поделушать то, о чем они умалчивали».

В. О. Ключевский

И. ГЕРБЕР И ЕГО СОЧИНЕНИЕ (Вместо введения)

На всестороннем знании исторических источников основывается марксистско-ленинское построение истории. Наука истории теснейшим образом связана с жизнью. «Не во всякой науке, — говорит акад. М. В. Нечкина, — эта связь предстает с такой отчетливостью и непреложностью, как в науке истории. Ведь изучение исторических источников — не самоцель для историка. Цель его работы — изучение через эти источники (иного пути нет!) минувшей действительности, познание закономерностей реальной прошлой жизни человечества. Предшествующее развитие подготовило сегодняшний день, сегодняшнюю действительность»¹. К сожалению, состояние исторических источников, особенно местного происхождения, таково, что они далеко не достаточны для глубокого и всестороннего изучения истории горских народов Северного Кавказа.

Мы располагаем рядом памятников по истории народов Дагестана². Памятники по истории других народов Северного Кавказа — кабардинцев и балкарцев, чеченцев и ингушей и других — сохранились в еще меньшем количестве. Ограниченность исторических источников местного происхождения объясняется тем, что одни из этих народов «совсем не имели письменности на родных языках, другие почти не имели и не пользовались широко иноязычной письменностью»³. При таком положении большое значение приобретают вещественные источники, данные языкознания, ономастики (топонимии, антропонимии и этнонимии), этнографические материалы, эпиграфические памятники,

¹ Нечкина М. В. История истории. — В кн.: История и историки. М., 1965, с. 16.

² Извлечение из истории Дагестана Мухаммеда-Рафи. — ССКГ, 1871, вып. 5; Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898; Родословие Рустама Уцмия-хана. — АКАК, т. II, с. 1072—1073; «Список с древнего родословного дерева», сделанный Мухаммедом Хиналуковским в 861—1456. — АКАК, т. II, с. 1076—1077. Постановление кайтахского улма Рустем-хана. — ССКГ, 1868, вып. 2; Кодекс законов Умму-хана Справедливого. М., 1948; Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957; Цекобскино адаты. — УЗНИЯЛ, 1957, т. 1; Баркуев К., Азмедов М. К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. — Там же, 1963, т. XI; Гаджиев В. Г. «Дербент-наме» Мирза Хайдара Везирова (Дербентского). — ВИД, 1975, вып. 2.

³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 5.

и, конечно, письменные источники как кавказского, так и ипо-
странного происхождения.

Исследованиями последних лет убедительно доказано, что первые сведения о народах Кавказа, в том числе и горских народах Северного Кавказа, встречаются в переднеазиатских источниках⁴. Важные сведения о народах северо-восточного Кавказа кануна — начала нашего летосчисления содержат античные источники⁵. Для раннесредневековой истории народов Северного Кавказа первостепенное значение имеют армянские, грузинские, сирийские, арабоязычные, персоязычные и турецкие источники⁶. Однако, говоря об арабоязычных источниках, следует помнить высказывание нашего замечательного ориенталиста, Б. Н. Заходера. «Внимательный просмотр раннесредневековой географической литературы на арабском и персидском языках, — писал он, — приводит нас к еще более решительным выводам: авторы, биографические данные которых позволяют высказать предположение об их реальном и оригинальном

⁴ Меликишвили Г. А. Папри-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 14—16, 25—27, 77—89, 173—175, 183, 327, 403; Алиев И. История Мидии. Баку, 1960, с. 54, 65, 66—67, 71 и др.

⁵ Геродот. История. Л., 1972, VII, 67, 68; Лагышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, № 4; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. — Л., 1959, с. 50—51, 59, 75, 146 и др.

⁶ Бузанд Ф. История Армении. Ереван, 1953; Хоренский М. История Армении. М., 1893; Хоренский М. Армянская история. СПб., 1809; История Египта варданета. Тифлис, 1853; Казанкавацци М. История Агван. СПб., 1861; Гевонд. История халифов. СПб., 1862; Карлис Цховреба (жизнь Картли). — СМОМПК, 1897, вып. 22; Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904; Пигулевская П. В. Сирийские источники по истории народов СССР; Она же. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов; Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927; Ибн-ал-Асир. Тарих ал-Камил. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1940; Якуби. История. Текст и пер. П. К. Жузе. Баку, 1927; Истахри. Из книги путей царств. — СМОМПК, 1901, вып. 29; Ибн-Хордадбе. Книга путей царств. — Там же, 1903, вып. 32; Ибн-Руста. Из книги драгоценных камней. — Там же; Ибн-Хаукаль. Книга путей и царств. — Там же, 1908, вып. 38; Аль-Якуби. Из книги царств. — Там же; Аль-Мукадаси. Из книги Лучшее из делений для познания климатов. — Там же; Масуди. Книга сообщений и знаний. — Там же; Он же. Луга, золото и рудники драгоценных камней. — Там же; Мюнеджжим-Баши. История Ширвана и ал-Баба. — В кн.: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963. Мюнеджжим-Баши о поздних Ширваншахах. — Там же; Масуди о Кавказе. — Там же; Ибн-Руста о Дагестане. — Там же; Путешествия Абу-Хамида ал-Гарнати. Пер. О. Г. Большакова. М., 1971; Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Галхис ал-асари Вааджа' Ибн-ал-Малик ал-Каххар (Сокращение книги о памятниках и чудесах царя могучего). Издание текста и пер. З. М. Буниятова. М., 1971; Путешествие Эвлия Челеби (отрывки). — Рукоп. фонд ИИЯЛ, Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37; Рахмани А. Тарих-и Алам Арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960; Hammer J. Geschichte des osmanischen Reiches, Ausgabe 2, Bd I—IV. [S. l.], 1840; Ahasan-ut-Tawarikh. History of the Safavi Period of Persian history 15th and 16th Centuries, by Hasan-i-Rumlu. Ed. by C. N. Seddon. Baroda, I, 1932; II English translation, 1934.

участии в приписываемом им сочинении, — чрезвычайно редки. Подавляющее большинство авторов географических сочинений — компиляторы; ни рассмотрение их собственных сочинений, ни какие-либо иные данные вне этих сочинений не позволяют в малейшей мере обоснованно утверждать их самостоятельность и оригинальность». Если к этому присоединить еще то обстоятельство, что большинство «этих сочинений дошло до нас в плохой текстовой сохранности и что значительная часть сочинений сохранилась в очень поздней и, естественно, искаженной переписке, то упоминание автора и названия сочинения зачастую может быть заменено отсылкой к варианту или редакции, представителем которых является тот или иной автор». Поэтому Б. И. Захoder считал при изучении этих сочинений необходимым применять «сравнительно-текстологический анализ» и даже «превратить его в обязательный инструмент исследований»⁷. К этому стоит добавить, что критического подхода требуют к себе и другие упомянутые источники.

Важнейшим источником для изучения истории народов Северного Кавказа, начиная с XIII в., служат сведения, имеющиеся в трудах западноевропейских и русских путешественников⁸. Источником первостепенной важности для изучения истории народов Северного Кавказа XVI—XVII вв. является документальный материал, хранящийся в наших архивах. В массе своей документы Носольского приказа, статейные списки — это официальная дипломатическая переписка русских властей с феодальными владетелями Северного Кавказа, письма и обращения их к кавказской и центральной администрации, тексты договоров и различных рода обязательств, ответные грамоты русского правительства горским владельцам, переписка центрального правительства с местной администрацией, в частности с астраханским и терским воеводами, рапорты и донесения русских посланников, аккредитованных при правительствах султана и шаха, консульские донесения с Кавказа и рапорты так называемой «штрапцонной экспедиции». Часть этих документальных материалов издана в публикациях С. А. Белокурова, Н. И. Веселовского, в двухтом-

⁷ Захoder Б. И. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 6—7.

⁸ История монголов Иоанна де Плано Карпини и Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука. СПб., 1911; Путешествие Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. Пер. с нем. Ф. Бруна. — Записки Поворосийского ун-та (Одесса), 1867, т. I, вып. 1-2; Путешествие в Тану Иосафита Барбаро, венецианского дворянина. Пер. В. Семенова. СПб., 1863; *Икитин А.* Хождение за три моря. М., 1950; Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937; Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958; Проскипетария Арсения Суханова. — Православный Палестинский сборник (СПб.), 1893, т. VII, вып. III; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. М., 1935.

ном сборнике документов «Кабардино-русские отношения» и ряде других публикаций⁹.

В первой четверти XVIII в. в связи с подготовкой присоединения Прикаспия к России интерес к изучению северо-восточного Кавказа усилился. Здесь прежде всего следует упомянуть сведения, собранные Л. П. Вольтским, А. Бековичем-Черкасским, А. И. Лопухиным, Ф. И. Соймоновым, Д. Беллом¹⁰. Среди источников первой трети XVIII в. по истории народов Северного Кавказа как по широте охватываемых вопросов, так и достоверности сообщаемых сведений исключительное место занимает сочинение И. Гербера. К сожалению, о самом авторе мы знаем сравнительно немного. Очень краткие сведения о нем содержат труды Г. Ф. Миллера, М. А. Поллеветова, М. О. Косвена и др.

Настоящее имя Ивана Гербера — Johan Gustaw Gerber. Точную дату его рождения установить не удалось. По происхождению он немец, родом из Пейтец в Бранденбурге. Сын лейтенанта саксонской армии, И. Гербер рано поступил на военную службу. В 1706 г. он участвовал в Северной войне, которую Россия вела в союзе с Саксонией против Швеции. На русскую службу поступил, по одним данным, в 1710 г., по другим — 1715 г., поручиком. Вскоре его произвели в капитаны, а в 1721 г. за проявленные во время войны со Швецией «знание, верность и искусство» — в майоры. Во время подготовки так называемого персидского похода И. Гербер по заданию русского правительства объехал побережье Каспийского моря с целью обозрения пути будущего похода русских войск. В чине артиллерийского офицера он принимал участие и в походе русских войск на побережье Каспийского моря в 1722 г. «Артиллерии майор Гербер, — писал И. Г. Бутков, — назначен в Астрахань с артиллерией от артиллерийской канцелярии, отправившей артиллерию и амуницию по вскрытии рек»¹¹. Весной 1724 г. майору Герберу было поручено доставить из Астрахани артиллерию — «9 мартиров чугунных двуцудовых с принадлежащими припасами»¹². Впоследствии при вступлении русских войск в Баку он командовал артиллерией.

⁹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1. 1578—1613. М., 1888; Веселовский И. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I, II. СПб., 1890, 1893; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Пальчик, 1974.

¹⁰ Журнал посланника Вольтского 1715—1718 гг. — В кн.: Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929; ИСЗ, т. V, № 2815; Лопухин А. Журнал путешествий через Дагестан. 1718 г. — ИГЭД, с. 6—59; Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваниях. — Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах (СПб.), 1763, январь; Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли..., ч. I—III. СПб., 1776.

¹¹ Бутков И. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I. СПб., 1869, с. 13.

¹² ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 2, л. 16.

После пятилетнего пребывания на Кавказе И. Гербер был назначен членом комиссии генерала Румянцева¹³, участвовал в заключении договора между Россией и Турцией при д. Мабур, принимал активное участие в установлении русско-турецких границ на Кавказе. В Прикаспии И. Гербер пробыл до 1728 г. В 1728 г. он был отправлен Румянцевым в Петербург «с чертежами о разграничении по учиненному трактату с турками», но из-за «опасной болезни» был задержан в Астрахани, откуда выехал летом 1729 г.¹⁴ По прибытии в Петербург «е. и. в. пожаловал артиллерии майора Ивана Гербера, за многие его службы, через чин от артиллерии же в полковники и быть ему при Московской конторе»¹⁵. 20 января 1730 г. «Верховный тайный совет назначил И. Гербера в печальную комиссию» для погребения Петра II¹⁶. По возвращении в Петербург он был назначен членом главной артиллерийской канцелярии. В 1731 г. ему было поручено возглавить экспедицию, направлявшуюся в Хиву и Бухару с целью организации «полезного для обеих сторон купечества». При необходимости ему было разрешено также приять на себя должность посланника. Однако экспедиция не достигла намеченной цели. На р. Эмбе члены экспедиции были ограблены разбойниками и оказались вынуждены вернуться. Вскоре после возвращения И. Гербера в Петербург началась подготовка к войне с Турцией. В связи с этим в 1734 г. ему было поручено доставить осадную артиллерию для действий против крепости Азов. При выполнении этого задания в г. Новониколаевске-на-Дону он заболел и умер.

В период семилетнего пребывания на Кавказе И. Гербер, по словам Г. Ф. Миллера, «изведал... все внутреннее состояние тех земель, которые для определения границ и для снятия точной ландкарты в 1726 и 1727 гг. из конца в конец объехал»¹⁷. Частые поездки в разные районы северо-восточного Кавказа позволили И. Герберу наблюдать различные стороны жизни и быта народов Кавказа, собрать разнообразный материал по истории и этнографии края. Этот чрезвычайно важный материал и лег в основу анализируемого нами сочинения. Перу И. Гербера принадлежит также рецензия на труд проф. Байера, опубликованная под названием «Господина полковника Гербера примечания к географии российской X века, господином проф. Байером сочиненной»¹⁸, и составленная в 1733 г. записка о рациональном использовании прикаспийских провинций Кавказа, сохранившихся за Россией

¹³ Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 г., составленное Вар. Остертаном.— Северный архив, 1828, № 1, с. 12.

¹⁴ Сб. РИО, 1898, т. 101, с. 49.

¹⁵ Там же, с. 404.

¹⁶ Там же, т. 100, с. 427—428.

¹⁷ СП, 1760, сент., с. 9.

¹⁸ Там же.

после Решитского договора 1732 г.¹⁹ Это записка, «составленная в духе умеренного меркантилизма... — по словам М. А. Полиевктова, — в своей фактической части близко примыкает к составленному в 1728 г. И. Гербером описанию прикаспийских областей Кавказа и сама в свою очередь дополняет это последнее»²⁰. «В этой записи, — заключает М. А. Полиевктон, — мы находим весьма существенный материал о естественных богатствах и хозяйстве прикаспийского края в начале XVIII в., на чем его «Известия» останавливаются сравнительно кратко (нефть, соль, табак, шафран, хлопок, виноградарство, овцеводство и производство шерсти, горные богатства, минеральные источники, а также торговля)»²¹.

Однако анализируемое нами сочинение — единственное крупное произведение И. Гербера. Принято считать, что оно составлено на основе личных наблюдений автора. Точнее будет сказать, что факты, собранные автором на месте, составляют основную часть интересующего нас сочинения. При этом, однако, использованы им письменные и другие источники. Установить точно, какими именно источниками пользовался И. Гербер, очень трудно, поскольку он не ссылается на них. Можно лишь с долей вероятности указать, что они местного и русского происхождения. Уверенно можно сказать, что им использован такой интересный памятник, как «Дербент-наме». Известно, что в бытность Петра I в Дербенте паиб города подарил рукопись «Дербент-наме» императору. С содержанием рукописи мог ознакомиться И. Гербера участник «Восточного похода», известный знаток языков и истории Востока, отец будущего русского поэта Д. К. Каптемир²² или кто-либо другой²³. Сведения о «Дербент-наме» И. Гербер мог слышать также из уст своих осведомленных информаторов. На это обстоятельство указывает и сам автор. Касаясь вопроса возникновения Дербента, он пишет: «Обитатели дербентские говорят и из архива доказать хотят, что Дербент построен» Александром. В другом русском тексте эта же мысль изложена следующим образом: «Общий слух носится, и дербентские жители в том ссылаются на старинные письма»²⁴. К сожалению, автор не сообщает, что это за «старинные письма». Из приведенного текста нельзя также понять, видел ли эти документы сам автор. Может быть даже, здесь идет речь о не дошедших до нас памятниках.

¹⁹ Записку опубликовал М. А. Полиевктон в сб. «Материалы по истории Грузии и Кавказа» (Тифлис, 1937, вып. 4).

²⁰ Полиевктон М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935, с. 111.

²¹ Там же, с. 113.

²² См.: *Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romanoana*, t. VI. Bucureşti, 1883.

²³ «Дербент-наме» сразу привлек внимание научной общественности России. В середине XVIII в. текст «Дербент-наме» переводился на русский язык (см.: Гаджиев В. Г. О русском переводе «Дербент-наме». — ВИД, 1975, вып. III).

Как бы то ни было, приведенные высказывания не оставляют сомнения, что при описании событий, имевших место до XVII в., наш автор пользовался различными источниками, в том числе и разнотипными документами, доставляемыми местным населением кавказскому командованию, различного рода донесениями, письмами, сообщениями, поступавшими с мест русскому командованию или составлявшимися кавказской администрацией в результате опросов феодальных владетелей или их служителей, прибывавших в русские крепости. В этом отношении особую ценность имеют следующие свидетельства нашего автора. Касаясь вопроса о взаимоотношениях кавказского командования с горскими владетелями, он, в частности, сообщает, что хан Лварии, говоря о давних дружеских связях его предков с Россией (и в том он был прав), ссылался на некогда выданную Россией хану Аварии грамоту. «Сие письмо российское,— заключает И. Гербер,— о котором он допросил, после того как было требовано от него для осмотра, только явилось, что оное не от русских, только от некоторого татарского князя»²⁴. Небезынтересно отметить, что сведения такого рода содержатся в документах коменданта крепости Св. Креста, хранящихся в республиканском архиве Дагестана.

Доказательством того, что наш автор пользовался различного рода документами, являются и следующие факты. Архивные документы содержат сведения о принятии кубачинцами вместе с удием русского подданства в период так называемого персидского похода Петра I²⁵. Эти же сведения почти дословно повторяет и наш источник.

В настоящее время мы не можем с полной уверенностью утверждать, исчерпан ли круг источников анализируемого памятника приведенным выше перечнем. Скорее всего не исчерпанся. По этой причине мы не можем точно определить, откуда именно заимствованы сведения нашего источника и какую часть эти заимствования занимают в сочинении И. Гербера.

Нам точно не известны и цели написания анализируемого труда. Скорее всего он был составлен по заказу какого-то влиятельного лица на Кавказе. Надо также помнить, что И. Гербер — человек, занимавший определенное место в иерархической лестнице кавказской администрации, и в силу всего этого он был обязан активно проводить политику самодержавия. Все это, как и следовало ожидать, не могло не оказать влияния на формирование его мировоззрения и не могло не наложить известный отпечаток на составленный им документ. Несмотря на это, труд И. Гербера, говоря словами М. А. Полиевктова, «сравнительно, все же, мало еще окрашен тою великодержавною психологией, которая с XVIII в. все более и более начинает проникать во многие русские

²⁴ ИГЭД, с. 87; СП, 1760, июль — окт., с. 197.

²⁵ ИГЭД, с. 114.

²⁶ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 8; ИГЭД, с. 75.

кавказоведные изыскания»²⁷. Однако в текстах нашего источника нередко встречаются такие выражения, как «воры и грабежники», «воровские народы», «вольные воры» и др. Эти оскорбительные в наше время характеристики в XVIII в. понимались в несколько ином смысле. Обычно словом «вор» в те времена называли всякого злоумышленника, преступника, в том числе ослушника, а также лиц, не подчинявшихся официальной власти. В последнем смысле и употреблял И. Гербер указанные оценки.

Впервые извлечения из труда И. Гербера, касающиеся сел. Кубачей, были издапы на пемецком языке в 1736 г. под названием «Von dem Dorffe Kubeschah auf dem Caucasischen Gebürge gelegen»²⁸. В этом же 1736 г. географическим департаментом Российской Академии наук была издана карта, названная «Maris Caspii littori occidentali inter Fluviorum Wolga et Kur ostia adiacentium Terrarum provinciarum et locorum eorumque incolarum Descriptio Stimul ac in Provinciis Schirwan et Lesgistan inter Rus sosit Turcas Terrarum Divisionis Linca Anno 1727 determinata». Она была, как справедливо отмечал М. А. Полиевктов, «одною из первых в русской картографии научно составленных карт этих областей, на которую была нанесена и разграничительная линия 1727 г. между Россией и Турцией»²⁹. К сказанному следует добавить, что эта карта имеет теснейшую внутреннюю связь с интересующим нас источником. И поэтому мы сочли необходимым поместить ее в настоящем издании. В 1756 г. было осуществлено полное издание текста сочинения И. Гербера Берлинской Академией наук в переводе на французский язык под названием «Carte description des peuples et de provinces situees a l'occident de la mer Caspienne, depuis Astracan jusqu'an fleuve Kura, felles, qu'elles se trouvaient en 1728»³⁰.

Однако при этом издании авторство оказалось приписанным бывшему при русском дворе секретарю прусского посольства, а впоследствии королевскому тайному советнику и члену Берлинской Академии наук М. Фокеродту (M. Vockerodt). Основанием к этому послужило то, что текст рукописи был обнаружен после смерти М. Фокеродта в его архиве. Возможно, после своего возвращения с Кавказа И. Гербер познакомил с рукописью проживавшего в то время в Москве Фокеродта. Быть может, последний тогда и переписал текст. Но при всем том Берлинская Академия наук, издавая текст И. Гербера и приписывая авторство другому лицу, почему-то не обратила внимания на то, что извлечения из текста, о котором шла выше речь, были изданы в России за подписью И. Гербера. Кроме того, Г. Ф. Миллер вопрошает: «Воз-

²⁷ Полиевктова М. А. Указ. соч., с. 113.

²⁸ Sammlung russischer Geschichte (SPb.), 1737, II, S. 1—5.

²⁹ Полиевктова М. А. Указ. соч., с. 112.

³⁰ Memories de l'Academie Royal des Sciences et Belles letters (Berlin), 1756, t. XII, p. 459—514; Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— КЭС, т. I. М., 1955, с. 275.

можно ли сочинить столь обстоятельное описание, ежели кто сам не был в тех странах, о которых здесь говорится?» И тут же сам отвечает: «Я не спорю, что господин Фокерот, по долголетнему своему в России пребыванию и по любопытству своему, старался познать сие государство по всем околичностям. Он спускал такое знание в российский языке, которым иностранцы очень мало похвалятся могут. По первом своем пребытии в Санкт-Петербурге ездил он с князем Д. Каптемиром, бывшим волошским господарем... в Малую Россию; по далее нигде не бывал. Никогда не доходил до тех стран, которыя с Каспийским морем граничат»³¹. Ставя целью установить подлинность и восстановить авторство, Г. Ф. Миллер, руководивший тогда изданием «Sammlung», издал в 1760 г. книгу И. Гербера на немецком языке³². В том же 1760 г. был опубликован полный текст труда И. Гербера в переводе на русский язык под заглавием «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой пародах и землях, и о их состоянии в 1728 году». В предисловии к публикации Г. Ф. Миллер отметил, что текст сочинения им получен от И. Гербера в 1730 г. «Копию с сочинения его,— продолжал он,— оставил я оную при отъезде моем в Сибирь при Академии, чтоб оно могло внесено быть в собрание известиев, до Российской истории касающихся, которое я в 1732 г. на немецком языке издавать начал. Сие бы непременно и зделалось, ежели бы покойный господин проф. Байер, который при моем отбытии первые три части второго тома исправлял, для прочих своих дел, мог больше стараться о издании сих трудов»³³.

Утверждают, что при издании труда И. Гербера Г. Ф. Миллер снабдил его примечаниями и внес изменения в текст. Сличение копий хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР записок И. Гербера на немецком языке с изданным текстом, отмечает В. Ф. Гнучева, позволяет установить внесенные Г. Ф. Миллером стилистические «улучшения и дополнительные примечания»³⁴. «Публикация эта,— подчеркивает М. О. Косвен,— снабжена обострительными дополнениями и примечаниями акад. Г. Ф. Миллера»³⁵. В предисловии к сочинению И. Гербера сам Г. Ф. Миллер отмечает, что «понеже прошло с лишком тридцать лет, как оно сочинено, а между тем в тех странах много перемен учинилось, о коих знать не без нужды: то разсудилось мне ко оному прибавить некоторыя примечания, в коих объявля-

³¹ Спб., 1760, июль — окт., с. 8.

³² *Garber Johan-Gustaw*. Nachrichten von denen an der westlichen Seite der Caspischen See zwischen Astrachan und dem Flusse Kur befindlichen Völkern und Landschaften und von derselben Zustande in dem Jahre 1728.— Sammlung russischer Geschichte (SPb.), 1760, IV, 1/2.

³³ Там же, с. 6—7.

³⁴ Экспедиция Академии наук XVIII—XIX вв. Сост. В. Ф. Гнучева. М.—Л., 1940, с. 33.

³⁵ ИГЭД, с. 119; КЭС, т. I, с. 276.

ется об оных переменах, а иное больше изъясняется пежелли как в самом описании предложено»³⁶. Итак, в то время как В. Ф. Гнучева говорит только о стилистических улучшениях, а М. О. Косвен считает, что публикатор снабдил текст «обстоятельными дополнениями», сам издатель Г. Ф. Миллер подтверждает, что им составлены только примечания. Очевидно, Г. Ф. Миллеру незачем было скрывать проделанную им над текстом работу. Из сказанного можно сделать один вывод: тексты, имеющиеся в нашем распоряжении, являются вариантами труда И. Гербера.

В примечании к тексту, который издал М. О. Косвен, имеющему название «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.» совершенно справедливо отмечено, что «Описание» по своему содержанию в ряде мест совпадает текстуально с трудом И. Гербера, изданным Г. Ф. Миллером, хотя и отличается по своей структуре. В то время как текст «Описания» имеет форму своеобразной ведомости или таблицы, текст, опубликованный Г. Ф. Миллером, представляет собой «связано изложенную статью». «Генетическое соотношение указанных двух текстов,— отмечает М. О. Косвен,— неясно. Никак нельзя предположить, что публикуемая ведомость была составлена в качестве табличного изложения первоначально связанного статейного текста; надо думать, что, наоборот, статья была написана на основе данной ведомости, как ее литературно обработанное и оформленное изложение»³⁷.

Возможно, что И. Гербер первоначально составил, может быть еще в бытность свою на Кавказе, ведомость в виде табличного изложения на немецком языке; можно полагать, что переводом с этого варианта является текст «Описания». Позже на основе ведомости мог быть составлен статейный текст на немецком языке. А с этого текста были осуществлены перевод и издание 1760 г. Если это так, то надо признать, что текст «Описания» и лег в основу других вариантов сочинения И. Гербера. Об этом пока мы можем говорить предположительно, поскольку не располагаем оригиналом «ведомости — табличного изложения на немецком языке». По этой же причине допустимо и то, что перевод «Описания» мог быть осуществлен со статейного текста немецкого оригинала. Как бы то ни было, имеющийся в нашем распоряжении статейный текст и текст «Описания» на русском языке, говоря словами М. О. Косвена, «благодаря своей отчетливости выгодно отличается от текста, изданного Миллером, написанного, в особенности в русской, обычно используемой редакции, тяжелым языком и в ряде мест неотчетливого»³⁸.

Выше уже отмечалось, что имеющиеся в нашем распоряжении тексты труда И. Гербера отличаются структурно. Указывалось

³⁶ Сп., 1760, июль, с. 9—10.

³⁷ ИГЭД, с. 119.

³⁸ ИГЭД, с. 119.

также, что архивный оригинал «Описания» имеет форму вертикально разграфленной ведомости или таблиц. Публикаторы издали текст без разграфления, но с точным соблюдением расположения текста, для удобства пронумеровав каждую статью. Хранящийся в архиве немецкий текст структурно состоит, так же как и «Описание», из 59 статей, каждая из которых имеет 12 пронумерованных подразделов, с общими для обоих текстов названиями.

По существу точно такую же структуру имеет и текст, изданный Г. Ф. Миллером, хотя и разделы в статьях и линии выделены. Вот схема статей источника.

1. Имена провинциальные. Приводятся наименования описываемого региона, обычно употреблявшиеся в официальных кругах кавказской администрации в начале XVIII в.

2. Имена уездные и народам. В разделе сообщаются сведения о бытующих этнонимах и топонимах данного региона.

3. Ситуация. Даются сведения о месте расположения описываемого в статье народа или владения. Указывается, в соседстве с каким народом, владением или вблизи каких рек, гор проживает данный народ.

4. Уезд. Описывается территория, занимаемая народом, владением, союзом сельских обществ — «уездом», с обязательным указанием «большой или малый». Иногда указывается, из скольких населенных пунктов «состоит данный уезд» и какое из них «главное» селение.

5. Язык. Указывается, на каком языке говорит описываемый народ.

6. Законы. Даются сведения о вероисповедании данного народа (христиане, магометане-сунниты, магометане-шииты и т. д.).

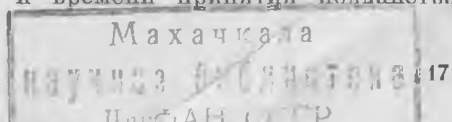
7. Владельцы. Излагаются сведения о правителях владения, города, уезда.

8. Состоит в подданстве и под властью. В разделе обычно отмечается, в подданстве какого государства (России или Турции) находится описываемое владение или народ. А в ряде случаев указывается, в чьем подданстве находится данный народ или уезд.

9. Промысел. Даются краткие сведения об основных занятиях населения (земледелие, скотоводство, ремесло). И нередко описывается вооружение данного народа.

10. Доходы. Очень кратко, буквально в нескольких словах, указывается, кому платит подати население данного владения (своему владетелю, России или другим государствам).

11. Состояние. Это один из наиболее важных разделов как по обилию затрагиваемых вопросов, так и по своему объему. Здесь имеются сведения об истории образования владения и о занятиях населения, об управлении владениями и об их внешнеполитической ориентации, о причинах и времени принятия подданства России и др.

12. Примечание. Из 59 статей раздел «Примечания» имеет 55 статей (не имеют примечаний статья 11, посвященная описанию чеченцев, 14 — Бойнаку, 43 — Акушам, 50 — арабам). Кроме того, «Примечания» ряда статей текстуально совпадают. Так, например, статьи 18, 19, 20, 21 имеют «Примечания», дословно совпадающие с «Примечаниями» статьи 17; статьи 24, 26, 27 — с «Примечаниями» статьи 22; 29 — с 28; 36 — с 35; 47 — с 46. Таким образом, из 59 статей 45 имеют «оригинальные», если так можно выразиться, примечания. К тому же раздел «Примечания» в отличие от других разделов не имеет единой для всех статей схемы. Здесь встречаются интересные и весьма ценные данные о происхождении титулатуры феодальных владетелей, сведения о происхождении встречаемых в статье этнонимов и топонимов, легенды об основании населенных пунктов и крепостей, сведения о быте, обрядах и обычаях, описания торговых путей, данные о внешнеполитической ориентации феодальных владений, сведения об антииранских выступлениях народов Дагестана и Азербайджана в 1712—1721 гг. и др. Эти же вопросы, хотя и не в такой же последовательности, излагаются в тексте, изданном Г. Ф. Миллером.

Тексты анализируемого источника сообщают чрезвычайно ценные исторические сведения о народах северо-восточного Кавказа, а именно: о русском населении — гребенских и терских казаках, об адыго-кабардинцах, о чеченцах, народах Дагестана, азербайджанцах, грузинах, армянах, арабах и др. Из 59 статей «Описания» народам Дагестана (проживающим на современной территории Дагестанской АССР) посвящены 32 статьи. 10 статей излагают сведения о народах Дагестана — аварцах и лезгинах, проживающих в Азербайджане и в Грузии. Следовательно, 42 статьи посвящены народам Дагестана и лишь 17 — кабардинцам, азербайджанцам и другим народам. Таким образом, наш источник дает сведения преимущественно о народах Дагестана. Это, очевидно, объясняется тем, что его автор продолжительное время находился в Дагестане. Нелишне повторить, что «все эти сведения как по своему содержанию, так и по тому времени, которым они датируются, представляют собой ценнейший историко-этнографический материал»³⁹. К сказанному стоит лишь добавить, что сведения о событиях, современником и очевидцем которых он был, представляют для нас наибольшую ценность. В ряде случаев эти сведения являются единственными данными, дошедшими до нас. Вместе с тем, как увидим ниже, некоторые сведения нашего автора неверны, другие не совсем точны, а третьи нуждаются в пояснении. Все это говорит, что и интересующий нас источник, несмотря на свою ценность, как и все другие письменные источники, нуждается в критическом анализе.

Имея целью облегчить читателю восприятие материала, мы несколько изменим очередность анализа статей нашего источника,

³⁹ Косвен М. О. Указ. соч., с. 276.

группируя их по принятым в настоящее время регионам: Северный Кавказ, Дагестан, Закавказье. Остается еще сказать, что для удобства текст «Описания стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.», изданный М. О. Косвенем, мы имеем просто «Описанием», а изданные Г. Ф. Миллером «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 году» — «Известиями». Храпящийся в Ленинградском отделении Архива АН СССР текст сочинения И. Гербера под названием «Beschreibung Derer auf der West Seiten der Kaspischen Seen Kurschen Astrachan und dem Flusse Kura befimlichen Provinzen Territorien, wie Eilbige in 1728 den Holl befaunden» мы называем сокращенно «Beschreibung».

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ

Изучение истории русского населения Северного Кавказа имеет чрезвычайно важное научно-популярное и практическое значение. Особенно оно необходимо для раскрытия русско-кавказских связей, так как этот регион издавна являлся местом, где славянские и кавказские народы стали соприкасаться впервые. Здесь же на протяжении многих десятилетий складывались и укреплялись добрососедские отношения между трудовым русским народом и горцами Кавказа. «В результате этого общения, вопреки проводимой царизмом политике разжигания национальной розни, постепенно развивалось то экономическое и культурное сближение народов Кавказа и России, которое привело впоследствии к более тесному сотрудничеству между ними во всех областях общественной жизни и культуры»¹.

Анализируемый нами источник открывается изложением сведений о своеобразной этнографической группе русского населения Северного Кавказа — терских казаках. В немецком тексте этот раздел называется «Von Casagen» («О казаках») и имеет два параграфа — «Grebenski casagen» и «Terski casagen». В «Описании» ему соответствуют две самостоятельные статьи — «Гребенские казаки» и «Терские казаки», в «Известиях» — объединенная статья «Казаки».

Прежде всего о самом термине «казак». В историко-этнографической литературе существует множество объяснений его происхождения. Однако большинство ученых в настоящее время сходится на том, что в тюркское слово «казак» первоначально «вкладывался социальный смысл: человек, по злой необходимости отделившийся от своего рода, племени, лишившийся своего скота и кочевий и потому ставший бродягой, скитальцем»². Ученые полагают, что ареалом первоначального распространения этого термина была современная территория Казахстана и соседних районов Узбекистана. В восточнославянские языки термины «казак», «казачество» проникли задолго до начала собственно «казачьей» истории, т. е. до XV—XVI вв., в том же социальном значе-

¹ Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного предкавказья в пореформенный период. М., 1957, с. 5.

² Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах». — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 144.

нии: «бездомник», «изгой», «вольный человек»³. Тогда же термин стал приобретать и другой смысл: «вольный человек», «удалец», «отважный молодец», «разбойник». В раннем средневековье термин этот проник и в языки Кавказа, где имел также несколько значений: 1) «вольный крестьянин»; 2) «наемный работник» (в этом значении и в древнерусском); 3) «воин-бродяга», «разбойник»; 4) «вольный поселенец южнорусских степей», «казак»; 5) племенное название (казах) — в осетинском языке⁴; «невольник», «мужик», «человек низкого сословия», «наемный работник», «слуга» — в дагестанских языках. «В языках Кавказа это слово имеется не только в значении «казак», но кое-где и в исходном значении «вольный крестьянин»... «крестьянин», также «молодец», «герой»⁵.

Хотя содержание термина «казак» в XIV—XV вв. несколько изменилось, все же оно оставалось в рамках традиционного, известного нам определения вольного, независимого человека, способного с оружием в руках защищать свою свободу, а также заниматься воинской службой, на работы, на промыслы⁶.

Со временем «казаками» стали называть всех тех, кто не припрятался со всевозрастающим феодальным гнетом на Руси и переселился на окраины государства, не подвластные центральной власти. И. Гербер, касаясь вопроса о переселении русских на северо-восточный Кавказ, подчеркивает, что переселенцы сначала состояли из беглых российских людей и казаков⁷.

Если причины переселения русских в район Терека не вызывают сомнения и все или почти все авторы считают, что в основе их бегства лежали причины социально-политического порядка, то вопрос о месте первоначального расселения все еще остается предметом изысканий и жарких дискуссий⁸. При этом спорящие, видимо увлекаясь, часто не доказывают выдвигаемого тезиса, а постулируют его, поскольку в их суждениях много моментов, требующих тщательной проверки и дополнительной аргументации. Результатом такой полемики является бесспорно одно: добавление новых мнений к давно бытующим в исторической литературе утверждениям.

Напомним, что местом первоначального расселения гребенских казаков дореволюционные историки (В. П. Татищев, И. Л. Дебу, В. Броневский и др.) считали то Сулак, то Сунжу, то Акташ,

³ Заседателева Л. В. Терские казаки. М., 1974, с. 24.

⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II. Л., 1973, с. 273.

⁵ Там же, с. 274.

⁶ Подробно об этом см.: Заседателева Л. В. Указ. соч., с. 29—31.

⁷ Beschreibung..., S. 3—4; ИГЭД, с. 60; Известия..., с. 11.

⁸ Виноградов В. Б., Магомедова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков.— СЭ, 1972, № 3; Мужухоев М. Б., Плиев А. А. Об одной попытке определения места первоначального расселения гребенских казаков.— ВИЧИ, 1976, т. X.

то левое или правое побережье Терека⁹. Касается этого вопроса и автор анализируемого труда, причем в текстах имеется разночтение. В «Известиях» подчеркивается, что гребенские казаки «стали жить в лежащих в той стороне горах, коих острые верхи причиною, что их гребенскими назвали»¹⁰. Это определение может быть истолковано по-разному. Понятие «та сторона» может означать и вообще северо-восточный Кавказ, и какое-то определенное место, находящееся за общезвестной и всеми понимаемой чертой. Ничего конкретного не дает определение «горы, коих острые верхи», так как гор с острыми верхами на северо-восточном Кавказе множество. В «Beschreibung» же и в «Описании» говорится: «когда оные (т. е. казаки.— В. Г.) еще воровские (т. е. непокорные царской власти.— В. Г.) люди были, имели оные свое прибежище и охранение под недалеко отсюда лежащими острыми горами, или гребнем»¹¹. На первый взгляд может показаться, что это утверждение полностью совпадет с вышеприведенным, но это не так. Если иметь в виду, что И. Гербер за точку, откуда начинал свой отсчет, брал крепость Св. Креста (местонахождение кавказской администрации того времени, главному начальнику которой, как увидим ниже, были подчинены гребенские казаки), то определение «недалеко отсюда лежащими» звучит иначе. Совершенно очевидно, что И. Гербер местом первоначального расселения гребенских казаков считал «ту сторону», находящуюся недалеко от крепости Св. Креста. На карте территорию, занимаемую казаками, он обозначил по левому берегу Терека. Очевидно, это территория, которую населяли казаки в первой четверти XVIII в., т. е. в период, когда составлялась карта И. Гербером.

Эти сведения совершенно недостаточны для точного определения места первоначального расселения казаков. Однако данные, содержащиеся в широко известном среди кавказоведов труде Л. Ригельмана, в своей основе составленном на материалах, собранных автором путем опроса старожил, дополняют и разъясняют сведения нашего источника. «Первоначальное убежище» казаков, говорится в нем, было «за Терек, в самой пынешней Кабарде и части Кумыцкого владения, в гребнях, в урочищах: голого гребня, в ущелье Павловым при гребне и ущелье Кап-лаковском и при Нимоновом дубе. Оные урочища звания свои получили от начальников тех беглецов». К этим сведениям добавлены ориентиры устья р. «Газы, впадающей в р. Урюф (Урух.— В. Г.), а она втекает в Терек, с левой его стороны, и назывались Кажаровцы, другая в Малой Кабарде ж, в самом ущелье

⁹ Подробно об этом см.: *Заседателева Л. Б.* К истории формирования терского казачества.— Вестник МГУ, 1969, № 3, с. 53—54.

¹⁰ Известия..., с. 11.

¹¹ Beschreibung..., S. 3; ИГЭД, с. 61.

Татар-Туповым, которое урочище стоит близ реки Терека, и ниже, впадающей в оной речке Аксе с левой ее стороны»¹². С этим текстом почти дословно совпадают данные архивного документа, изданного М. О. Косвенем¹³. В этом документе, представляющем «собой уникальное историко-этнографическое описание одной из групп русского народа»¹⁴, в отличие от вышеупомянутого труда А. Ригельмана, нет указаний на Кабарду и Кумыкию, но имеются сведения, объясняющие местонахождение Шименова дуба, «который и доныне ниже Балсур или Ортап реки, при Терке реке ж»¹⁵.

В исторической литературе делались попытки разъяснить смысл этих текстов, но окончательно решить этот вопрос, как нам представляется, все же не удалось. Вряд ли можно объяснить отсутствие в книге А. Ригельмана указаний на ориентир «Балсур или Ортап реки» только тем, что «Шименов дуб» мог не уцелеть в момент издания книги¹⁶. Допустимо, что дуб действительно не мог уцелеть, однако в таком случае гораздо логичнее было бы вовсе не упоминать о нем, но не опускать ориентиры, поясняющие его местоположение. Следует также объяснить, почему в книге А. Ригельмана появились не значащиеся в архивном документе указания на территорию Кабарды и Кумыкии. Нельзя же это относить за счет переписки или редакторской правки. Совершенно очевидно, что эти изменения внес в подготовленный к изданию текст сам автор. Если признать это, мы вынуждены будем также признать, что эти существенные дополнения к первоначальному тексту являются результатом дальнейшего пополнения знаний автора новыми данными.

Но каковы бы ни были причины появления этих сведений, их ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Тем более что урочище «Терека и ниже впадающей в оной речке Аксе» находится недалеко от крепости Св. Креста. А. Ригельман считал, что с указанного места казаки перешли на Сунжу. С этим согласуется и мнение И. Дебу. «До 1711 г., — писал он, — жительства имели они (гребенские казаки. — В. Г.) с горскими народами за рекой Терком при устье Сунжи»¹⁷.

О месте первоначального расселения гребенских казаков нет единства и во взглядах советских кавказоведов. Одно ясно: этот довольно запутанный и спорный вопрос можно решить только путем кропотливого анализа всей суммы имеющихся источников,

¹² Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846, с. 139.

¹³ Описание гребенских казаков XVIII в. — В кн.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 245—248. Сличение текстов произвели В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова (указ. соч., с. 33—34).

¹⁴ Косвен М. О. Указ. соч., с. 248.

¹⁵ Там же, с. 245.

¹⁶ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Указ. соч., с. 34.

¹⁷ Дебу И. Л. Описание Кавказской линии. СПб., 1829, с. 19.

в том числе фольклорных данных, с привлечением дополнительно историко-этнографического материала и особенно археологических изысканий. Но это задача будущего. Если же попытаться свести в единое целое все суждения, которые имеют хождение в исторической литературе относительно места первоначального расселения гребенских казаков, то оно может звучать примерно так: «Формирование гребенского казачества происходило в широком ареале от урочищ Голого гребня до междуречья Терека и Сунжи»¹⁸. И все же вопрос о месте первоначального расселения гребенских казаков еще предстоит уточнить.

Важнейший вопрос, как и каким путем происходило формирование казачества, как будто ясен. Все три текста нашего источника отмечают, что «опые сначала состояли из беглых российских людей и казаков»¹⁹. Это согласуется почти со всеми имеющимися в нашем распоряжении данными. Однако впоследствии гребенские казаки не любили вспоминать о причинах, побудивших их предков переселиться на Северный Кавказ. Обычно они говорили, что «весьма от давних лет по Терку реки жительство свое имеют, а каким случаем, по указу или без указу, при котором государе сначала поселились, того за давностью сказать не могут»²⁰. Конечно, «давность лет» здесь ни при чем, скорее всего здесь проявляется желание задним числом «реабилитировать» своих предков перед властями. Этими же мотивами объясняется и попытка некоторых наиболее царистски настроенных исследователей казачества доказать, будто первые переселенцы не были беглецами, а поселены здесь самодержавием.

Наш источник ничего не говорит, почему они были вынуждены бежать на Терек и когда именно это произошло. Однако вопросы эти имеют принципиальное значение. Касаясь этой проблемы, известный исследователь казачества И. Попков пишет, что в 1520 г. Московское государство окончательно присоединило Рязань, в связи с чем было решено часть недовольного населения княжества переселить в другой район государства. «Остракизм этот падал преимущественно на казаков Червленого Яра... Когда Московский наместник объявил рязанцам приказ о выселении в пределы суздальские, Червленый Яр замутился и разделился на два «круга»: в одном из них, люди пожилые и более зажиточные, приговорили покориться новой сильной власти... в другом же кругу — казаки молодые, несколько домовитые и к тому же бывалые... Шумно решили отправиться по знакомой дорожке на Дон и на Волгу». Переселение казаков на Терек не оспаривалось ни кумыками, ни кабардинцами. Более того, прибывшей вольнице были предложены под поселение земли «по правому берегу Сунжи выше впадения в нее Аргуна». Казаки же выбрали для поселения места «по предгорьям, или, как говорилось тогда,

¹⁸ *Заседателяева Л. Б.* Терские казаки, с. 187.

¹⁹ *Beschreibung...* S. 2; ИГЭД, с. 60; Известия..., с. 11.

²⁰ *Косвен М. О.* Указ. соч., с. 245.

по гребням, построили между ними городки: Червленый, Шадриц, Кордюковский, два Гладковских» и по месту своего поселения стали именоваться гребенскими казаками. Эта территория в низовьях Терека, где граничили земли кумыкских владетелей и кабардинских князей, представляла «приволье с превосходными зимними стоянками и обильными угодьями для рыболовства и охотничьего промысла»²¹.

В. П. Татищев, А. Ригельман, Н. М. Карамзин, И. Кравцов и ряд других авторов считают, что первые казаки на Терек пришли с Дона и Волги и на северо-восточный Кавказ переселились не ранее 1582 г. «Гребенские казаки,— пишет Бенковский,— не происходят от рязанских... Они происходят от донских казаков»²². «Мы,— писал И. Кравцов,— вполне согласны (с А. Ригельманом.— В. Г.) в главном, что предки гребенских казаков бежали с Дона около 1584 года от преследования воеводы Мурашкина, т. е. спустя более 30 лет после покорения Казани и Астрахани и по прошествии около восьми лет после построения на р. Тереке городка или острога-укрепления Терки, который они наши уже опустелым и его заняли»²³. Анонимный автор «Описания гребенских казаков» утверждает, что они происходили «от разных мест пришельцев»²⁴.

Этот сложный вопрос, как нам представляется, удачно решен в монографии Л. Б. Заседателевой. Указав, что в истории миграции устанавливается два способа переселения — последовательно-ползучее (т. е. постепенное продвижение с места на место) и единичное (когда метрополия отделена и между ней и местом переселения обычно имеется транзитный пункт), Л. Б. Заседателева подчеркивает, что «Терек как раз представляет собой пример единичной миграции, удаленной от метрополии», а транзитным центром, заключает она, был Дон «при заселении низовьев Волги, Янка и Терека». И этот «транзитный центр складывается в конце XV — начале XVI в.»²⁵.

Теперь остается выяснить время переселения гребенских казаков. Наш источник, как отмечалось выше, обходит молчанием этот вопрос. Мнения других авторов расходятся: одни полагают, что их самовольное переселение произошло в 1520 г., другие — в 1554 г., третьи — в 1563 г.²⁶ Думается, правы те авторы, которые считают, что переселение казаков в устье Терека совершилось до 1550 г.²⁷ Это подтверждается и тем, что в составе по-

²¹ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880, с. 12—13, 26.

²² Бенковский. Гребенцы. М., 1889, с. 6.

²³ Кравцов И. Очерки о начале терского казачьего войска. Харьков, 1882, с. 66.

²⁴ Косвен М. О. Указ. соч., с. 246.

²⁵ Заседателева Л. Б. Терские казаки, с. 178—179, 181.

²⁶ Попко И. Указ. соч., с. 13; Кравцов И. Указ. соч., с. 66.

²⁷ Кокиев Г. А. Сношение России с народами Северного Кавказа.— Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 67; Тогоев М. С. Взаимоотношение горских народов с первыми русскими поселенцами Се-

сольства пятигорских «черкас», прибывших в 1555 г. в Москву бить челом Ивану Васильевичу, находились депутаты от гребенских казаков²⁸. Депутация, как известно, была принята милостиво, Иван Грозный пожаловал их «рекою вольною Терекон Горынычем, от самого гребня до синя моря... до Каспицкого», и велел «служить там службу государскую, беречи новою свою Кабардинскую вотчину»²⁹.

С этого времени начался процесс подчинения казачества государственной власти. Казаки, выпущенные по причинам социально-политического порядка переселиться на Кавказ, постепенно включились в состав вооруженных сил России. Процесс этот, как увидим ниже, растянулся вплоть до начала XVIII в.

В 1567 г. Иван IV по просьбе кабардинского князя Темрюка поставил на р. Терек при впадении в нее р. Суужи городок с сильным гарнизоном, вооруженным «вогненным» боем, т. е. огнестрельным оружием³⁰. Нет никакого сомнения, что этот шаг Иван IV предпринял с далеко идущими целями. Сооружение крепости на Тереке и нахождение здесь русских войск сыграли положительную роль в истории народов северо-восточного Кавказа, так как послужили надежной защитой от турецко-татарских набегов. Как и следовало ожидать, возведение русской крепости вызвало сильное беспокойство в Османской империи и Крыму³¹.

Тогда же крымский хан предпринял безуспешную попытку покорить Кабарду и уничтожить крепость. Однако и после этого турецкий султан оказывал не раз на Россию дипломатический нажим, рассчитывая добиться ликвидации крепости Терки. На эти необоснованные притязания Иван IV отвечал: Терский городок сооружен по просьбе Темрюка «на его земле» для «его береженья... от недругов»³².

В 1569 г. турецкий султан и крымский хан предприняли поход на Астрахань, рассчитывая одновременно уничтожить крепость Терки и подчинить своей власти Северный Кавказ³³. Но добиться своего они не смогли.

В 1571 г. крымский хан вторгся в Россию, дошел до Москвы и «сжег ее»³⁴. Россия, будучи занята Ливонской войной и не же-

верного Кавказа.— Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та (Дзауджикау), 1948, т. XII, с. 142; *Заседателева Л. Б.* К истории формирования терского казачества, с. 55.

²⁸ ПСРЛ, т. XVIII (1-я половина), с. 259.

²⁹ *Попко И.* Указ. соч., с. 12—13; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 1. Тифлис, 1904, с. 9.

³⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1178, л. 3.

³¹ *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом (1578—1613 гг.). М., 1889, с. LXVI.

³² КРО, т. I, с. 20.

³³ *Погмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Пальчик, 1958, с. 147—148.

³⁴ ПСРЛ, т. XIII (1-я половина), с. 300—301; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948, с. 26, 430

Терский город 30-х годов XVII в.

лая осложнять отношения с Турцией и Крымом, решила «город с Терки-реки... снести... и людей своих вывести в Азсторохань»³⁵. После ухода гарнизона крепость заселили казаки. Султан и хан требовали вывести этих казаков, на что русское правительство отвечало, что на Дону и Тереке «живут воры, беглые люди без ведома государства и никого они не слушают, хотя бы вы их всех побили, нам стоят за них не за что»³⁶.

В 1572 г. крымский хан снова вторгся в Россию, но был разбит³⁷. (Небезынтересно отметить, что в битве у Пахры против османов принимали участие и кабардино-черкесы³⁸.) Это событие оказало известное влияние на русско-турецкие отношения. К тому же в 1578 г. за овладение Кавказом возобновилась борьба между Турцией и Ираном.

³⁵ Белокуров С. А. Указ. соч., с. XXV; КРО, т. I, с. 28.

³⁶ Попко И. Указ. соч., с. 31.

³⁷ Новосельский А. А. Указ. соч., с. 28—29, 430; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, с. 93.

³⁸ Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957, с. 25.

В сложной международной обстановке, сложившейся на Кавказе, Россия по просьбе кабардинских князей в 1578 г. восставила Терки³⁹. В 1579 г. на северо-восточный Кавказ переселилась часть казачества из Поволжья. По преданию, казаки решили покинуть насиженные места, боясь потерять свои вольности. Они разделились на три части: знаменитый Ермак Тимофеевич ушел в Сибирь, меньшинство направилось к Янку, а большинство — к Тереку⁴⁰. «Здесь русские казаки сошлись с подобными кабардинскими и кумыцкими сходцами и при впадении одного из рукавов Терека в море построили крепкий городок с пристанью. Городок этот имел обширный окоп в виде треугольника, почему назывался Трехстенный». Этот городок обследовал в 1930 г. Е. И. Крушинов. Согласно его данным, Трехстенный городок представлял из себя прямоугольник площадью около 2 га, образованный тремя земляными валами, охватывавшими городок с западной, южной и восточной сторон. Северная сторона вала не имела, здесь некогда было русло р. Терки.

Все валы города имели проезды, охраняемые башнями с бойницами. По углам городка были сооружены высокие насыпи также со сторожевыми башнями, имевшими бойницы. Согласно древнейшим преданиям, подчеркивает Е. И. Крушинов, в Трехстенном городке совместно с русскими жили и представители народов Кавказа — кумыки, ногайцы, кабардинцы и др.⁴¹

В 80-х годах XVI в. турецкий султан, одержав победу над Ирапом, настоятельно стал требовать уничтожения городков «казачков... чтоб ни один человек на Тереке и на Дону у Азова казачков не был», чтобы терские казаки не препятствовали войскам султана, направляющимся в Закавказье⁴². Более того, правящие круги Османской империи вынашивали планы нападения на Астахану и строительства на Тереке турецких крепостей⁴³.

В этих сложных международных условиях владельцы Северного Кавказа вновь обратились к России с просьбой защитить их и поставить на Тереке город⁴⁴. В 1588 г. в устье Терека близ моря вместо оставленного в 1584 г. был воздвигнут новый городок под тем же названием — Терки. Османская империя стала добиваться ликвидации этой крепости, но султану дали понять, что Россия не намерена спосить крепость⁴⁵. Строительство укрепленного городка со значительным числом стрельцов и учреж-

³⁹ КРО, т. I, с. 34, 47, 397, 437; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 1, с. 11.

⁴⁰ *Ржевусский А.* Терцы. Владикавказ, 1888, с. 13; *Покоренный Кавказ.* Владикавказ, 1901, с. 57.

⁴¹ *Крушинов Е. И.* Городище «Трехстенный городок». — СЭ, 1935, № 21, с. 124—129, 130.

⁴² КРО, т. I, с. 40.

⁴³ Там же, с. 35—46; *Смирнов Н. А.* Указ. соч., с. 35.

⁴⁴ *Белокуров С. А.* Указ. соч., с. 113—114.

⁴⁵ КРО, т. I, с. 66—68.

дение в нем терского воеводства поставили казаков Трехстенного городка перед дилеммой: подчиниться царской власти или вновь уйти в поисках новых мест. Уходить было некуда, и они оказались выпущенными подчиниться самодержавию. К тому времени старый городок был покинут волжскими казаками; большинство из них присоединилось к гребенским казакам, меньшинство же ушло в крепость Терки.

В самом конце XVI и особенно в XVII в. в связи с окончательным закрепощением крестьян в России еще больше усилился приток беглых, пополнявших ряды казачества на Тереке. Однако в XVII в., начиная с 1623 г., когда 30 атаманам и 470 казакам было установлено жалованье, заметно ускорился процесс превращения казаков в военное сословие. К началу XVIII в. казачество уже вошло в состав вооруженных сил России⁴⁶. Указом правительства от 22 декабря 1720 г. гребенские казаки были подчинены астраханскому губернатору⁴⁷. А позже, когда была воздвигнута крепость Св. Креста, все гребенские и терские казаки как «воинские люди» получали от государства «провиант и жалованье» и подчинялись главнокомандующему в крепости Св. Креста⁴⁸. К этому следует добавить, что терское низовое казачество отличалось от гребенского «большой примесью кавказского этнического элемента... и большей своей подвижностью»⁴⁹. Имелись некоторые различия и в их хозяйстве.

Говоря о занятиях гребенских казаков, И. Гербер в «Beschreibung» и «Описании» подчеркивает, что «воинские люди имеют при своих городках сады, луга и многое число пашен». В «Известиях» сказано только, что «они все люди военные»⁵⁰. Опущенный, видимо, в результате редакционной правки текст имеет принципиальное значение, так как дает хотя и очень краткие, но тем не менее очень важные сведения о хозяйственной деятельности гребенских казаков. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и эти данные не могут представить полную картину занятий казачества. Имеющиеся сведения убеждают в том, что гребенские казаки занимались земледелием: сеяли просо, кукурузу, сажали фруктовые сады и виноградники, выращивали шелковичные деревья, разводили марену⁵¹. Был у них и скот. «Скот содержат, — сообщает анонимный автор, — как лошадей, так и рогатую скотину, за горстком в кивах конх звание бизон»⁵². Занимались они также рыболовством, охотой и домаш-

⁴⁶ Кушева Е. П. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века). М., 1963, с. 292; Заседателева Л. Б. Терские казаки, с. 196—197.

⁴⁷ ИСЗ, т. VI, с. 277.

⁴⁸ Beschreibung..., S. 3—4; ИГЭД, с. 60—61; Известия..., с. 11—13.

⁴⁹ Заседателева Л. Б. Терские казаки, с. 195.

⁵⁰ Beschreibung..., S. 3; ИГЭД, с. 60. Известия..., с. 11.

⁵¹ Покко И. Указ. соч., с. 109—128.

⁵² Косвен М. О. Указ. соч., с. 247.

ними промыслами. В «каждой избе, — говорится в одном из документов, — женщины шелк делают»⁵³. Предметом обработки служили шерсть, дерево и другие материалы. Торговали гребенские казаки с Астраханью, городком Терки и горцами Северного Кавказа. Что же касается терских казаков, все три текста анализируемого источника говорят о них только как о воинах. Создается впечатление, будто терцы вообще не вели никакого хозяйства.

Уместно напомнить, что подобного рода суждения высказывали и другие авторы. И. Попко, например, утверждал, что терские низовые казаки предпочитали морской разбой и мало занимались хозяйством⁵⁴. Это ошибочное мнение. Побывавший здесь в первой половине XVII в. Ф. Котов свидетельствует, что «около города Терки садов много и в садах всяких овощей много»⁵⁵. Сады и огороды имелись и в других станицах и крепостях терских казаков⁵⁶. Это говорит о том, что терцы также занимались земледелием. Разводили они и скот. Большое место в хозяйстве терского низового казачества играло рыболовство, охота и бортничество. Тот же Ф. Котов свидетельствует, что «терские люди и тарковские кумачани и горские черкасы ловят рыбы на острове Чечень»⁵⁷. В Терки, пишет Е. Н. Кушева, было не только военнопослужилое население, «там жили... торговые люди, рабочие люди, обслуживавшие приходившие с моря бусы и стружки и рыбные промыслы»⁵⁸. Даже эти далеко не полные данные убеждают в том, что наш источник неточен в передаче сведений о хозяйственной деятельности терских низовых казаков.

И уж совсем неверны сведения И. Гербера о взаимоотношениях терско-гребенских казаков с горцами Северного Кавказа. В немецком тексте и в «Описании» указывается, что терско-гребенские казаки «всегда великую и непрестанную обиду терпели»⁵⁹. В «Известиях» эти сведения переданы в ином свете. Оказывается, казаки, получив прощение от российских государей, «обязались воевать против беспокойных татар»⁶⁰. Не останавливаясь на причинах возникновения этих разночтений, отметим, что обе эти выдержки создают неверное представление, будто между терско-гребенскими казаками и их соседями-горцами шла непрерывная и непримиримая борьба. Выше приводились факты, говорящие о том, что их переселению горцы не препятствовали и что казаки «скоро вошли в дружеские и даже родственные связи» с горцами Северного Кавказа, «от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже

⁵³ Там же.

⁵⁴ Попко И. Указ. соч., с. 11—12.

⁵⁵ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958, с. 33.

⁵⁶ Заседателяева Л. В. Терские казаки, с. 195.

⁵⁷ Хождение купца Федота Котова в Персию, с. 33.

⁵⁸ Кушева Е. И. Указ. соч., с. 292.

⁵⁹ Beschreibung..., S. 3; ИГЭД, с. 60—61.

⁶⁰ Известия..., с. 12.

жен певенчальных»⁶¹. Казаки, подчеркивает Ф. А. Щербина, поддерживали оживленные связи с горцами, и «чем отдаленнее было историческое время, тем прочнее были, по-видимому, эти связи. Русские князья женились на терских княжках; а русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе»⁶². Казачество стремилось поддерживать дружеские отношения с «горчанами», т. е. горцами⁶³. Говоря о взаимоотношениях с терскими казаками, горцы Дагестана в одном из своих писем коменданту Кизляра отмечали: «Попеже же имели мы с терскими казаками доброе обхождение и будучи в согласии как они, так и мы довольны»⁶⁴.

До нас дошел и ряд интересных чеченских преданий, рассказывающих о добрососедских отношениях казаков с чеченцами. В одном из записанных У. Лаудаевым в середине прошлого столетия преданий говорится, что в то время, когда чеченцы жили в горах, «русский сделался отцом страны... и что телега русских взошла на горы», и что «марушка (женщина.— В. Г.) русская ходила одна по черным и лысым горам»⁶⁵.

Основой установления и развития дружественных связей между казаками и горскими народами явилась взаимозаинтересованность в этом, а также известная взаимозависимость. «В Кумыках и Кабардах,— писал И. Попко,— были лучшие оружейники, сдельники, серебряники; казаки водили знакомство с такими людьми потому, что нуждались в их изделиях»⁶⁶. Они покупали у горцев лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, продукты скотоводства и земледелия, изделия кустарных промыслов: бурки, башлыки, комплекты специального кавказского военного снаряжения и другие предметы. «А на Тереке де покупают пуд пшеницы по гривне,— писал кн. Дмитрий Пожарский в 1614 г.,— а идет де на Терек пшеница из Кабарды и Кумык»⁶⁷. Взамен казаки отдавали соль, рыбу и рыбные продукты.

«Горец,— писал И. Попко,— любит путешествовать, видеть новые лица, новые обычаи, даже новые страны — не дальше двух-трех переездов копя. Еще больше любит он померяться даром слова с новым человеком, поболтать... и гребенской казак был к услугам, потому что знал его язык. У гребенского же казака мог он вкусить и запрещенной влаги...»⁶⁸

⁶¹ Попко И. Указ. соч., стр. 24.

⁶² Щербина Ф. А. История Кубанского Казачьего войска, т. 2. Екатеринодар, 1907, с. 337.

⁶³ Тхачаев И. Развитие ремесла и торговли в Кабарде XVIII в. Пальчик, 1960, с. 164.

⁶⁴ ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3533, л. 84—85.

⁶⁵ Лаудаев У. Чеченское племя.— ССКГ, 1872, вып. 6, с. 6, 36.

⁶⁶ Попко И. Указ. соч., с. 302.

⁶⁷ Акты исторические, т. III. СПб., 1841, с. 111.

⁶⁸ Попко И. Указ. соч., с. 302.

На основе растущих экономических связей зародилось и укреплялось куначество — этот своеобразный обычай кавказского побратимства. Сильно развитый среди горцев Северного Кавказа обычай куначества связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Горец считал своим долгом оказывать при надобности моральную и материальную помощь кунаку-казаку. Точно так же относились и терско-гребенские казаки к своим кунакам-горцам. Более того, они «гордились своей дружкой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению»⁶⁹.

Со времени расселения русских на северо-восточном Кавказе у них установились с их соседями горцами и родственные связи. «Гребенская жеппина, — писал И. Попко, — во множестве случаев была местного горского происхождения»⁷⁰. Брачные отношения между терско-гребенскими казаками оказали известное влияние на физический тип казака.

«Современное казачье население Терской области, — писал в 90-х годах XIX в. исследователь антропологии казаков Гильченко, не представляет собой какой-либо однородной племенной группы. Оно крайне разнообразно даже в отдельных кругах. В состав их вошли разнородные элементы...

Вследствие недостатка русских женщин казаки брали себе жен у соседей туземцев... Эти браки составляли в стародавнее время самое зауридное явление, и путем смешения образовался особый могучий тип гребенского казака... Поразительная физическая красота и крепость этого типа общеизвестна. В течение более чем 300-летней жизни среди различных кавказских племен происходила постоянная метизация путем браков и путем вековой совместной жизни. Сплошь и рядом среди казаков часто попадает тип красавца горца»⁷¹.

Одинаковые условия, многовековая совместная жизнь, частные дружественные контакты и родственные связи оказали известное влияние на формирование психического склада терско-гребенского казачества. «Психический склад терских казаков, считающихся частью русского народа, был более близок к психическому складу народов Северного Кавказа»⁷², — пишет В. И. Козлов. Горцы Северного Кавказа оказали известное влияние и на материальную культуру русских переселенцев. Казаки перенимали у них одежду, снаряжение, вооружение и прочее. «В платье обряды их (казаков. — В. Г.), — сообщает автор XVIII в., — не сходны с великороссийскими, на черкесский ма-

⁶⁹ Записки терского о-ва любителей казачьей старины. (Екатеринодар), 1914, № 2, с. 74.

⁷⁰ Попко И. Указ. соч., с. 114.

⁷¹ Терские ведомости, 1892, № 124.

⁷² Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969, с. 40.

нер в чекменях ходят...», в убранстве дома «не весьма против великороссийского построения сходственного чтобы быть могло», внутри домов «делают широкие лавки... по азиатскому [манеру] обыкновению в подобие полатей, токмо весьма низкие, в довольных постелях и подушках, на которых убранные наволочки из разных шелковых материев и лоскутков шахматно с пестротою шьют и надевают, и на тех лавках сундуки и коробьи ставяют. Збруя их казачья, пищали с подошками, сабли, пашки, дротники и барошен, седлы, которые обыкновенно содержат черкесские, в тех сенях по стенам развешивают...»⁷³ От горцев Северного Кавказа, подчеркивает В. Потто, «казаки скоро заимствовали... не только боевую привычку и тактику, но приняли их вооружение, посадку и даже одежду, которая с тех пор и осталась народным костюмом кавказского казака до настоящего времени. Не довольствуясь этим, казаки постарались усвоить себе горские наречия, обычаи и многие черты характера и домашнего быта»⁷⁴.

В свою очередь русские переселенцы оказали известное влияние на горцев. Оно шло в двух направлениях: по линии духовной и значительно сильнее по линии материальной культуры⁷⁵. Интересные материалы о влиянии гребенских казаков на материальную и духовную культуру горцев приводят в своих сочинениях советские кавказоведы.

Было бы, однако, неверно утверждать, что взаимоотношения казаков с горцами Северного Кавказа всегда оставались добрососедскими. Бывали времена, когда они становились неприязненными. Такой характер они стали принимать в конце XVIII и первой половине XIX в. И в этом решающую роль сыграла разделяющая народы рука самодержавия. Даже дворянско-буржуазный историк П. Г. Бутков писал: «В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтобы для пользы Кавказского края ссорить между собой разных кавказских народов»⁷⁶.

Начавшийся в 80-х годах XVIII в. процесс превращения казачества в военное сословие в первой половине XIX в. усилился, огромное их большинство было вовлечено в систему вооруженных сил. Казакам было вменено в обязанность нести охрану кордонных линий и участвовать в карательных экспедициях. Вследствие этого «молодые силы казачеств, которые когда-то па-

⁷³ Косвен М. О. Указ. соч., с. 246—247.

⁷⁴ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. 1. СПб., 1885, с. 101.

⁷⁵ Кокиев Г. А. Указ. соч., с. 75—79; Тотоев М. С. Указ. соч., с. 150—152; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; *Он же*. Из истории великой дружбы.— ВИД, 1975, вып. II; Гриценко Н. П. Экономические связи России с Северным Кавказом.— ЧИНИЯЛ, т. II. Грозный, 1960.

⁷⁶ Бутков П. Г. Материалы по Новой истории Кавказа, ч. II. СПб., 1862, с. 111.

рили в зените свободы, превращались постепенно из граждан в профессиональных воинов»⁷⁷.

С превращением казаков «в оплот государственных интересов» самодержавие, имея целью разжечь вражду между ними и горцами, щедро наделяло казаков землей и делало все, чтобы внушить им мысль о превосходстве над горцами, старалось убедить, что рост их благополучия зависит от «усмирения» и «покорения» горцев. Немалую роль в разжигании вражды к казакам сыграли и представители местного мусульманского духовенства — «благочестивые таррикатисты», которые возбуждали в мусульманах вражду к христианам. Все это, а также особенно Кавказская война нанесли весьма серьезный удар по добрососедским отношениям горцев с русским населением Северного Кавказа. Однако представлять XVIII и начало XIX в. периодом сплошной вражды между терско-гребенскими казаками и горцами неверно. Если случайные факты не принимать за целое, то следует признать, что взаимоотношения русского населения Северного Кавказа с горцами в XVIII в. остались мирными⁷⁸. Связи русского населения Северного Кавказа с горцами не прервались и в период Кавказской войны. «Чтобы не показалось странным,— писал И. Попко,— как могут происходить на одном и том же рубеже и война и торговля, довольно сказать, что у горцев нет соли, а у казаков нет лесу... Так вот, вследствие обоюдного лишения в предметах первейшей потребности для существования... между казаками и горцами завязывались торговые связи»⁷⁹. «Я крайне удивлялся,— говорил один из царских военачальников,— той привязи казаков к туземцам и искреннему желанию их способствовать в сближении туземцев с гражданственностью, которое проявлялось и проявляется казаками»⁸⁰. Великий русский писатель Л. Н. Толстой правдиво показывает отношение рядовых казаков к горцам. «Казаки,— писал он в разгар Кавказской войны,— уважают врага — горцев и стремятся паладить с ним добрососедские отношения»⁸¹.

«ЧЕРКАСИЯ ГОРСКАЯ»

Со строительством новой крепости у Аграхани горские выходы, проживавшие вблизи крепости Терки, вместе со всем гражданском были переведены в крепость Св. Креста. Сведения о них изложены в параграфе «Черкасы, народ» в разделе «Czircasia Gorskaja» («Черкасия горская»). В «Известиях» этот раздел опу-

⁷⁷ Киров С. М. Статьи и речи, доклады. М., 1936, с. 47.

⁷⁸ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 41.

⁷⁹ Попко И. Черноморские козаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858, с. 122—123.

⁸⁰ Фадеев А. В. Указ. соч., с. 104.

⁸¹ Толстой Л. Н. Собрание художественных произведений. М., 1948, с. 250—251.

щеп. Ниже мы узнаем, что И. Гербер горскими черкесами называет кабардинцев. Очевидно, называя всех горских поселенцев у крепости Св. Креста черкесами, наш автор хотел подчеркнуть, что они — выходцы из Кабарды. Именно поэтому он отмечает, что у них «свой особый черкесский язык». Верно, что среди горских поселенцев было много кабардинских выходцев. Но и то верно, что среди них имелись и представители других народов северо-восточного Кавказа. И об этом нельзя забывать при использовании сведений рассматриваемого источника.

У крепости Св. Креста горские поселенцы, как сообщает И. Гербер, «построили себе городок... который укреплен рвом и валом земляным»⁸². Поскольку территория, на которой был построен этот «городок», принадлежала Тарковскому владению, шамхал Адиль-Гирей желал подчинить своей власти горских поселенцев.

Однако еще в августе 1722 г., до строительства крепости Св. Креста, Петр I ответил отказом на просьбу шамхала поручить ему управление горцами, поселившимися у крепости Терки. «Понеже,— писал Петр I,— город Терек для наших российских подданных, живущих в нем издревле, всегда был под правлением наших астраханских губернаторов. И для того ныне иному оному в правление быть кроме астраханского губернатора не возможно, однако же о других народах, ежели иные есть и прежде всего не бывали при Терках, повелено от нашего императорского величества будет рассмотря и что прилично под управление вам отдать»⁸³.

В декабре того же 1722 г. шамхал Адиль-Гирей вновь обратился к Петру I. «Высоким своим милосердием,— писал он,— обещать соизволили мне управительство над Акочанами и Черкасами, и понеже оное управительство ныне никому не дано, того для покорно прошу в.и.в., чтоб я ныне оным пожалован был»⁸⁴. И на этот раз на просьбу шамхала Петр I ответил вежливым отказом⁸⁵.

Правителем над горцами, поселившимися у крепости Св. Креста, был назначен младший брат сподвижника Петра I, Александра Бековича-Черкасского, участник прикаспийского похода русских войск подполковник Эльмурза Черкасский⁸⁶. В челобитной к императрице Анне Ивановне он писал: в 1727 г. «пожалован я в подполковники и повелено мне над нерегулярными аульными и переведенными с Терека окочанями, казаками и прот-

⁸² ИГЭД, с. 65.

⁸³ РДО, с. 252.

⁸⁴ РДО, с. 272.

⁸⁵ РДО, с. 275.

⁸⁶ КРО, т. II, с. 34; История Кабардино-Балкарской АССР, т. I. М., 1967, с. 165; Подробно о Черкасских см.: Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965, с. 41–51.

чим команду иметь»⁸⁷. Он находился в подчинении командующего крепости Св. Креста.

Точное число поселившихся у этой крепости нам неизвестно. Наш источник свидетельствует, что «опые состоят в 200 до 300 фамилий»⁸⁸. Надо полагать, что И. Гербер под словом «фамилия» понимает семью. Но и в этом случае число постоянно живущих здесь поселенцев, быть может, доходило до тысячи человек. И что особенно важно, этнический состав населения «городка» был неоднородным: оно состояло из представителей Кабарды, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Грузии, Армении и других мест. Это неоспоримо.

Остается выяснить, насколько прав наш автор, говоря, что горские поселенцы «самовольно сюда приехали жить, и к опым еще по малу жить же збираются»⁸⁹. Это утверждение как будто находится в явном противоречии со всеми вышеприведенными сведениями. Однако при более внимательном анализе источника выясняется, что И. Гербер в данном случае имел в виду постоянный рост числа «самовольно» приезжавших горских выходцев. И в этом он глубоко прав. Но говорить обо всех поселенцах как о «самовольно» переехавших в городок у крепости Св. Креста неверно.

Сведения нашего источника о хозяйстве горских поселенцев очень отрывочны, но тем не менее представляют большую ценность. По ним, по крайней мере, можно судить, что у крепости Св. Креста горцы завели свое хозяйство. Занимались они скотоводством, торговлей и различного рода промыслами. Особого внимания заслуживает свидетельство И. Гербера о том, что у «черкасов», живших близ крепости Св. Креста, одно из ведущих мест занимала торговля. Это свидетельство тем более важно, что когда речь идет о торговле в крепости Св. Креста, обычно полагают, что ею занимались только русские, армянские и грузинские купцы.

Податей, как утверждает И. Гербер, они никому не платили, «токмо припуждены воинскую службу отправлять» со своим оружием и снаряжением; и хотя все они были приписаны к нерегулярным войскам, все же при возникновении необходимости «опые первые» выступали. И действительно, они активно участвовали в операциях царских войск. Известно, например, что в 1730 г. генерал Румянцев «отправил 1000 человек нерегулярного войска под команду подполковника Черкесского (Эльмурза Черкаский. — В. Г.) и велел ему остановиться в гребенских городках при границах Российских», чтобы предупредить наступление войск крымского хана. «Что за тою посылкою, — заключал свое донесение Румянцев, — при крепости Святого Креста, почитай, не

⁸⁷ КРО, т. II, с. 42.

⁸⁸ ИГЭД, с. 65.

⁸⁹ Там же.

единного человека нерегулярных не осталось»⁹⁰. При этом, кроме самого Эльмурзы Черкасского и «к нему приставленного», никто от государства никакого жалования не получал. Только за особые услуги и отличия, говорится в документе, «дается такому подарок». Во всех остальных случаях они должны были довольствоваться «добычею, которую оные от неприятеля достают»⁹¹.

Говоря об отправлении воинской службы горцами, их предводитель Эльмурза Черкасский в письме от 10 сентября 1730 г. императрице Анне Ивановне писал: командуя над «не регулярными аульными и переведенными с Терка окочапами, козаками и протчими... и непрестанно в партиях и командах от крепости Святого Креста со обретающимися при мне узденями бываю, а определенным мне по указу в.и.в. прежним жалованьем пробыть невозможно; и имеютца при мне узденей немалое число, которыя служат без жалованья и ко услугам в.и.в. непрестанно употребляютца, которых снабдеваю от себя лошадьми и ружьем, отчего пришел в мизерию и скудость. К тому же вновь приезжают ко услугам в.и.в. черкасы и с протчих мест разные люди и для их содержания награждать мне нечим». И далее: просим наградить «...жалованием и со обретающимися при мне узденями из здешних доходов»⁹². Челобитная Эльмурзы Черкасского была рассмотрена 23 января 1731 г. в секретной экспедиции Коллегии иностранных дел, и решением Тайного совета он был пожалован в полковники с ежегодным жалованьем 1000 руб. Позднее ему был присвоен чин генерал-майора и жалованье соответственно увеличено⁹³. Что же касается рядовых ополченцев, они по-прежнему несли воинскую службу бесплатно. При этом некоторых из них использовали и в качестве провожатых, и даже лазутчиков⁹⁴.

Однако в 1735 г., с ликвидацией крепости Св. Креста, горские выходы были переведены за р. Терек.

«ТЕРСКИЕ ИЛИ АУЛЬНЫЕ»

Поблизости с терскими казаками, согласно нашему источнику, проживали именуемые И. Гербером «In Terskie und Auhlnie Tataren» («Терские или аульные татары»). В «Известиях» раздел «Татары» начинается с описания этого населения. Но кто эти «терские или аульные»?

В том же регионе, где помещает наш автор это население, задолго до XVIII в., как известно, существовало Тюменское кня-

⁹⁰ КРО, т. II, с. 41.

⁹¹ ИГЭД, с. 65.

⁹² КРО, т. II, с. 42.

⁹³ АВВР, ф. Кабардинские дела, 1730, д. 2, л. 15—16; КРО, т. II, с. 155, 384.

⁹⁴ КРО, т. II, с. 63—64.

жество. Правда, исследователи до сих пор спорят о границах этого владения, но ни у кого не вызывает сомнения, что оно располагалось по Тереку⁹⁵. Считается установленным, что «до появления русских укреплений в низовьях Терека Тюменское княжество занимало дельту р. Терек и левобережье нижнего течения р. Сулак»⁹⁶. Дискутируют исследователи и об этнической принадлежности тюменцев. Одни склонны считать их предками погайцев, другие готовы признать их половцами, третьи — кумыками⁹⁷.

Оригинальное мнение по этому поводу, с которым трудно не согласиться, высказывает Л. И. Лавров: «Если верить Абу-л-Гази, — пишет он, — что часть половцев в XIII в. бежала от монголов в юрт «Туманов»⁹⁸, что уже в XV—XVI вв. в Тюмени было оседлое население и, наконец, что... еще в VIII в. в северном Дагестане существовало феодальное владение Туман..., то можно полагать что тюменцы — это не только доногайские, но, возможно, еще и дополовецкие тюрки»⁹⁹. Весьма перспективным представляется нам и мнение Л. И. Лаврова о времени возникновения Тюменского княжества. Проанализировав сообщения арабоязычных авторов Баладзори, ат-Табари, Ибн-ал-Асира и других, а также большое число кавказоведческих работ, Л. И. Лавров пишет, что исследователи, которые локализируют «царство Туман» арабоязычных источников на территории лаков, «исходят от формального сходства — термина «туман» с аварским названием лакцев «тумал»». К этому стоит лишь добавить, что исследователи, основываящие свои суждения на созвучии указанных терминов, ощущают большое неудобство и в том, что сами они на той же территории лаков помещают еще одно царство — «Гумык»¹⁰⁰. «Вероятное местонахождение Тумана в северном Дагестане, — заключает Л. И. Лавров, — сходство названия его с названием Тюмени и тюркский характер этого термина говорят в пользу идентификации Тумана арабских авторов IX—XIII вв. с населенной тюрками кавказской Тюменью XV—XVI вв.»¹⁰¹.

Отсутствие в источниках сведений в XIII—XIV вв. о Тюмени Л. И. Лавров склонен объяснить тем, что крупные события, следовавшие за арабским нашествием, происходили в стороне от Тюмени. Но это не значит, что данный термин вовсе исчез. В источниках в XIV в. встречается упоминание о «стране туме-

⁹⁵ КРО, т. I, с. 391; История Дагестана, т. I. М., 1967, с. 248.

⁹⁶ Лавров Л. И. Кавказская Тюмень. — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976, с. 165.

⁹⁷ Кочеев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие погайского общества в XIX — начале XX в. Алма-Ата, 1973, с. 32; Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 28.

⁹⁸ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази-хана хивинского. М. — Л., 1958, с. 44.

⁹⁹ Лавров Л. И. Кавказская Тюмень, с. 164.

¹⁰⁰ История Дагестана, т. I, с. 126.

¹⁰¹ Лавров Л. И. Кавказская Тюмень, с. 167.

нов» и «тум». Однако вопрос об отождествлении этих терминов с кавказской Тюменью нуждается в дальнейшей аргументации¹⁰².

Более достоверные сведения о Тюмени появляются в источниках со второй половины XV в.¹⁰³ По их больше в документах XVI в. Из них мы узнаем, что в 1549 г. «Тюмень и Черкасы здались» погайскому мурзе, а уже в 1550 г. «тюменский шавкал» выступал против погайского мурзы¹⁰⁴. В 1555 г. к Ивану IV прибыли послы шамхала и тюменского князя и, как свидетельствует источник, «дань же на себя кладут и на службу на государеву ходити хотят с государевыми воеводами вместе»¹⁰⁵. В 1556 г. воеводы Черемысов и Колунаев доносили царю из Астрахани, что к ним «была присылка о мире и о торговле от владетелей из Шемахи, Шевкал и Тюмени и они (воеводы.— В. Г.) по государеву наказу послали к ним служилых татар»¹⁰⁶. В 1557 г. в Москву прибыло посольство от шамхала, крым-шамхала и тюменского князя «с поминки бите челом, чтобы государь пожаловал их и велел быти в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы астороханским воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людем дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велить к себе прислати, ино все то к государю присылати станут ежегод»¹⁰⁷. В 1588 г. по просьбе кабардинских князей в дельте Терека, на его притоке Тюмени, был построен г. Терки, который документы того времени иногда называют «Тюменский город». В 1589 г. прибывшие в Москву послы шамхала и тюменского князя добивались, чтобы Русское государство защищало их от кабардинских князей¹⁰⁸. В свою очередь кабардинские князья жаловались на шамхала и тюменского князя. Очевидно, просьба кабардинских князей Москвой была удовлетворена. В 1560 г. «на Шемкал и на Тюмень ходил воевода И. Черемысов»¹⁰⁹.

В документах конца XVI — начала XVII в. неоднократно встречается упоминание о Тюмени и тюменском князе¹¹⁰.

¹⁰² Криштопа А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане.— В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений, вып. 1. Махачкала, 1970, с. 113.

¹⁰³ Путешествие в Тапу Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. Пер. В. Семенова. СПб., 1863, с. 14; Сб. РИО, т. 41, с. 84, 358.

¹⁰⁴ Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1793, ч. 8, с. 127—129.

¹⁰⁵ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 51.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. XIII (1-я половина), с. 248; КРО, т. I, с. 5.

¹⁰⁸ ПСРЛ, т. XIII (2-я половина), с. 331, 322; Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II. СПб., 1893, с. 27, 43, 53, 347.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. XIII (2-я половина), с. 324; Книга Степенная, ч. II. М., 1775, с. 295; КРО, т. I, с. 8.

¹¹⁰ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 76, 79, 91, 93; КРО, т. I, с. 57, 59; Веселовский Н. И. Указ. соч., т. I. СПб., 1890, с. 362; т. II, с. 48.

В 1625 г. вместе с владетелями Засулакской Кумыкии «тюменские мурзы Маймет-Мурза Тотуев, да Черкас-Мурза Салтанаев, да Каи-Мурза Алкасов, да Алир-Мурза Ракаев били челом» московскому царю с просьбой, чтобы «велил ими быти под своею царское высокою рукою в холопстве»¹¹¹. В 1641 г. тюменский владелец Айтек-Мурза Салтанаев вновь присягал на верность Москве¹¹². Кажется, со второй половины XVII в. Тюменское владение уже не упоминается.

«В XVI в., — говорится в коллективном труде «История Дагестана», — на территории Засулакской Кумыкии образовалось Тюменское владение Мамай Агишева, основным населением которого были погайцы и тюменские татары, живущие у урочища Бурунчук. Однако со строительством русской крепости Терки это владение прекратило свое существование, а население в основном расселилось по Засулакской Кумыкии»¹¹³. В этом утверждении допущено сразу несколько ошибок. Из вышеприведенного материала видно, что Тюменское владение образовалось задолго до XVI в. и не распалось со строительством крепости Терки, а Мамай Агишев, как показал Л. И. Лавров, не был правителем Тюмени и лишь претендовал на это¹¹⁴. Трудно также согласиться с тем, что с распадом владения тюменцы сразу расселились по Засулакской Кумыкии. Правда, ряд сведений, в основном устных, указывает на то, что в Эндерее и в других местах проживали тюменцы и их считают даже чуть ли не основателями этого селения¹¹⁵. В Эндрейауле были кварталы, которые назывались Тюмень-чагъар, Тюмень-баш или Темир-чогъар-аул¹¹⁶. В сел. Аксай встречается тухум, именуемый Тюменлер¹¹⁷.

В свете вышеприведенного материала становится очевидной правота утверждения нашего автора, что «оние татары еще происходят от старых жителей подле реки Терек». А со временем, когда они разделились на несколько «бесед» (обществ), «т. е. по их языку аулы», разъясняет И. Гербер, всех их стали называть «аульными татарами»¹¹⁸. В начале XVIII в., согласно свидетельству И. Гербера, обитали они «около Терек в недалёком расстоянии»¹¹⁹. Причем, продолжает он, «малое число имеет деревень и домов близ Терек, а большая часть живут в кибитках, как погайцы»¹²⁰. Согласно тексту «Известий», часть их жила в окруженных земляным валом деревнях¹²¹.

¹¹¹ РДО, с. 79.

¹¹² Там же, с. 153.

¹¹³ История Дагестана, т. I, с. 248.

¹¹⁴ Лавров Л. И. Кавказская Тюмень, с. 166.

¹¹⁵ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961, с. 193—194.

¹¹⁶ Федоров Г. С. К вопросу о местонахождении столицы Хазарского каганата — г. Семендера. — ВИД, 1975, вып. II, с. 307.

¹¹⁷ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 285.

¹¹⁸ ИГЭД, с. 62.

¹¹⁹ Там же, с. 61.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Известия..., с. 14.

Тюмень еще в XVI в. была присоединена к России. На это обстоятельство указывает и наш автор, говоря, что «состоит в подданстве... под Российской империи с построении крепости Терка». Вместо податей жители Тюмени были обязаны по требованиям кавказской администрации «подводы давать и всякую посылку», а при необходимости и «воинскую службу отправлять». Надо полагать, что, по крайней мере, часть упоминаемых в документах XVI—XVIII вв. гонцов к владетелям Дагестана, толмачей и лазутчиков были тюменцы.

Крайне кратки, но по-своему интересны сведения нашего источника о занятиях населения. Следует особо подчеркнуть, что это один из малоизученных вопросов истории и этнографии Северного Кавказа. Поэтому даже отрывочные данные нашего источника чрезвычайно ценны. Они позволяют заключить, что ведущим в хозяйстве жителей описываемого региона северо-восточного Кавказа было разведение крупного рогатого скота (надо полагать, что это не исключает и того, что они занимались овцеводством, а также полеводством). Выясняется также, что «терские татары» занимались и рыболовством, причем не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Наш автор подчеркивает, что рыбу «солят, сушат и татарам в горы продают»¹²². Уже одно это говорит, что занимались они и торговлей.

КАБАРДА

В анализируемом источнике в разделе, озаглавленном «Von der Czircasia, Gorskaja» («Черкаса горская»), два параграфа названы «Sabarda inferior», («Кабарда нижняя») и «Sabarda superior» («Кабарда верхняя») ¹²³. Ясно, что в обеих статьях, как замечает сам автор, речь идет об одном кабардинском народе.

Известно также, что для обозначения кабардинцев употребляли два этнонима: «адыге» и «черкес» («адыге» — самоназвание народа, а «черкес» — иноязычный термин). Еще Д. Интериано, автор второй половины XV — начала XVI в., писал: «Зихи, называемые так на языках: простопародном (Volgare, т. е. итальянском), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесами, сами себя называют — «адига»¹²⁴. Черкесами, пишет Э. Кемпфер, их называли турки¹²⁵. Термин «черкес» зафиксирован источниками не ранее XIII в. Мы встречаем его у Вильгельма Рубрука, Плано Карпини, Абул-Феда, Иосафата Барбаро, Иоганна Шильбергера¹²⁶ и др. Как справедливо полагают

¹²² ИГЭД, с. 62.

¹²³ Там же, с. 65—68; Beschreibung..., S. 10.

¹²⁴ АВКИЕА, с. 46.

¹²⁵ Там же, с. 114.

¹²⁶ Там же, с. 34—38.

исследователи, этот термин мог возникнуть лишь после того, как монголо-татары, нанеся сильное поражение аланам в 1238—1239 и 1247—1248 гг., оттеснили их в горы, а в Предкавказье расселились тюркоязычные народы. С этого времени и этнические названия северокавказских народов и этнографических групп стали распространяться и фиксироваться в источниках через призму тюркских языков. «Представляется вполне вероятным,— пишет Н. Г. Волкова,— что этноним черкес, возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов, был воспринят лицами, посетившими Северный Кавказ, а от них вошел в европейскую и восточную литературу»¹²⁷. Со временем, особенно в XIX в., понятие термина «черкес» намного расширилось: им стали обозначать чуть ли не все горские народы Северного Кавказа, в том числе и Дагестана. Но наш автор этим термином обозначает только кабардинцев.

И Гербер широко пользуется термином «Кабарда». Что же касается этнонима Кабарда (Къэбэрдэй, Къэбэртай), то, кажется, его в форме Кертибея впервые употребил И. Барбаро. Страной, в которую он прибыл после трехдневного пути из Таны, по его свидетельству, «управляет государь по имени Беберды, т. е. «богом данный», сын Кертибея, т. е. «истинного властителя»»¹²⁸.

Продвижение части адыгов на юго-восток, в район Пятигорья, произошло не позже XII—XIII вв. Формирование кабардинского народа началось до их перехода на нынешнюю территорию, в бытность на северо-западном Кавказе. Кабардинский язык был в то время диалектом общеадыгского языка¹²⁹. Л. И. Лавров считает, и не без основания, что в термине «къэбэрдэй» частица «берды» взята из тюркских языков и «оформлена окончанием «эй», являющимся показателем принадлежности. «Къэбэрдэй» — это то, что принадлежит Кабердыю. Поэтому народное толкование термина «къэбэрдэй» как производного от личного имени является более реальным...»¹³⁰.

Разделение Кабарды на Большую и Малую произошло, писал Ш. Б. Ногмов, при князе Шолохе Таусултанове. Ему после определенной борьбы удалось привлечь на свою сторону несколько старшин, а те, «не ведя о том переговоров, без согласия владельцев, со своими аулами внезапно отделились в пользу Таусултанова поколения, и князь Шолох увел их за реку Терек и поселил на правом берегу... Земля этих переселенцев,— заключает Ш. Б. Ногмов,— и доныне носит название Малой Кабарды, или Таусултании»¹³¹.

¹²⁷ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 25.

¹²⁸ АБКИЕА, с. 42.

¹²⁹ История Кабарды, т. 1. М., 1961, с. 81.

¹³⁰ КСИЭ, 1959, вып. 32, с. 20.

¹³¹ Ногмов Ш. Б. Указ. соч., с. 131.

Несколько иначе изложены события, связанные с образованием Малой Кабарды, в документе, составленном в 1748 г. некогда кабардинский народ, говорится в нем, «был под единым владельцем, называемым Ипалом. Со временем «вошло в обычай», согласно которому преемником владетеля становился старший из его братьев, если же такового не было, то старший сын умершего, а все остальные князья должны были жить при нем и содержание свое получать от него, и для того быть у него в послушании». Однако не всегда престолонаследие завершалось мирно. Нередко между претендентами разгоралась междоусобная борьба. В итоге несколько кабардинских князей оказались вынужденными переселиться в Россию. «Да и на месте оставшие владельцы разделились натрое. И первые по-прежнему остались на Баксане, а другие стали жить у Татартюца, а третьи перешли за реку Кубань, в тамошние горы. И первые из них назывались Большая Кабарда, а другие Малая Кабарда»¹³².

Как видим, приведенные тексты главной причиной разделения некогда единой Кабарды на Малую и Большую считают междоусобицы феодальных владетелей. Безусловно, борьба между претендентами за владельческие права сыграла значительную роль в разделении Кабарды, но все же основную причину этого явления следует искать в социально-экономическом и политическом развитии страны. Попытки объединить Кабарду в «60-х годах XVI в. при кн. Темрюке Идарове или на общекабардинских съездах 80-х годов в XVI в. не дали результатов. Кабарда оставалась разделенной на мелкие феодальные владения. К XVII в. сложилось разделение Кабарды на Большую и Малую»¹³³. Название «Малая Кабарда» впервые засвидетельствовано в грамоте 1647 г. «кабардинских мурз Алегую Шеганукова и Ходокшуки царю Алексею Михайловичу»¹³⁴. В последующих документах фигурируют обе Кабарды. Малая Кабарда занимала равнинную территорию между левым притоком р. Терек Урухом и правым берегом Терека. Согласно «Описанию населенных мест Большой и Малой Кабарды, составленному геодезистом Степаном Чичаговым», и составленной им же в 1744 г. карте, Малая Кабарда объединяла 41 деревню и 2 княжеских двора, а Большая Кабарда, занимавшая северные склоны Кавказского хребта от Эльбруса на восток до рек Малки и Терека, — 74 деревни и 8 княжеских дворов¹³⁵. На вопрос, как велики владения Малой Кабарды, посол Магомет Атажукни 7 марта 1732 г. в Коллегии иностранных дел ответил, что и «владение их людетвом против Большой Кабарды только разве четвертая или пятая часть быть может. А переезду от Большой до Малой Кабарды — один день»¹³⁶.

¹³² КРО, т. II, с. 152—153.

¹³³ История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 106.

¹³⁴ КРО, т. I, с. 286; Кушева Е. И. Указ. соч., с. 92.

¹³⁵ КРО, т. II, с. 113—114.

¹³⁶ Там же, с. 58.

По другим, уточненным данным, в середине XVIII в. в Кабарде насчитывалось 129 поселений (119 деревень и 10 княжеских дворов) и около 13 тыс. дворов с численностью населения 130—160 тыс. чел. Из них в Малой Кабарде было 45 деревень и 2 княжеских двора, в Большой — 74 деревни и 8 княжеских дворов¹³⁷.

Однако ряд исследователей считает, что во второй половине XVI и в XVII в. район Пятигорья уже не был местом постоянного жительства кабардинцев. Источники этого периода, пишет Е. Н. Кушева, не упоминают там кабардинских селений — «кабаков»¹³⁸.

Это мнение вызывает возражение других авторов. Прежние границы Кабарды, пишет Т. Х. Кумыков, «тянулись от горы Бештау до устья р. Сунжи, вплоть до кумыкской плоскости. В XVI—XVII вв. Кабарда именовалась «Пятигорскими черкесами». Это наименование говорит о том, что район Пятигорья входил в состав Кабарды. Аргументируя это положение, Т. Х. Кумыков ссылается также и на свидетельства русских, западноевропейских и турецких авторов XVI—XVII вв. В качестве доказательства своего тезиса он приводит сведения из «Книги Большому чертежу» и ссылается на французскую карту, составленную Ваганди в 1752 г. «Большая часть кабардинцев,— продолжает он,— ушла от Бештау за Малку и Кубань позже»¹³⁹.

В отписке в Посольский приказ терского воеводы М. И. Волынского за 1643 г. сообщается: «И в Кабарде, государь, под Пяти Горами взяли их карачаевские черкасы, а у тех де карачаевских черкас взял их Алегук-мурза Шагануков к себе в кабаки и держал у себя»¹⁴⁰. И далее: «А они де, Алегук и Ходождук мурза, ныне ис кабаков своих выехали и стоят у Пяти гор»¹⁴¹. В том же 1643 г. мурза Муцал Сунчалеевич Черкесский писал, что и Алегук и Ходождука говорили еще, что они к «твоей государской милости ехать на Терек рады без послушания», но боятся нападения турок и «ис кабаков выехали к Пяти горам»¹⁴².

Видный польский дипломат и государственный деятель М. Броневский в «Описании Татарии», изданном в г. Кёльне в 1959 г., пишет, что крымский хан «выше всех ставит черкесов, погайцев и пятигорцев»¹⁴³. П. С. Паллас в конце XVIII в., говоря о кабардинцах, писал: «Когда они расселились по Кубани и в районе Бештау — нельзя твердо установить. Они называют себя, как все черкесские племена, адыге»¹⁴⁴.

¹³⁷ История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 132—133.

¹³⁸ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 93.

¹³⁹ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в., с. 55—56.

¹⁴⁰ КРО, т. 1, с. 222.

¹⁴¹ Там же, с. 224.

¹⁴² Там же, с. 236.

¹⁴³ АБКИЕА, с. 54.

¹⁴⁴ Там же, с. 218.

«Книга Большому чертежу» упоминает дважды о Кабарде и о Пятигорье. «От Терека же реки, от острогу,— говорится там,— до Пятигорских черкас 90 верст, а против острогу и пятигорских черкас до реки до Кумы 90 верст»¹⁴⁵. Комментируя эти сведения источника, Е. Н. Кушева пишет: «Названия «Кабарда» и «Пятигорские черкесы» здесь даны раздельно. В XVII в. название «Пятигорские черкесы» уже вышло из упоминания»¹⁴⁶. Однако это не исключает, что границы Кабарды, как пишет Т. Х. Кумыков, «тянулись от горы Бештау (Пятигорье.— В. Г.) до устья р. Суужи, вплоть до кумыкской плоскости». Но ссылка Т. Х. Кумыкова на И. Гербера нуждается в уточнении. Нужно сказать, что приводимая им цитата заимствована из построчных примечаний «Известий», которые, как отмечалось выше, были составлены не автором анализируемого источника, а его издателем Г. Ф. Миллером.

Возвращаясь к нашему источнику, следует отметить, что И. Гербер не совсем верно очертил границы Кабарды. Особенно это относится к ее юго-восточным границам. Согласно анализируемому источнику, юго-восточные границы Кабарды доходили до территории, занимаемой аварцами Дагестана. На самом деле Кабарда на юге граничила со Сванетией, Осетией и Чечено-Ингушетией.

Ошибается наш автор и утверждая, будто в Большой Кабарде не было деревень¹⁴⁷. Однако кабардинские селения («кьюажа», термин этот появляется во второй половине XVIII в.) даже в начале XIX в. представляли собой небольшие беспорядочно разбросанные усадьбы, окруженные плетнем или канавой¹⁴⁸ и «завалами кругом», «подобные пынешным полевым укреплениям»¹⁴⁹. К тому же эти «селения время от времени переносились на новые места». Это, как отмечают исследователи, прежде всего было связано «с характером земледелия (переложно-залежная система), межфеодальными столкновениями и распрями, нападениями врагов извне и др.»¹⁵⁰ Но относительно частое перемещение деревень не даст права представлять кабардинцев кочевниками или народом с неполной оседлостью¹⁵¹.

Анализируемый источник содержит интересные сведения о жилище и хозяйственной жизни кабардинцев. Но эти данные хотя в целом и подтверждаются этнографическими материалами, собранными кавказоведами, все же нуждаются в некоторых уточ-

¹⁴⁵ Книга Большому чертежу. Под ред. К. Н. Сербеной. М.—Л., 1950, с. 90—92.

¹⁴⁶ КРО, т. I, с. 425.

¹⁴⁷ ИГЭД, с. 68.

¹⁴⁸ Народы Кавказа, т. I. М., 1960, с. 160.

¹⁴⁹ *Погмов Ш. Б.* Указ. соч., с. 83.

¹⁵⁰ Народы Кавказа, т. I, с. 160.

¹⁵¹ Подробно см.: *Тхамоков И. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961, с. 75—76.

нениях и разъяснениях. Сведения нашего источника о том, что кабардинец «всяк так по своей воле строит дома, камышом и глиной обмазанные», нельзя понимать буквально. «Кабардинцы,— как отмечает Ш. Б. Погмов,— издревле имели привычку располагать дома четверугольником, так что для четырех семейств одни ворота для выезда и выгона скота, кулацкие дома для гостей в недалеком от жилья расстоянии»¹⁵². При этом кабардинские дома («унэ») состояли из деревянного остова, стены их были заплетены ветками кустарника и обмазаны глиной. Отличались дома кабардинцев лишь размерами, что находилось в прямой зависимости от зажиточности хозяина жилья. Дома, принадлежавшие богатым, резко выделялись и тем, что князья и их приближенные строились отдельно от «жилья черного народа»¹⁵³.

Говоря о хозяйстве кабардинцев, И. Гербер подчеркивает, что они «живут скотиною и скотоплодием и возводу добрых лошадей»¹⁵⁴. В «Известиях» нет такой категоричности. Здесь указывается, что в Малой Кабарде, в отличие от Большой, «довольно пашней, лугов и лесу», но «большее их (т. е. кабардинцев.— В. Г.) пропитание есть скотоводство»¹⁵⁵. Создается впечатление, что кабардинцы вовсе не занимались земледелием. Это заставило нас обратиться к трудам других авторов.

«Адыге издревле занимались хлебопашеством»,— утверждает Ш. Б. Погмов¹⁵⁶. О занятиях кабардинцев пашенным земледелием говорят и многочисленные документы и свидетельства русских и иностранных путешественников¹⁵⁷. Е. Н. Кушева считает утверждение Л. И. Лаврова о том, что в Кабарде XVII—XVIII вв. «земледелие являлось подсобным занятием»¹⁵⁸, преувеличением роли скотоводства¹⁵⁹.

Представления о примитивном характере земледелия кабардинцев, говорит В. К. Гарданов, неверны. Оно «находилось, в общем, на довольно высоком для того времени уровне развития». При изучении этого вопроса, отмечает В. К. Гарданов, необходим дифференцированный подход. Несоблюдение данного требования и приводило некоторых авторов к непреодолимым противоречиям. Нельзя не согласиться также с мнением исследователя о том, что значительная часть адыгов, населяющих равнинную территорию,

¹⁵² Погмов Ш. Б. Указ. соч., с. 83; Народы Кавказа, т. I, с. 160.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ ИГЭД, с. 66.

¹⁵⁵ Известия..., с. 23, 28.

¹⁵⁶ Погмов Ш. Б. Указ. соч., с. 83.

¹⁵⁷ КРО, т. I, с. 13, 29, 126, 128 и др.; Кушева Е. П. Указ. соч., с. 98—99; Тхалмоков Н. Х. Указ. соч., с. 76—82; Лавров Л. И. Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, т. I. М., 1952, с. 212—216.

¹⁵⁸ Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.— В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959, с. 216.

¹⁵⁹ Кушева Е. П. Указ. соч., с. 101.

занималась скотоводством, а для живущих в «горной зоне» особое значение приобрело земледелие, причем наряду с хлебопашеством они занимались и садоводством¹⁶⁰. Причиной преимущественного развития скотоводства в Кабарде исследователи обычно считают то, что для дальнейшего развития земледелия в XVIII в. не было достаточных стимулов, поскольку внутренние потребности ограничивались основными нуждами населения в зерне, а спрос на зерно за пределами Кабарды был не велик¹⁶¹.

В скотоводческом хозяйстве ведущее место занимало овцеводство и коневодство. «Овцы там весьма тучны и приятны вкусом,— писал Г. Шобер,— шерсть их так бела, чиста, мягка и хороша, что почти сходна с гишпанскою»¹⁶². Разводили и крупный рогатый скот. Но особенно хороши были кабардинские лошади. В основе коневодства лежало табунное содержание. При этом кабардинцы проявляли особую заботу о лошади. «Удивительно,— отмечал Хап-Гирей,— с каким тщанием черкесы содержат верховых лошадей...»¹⁶³. У кабардинцев лошадей покупали не только соседние народы Кавказа, но и другие страны. Следует особо заметить, что скотоводство кабардинцев не было ни кочевым, ни полукочевым, а «посило отгонный характер при безусловном оседлом характере населения»¹⁶⁴.

Кабардинцы занимались, кроме того, птицеводством, пчеловодством, рыболовством, охотой и кустарными промыслами. Помимо изготовления седел и «верхового убора», о которых говорит И. Гербер, они обрабатывали шерсть, изготавливали сельскохозяйственный инвентарь, оружие и др. В 1732 г. кабардинский посол Магомет Атажукин говорил в Иностранной коллегии: «Как в Малой, так и Большой Кабарде к деланию ружья заводы есть и делают пицали и сабли для себя несколько, а более покупают у российских купцов и у крымцев для того, что российские и крымские ружья лутче»¹⁶⁵. Кабардинские оружейники, ювелиры, шорники, седельники, ткачи, портнихи и другие мастера изготавливали прекрасные изделия. Замечательных успехов достигли кабардинцы и в золотошвейных работах¹⁶⁶. Кабардинские мастера работали не только у себя дома, они уходили также в отход на заработки. Об этом, например, сообщали кабардинские князья астраханскому губернатору О. И. Брылкину 21 октября

¹⁶⁰ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, с. 56—61.

¹⁶¹ История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 134.

¹⁶² Описание теплиц св. Петра при р. Терки находящиеся, сочиненное доктором Готлибом Шобером.— СИ, 1760, ноябрь, с. 391.

¹⁶³ УЗКБНИИ, 1965, т. XXIII, с. 92.

¹⁶⁴ Глазиков И. Х. Указ. соч., с. 68; Материалы по истории земледелия. М., 1967, с. 215; Народы Кавказа, т. I, с. 143.

¹⁶⁵ КРО, т. II, с. 61—62. Подробно о домашней промышленности и ремесле см.: Гарданов В. К. Общественный строй..., с. 105—111.

¹⁶⁶ Студенецкая Е. Н. Украшение одежды кабардинцев.— УЗКНИИ, 1950, т. V.

1748 г. «Некоторое время,— писали они,— из наших подвластных людей художники к деланию сабель, стрел и прочего, сем человек ездили для своего пропитания работаю в кубанскую сторону»¹⁶⁷.

Имеются сведения, относящиеся к началу XVIII в., о наличии в Кабарде залежных руд¹⁶⁸. Добыча металлов — железа, меди, свинца и серебра была специализирована. При этом добыча серебра составляла профессиональную тайну немногих лиц¹⁶⁹. Однако «из-за недостатка знаний металл извлекали из руд примитивным способом, представляющим большие трудности»¹⁷⁰.

Хозяйство кабардинцев носило натуральный характер, а обрабатывающая промышленность, как и положено при натуральном хозяйстве, в основном удовлетворяла собственные потребности.

Все сказанное предопределяло слабое развитие торговли в Кабарде в первой половине XVIII в. Однако, как отмечает В. К. Гарданов, в XVIII в. кабардинцы сделали шаг вперед в развитии внешней торговли. Главнейшие виды добывающей и обрабатывающей промышленности: овцеводство, коневодство, пчеловодство, оружейные и другие промыслы — были связаны с внешним рынком¹⁷¹. Кабардинцы вели торговлю с народами Дагестана, Чечено-Ингушетии, Закавказья, с Россией, Турцией и Крымом. Россия ввозила в Кабарду все необходимое населению, причем разнообразный ассортимент товаров «включал не только предметы первой необходимости, но и предметы роскоши», которыми широко пользовалась феодальная верхушка¹⁷². Все это говорит о том, что сводить внешнюю торговлю кабардинцев только к продаже «живого товара», как это делает И. Гербер, неверно. Правда, работорговля с Крымом и султанской Турцией занимала ведущее место. Об этом сообщают Пайсонель, Ферран и многие другие¹⁷³.

Однако торговля Кабарды с «Востоком по существу удовлетворяла лишь потребности узкого круга феодальной аристократии. Одно то обстоятельство, что торговля с Турцией и ее вассалом — Крымским ханством приводила к постоянному выводу из Черкесии «живого товара» — людей, придавало этой торговле резко отрицательный характер»¹⁷⁴.

И. Гербер касается также религиозных верований кабардинцев. Но и эти сведения требуют некоторых пояснений. Известно, что в раннем средневековье в Кабарду стало проникать христиан-

¹⁶⁷ КРО, т. II, с. 164.

¹⁶⁸ КРО, т. II, с. 18.

¹⁶⁹ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 103.

¹⁷⁰ Тхамиков Н. Х. Указ. соч., с. 93.

¹⁷¹ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в.— УЗКБНИИ, 1965, т. XIII, с. 100.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ АБКИЕА, с. 109—113, 179—209 и др.

¹⁷⁴ Гарданов В. К. Общественный строй..., с. 116.

ство из Византии, Грузии, Киевской Руси. В XIII—XV вв. итальянские католические монахи кармелитского ордена пытались проповедовать на Северном Кавказе католичество. Однако особых результатов они не достигли. В VIII—X вв., в период арабских походов, начал проникать на Кавказ ислам. К XIV в. он уже проник и на территорию нынешней Кабардино-Балкарии¹⁷⁵. В 1560 г. Иван Грозный отправил в Кабарду «попов...христианских, а велел их крестить по их обещанию и по челобитью крестить их... кабарганских черкас»¹⁷⁶. По и эта мера, как замечает Е. Н. Кушева, «не привела к утверждению христианства среди кабардинцев». В конце XVI и в XVII в. кабардинские феодалы были мусульманами (за исключением тех, которые выслажили служить на Русь и крестились). Во всяком случае присягали они обычно на коране¹⁷⁷. В XVIII в. позиции ислама еще больше укрепились. Именно об этом и свидетельствует наш автор, говоря, что кабардинцы — «магометаны, сунны»¹⁷⁸. Что же касается утверждения И. Гербера о том, что между кабардинцами «найдутся... некоторые, которые себя христианами называли», то это означает, что здесь некогда было распространено христианство и имелись «новокрещенные»¹⁷⁹. По свидетельству Ш. Б. Ногмова «следы христианства еще очень свежи в памяти народной; теперь еще говорят о том, что предки почитали за пророка Аус Герга, т. е. «греческого Иисуса», пророка Илию называли Яллия; Моисей — Алмус или Аймым, царя Давида — Тляпш, всевышнее существо — Сатхаили Тха»¹⁸⁰. Народы черкесские, сообщает Ферран, весьма уважают христиан, почитая себя потомками генуэзцев¹⁸¹. А утверждение И. Гербера, что «больше их можно почесть беззаконными», следует понимать в том смысле, что среди кабардинцев в начале XVIII в. все еще широко были распространены домонотеистические верования, представления и обряды¹⁸².

Наш источник содержит также некоторые данные, говорящие о взаимоотношениях князей и простого народа. Как нам представляется, они могут оказать определенную помощь в изучении общественно-экономического строя края. И. Гербер утверждает, что «князья... живут со своими подданными во братстве», что они ничем не выделяются среди народных масс и последние их «слушают, как сколько им самим хочется», что князья больше «заслугами своими, чем достоинством, снискивают почтение»¹⁸³. Если

¹⁷⁵ История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 95.

¹⁷⁶ ПСРЛ, т. XIII (2-я половина), с. 324; КРО, т. I, с. 8.

¹⁷⁷ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 115.

¹⁷⁸ ИГЭД, с. 65, 68.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Ногмов Ш. Б. Указ. соч., с. 91.

¹⁸¹ Ферран. Путешествие из Крыма в Черкессию через земли погайских татар в 1709 г. — Русский вестник, 1842; № 4, с. 50.

¹⁸² Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.

¹⁸³ ИГЭД, с. 66; Известия..., с. 26.

все, что говорится И. Гербером, суммировать, мы вынуждены были бы признать существование в Кабарде гармонии сословий и классов. На самом деле ничего подобного не было и быть не могло. Кабардинское общество было разделено на два антагонистических класса¹⁸⁴. К господствующему классу феодалов относились князья, тлекотлеши (уздени 1-й степени). Это был высший слой господствующего класса. Второй слой феодалов составляли уорки-уздени, джепуго, беслен-уорки, уорк-шаутлу-гучы. К эксплуататорскому классу относилось и мусульманское духовенство¹⁸⁵, причем в первой половине XVIII в. его численность значительно увеличилась и немало возросла его политическая роль в обществе¹⁸⁶. Феодално-зависимые крестьяне Кабарды делились на несколько разрядов по степени их зависимости от князей и уорков. Феодално-зависимы были, хотя и лично свободные, тлхукотлы, крепостные крестьяне — лагунапыты и оги. Кроме того, были рабы-унауты (ясыри). Феодално-зависимые крестьяне, вопреки утверждениям И. Гербера, были обязаны многочисленными податями и повинностями, причем подати были натуральными, а повинности — в виде «помощи» и «припошений». В свете всего этого становится очевидной ошибочность утверждения И. Гербера, что князья должны были отдать по просьбе любого человека из народа все, что «просит, что ему полюбитсЯ, хотя и кафтан, который он на себе имеет»¹⁸⁷.

Мы уже говорили, что Кабарда делилась на две части: Большую и Малую. В свою очередь Большая Кабарда была разделена между пятью княжескими фамилиями, а Малая — между двумя¹⁸⁸.

Основой государства феодалов служила их собственность на землю, причем характерной ее чертой было то, что в Кабарде собственником земли выступал не один феодал, а целиком феодалная фамилия. В Большой Кабарде, например, было более 20 владетельных князей, а в Малой — 12¹⁸⁹. Владение каждой отдельной фамилии представляло самостоятельный и ни от кого не зависимый удел, во главе которого стояли старшие князья¹⁹⁰.

¹⁸⁴ Подробно о социально-экономическом развитии адыгов см.: *Покровский М. В.* Очерки социально-экономической истории адыгских племен в конце XVII — первой половине XVIII в. М., 1957; *Кумьков Т. Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1969; *Тхамоков Н. Х.* Указ. соч.; *Боцгадзе Т. Д.* Социальные отношения Кабарды в первой половине XIX в. Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1962; *Гарданов В. К.* Общественный строй...

¹⁸⁵ История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 103—104.

¹⁸⁶ *Тхамоков Н. Х.* Указ. соч., с. 120—123.

¹⁸⁷ ИГЭД, с. 66.

¹⁸⁸ КРО, т. II, с. 57—58; 152—161.

¹⁸⁹ КРО, т. II, с. 158.

¹⁹⁰ Там же, с. 57.

Этот большой удел делился на малые соответственно числу князей.

Для решения наиболее важных вопросов созывались захуэс («зэгуццэ») — сходы, собрания ши и уорков. Сход, как правило, собирался после того, как «старший летами из владельцев повещает узденям и старшинам народных селений собраться в назначенное место; как скоро оные соберутся, разделяются они по степеням, а именно: владельцы, уздени и народные старшины, каждый род особенно. Владельцы, условясь о каком бы то деле ни было, предлагают намерение узденям, сии разбирают пользу или вред его, но однако же почти всегда соглашаются со мнением владельцев», затем принятое решение передавали «на мнение народу, называя их притом подашными»¹⁹¹. Нетрудно представить, каковы при этом бывали решения, хотя и считалось, что «глас простаго народа решит уже законодательное положение»¹⁹². При этом всудущую роль играли «избираемые» общинами (хъэблэ) старшины (пахъыж или тхъэмад). «Есть некоторые старшины из корени кабардинского народа,— говорится в документе,— которых и сами владельцы почитают и которых мнение в общем кругу сильнее и действительнее гласа владельцев»¹⁹³. Возможно, здесь несколько и преувеличена роль старшин, но дело не только в этом. Важно отметить, что «избираемые» общинниками старшины не только являлись проводниками политики феодальных верхов, но и со временем сами становились эксплуататорами трудового народа.

Удельные князья имели свое войско, состоящее, как правило, из уорков. В середине XVIII в. князья Кабарды могли выставить «военных людей... слишком 6 тысяч человек... А в Малой Кабарде... военных людей собраться может с небольшим 3 тыс. человек»¹⁹⁴. Дополнением к данным И. Гербера о вооружении кабардинцев могут служить сведения официального документа, составленного в 1748 г. В нем говорится, что «ружье у кабардинцев от большей части огненное», сабли и панцири «редкой человек не имеет. Пищали у них крымские и кубачинские, и больше вицтопальные, но притом короткие, лехкие»¹⁹⁵.

Источники XVIII в. прямо указывают, что «владельцы... весною и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и прикрывают работы своих подданных»¹⁹⁶. Однако владельцы использовали свои воинские силы не только для отражения внешнего врага и нападения на соседей. «Князья,— говорится в другом документе,— в отмщенье ведомой ненависти к себе, стали умножать грабительство. Прежде делали они некоторое различие

¹⁹¹ КРО, т. II, с. 360.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же, с. 361.

¹⁹⁴ Там же, с. 158.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же, с. 160.

между коренными подданными и ясырями, потом без всякого разбора стали отнимать их скот, пажить, жен и детей»¹⁹⁷. Ошибается И. Гербер, утверждая, что пассивное уделов «подданными почитать невозможно, но больше их называют товарищами, ибо опыте самовольные с князем в компании живут»¹⁹⁸. Напротив, фактический материал подтверждает, что в описываемое время в Кабарде не утихала классовая борьба, принимавшая различные формы: от глухого протеста и побегов до вооруженного выступления крестьян¹⁹⁹.

Характеризуя Кабарду после смерти князя Шолоха, Ш. Б. Ногмов писал: «В эту эпоху Кабарда представляла вид рассеянного воинского стана, где каждый, ополчаясь, охранял свое имущество вооруженной рукой»²⁰⁰. В этих беспорядках он обвиняет князей: «Сами князья были причиной бедствий своей родины»²⁰¹. Нередко сами князья бывали повинны и в нападении на Кабарду соседних феодальных владетелей.

Настоящим бичом для Кабарды были неоднократные вторжения войск турецкого султана и крымского хана. Их агрессия, как известно, особенно усилилась в первое десятилетие XVIII в. Тенденция военно-политической экспансии на Кавказ и на юг России была связана с приходом к власти представителя реакционных кругов султана Турции Ахмеда III. В 1704 г., пользуясь трудностями России в связи с Северной войной, правительство Турции резко протестовало против строительства крепости на Дону и кораблей в Воронеже²⁰². Это активизировало и крымского хана. Следует подчеркнуть, что при этом ханы преследовали и собственные интересы. Набеги на Северный Кавказ сулили им богатую добычу. Набеги совершались несмотря на то, что из Крыма в Кабарду ежегодно приезжали сборщики дани. Размеры дани определены не были, и поэтому каждый из сборщиков по своему усмотрению мог взять дани столько, сколько вздумается, и притом не только скот, лошадей и другое имущество, «но и жен и дочерей их, которые полюбились».

Само собой понятно, что эта дань была обременительна для кабардинцев и они всячески старались избавиться от нее, освободиться от притязаний крымского хана. И. Гербер сообщает, правда без точной датировки, как и при каких обстоятельствах удалось кабардинцам избавиться от этой дани. Документально установлено, что в 1707 г. крымский хан потребовал от кабардин-

¹⁹⁷ КРО, т. II, с. 361.

¹⁹⁸ ИГЭД, с. 68.

¹⁹⁹ История Кабарды, т. 1, с. 52—56; История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 105—106, 148—160.

²⁰⁰ Ногмов Ш. Б. Указ. соч., с. 135.

²⁰¹ Там же, с. 134.

²⁰² Подробно о русско-турецких отношениях см.: Крылов Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны.— ИЗ, 1947, с. 10; Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

цев выдачи ему 3000 ясырей девочек и мальчиков. Кабардинцы отказались выполнить это требование. В 1708 г. многочисленные крымские войска вторглись в Кабарду. Целью этого похода было не только получить ясырей, но и вернуть ушедших в 1707 г. кабардинцев «на прежнее место жительства у Бештай»²⁰³. Кабардинцы совместно с пришедшими к ним на помощь другими горцами Северного Кавказа отступили в горы, во «все тесные проходы засели и, через некоторые крымцев и кубанцев в горы впусая, камением те проходы заметали. И тогда в горах при одном солтане крымцев и кубанцев от кабардинцев и от других горских народов побито и в голоду померло больше 30 000 человек». В итоге крымский хан «принужден был от Кабарды бежать»²⁰⁴. Все имеющиеся данные неопровержимо доказывают, что во время этого похода погибло свыше 30 тыс. крымцев²⁰⁵.

В свете сказанного становится очевидным, что данные И. Гербера о численности войск крымского хапа при вторжении в Кабарду нуждаются в уточнении. Рассказывая о поражении крымцев, И. Гербер приводит легенду, согласно которой двенадцати кабардинцам удалось обманом заманить крымцев в горы, где они и были разгромлены²⁰⁶. Ш. Б. Ногмов приводит легенду, в которой значительная роль в этом отведена лазутчику из татар, жившему прежде у князя Кургоко. Он будто сообщил князю о времени нападения крымских татар на кабардинцев. Тогда по приказу князя было собрано около 300 ослов и к каждому было «привязано по две вязанки сена». Когда же наступила почь, сено подожгли, а ослов направили на лагерь неприятеля. «Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятеля, что он в беспамятстве и смятении стал рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу»²⁰⁷.

Приведя эту легенду, мы вовсе не хотели противопоставить ее легенде анализируемого источника. Не исключена возможность, что рассказ, содержащийся в труде И. Гербера, относится к другим событиям. Мы же привели вторую легенду, полагая, что она поможет лучше понять сведения анализируемого источника.

Определенный интерес представляют сведения нашего источника о г. Маджар. Действительно, на р. Куме имеются развалины старинного города Маджар. Кроме того, топоним Маджар встречается в названии урочища Маджары (Бурган-Маджары) на левом берегу в нижнем течении р. Кумы. Русские летописи упоминают город «Мадъжары» с 1319 г. и указывают, что там

²⁰³ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. Одесса, 1889, с. 9—10; Гарданов В. К. Общественный строй..., с. 79.

²⁰⁴ КРО, т. II, с. 153.

²⁰⁵ История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 61.

²⁰⁶ ИГЭД, с. 67, 68.

²⁰⁷ Ногмов Ш. Б. Указ. соч., с. 102—104.

находилась православная церковь. В 1334 г. Ибн Батута, побывав в г. Маджары, утверждал, что этот большой город «одип из лучших тюркских городов». В нем была соборная мечеть и местная ханака, основанная иранским шейхом, в которой было 70 факиров из арабов, персов, тюрков и подданных Византии²⁰⁸. В разное время на городище Маджары найдено очень много эпиграфических памятникам, Л. И. Лавров, анализирует 16 арабских и три «татарские» надписи 1341—1390 гг.²⁰⁹ Изучению истории Маджар посвящена специальная работа И. Г. Волковой²¹⁰.

ЧЕЧЕНЦЫ

«Tzetzenzi Territorium» («Территория чеченцев») — так озаглавлен один из параграфов раздела «Дагестан»²¹¹. В «Описании» он назван «Чеченцы, народ». Почему И. Гербер поместил чеченцев в этот раздел, трудно объяснить. Может быть, он знал, что сами чеченцы «под Дагестаном понимают собственно Дагестан и Чечню»²¹². А может быть, это объясняется тем, что очень краткие сведения, содержащиеся в анализируемом сочинении, относятся лишь часть Чечни, находившуюся в зависимости от феодалов Дагестана и расположенную «подле Андрея и реки Терек под нижними горами». Попытаемся разобраться в этом.

Любопытно, что И. А. Джавахишвили и Г. А. Меликишвили полагают, что известная по урартским источникам страна Цупани (Supani), к названию которой восходит позднее название «Софена», в древнеармянских источниках называется «Тсоп-к», что близко названию одного из северокавказских племен — тсов²¹³. «Это — одно из чеченских племен», — заключает Г. А. Меликишвили. Территорию, населенную этим племенем (в центральной части Кавказского хребта), древнегрузинские источники упоминают под названием «Тсобена». «Ясно, что название этого северокавказского племени почти полностью идентично названию... области Софена — Supani (Sorani)»²¹⁴. Область «Цупани» («Цоп-к» древнеармянских источников, античная «Софена»), находящаяся к во-

²⁰⁸ ПСРЛ, т. VII, с. 197; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, с. 287—288; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. ч. I. М., 1966, с. 195.

²⁰⁹ *Лавров Л. И.* Эпиграфические..., ч. I, с. 114—116, 125—127.

²¹⁰ *Волкова И. Г.* Маджары. (Из истории городов Северного Кавказа).— КЭС, т. V. М., 1972, с. 41—66.

²¹¹ ИГЭД, с. 70; *Beschreibung...*, S. 15.

²¹² *Сулейманов А. С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976, с. 12.

²¹³ *Джавahiшвили И. А.* Введение в историю грузинского народа, кн. I. Тбилиси, 1950, с. 47—49 (на груз. яз.).

²¹⁴ *Меликишвили Г. А.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 89.

стоку от Малатии на левом берегу Евфрата, близка с названием одного из северокавказских (чеченских) племен Цов»²¹⁵.

Считалась установленной идентичность самоназвания чеченцев «пахчо» с термином «пахчиматьян», упоминаемым в Армянской географии»²¹⁶. Н. Г. Волкова полагает, что этот термин грузинских источников, известный армянским авторам V—XI вв., может быть поздней вставкой в текст «Географии»²¹⁷. Следует, однако, сказать, что начиная с IX—XI вв. источники чаще всего называют чеченцев дурдзуками. Этот термин хорошо знает Леоптий Мровели (начало XI в.). По его сообщению, в XI—III вв. до н. э. Дурдзукия «представляла четко очерчиваемую территориальную общность с этнически однородным населением»²¹⁸. О Дурдзукии как о стране пишут и другие средневековые грузинские и арабоязычные авторы²¹⁹. Однако следует отметить тот факт, что анонимный автор XII в., излагая сведения о народах Северного Кавказа, упоминает «царей Дурдзукии»²²⁰. Это сообщение приобретает особое значение, если мы вслед за И. А. Джавахишвили признаем, что Дурдзукеты (Дурзукети) грузинских источников — это «страна чеченцев»²²¹. В этой связи небезынтересно также привести мнение Г. А. Меликишвили. Он привлекает топоним «Zuzukka», встречающийся в приурмийских краях, «в качестве одного из аргументов для обоснования положения о наличии там во II—I тысячелетиях до н. э. пахских элементов, не исключая вместе с тем их распространение в более северных и восточных районах Кавказа»²²².

В грузинских источниках XVII—XVIII вв. широко употреблялся и термин «кисты». Следует, однако, заметить, что не всегда в него вкладывалось одинаковое содержание. «Грузины-горцы, преимущественно мохевцы, данным этнонимом обозначают в основном всех нахов независимо от их расположения, за исключением цовцев»²²³. Но он «употреблялся и в узкоэтническом смысле, обозначая лишь часть ингушей (жителей ущелья по рекам Кистинке и Армхи) или группу чеченцев, обитавших в верховьях р. Чанты-Аргуна»²²⁴. Вахушти писал: «В ущелье, выше Джераха находится Кистети с селениями, строениями»; «А к востоку от сей Кисто-Дзурдзукии находятся глигвы»²²⁵. Под этнонимом

²¹⁵ Меликишвили Г. А. Наирн-Урарту, с. 401.

²¹⁶ Патканов К. Армянская география, VII в. СПб., 1877, с. 38; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. I. Грозный, 1967, с. 31.

²¹⁷ Волкова Н. Г. Указ. соч., с. 134—135.

²¹⁸ Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике.— КЭС. Тбилиси, 1968, с. 22—23.

²¹⁹ СМОМПК, 1897, вып. 22, с. 11; 1901, вып. 29, с. 156.

²²⁰ История восхваления венценосцев. Тбилиси, 1954, с. 88.

²²¹ Джавахишвили И. А. История грузинского народа. т. I. Тбилиси, 1950, с. 188 (на груз. яз.); Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Указ. соч., с. 25.

²²² См.: Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Указ. соч., с. 26.

²²³ Там же, с. 16.

²²⁴ Волкова Н. Г. Указ. соч., с. 139.

²²⁵ Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904, с. 151.

«глигвы» грузинские источники понимали ингушей, как полагают исследователи; он соответствует ингушскому «ГалгIа», наименованию одного из горных обществ. В исторической литературе бытует мнение, увязывающее этноним «ГалгIа» с гаргареями Страбона. Этого мнения придерживались П. К. Услар, Н. Ф. Яковлев, Е. И. Крупнов и др. Однако ряд ученых, в частности Ю. Д. Дишириев, В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев, отрицают наличие прямой связи между терминами «ГалгIа» и «гаргарей». По мнению Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе, приводимые Е. И. Крупновым «археолого-этнографические параллели и ссылки на употребление терминов гергар, гаргар в нахских языках в значении «родственник», «близкий» являются заманчивыми аргументами в пользу установления генетической связи между гаргареями античных источников и современными ГалгIаями²²⁶.

В этой связи нам представляется очень интересной мысль, высказанная Н. Г. Волковой. Поскольку термин «гаргар» в значении «родственник» существует и в ряде дагестанских языков (аварском, рутульском, цахурском), пишет она, «слово гаргар, видимо, нельзя считать принадлежностью лишь современного ингушского языка и связывать гаргаров лишь с предками ингушей. Более вероятным кажется предположение об этногенетической связи гаргаров с более широкой языковой группой Восточного Кавказа — предками дагестанцев и вайнахов»²²⁷.

Самоназвание чеченцев — «нахой», а ингушей — «гьалгъай». Соседние народы Кавказа называют их различно: аварцы — «буртиел», кумыки, лакцы и другие народы Дагестана — «мигчиши» (по р. Мичик), кабардинцы — «шэпэн», осетины — «цацан»²²⁸. В описываемое время больше преобладали названия отдельных обществ. В русских документах XVI—XVII вв. встречаются следующие названия чеченцев и ингушей: «мисикизы», «минкизы», «мичкизяны», «мерези», «шубуты», «шубутяне», «мулки», «отчанская земля», «тшапские люди», «калкашцы», «калканская земля», «ококи», «окоцкая земля», «окоченая», «ахоцкая земля», «акозы», «акочане», «кисти», «киститапе» и др.²²⁹

Приято считать, что в основу современных русских названий «чеченцы» и «ингуши» легли названия сел. Большой Чечен, находящегося в равнинной части на р. Аргуи, и сел. Ангушт, Онгушт или Ингуш, одного из двух первых населенных пунктов на равнине на месте современного сел. Терского.

Наш источник излагает сведения не о всех чеченцах Чечено-Ингушетии, а только о тех, которые проживают «подле Андрея к реке Терек, под нижними горами». Время заселения чеченцами

²²⁶ Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Указ. соч., с. 21.

²²⁷ Волкова Н. Г. Указ. соч., с. 153.

²²⁸ МИДЧ, с. 306; Азиев Ч. Ингушевские праздники.— ССКГ, 1871, вып. 5, с. 1; Лаудаев У. Указ. соч., с. 3; Народы Кавказа, т. I, с. 137, 345, 375.

²²⁹ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 62—63; КРО, т. I, с. 95, 405.

этого района трудно установить. Согласно народным преданиям, образование первых чеченских поселений на равнине выходцами с Аккинских гор (из местности Пашха) относится приблизительно к XIV в. Тайша (род, фамилия) Парсхой основала селения Паучной и Юрт-аул, тайша Цечой (Цецой) — сел. Цечой (Кещен-аул) на р. Ярыксу. Со временем из местности Пашха вышли и тайпы Беной, Цонторой, Курчалой и другие и заняли земли в верховьях рек Аксаея и Гумса. Немного позже территорию между реками Аксаем и Ярыксу заняли тайпы Бильтой, Гендыргеной, Дитхой и др.²³⁰

Нахчи, говорится в «Основании Чечни», составленном в 1834 г. капитаном штаба И. Норденштаммом, в «прежние времена составляли весьма небольшое племя, обитавшее в вершинах рек Аксаея, Гудермеса, Холхалу и Аргуна; сию часть Чечни чеченцы и теперь считают настоящею своею родиною и называют ее Нахчи-Мохк» (т. е. земля, принадлежащая племени Нахчи)²³¹. Если это так, то аккинцы оказались разделенными на две части. Основная их часть по-прежнему занимала горные ущелья верховьев р. Гехи, притока Сунжи, а меньшая, известная также под названием Аух, поселилась в предгорьях между реками Аксаем, Акташем и Ямансу²³². Вследствие непрекращающихся междоусобиц «более других терпела Аккинская фамилия», поэтому «половина этой фамилии уходит под покровительство аварского хана, в Аух, и получает название ауховцев; сами же для себя эти фамилии удержали название прародительской фамилии Аккий»²³³. Это переселение, подчеркивает Е. Н. Кушева, «было уже совершившимся в 1550—1570-е годы»²³⁴. Со строительством русских городков часть аккинцев, как отмечалось выше, переселилась к крепости Терки и образовала небольшое поселение, так называемую Окоцкую слободу.

Мы уже говорили, что в нашем источнике речь идет о чеченцах, живших на территории Дагестана «от нижних гор вниз к морю в немногих деревнях». К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими точно определить численность населения, проживавшего на данной территории в начале XVIII в. Даже для XIX в. трудно установить численность населения в Чечне. «Невозможно с точностью определить народонаселение в Чечне, — писал Норденштамм, — приблизительные сведения по сему трудно собрать, ибо жители, чтобы держать нас в заблуждении, нарочно передают нам таковые в чрезмерно увеличенном виде или же в слишком уменьшенном, так что из рассказов их весьма трудно сделать какое-нибудь основательное исчисление народо-

²³⁰ Народы Кавказа, т. I, с. 347.

²³¹ МИДЧ, с. 307.

²³² Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 69.

²³³ Лаудаев У. Указ. соч., с. 11.

²³⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 69.

населения». В среднем, заключает он, в Чечне насчитывается от 110 до 120 тыс. человек²³⁵.

Согласно данным А. Берже, относящимся к середине XIX в., чеченское общество Лух (Арки) состояло из 43 населенных пунктов, в которых насчитывалось более 1270 домов²³⁶.

Планировка чеченских селений равнинной части характеризовалась растянутостью вдоль рек или дорог. Дома, окруженные плетневым забором, располагались недалеко один от другого, чаще всего, как утверждают исследователи, составляя тайповые кварталы. Основным типом жилья первоначально был турлучный дом, состоявший, как правило, из двух комнат, между которыми располагался узкий проход; он имел двухскатную земляную крышу и небольшой навес у входа.

Общезвестно, что чеченцы вместе с ингушами составляют вейнахскую ветвь ибирийско-кавказской группы языков. В связи с этим следует указать, что утверждение И. Гербера, будто чеченцы говорят на татарском языке, ошибочно. Но может быть и так, что та часть чеченцев, о которых идет речь, владела и кумыкским языком. Авторы XIX в. считали, что «качалыковцы и ауховцы по соседству и беспрестанным сношениям с кумыками приняли их обычай и много слов их наречия, отчего многие полагают, что они говорят особенным языком»²³⁷.

Чеченцы вели натуральное хозяйство; говоря словами нашего источника, они жили «скотоплодием и пашнями». К сожалению, хозяйственная жизнь чеченцев данного района в конце XVII — начале XVIII в. не изучена. В историко-этнографической литературе нет ни одной специальной работы по этой проблеме. Однако тот небольшой фактический материал, который имеется в нашем распоряжении, показывает, что хозяйственная жизнь чеченцев изучаемого района мало отличалась от жизни жителей равнинной Чечни. Суммируя имеющиеся в документах XVI—XVIII вв. отрывочные данные о занятиях населения, Е. Н. Кушева пишет, что «жители Окоцкой слободы Терского города пахали пашни в его окрестностях, сеяли пшеницу и просо, имели коней, быков, коров и овец, запрягали быков в телеги, знали сенокосение, разводили кур; в дельте Терека пашни-сабаны окоцких людей были поливные»; и заключает: «Надо думать, что близки им по занятиям были аккинцы-ауховцы, выселившиеся из гор на р. Ямансу»²³⁸.

Полагая, что и более поздние данные могут принести определенную пользу в понимании хозяйства чеченцев, приведем сведения, содержащиеся в записке, составленной в начале XIX в. И. Норденстаммом. Он сообщает, что посевы чеченцев состоят из

²³⁵ МИДЧ, с. 310—311.

²³⁶ Берже А. Чечня и Чеченцы. Тифлис, 1859, с. 32; Волкова Н. Г. Динамика численности вейнахских народов до XX в.— Археолого-этнографический сборник ИЧИИИИ, т. II. Грозный, 1968.

²³⁷ МИДЧ, с. 309.

²³⁸ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 75.

небольшого количества «пшеницы и ячменя, а более кукурузы и проса... Для лучшего урожая чеченцы весной и летом по мере надобности заводят свои поля, для чего из рек повсюду выведены каналы». Кроме того, чеченцы занимались огородничеством: выращивали в большом количестве арбузы, дыни, чеснок, лук, огурцы; были они «необыкновенной величины и приятного вкуса». Садоводством занимались мало.

«Скотоводство у чеченцев, особенно живущих на долине, небольшое потому, что мало пастбищных мест, скот... мал», лошадей держат немногие, зато «курей, индеек везде много; гусей и уток не водят»²³⁹. Кроме того, чеченцы занимались домашними промыслами. В условиях натурального хозяйства домашние промыслы играли важную роль в их жизни. Исследователи отмечают, что в горной Чечне домашними промыслами занимались задолго до освоения равнинной части. Согласно имеющимся данным, правда позднего происхождения, чеченцы обрабатывали шерсть, кожу, дерево. Имелись кузнецы и оружейники²⁴⁰. Занимались они и торговлей. Как отмечалось выше, по торговым делам горские чеченцы пребывали в крепости Св. Креста.

В исторической литературе продолжительное время господствовала теория, представляющая Чечено-Ингушетию страной господства родо-племенных отношений²⁴¹. «У чеченцев,— писал А. Берже,— нет... сословных подразделений», они «образуют один класс — людей вольных, и никаких феодальных привилегий мы не находим между ними. «Мы все уздени»,— говорят чеченцы». Таковую же мысль высказывал У. Лаудаев: «Чеченцы не имели князей и были все равны между собой... Чеченцы называют себя узденями»; «у чеченцев... все люди стояли на одной степени узденства»²⁴². Это же положение в различных вариациях повторяли Н. Дубровин, Е. Максимов и многие другие.

Представители дореволюционного кавказоведения в силу своей классовой ограниченности не могли разобраться в сущности социально-экономического развития народов Кавказа. Стремление же к архаизации общественного строя кавказских горцев неизбежно вело к тому, что их представляли более отсталыми, чем они были в действительности. А это, как справедливо отметил А. В. Фадеев, вполне соответствовало духу официальной пропаганды, прославлявшей якобы «культуртрегерскую» миссию царизма

²³⁹ МИДЧ, с. 302—304.

²⁴⁰ ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 169, л. 47; Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 2, оп. 3, д. 1170, л. 75; МИДЧ, с. 318, 324, 325; ССКГ, 1868, вын. 1, с. 32; Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859, с. 88; *Марграф О. В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, с. 100—104; *Гриценко П. П.* Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1962, с. 13.

²⁴¹ *Дубровин Н.* История войн и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1. СПб., 1871.

²⁴² *Берже А.* Указ. соч., с. 90; *Лаудаев У.* Указ. соч., с. 23.

на Кавказе²⁴³. Следует также указать, что концепция господства родового строя в Чечено-Ингушетии находила поддержку у целого ряда авторов, писавших и в советское время. «Чечия конца XVIII столетия,— писал М. Н. Покровский,— страна дофеодальной патриархально-родовой демократии»²⁴⁴. Некоторые авторы пытались даже назвать обществено-экономической строй Чечено-Ингушетии тайнизмом или тайновым строем²⁴⁵. В Чечено-Ингушетии, писал С. К. Бушуев, имея в виду XIX в., «происходил переход от родовых патриархальных учреждений к полуфеодальным и феодальным»²⁴⁶.

Иных взглядов на общественно-экономическое развитие Чечено-Ингушетии придерживался Б. В. Скитский. При более внимательном анализе истории ингушского народа, при привлечении фольклорного и археологического материала, писал он, «необходимо будет признать, что социальная дифференциация имела место в ингушской общности и она характеризовалась основными чертами феодальной формации»²⁴⁷. Так же как и «у дагестанских горцев, у чеченцев, ингушей», писал А. В. Фадеев, феодальные «отношения были еще в значительной мере скрыты под покровом патриархально-общинных традиций и родовых пережитков»²⁴⁸. Заметим, что эта характеристика относится к обществено-экономическим отношениям начала XIX в. Однако завершенные в последнее время исследования общественно-экономического развития убедительно доказали, что Чечено-Ингушетия стала на путь феодального развития задолго до изучаемого нами времени²⁴⁹.

Поскольку «различные условия хозяйственной жизни в различных районах вели и к различиям в социальных отношениях»²⁵⁰, совершенно очевидно, что для глубокого и всестороннего изучения общественно-экономических отношений необходим дифференцированный подход. Это значит, что первоначально нужно изучать каждый район в отдельности. Если строго придерживаться данного требования, то мы должны будем признать, что у че-

²⁴³ Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев в XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков.— ВИ, 1958, № 5, с. 131—132.

²⁴⁴ Покровский М. Н. Дипломатия и война царской России в XIX в. М., 1923, с. 200.

²⁴⁵ Революция и горец, 1931, № 4 (30), с. 24.

²⁴⁶ Бушуев С. К. О кавказском мюридизме.— ВИ, 1959, № 12, с. 74.

²⁴⁷ Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа.— ИЧИНИИ, 1959, т. 1, вып. 1, с. 160.

²⁴⁸ Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев в XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков, с. 137.

²⁴⁹ Исаева Т. А. Социально-экономическое развитие Чечено-Ингушетии. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1977; Гриценко Н. П. Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV—первая половина XIX в.).— ВПЧИ, 1976, т. X; Ахмадов Я. З. К вопросу о социальном строе Чечено-Ингушетии в XVIII столетии.— ВИД, 1974, вып. 1.

²⁵⁰ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. I, с. 54.

ченцев, рассматриваемых И. Гербером, феодальные отношения были более развиты, чем в нагорной части. Прежде всего напомним, что эти чеченцы находились под властью шамхалов, которым они и платили подати. Об этом говорит и наш источник. Более того, в тексте «Известий», как уже отмечалось, сведения о чеченцах даются в разделе II — Тарковское шамхальство. Зависимость их от шамхалов подтверждает также не раз цитированный нами документ в «Извлечениях из истории Дагестана» Мухаммеда-Рафи. «Весь Мычигыш, т. е. Чечня, — говорится в нем, — был его (шамхала. — В. Г.) собственностью»²⁵¹. Эти сведения подтверждаются архивными документами, в частности «Описью доходам шамхала», где указывается, что «Мачагыч весь принадлежал шамхалу и посылал ему с каждого дома по одной овце»²⁵². С образованием в Засулакской Кумыкии сильного Эндереевского владения в конце XVI — начале XVII в. часть чеченцев попала в зависимость от Эндери²⁵³. Часть ауховцев, как отмечалось выше, попала под «покровительство» аварских ханов. «Ясак или подать, — писал У. Лаудаев, — платили по условиям хана с жителями; условия эти, смотря по обстоятельствам, т. е. большему или меньшему влиянию хана на страну, изменялись, т. е. подати увеличивались и уменьшались. Обыкновенно платили от количества голов рогатого скота, овец, лошадей и проч. Бывали примеры, что от овец платили 3%, от скота 1%; случалось, что от овец давали только 1%, а от скота ничего не платили»²⁵⁴. С некоторых чеченских обществ брали ясак и кабардинские князья, и мурзы²⁵⁵.

Управление здесь осуществлялось старшинами или мурзами, которых Е. Н. Кушева называет феодальными владельцами. Документы донесли до нас имена целого ряда мурз или старшин аккинцев, поселившихся по р. Ямансу. Во второй половине XVI в. ими правил Ших-мурза Ишеримов. В 1616 г. в челобитной служилых «окочан» говорится: «Преж, государь, сего мы, холопы твои государевы, жили в своей Окоцкой землице. И в той, государь, в Окоцкой землице большой был над всеми окоцкими людьми Ших-мурза Ишеримов. И того, государь, Ших-мурзу Ишеримова убил кумыцкий князь Ахматкан...»²⁵⁶. После него в «Окоцкой земле» правил сын его Батай-мурза Шихмурзин, в 40-х годах XVII в. — Айбир-мурза Батаев²⁵⁷. В начале XVIII в. чеченцами правил старшина, из которых «главнейший именем

²⁵¹ Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с. 177.

²⁵² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 10—11.

²⁵³ Тарихи Дербент-наме, с. 116; ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 10; Белокуров С. А. Указ. соч., с. 80—82; РДО, с. 60—61; Бакиханов А.-К., Гюлистан-Ирам. Баку, 1924, с. 90.

²⁵⁴ Лаудаев У. Указ. соч., с. 12—13.

²⁵⁵ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 83.

²⁵⁶ КРО, т. I, с. 94.

²⁵⁷ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 81; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. I, с. 54.

Казбулат»²⁵⁸. Документы начала XVIII в. не раз упоминают о князьях Турловых как о чеченских владельцах. Первоначально они жили в Бугун-Хорте. После смерти князя Казбулата Алдыкское общество признало своим владельцем Турлова²⁵⁹.

Феодалная эксплуатация чеченского крестьянства вызывала с его стороны законный протест. Как и у других народов Северного Кавказа, одной из основных и весьма распространенных форм сопротивления чеченского крестьянства описываемого времени сделался уход в пределы России и другие места. Выше мы говорили, что главной причиной поселения горцев, в том числе и чеченцев, у р. Терки и крепости Св. Креста были социально-политические мотивы. Здесь же укажем, что эти причины сыграли важную роль и в переселении аккинцев к крепости Терки. Исследователи справедливо отмечают, что открывшаяся для чеченского населения возможность бежать в русские пределы обостряла классовую борьбу, поскольку в связи с этим крестьяне становились более решительными и прибегали к более ожесточенным формам сопротивления, которые нередко выливались и в открытую борьбу. «Было даже так, — писал У. Лаудаев, — что... сильные фамилии не выполняли эти условия и ничего не давали (имеются в виду подати. — В. Г.), а в случае восстования оказывали сопротивление силою своего оружия»²⁶⁰.

О чем говорят все эти факты, если не о развивающихся феодальных отношениях. Остается выяснить, что из себя представляла чеченская тайпа, которая продолжительное время рассматривалась как институт родового строя. Прежде всего следует заметить, что термин «тайпа» в исторической литературе употребляется в различных значениях, хотя чаще всего обозначает родственную организацию²⁶¹. И все же, как отмечает Р. Л. Харадзе, «Чечено-ингушский тайпа // тейпа является организацией, собственностью которой хотя и относится к общинным формам, к родовой отнесена быть не может»²⁶². Из сказанного явствует, что в Чечне имелись сословные различия. Здесь уместно привести следующее суждение Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе о том, что в «период, достигаемый для этнографических методов исследования», даже в нагорной части Чечено-Ингушетии имелись сословные различия: «лей» — зависимое сословие, «эзди» — свободные (но это сословие не было однородно), «ийкьер нокъе» — среднее сословие (тоже неоднородное). Формы зависимости между вышеуказанными сословиями регламентированы... они регулируются силой узурпатора и степенью сопротивления его жертвы»²⁶³.

²⁵⁸ ИГЭД, с. 70.

²⁵⁹ Ахмадов Я. З. Указ. соч., с. 220—221.

²⁶⁰ Лаудаев У. Указ. соч., с. 13.

²⁶¹ Подробно об употреблении термина «тайпа» см.: Харадзе Р. Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта. — КЭС. Тбилиси, 1968, с. 165—174.

²⁶² Там же, с. 179.

²⁶³ Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Указ. соч., с. 132—164.

Отсутствие государственности в полном смысле этого слова, включают Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе, мешало юридической фиксации сословного деления, без чего социальные различия не могли сложиться в систему правовых норм, характерную для развитого феодального общества²⁶⁴.

Свое изложение сведений о чеченцах И. Гербер заканчивает описанием взаимоотношений Чечено-Ингушетии с Россией и русским населением Северного Кавказа. Выше при анализе материала, посвященного терско-гребенскому казачеству, мы достаточно подробно говорили о взаимоотношениях горских народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, с русским населением. Здесь еще раз подчеркнем, что И. Гербер глубоко ошибается, сводя взаимоотношения чеченцев и терско-гребенских казаков только к взаимным столкновениям. Напротив, как убедительно доказано нашими исследованиями, «между чеченскими переселенцами и гребенскими казаками установились дружественные связи, скреплявшиеся отношениями куначества»²⁶⁵.

Сведения, подтверждающие этот тезис, содержат сочинения У. Лаудаева, П. Семенова, Е. Н. Кушевой и многих других²⁶⁶. Здесь же приведем несколько фактов связи Чечни с Россией. В своей челобитной окоцкий владелец Ших-мурза писал: «Преж сего, когда на Терке ваши государевы города были, и в те поры я с отцом своим с Ушаром-Мурзою верой и правдой служили, и после того как велел те города разорить, и мы тогда с твоими государевыми терскими аманатами и казаками служили, и твое государство имя выставляли и к Турскому и к Крымскому не приставали и тех, которые им противляли, воевали вместе с казаками-ж... Отец мой приказал слово твое в голове держати, и тебе служить, сколько бы твоей службы не будет»²⁶⁷. В самом начале XVII в. окочане писали в Москву: «Преж, государь, сего мы, холопы твои государевы, жили в своей в Окоцкой землице. И в той, государь, Окоцкой землице большой был над всеми окоц-

²⁶⁴ О социально-экономическом развитии Чечено-Ингушетии, кроме цитированных нами работ, см.: *Мамакаев М. М.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973; *Саидов И. М.* Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII—XIX вв.— В кн.: Материалы научной сессии, посвященной вопросам Чечено-Ингушетии, вып. I. Грозный, 1962; *Гриценко Н. В.* К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период.— Там же, вып. II. Грозный, 1964.

²⁶⁵ Народы Кавказа, т. I, с. 347.

²⁶⁶ *Лаудаев У.* Указ. соч.; Терские ведомости, 1887, № 34; *Ткачев Г. А.* Несколько слов о прошлой истории чеченцев.— Записки терского о-ва любителей казачьей старины, 1914, № 9; *Саламов А. А.* Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом.— ИЧИИИИ, 1963, т. 3; *Гриценко Н. П.* Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского с великим русским народом. Грозный, 1965.

²⁶⁷ *Белокуров С. А.* Указ. соч., с. 63.

кими людьми Ших-мураа Ишемпров... Да и мы, холопы твои, с окоцким с Ших-мурзою служили государю»²⁶⁸.

Многие чеченцы, как отмечалось выше, были не только в дружбе, но и в родстве с русским населением. Не мало беглых чеченцев находило также приют в казачьих станицах. «За рекой напротив крепости,— сообщает Ф. Котов,— раскинулись большие слободы — Черкасская слобода, Окоцкая слобода и слобода Новокрещенных черкассов»²⁶⁹. Относительно инородческого элемента среди терско-гребенского казачества писал И. Попко: «Это были кавказские выходцы, поселявшиеся особыми слободами около Терки, под названием черкас, окочан, юртовских, т. е. оседлых татар, мичкизян, шубутян и цовокрещенов. Последние выделялись из тех же, принимая христианство, и представляли из себя особый служивый разряд в составе войска»²⁷⁰.

Что их вынуждало оставлять насиженные места и переселяться в район заселения казаков? «Случалось,— пишет В. Потто,— что какой-нибудь джигит Гасан похитил в соседнем ауле красавицу Фатьму, и оба, на одном коне, спасаясь от погони, явились ночью в один из гребенских городков, а наутро Гасан превращался в казака Ивана, а Фатима становилась Марьей, или по-гребенски Матушкой»²⁷¹. Немаловажную роль в переселении горцев в район русских станиц играл и процветавший в горах Северного Кавказа обычай кровной мести. Но основной причиной их переселения в устье р. Терека были социально-политические мотивы. Феодално-зависимые крестьяне, не находя другого выхода, бежали от гнева и произвола «своих» владельцев.

instituteofhistory.ru

²⁶⁸ КРО, т. I, с. 94.

²⁶⁹ Хождение кушца Федота Котова в Персию, с. 69; Книга Большому чертежу, с. 88.

²⁷⁰ Попко И. Указ. соч., с. 10.

²⁷¹ Потто В. Два века терского казачества, т. I. Владикавказ, 1912, с. 22.

Глава II

ДАГЕСТАН

Название «Дагестан» — страна гор — происходит от турецкого слова «даг» (гора) и иранского «стан» (страна), т. е. горная страна. И действительно, территория Дагестана, за исключением низменной полосы вдоль Каспия, представляет собой горную местность с бесчисленным множеством возвышенных плато, труднодоступных хребтов с крутыми осыпающимися склонами, расчлененных речными долинами. Известно, что эту же территорию и в древности называли «страной гор». Первое дошедшее до нас название этой страны — «Албания» — также означает «горная страна»¹. Встречающееся в сирийских источниках наименование этого края «Вет-Даду» тоже значит «горная страна»². Известное в арабоязычной литературе название «Серир», как доказал С. Т. Еремян, произошло не от арабского «серир» (трон). «На самом деле, — пишет он, — Серир должен означать то же, что и грузинское «мтиулетн», т. е. «страна гор» или «страна горцев». Серир происходит от иранского корня «sət» — гора и, по всей вероятности, был получен в эпоху Сасанидов. Полным эквивалентом иранского «səgīr» и грузинского «.....» является тюркское Дагестан»³. Следует, однако, отметить, что название «Дагестан» не всегда обозначало одну и ту же территорию. Иногда под этим названием понималась небольшая часть современного Дагестана⁴, а иногда это понятие включало в себя всю территорию современной республики, и даже северные районы Азербайджана вплоть до Баку⁵. Как отмечалось выше, оказывается, сами чеченцы включали в понятие «Дагестан» и свою территорию⁶.

И. Гербер под Дагестаном понимает территорию южнее р. Сулак до Дербента, а также территорию Самурской долины Дагестана и Шахдагской зоны Азербайджана. Остальную часть

¹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 5.

² Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 165.

³ Еремян С. Т. Монсей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз Трдата к хазарскому хакану.— Записки Ин-га востоковедения (М.), 1939, т. VII, с. 44.

⁴ Броневский С. Повесть географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1. М., 1823, с. 58—59; 293—294.

⁵ Евецкий О. Статистическое описание Кавказского края. СПб., 1835, с. 225.

⁶ Сулейманов А. С. Топоимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976, с. 12.

Дагестана он называет Мезгинестан, Тавлистан и т. д. Не останавливаясь на происхождении этих названий (о них речь пойдет ниже), отметим, что деление это, хотя и не совсем удачное, объяснимо. В XVIII и в начале XIX в. в официальных кругах России под названием «страна гор» понимали отмеченную нашим автором территорию. И лишь со времени организации Дагестанской области (1860) окончательно утвердилось это название за современной территорией Дагестана (в советское время в нее были включены также северные районы с городами Хасавюрт и Кизляр). Сложилась традиция, по которой территорию современного Дагестана делят на: а) северный; б) предгорный и горный; в) южный Дагестан. Этого деления придерживаемся и мы.

СЕВЕРНЫЙ ДАГЕСТАН

Территорию приморского Дагестана около устьев рек Сулака и Аграхана И. Гербер называет «Territorium Stavropol» («Территория Ставрополь»). В «Описании» эта территория названа «Ставрополь уезд», «Земля Ставрополь». Согласно нашему источнику, эту территорию, где, кроме кочующих ногайцев, не было «ни деревни, ни жителей», называли греческим словом «Ставрополь» («ставра» — крест, «полси» — город), что означает «крестовый город», якобы потому, что в древности здесь греки имели свой город, который с распространением «магометанского закона совсем разорился». «Сие тем вероятнее, — подчеркивал И. Гербер, — что часть матерой земли, которая между реками Сулаком и Аграханом к Каспийскому морю простирается, называется и по сие время от Татар Хучь», т. е. крест⁷. На самом деле эту территорию местные жители называют не «хучь», а «учь», отсюда и название — «учкоса». В такой транскрипции она упоминается еще в документах XVI—XVII вв.⁸ Топоним этот обычно производят от тюркского слова «уч» (три) «по причине трех рукавов реки Койсу»⁹.

Кажется, все ясно, но почему возникла эта версия, стоит объяснить. П. Г. Бутков пишет, что «государь заключил из сего (т. е. от «уч», «хуч»), что греки некогда имели на сей земле сего же имени город»¹⁰. Оказывается, эта версия была впервые сформулирована чуть ли не самим императором. Топоним «уч» ошибочно, а быть может и преднамеренно, был воспринят как «хуч», который и переводился как крест, хотя на местных языках крест означает не «хуч», а «хач». Все это, очевидно, понадобилось только для того, чтобы лишний раз оправдать вступление царских

⁷ Известия..., с. 18; ИГЭД, с. 63—64; Beschreibung..., S. 8.

⁸ РДО, с. 227, 233, 236, 264, 291.

⁹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. I. СПб., 1869, с. 33.

¹⁰ Там же.

войск на данную территорию. При этом решение построить город Петр I принял только после того, как был вынужден отказаться от продолжения столь успешно начатого «персидского похода» и, оставив русские войска в Дербенте, вернуться в Россию. Целью строительства новой крепости было, как тогда говорили, желание закрепиться «во вновь приобретенных провинциях». Эту задачу не в состоянии была выполнять небольшая крепость Терки, гарнизон которой в 1720 г. насчитывал не более тысячи человек¹¹. К тому же она была расположена в устье Терека в заболоченной и совсем непригодной для размещения крупных военных сил местности, к которой труден был проезд с моря.

Обследовав берега Аграхана и Сулака, Петр I нашел, что «сие место zelo довольно копским кормом, водою и лесом»¹², «зело изрядное, крепкое и пажитое», «Терка сто раз удобнее»¹³. Вот на этом месте, говоря словами нашего автора, Петр I «решил регулярную и достойную славленную крепость построить»¹⁴. Вслед за этим было заложено укрепление. «Векорости,— замечает И. Гербер,— тамо малую крепость и построили». В ней Петр I оставил «довольный гарнизон», чтобы «через отворенных ворот дорога в Дагестан всегда имелась». Это укрепление было названо крепостью Св. Креста. «На другой год начали главную крепость строить, которая ныне в окончание приведена»¹⁵. Согласно показаниям нашего автора, выходит, что в бытность там Петра I было построено лишь небольшое укрепление. Строительство же самой крепости началось только через год после отъезда императора и было завершено в тот год, когда И. Гербер закончил анализируемый труд. Однако в исторической литературе широкое хождение получило мнение, что крепость Св. Креста была заложена самим Петром I в 1722 г. П. Г. Бутков убежден, что «государь сам приискал под оную крепость место, сам снял с оного план, сам сделал чертеж сей крепости и сам оную размерил. В работе сей помогал е. в. бригадир В. Я. Левашев. Сия крепость была в шести бастионах; а как государь желал, чтобы она имела способное сообщение с морем, то должно было запрудить рукав сулакской при кр. Св. Креста, и всю воду согнать в аграханский, дабы оным свободное было на великих судах подходить к самой крепости»¹⁶. Но чуть ниже он пишет, что «строение сей крепости продолжалось в 1723 и 1724 годах»¹⁷. Этот рассказ с вариациями повторяют и другие исследователи, в том числе и советские историки¹⁸.

¹¹ *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880, с. XI.

¹² Походный журнал 1722 г. СПб., 1913, с. 64.

¹³ Сб. РИО, 1885, т. 49, с. 254.

¹⁴ ИГЭД, с. 63.

¹⁵ Там же, с. 64.

¹⁶ *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. I, с. 33.

¹⁷ Там же, с. 34.

¹⁸ *Лыцков В. П.* Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951, с. 140; *Очерки истории (первая четверть XVIII в.).* М., 1954, с. 611.

Когда и кем была заложена крепость Св. Креста, которую иногда в просторечии имсповали Сулакою, когда было завершено ее строительство?¹⁹ Из приложенной к «Походному журналу» записки «о постановленном на военных совещаниях» видно, что при Петре I был заведен только полевой ретраншемент²⁰. В этом ретраншементе были оставлены войска под командованием подполковника Л. Соимонова, которые должны были прикрывать сооружение основных укреплений на р. Сулак. Это вполне совпадает с показаниями И. Гербера.

По реестру «карт, планов, чертежей, рисунков и гравюр собрания Петра I», в записях 1728 г., в разделе «в зимнем доме в канторке» под № 210 значится «два чертежа крепостей Св. Креста, в том числе один первой крепости (ретраншемента.— В. Г.), что в присутствии государевой зачата, другой — нынешней крепости (шестибастионной.— В. Г.), что строил от Риги, обе работы государевым черчены карандашом, с них две копии»²¹. Помещенный в труде Ф. Ласковского чертеж «План крепости Св. Креста»²² относится к более позднему времени, а именно к 1725 г., когда уже были построены плотины вокруг крепости для предохранения ее от затопления во время разлива р. Сулак. Ретраншемент, показанный на этом плане в мелком масштабе, в основном своими контурами соответствует чертежу из собрания Петра I.

Следовательно, осенью 1722 г. на р. Сулак Петром Великим был построен ретраншемент Св. Креста, а не шестибастионная крепость, к строительству которой приступили позднее, хотя место ее сооружения и начертания основного профиля, видимо, были указаны непосредственно самим Петром.

Согласно распоряжению Петра I работы по строительству развернулись с весны 1723 г. К этому времени для использования в качестве рабочей силы генерал Матюшкин отправил на р. Сулак два полка пехоты и драгун и казаков²³. Строительство новой крепости шло довольно медленно прежде всего потому, что все строительные материалы заготавливались в приволжских городах и оттуда сплавлялись морем²⁴, а казармы строились в Терках и потом в разобранном виде доставлялись на место. Берега Сулака и Аграхани были, правда, покрыты сплошными лесами, но этот лес не годился для построек, да и Петр приказал беречь.

¹⁹ Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1892, с. 48.

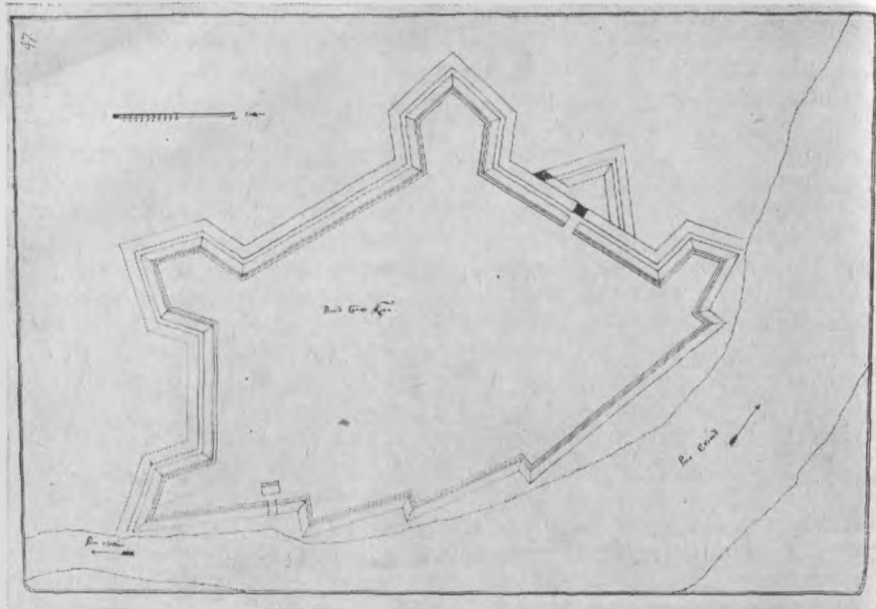
²⁰ Походный журнал 1722 г., с. 181.

²¹ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотек Академии наук (карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I). М.— Л., 1961, с. 31.

²² Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. II. Карты. СПб., 1861, л. 28, изобр. 90.

²³ Комаров В. Персидская война 1722—1723 гг. (Материалы).— Русский вестник, 1867, кн. IV, с. 46.

²⁴ Походный журнал 1722 г., с. 181.

Ретраншмент крепости Св. Креста

его как зеницу ока, понимая, что с истреблением леса могут обмельеть реки²⁵.

Получая тревожные известия о действиях турок в Закавказье, Петр был чрезвычайно заинтересован в скорейшем сооружении крепости и требовал от руководившего работами генерала Кропотова быстрых действий, «что времени ни в чем не терять»²⁶. Несмотря на это, строительство крепости не было завершено еще и в 1734 г.²⁷

22 сентября 1724 г. Петр I подписал указ на имя генерала Матюшкина, в котором предписывалось перевести в крепость Св. Креста гарнизон и жителей крепости Терки.

В это же время вблизи крепости по Сулаку вплоть до его устья было поселено 500 семейств переселенцев с Дона и по р. Аграхани—500 семейств²⁸. В посад же крепости стало переселяться много армян, которым власти, заинтересованные в развитии ремесла и торговли во «вновь приобретенном крае»²⁹,

²⁵ Потто В. Два века терского казачества, т. II. Владикавказ, 1912, с. 12.

²⁶ Лыцов В. П. Указ соч., с. 140.

²⁷ Собрание писем имп. Петра к разным лицам с ответами на оные, т. III. СПб., 1830, с. 375.

²⁸ ПСЗ, т. VII, с. 286; РДО, с. 280.

²⁹ Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898, с. 394.

предоставляли льготы. 23 ноября 1724 г. указом Сената командующему войсками генералу М. А. Матюшкину и генералу Кропотову было предписано «вышедшим к кр. Св. Креста грузинцам для поселения место отвести» около крепости «в пристойных и безопасных местах; ...и которые впредь приходить будут, тем, да на первое пропитание денег и хлеба по рассмотрению, сколько кому надлежит, селить в тех же местах»³⁰. Петр I был намерен поселить выехавшего в Россию грузинского царя Вахтанга «со всеми с ним выезжими... в кр. Св. Креста для изображенной ниже сего пользы. А именно: чтобы он мог присовокупить себе и перезвать не токмо своих грузинцев, но и других христиан, армян и протчих под областью персидскою обретающихся. И поселить их в удобных местах около кр. Св. Крест, также и около Дербени и Баки»³¹. Однако этот план Петра I не был осуществлен. Вахтанг VI и его окружение не переехали на Северный Кавказ.

С началом строительства крепости Св. Креста вблизи нее стали поселяться представители горских народов Северного Кавказа (ногайцы и др.). Но не все слои горского общества встретили так строительство крепости. Один из влиятельных владетелей Дагестана шамхал тарковский Адиль-Гирей, встретивший Петра I очень радушно, теперь стал проявлять беспокойство. Шамхала тревожило расположение крепости Св. Креста в 40 км от его резиденции. Не малое влияние на него оказывали местные феодально-клерикальные верхи и эмиссары зарубежных государств. Не успели отстучать топоры строителей крепости, как спокойствие было нарушено. Собрав значительные силы, Адиль-Гирей двинулся на Сулак. В связи с этим генерал Матюшкин доносил: «И не только казацкие городки и другия укрепления, но и самая кр. Св. Креста... находится от него в великом утеснении»³². Однако желанного он не достиг.

После неудачной попытки взять крепость штурмом феодальные владетели разошлись во мнениях, затем перессорились между собой и разошлись по домам³³.

В районе крепости было сосредоточено 11 529 человек, в числе которых было 1860 пехотинцев, 2249 драгун и иррегулярные войска. Из этих войск по приказу прибывшего из Гиляни в крепость Св. Креста генерала Матюшкина был сформирован корпус под командованием генерала Кропотова, который и выступил против шамхала. Адиль-Гирей, не осмелившись вступить в борьбу³⁴, вместе со своими сторонниками укрылся в горах.

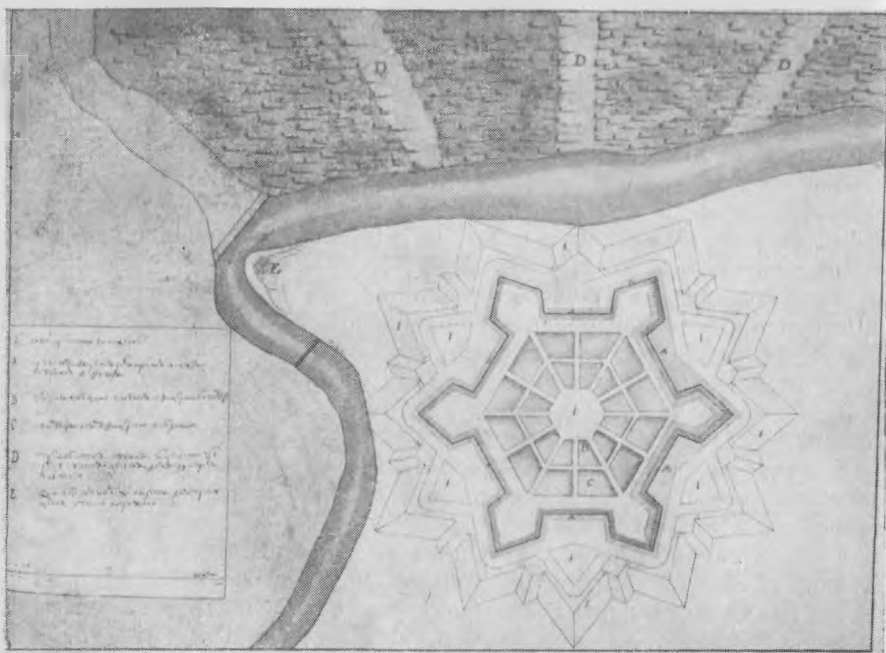
³⁰ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Сост. В. Н. Гамрекли. Тбилиси, 1968, с. 101.

³¹ Там же, с. 104.

³² Потто В. Указ. соч., т. II, с. 27.

³³ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 81—83.

³⁴ Бутурлин Д. Военная история походов России в XVIII в., ч. 2. СПб., 1823, с. 74.

Крепость Св. Креста

Из вышесказанного явствует, что вопреки бытующему мнению сооружение крепости Св. Креста продолжалось несколько лет. На ее строительство государство израсходовало немало сил и средств. Но зато это была мощная по тем временам шестибастийная крепость, в которой были сосредоточены значительные воинские силы с артиллерией, состоявшей в 1725 г. из 35 пушек. В самой крепости «солдат и в военной службе находившихся казачков никого не было»³⁵.

Мы уже знаем, что за крепостью в посаде поселились «русские торговые люди», представители народов северо-восточного Кавказа, а также грузины и армяне, которых велено было «содержать... в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли»³⁶. Всего в 1735 г. здесь армян и грузин насчитывалось 450 семей³⁷. Строительство на р. Сулак плотины, благодаря которой стало возможным проводить средние суда по р. Аграхани почти до самой крепости Св. Креста, позволило установить более регулярное морское сообщение с Астраханью, Дербентом и другими портами

³⁵ Известия..., с. 20.

³⁶ Куканова И. Г. Русско-иранские торговые отношения.— ИЗ, 1956, т. 57, с. 253.

³⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 507.

на Каспийском море, способствовало развитию торговли, увеличению товарооборота и росту рынка крепости Св. Креста. Развитию торговли способствовало и решение правительствующего Сената от 28 марта 1724 г. о беспощадном «провозе и свободной продаже вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в кр. Св. Креста»³⁸. По торговым делам сюда стали приезжать со всех владений северо-восточного Кавказа, Закавказья и даже Ирана. Так что со временем «посад», возникший у крепости Св. Креста, стал оказывать все большее и большее влияние на экономику края.

Однако роль крепости Св. Креста на Северном Кавказе этим не ограничивалась. Она служила надежной защитой от иноземной агрессии. Приведем только один факт: в 1731 г. войска крымского хана вторглись на Северный Кавказ. Их предводитель известил главнокомандующего в крепости Св. Креста генерала Еропкина, что идет «по указу ханскому на кабардинцев», и потребовал, чтобы генерал «за кабардинцев не вступался». Еропкин «салтану письменно ответствовал и словесно приказывал, чтобы он, салтан, с войском к российским границам в Кабарду не приближался, ибо и он, генерал, принужден будет от своей стороны партию войск послать в защищение подданных е. и. в.»³⁹. А вслед за этим последовал указ правительства, по которому было «велено прямо в Кабарду команду послать и по их иногда требованию порохом, свинцом и пушками их снабдить, и по всякой возможности их, кабардинских владельцев, защищать и до разорения не допускать». А предводителю крымских войск, «если еще оныя от Кабарды не отошли, отозватца письменно» и указать, что «Порта торжественныя обнадеживания о содержании с е. и. в. вечного мира чинила и указы к хану (крымскому.— В. Г.) о том и о возвращении и роспуске в дома тех орд послала, и требовать от них исполнения «воли султана» дабы они возвращались»⁴⁰.

Против наступавших крымских войск, «которые в начале у кабардинцев на полях хлеб и сено пожгли и другие разорения учинили, Еропкин отправил русские войска. Только после этого крымские войска, «устрасась оной (отряда русских войск.— В. Г.), восприняли рейтераду, на которых кабардинцы» при переправе через р. Терек напали «и тех самианов с войсками разби-ли»⁴¹. Коллегия иностранных дел указом от 2 октября 1731 г. вменила коменданту крепости Св. Креста Еропкину в обязанность «непристанно трудиться разведывать, не будет ли» крымский султан мстить кабардинцам. «И ежели паче чаяния кто с крымской или с кубанской стороны на Кабарду наступление чинить будет», защищать кабардинцев⁴².

³⁸ РДО, с. 295.

³⁹ КРО, т. II, с. 43—44.

⁴⁰ Там же, с. 49—50.

⁴¹ Там же, с. 50.

⁴² КРО, т. II, с. 50.

В 1732 г. в ответ на прошение кабардинских князей им было объявлено, что «в защищение и обороне» они, кабардинцы, «с стороны е. и. в. оставлены не будут. И уж наперед сего отправлены е. и. в. ко обретающему в кр. Св. Креста» генералу Еропкину указания, чтобы во время внешней опасности «чинили б им, ...защищение и охранение. И в потребном случае повелено к ним в Кабарду на оборону и войска, и пушки от кр. Св. Креста посылать», как и в прошлом году. Но если кабардинцам от крымского хана «произойдут какие обиды», они должны извещать о случившемся «обретающемуся в кр. Св. Креста командиру»⁴³. Выполняя эти указания русского правительства, комендант крепости Св. Креста не раз отправлял русские войска для защиты Кабарды⁴⁴.

Кроме того, крепость Св. Креста играла роль административно-политического центра Северного Кавказа. Находящиеся в подданстве России феодальные владетели северо-восточного Кавказа получали в крепости жалованье, подарки и награды. Отсюда отпускали им порох, свинец, кремьнь⁴⁵ и другие военные припасы. Здесь разбирались и жалобы феодальных владетелей. В крепости велись переговоры и вырабатывались условия вступления того или иного владельца в подданство России, здесь же присягали на верность и подданство. В крепости же содержались и аманаты из северокавказских владений⁴⁶.

Крепость Св. Креста играла такую роль до того времени, когда по условиям Рештского (февраль 1732 г.) и Гянджинского (март 1735 г.)⁴⁷ договоров Россия уступила прикаспийские провинции Ирану⁴⁸. После этого, в 1735 г., русские войска были переведены на левый берег Терека, а крепость Св. Креста скрыта и все в «оной бывшие и там обитавшие» переведены во вновь укрепленный Кизляр.

* * *

В дружеской семье ряда республик Северного Кавказа издавна живут ногайцы. Описанию их посвящен раздел «Nogaize Tartari — Nogaize Nation». В «Описании» он назван «Ногайцы, народ»⁴⁹.

⁴³ КРО, т. II, с. 70.

⁴⁴ Там же, с. 73, 79, 154.

⁴⁵ РДО, с. 275.

⁴⁶ КРО, т. II, с. 63, 71.

⁴⁷ Полный текст Рештского и Гянджинского договоров см.: Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1864, с. 194—208.

⁴⁸ Подробно о причинах уступки прикаспийских провинций Ирану см.: Сб. РИО, 1886, т. 55, с. 74, 75; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 150—153; Левинатов В. Н. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, с. 98—100.

⁴⁹ Beschreibung..., S. 12—13; ИГЭД, с. 64—65.

Самоназвание ногайцев — «ногай» (ногайлар). Под этим названием они известны и соседним народам Кавказа. Ногайский язык относят к кипчакско-ногайской подгруппе кипчакской группы тюркских языков. О происхождении ногайцев и ногайской этнонимии в исторической литературе высказывался ряд мнений. Но, кажется, в настоящее время большинство ученых придерживается мнения, изложенного в академическом издании «Народы Кавказа». Здесь подчеркивается, что «самоназвание ногайцев — ногай происходит от имени жившего в XIII в. золотоордынского темника Ногая из рода Джучи сына Чингисхана»⁵⁰. Ногай — реальное историческое лицо, неоднократно упоминаемое в арабоязычных и русских источниках⁵¹. Образование ногайской народности связано с распадом Золотой Орды. Известно, что Золотая Орда не была этнически однородной: наряду с монголо-татарами в нее входили и другие компоненты, различные по своей этнической принадлежности, но значительную ее часть составляли кипчаки. Среди монгольских племен, воспринявших от кипчаков тюркский язык, были мангыты, многие из которых были подвластны Ногаю⁵².

В XIV в. в связи с распадом Золотой Орды из нее выделилась Ногайская Орда. Полагают, что ее основой было население, которое сами ногайцы называли «Мангытским юртом», а русские летописи — просто «мангытами». Наименование «мангыт» осталось за одним из подразделений, входивших в состав Ногайской Орды. Наименование «кипчак» или «кыпчак» сохранилось в названиях нескольких ногайских родов, которые так и именовались «кипчакские»⁵³. С середины XIV в. начинается процесс выделения Ногайского улуса, завершившийся к концу века образованием самостоятельной политической единицы. Со временем этот улус под названием «Ногаи» становится известным русским (в конце XV в.) и западноевропейским (с XV в.) авторам⁵⁴. В конце XVI в. о ногайцах пишет турецкий историк Джаниаби. Исследователи считают, что подразделения Ногайской Орды — улусы представляли собой уже не родовые объединения, а феодальные образования, возглавляемые наследственными владельцами, феодалами-мирзами. В основе структуры Ногайской Орды лежал не союз племен, характерный для первобытного строя,

⁵⁰ Народы Кавказа, т. I. М., 1960, с. 391.

⁵¹ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941; *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей, т. 1. М.—Л., 1952, с. 190; *Волкова П. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 77.

⁵² *Греков Б. Д., Якубовский А. Я.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950, с. 84, 100; *Очерки истории Карачаево-Черкесии*. Ставрополь, 1967, т. 1. с. 142.

⁵³ *Очерки истории Карачаево-Черкесии*, т. 1, с. 142.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XIX, с. 8; *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. Пер. с лат. С. А. Аненского. М.—Л., 1936, с. 92—93; *Волкова Н. Г.* Указ. соч., с. 78.

а народность, характерная для периода раннего феодализма⁵⁵.

В это время Ногайская Орда кочевала на запад и восток от Волги. Кочевья доходили и до Северного Кавказа. Но недолго просуществовала Ногайская Орда. В первой половине XVI в. вследствие углубления процесса социально-экономического развития и междоусобиц из нее выделились Большая и Малая Орды, причем Большая Орда в XVI — начале XVII в. стала кочевать на территории между р. Волгой и Уралом, а Малая перекочевала к Днепру, в Нижнее Придонье и в Приазовье. В Предкавказье ногайцы кочевали между р. Маныч и правым берегом Кубани. Отдельные кочевья доходили до р. Терек.

В XVI в. часть ногайцев из кубов (подразделений) Кыпчак, Найман и других во главе с ханами Уракай и Карасой откочевала с Волги в Прикаспийскую низменность. Со строительством русской крепости Терки кочевавшие близ Терека ногайцы приняли русское подданство. Ханом их в конце XVII в. был Башик-Баз-Канбулат. После его убийства вспыхнула борьба между претендентами за власть. В это время четыре ногайских куба: Кыпчак, Найман, Терик и Аскостамгалиев (или ас-Костамгасыев), не желая признать власть ни одного из мурз, откочевали на левый берег Терека, в Маздокскую степь. За это они были названы «яманчи», а затем — «карапогай», т. е. черные, или простые, ногаи⁵⁶. Часть ногайцев, говорится в документе, ушедшая на Дон, откочевала с «улусными людьми к Теркам в Кумыки», откуда позже откочевала к Каспийскому морю «и кочуют ныне меж Койсы и Аксаю»⁵⁷. «Татары ногайские, — свидетельствует французский медик при крымском хане Ферран, — платят хану ежегодно дань, 2000 баранов. В великий байрам обязаны они прислать четыре главных мурзы для поздравления хана с праздником и представления ему в подарок нескольких лошадей и двух жирных птиц для охоты»⁵⁸. Кочевавшие «около терского города ногайские татары «закладывались» за кабардинских князей...»⁵⁹ Ногайцы, кочевавшие в Засулакской Кумыкии, считались подданными эндереевских и аксасевских князей⁶⁰. Эта группа ногайцев именуется аксайско-сулакской. Именно о ней идет речь в анализируемом разделе нашего источника. Территорию кочевья ногай-

⁵⁵ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — УЗМОРУ, 1960, вып. XI, с. 225; Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 143.

⁵⁶ Кужелева Л. Ногайцы. Из истории ногайцев XVIII — начала XX в. — УЗИИЯЛ, 1964, вып. XIII, с. 196.

⁵⁷ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом (1578—1613 гг.). М., 1889, с. 549; Волкова И. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М., 1974, с. 81.

⁵⁸ Ферран. Путешествие из Крыма в Черкессию через земли ногайских татар в 1709 г. — Русский вестник, 1842, № 4, с. 43.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1634, д. 2, л. 222; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVIII вв. М., 1963, с. 122.

⁶⁰ Народы Кавказа, т. I, с. 391.

цев Дагестана И. Гербер определяет как «плоское и чистое поле... около р. Аксай и Сулак»⁶¹.

Установить численность погайцев Дагестана в начале XVIII в. не представляется возможным. В период так называемого персидского похода Петра I, согласно данным Гюльденштедта, на левый берег Терека откочевала 1000 фамилий кумыкских погайцев. Известно также, что в 20-х годах XVIII в. часть погайцев, проживавших близ крепости Терки, со строительством крепости Св. Креста перешла на Сулак, а в 1735 г. генерал Левашев перевел их в числе 420 котлов, или казанов (тягл), разделенных на 13 аулов, к Кизляру⁶². Сколько после этого осталось погайцев в Засулакской Кумыкии — неизвестно. По сведениям Гюльденштедта, относящимся к 70-м годам XVIII в., имелись 44 аула погайцев, из которых 8 находились под властью аксаевских князей, 12 — под властью эндереевских князей, а 24 принадлежали шамхалу Тарковскому⁶³. По сведениям Д. И. Тихонова, относящимся к 1796 г., «от устья р. Сулак и вверх к югу по берегу Каспийского моря до самой речки Таркали-Озень их (погайцев.— В. Г.) считали до 300 кибинок»⁶⁴. По данным А. Комарова, относящимся ко второй половине XIX в., по берегам Сулака и устью его кочевали причисленные к Дагестанской области погайцы, «насчитывавшие 12 юртов, 345 семейств и 1966 душ»⁶⁵.

Конечно, все это приближенные оценки, к тому же в сведениях Комарова отсутствуют данные о засулакских погайцах, так как эта территория под названием Хасавюртовского округа входила в Терскую область. Очевидно, численность погайцев, подвластных аксаевскому владетелю, уже в начале XVIII в. была меньше, чем находившихся в подданстве шамхала. Именно так можно понять утверждение И. Гербера о том, что погайцы «стояли всегда под шамхалом, а несколько из оных под султаном аксаевским»⁶⁶.

В период похода русских войск в Прикаспие к Петру I была депутация погайцев, которая подтвердила свою верность и даже предложила свои услуги в доставке продовольствия для армии. Этот дружественный шаг погайцев был по достоинству оценен русским командованием. По указанию Петра I погайцам было разрешено свободно кочевать вдоль р. Терек и был дан приказ не облагать их никакими налогами. Наблюдение за этой частью погайцев было возложено Петром I на Бековича-Черкас-

⁶¹ Beschreibung..., S. 12; ИГЭД, с. 64; Известия..., с. 15.

⁶² Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 507, 508.

⁶³ *Güldenstädt J.-A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebüge*, Bd. I. SPb. [S. a.], S. 499.

⁶⁴ ИГЭД, с. 130.

⁶⁵ Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области.— ЗКОРГО, 1873, вып. VIII, с. 23.

⁶⁶ ИГЭД, с. 64.

ского⁶⁷. В результате этого многие ногайцы, как отмечалось выше, откочевали к Тереку.

В то же время эндереевские ногайцы, не без влияния своего владельца, отказались подчиниться России. И, вероятнее всего, вместе с ним пытались оказать сопротивление. Вот почему казаки эндереевских «кочевых ногайцев разоряли и в полон брали». Шамхал Адиль-Гирей в письме Петру I от 12 декабря 1722 г. писал: «Мне и Салтан-Магмуту Аксаевскому обиду и разорение учинила, а именно у Салтан-Магмута ногайцев всех отогнали не ведаю, ежели сие указом в. в. учинено. До присзда в. в. пристали к моим ногайцам четыре аула ногайцев, которые после того с арбами под войскамн в. в. были; и понеже опасасюсь, чтобы они таким же образом у меня отняты не были, прошу, чтоб указом повелено было, им вовсе быть у меня»⁶⁸. Была ли удовлетворена эта просьба шамхала, нам неизвестно. Известно одно: как только ногайцы, кочевавшие в Засулакской Кумыкии, признали власть России, последовал специальный указ, который освободил их от уплаты податей владельцам тарковским, эндереевским и аксаевским.

В 1724 г. шамхал Адиль-Гирей жаловался Петру I на генерала Кропотова: «В Уче и на Сулаке,— писал он,— были славные деревни, ис которых я пижайши имел великие доходы и обретающихся во оных деревнях моих подданных народов ногайских, от которых я питался, ныне ген.-м. Кропотов у меня отнял по указу или нет, того не знаю, а ежели без указу оных ногайцев у меня отнял, то от него, ген.-майора, мне zelo обидно будет, о котором разорении прошу всемплостивейшей резолюции, что через несколько лет не имею никаких вотчин так же и жалованья и ни откуда никаких доходов... Того ради прошу в.и.в... дабы повелеть вышеупомянутые деревни так же и определенного жалованья и ногаев по прежнему мне дожаловать»⁶⁹. Сказанное, однако, не означает, что ногайцы Дагестана были вовсе освобождены от уплаты. Как правильно подчеркивал наш автор, доходы, «которые в скотине состоят, прежде сего брал шамхал к себе, а ныне подати платят в кр. С. Креста»⁷⁰.

И. Гербер утверждает, что ногайцы не имели ни деревень, ни домов, жили летом и зимой в кибитках⁷¹. А. Олеарий составил описание ногайской кибитки. Ногайцы, пишет он, живут в избах (кибитках), «которые круглы, с диаметром обыкновенно в 10 душ, сплетены из тростника, камыша и похожи на корзины для кур у нас; сверху они покрыты войлоком, в середине которого оставлено отверстие для дыма... Когда зажженный ими из су-

⁶⁷ УЗИИЯЛ, 1964, т. XIII, с. 197.

⁶⁸ РДО, с. 274—275.

⁶⁹ РДО, с. 291.

⁷⁰ ИГЭД, с. 64.

⁷¹ Beschreibung..., S. 13; ИГЭД, с. 64.

хого кустарника и сушеного коровьего помета костер выгорит, а также уйдет и дым, они опускают верхней кусок войлока». Летом, продолжает А. Олеарий, они не имеют постоянного местопребывания, «тогда они ставят свои избы на высокие телеги, которые всегда стоят возли пих, и перекочевывают с женами, детьми и домашним скарбом, размещенными на коровах, волах, лошадях и верблюдах»⁷². Дополнением к этим данным могут служить свидетельства француза Феррана. Сопровождавший в 1702 г. сына крымского хана Селим-Герая в походе на Северный Кавказ Ферран свидетельствует о том, что «кибитки погайцев, похожие на ветряные мельницы, делаются полукругом и покрываются полстями. Палатку мирзы можно отличить от палатки простолюдина по сабле, выставляемой снаружи над отверстием для трубы»⁷³. Первый рассказ, приведенный нами, — о погайцах, кочевавших юго-западнее г. Астрахань, второй — о погайцах западного Кавказа. Но поскольку образ жизни этих погайцев мало отличался от жизни терских и аксайско-сулакских погайцев, вышеприведенные сообщения вполне могут служить характеристикой и жилища погайцев северо-восточного Кавказа.

Согласно данным нашего источника, дополненным сведениями вышеприведенных авторов, можно заключить, что основным занятием погайцев было кочевое скотоводство. Такого же мнения придерживаются и советские исследователи⁷⁴. Кроме мелкого и крупного рогатого скота, погайцы разводили лошадей и верблюдов. Наш автор прямо говорит об этом: «Погайцы кочуют с места на место, где скотине наилучшей корм найдется, которое больше состоит в верблюдах о двух горбах и скотине рогатой и также в баранах не у многих»⁷⁵. В «Известиях» подчеркивается, что у погайцев имеются «двугорбые верблюды, или дромедары, лошади, рогатый скот и несколько овец»⁷⁶. К сожалению, у нас нет данных, позволяющих определить количество скота у погайцев начала XVIII в. Имеются лишь сведения о караногайцах, относящиеся к первой четверти XIX в. Поскольку эти сведения могут в какой-то степени помочь составить представление о хозяйстве погайцев, мы посчитали нелишним привести их. Согласно этим данным, Найманов куб насчитывал 784 семейства, более 5700 лошадей, более 10 900 голов крупного рогатого скота и более 58 тыс. овец. Аскостамгалиев куб имел 779 семейств, более 8600 лошадей, более 7200 голов крупного рогатого скота и более 77 700 овец⁷⁷.

⁷² *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 403.

⁷³ *Ферран.* Указ. соч., с. 44.

⁷⁴ *Народы Кавказа*, т. I, с. 393.

⁷⁵ ИГЭД, с. 64.

⁷⁶ *Известия..*, с. 15.

⁷⁷ *Кужелева Л.* Указ. соч., с. 204—205.

В связи с разбираемой темой, на наш взгляд, большой интерес представляет следующее сообщение Феррана: «В ногайских странах нет гор, но есть большие равнины, орошаемые несколькими речками, берега коих отчасти обрабатываются ногайцами и засеваются пшеницей. Ногайцы недолго живут на одном месте. Несколько далее остаются они только там, где засеяли поля, но по окончании жатвы перекочевывают в другие места»⁷⁸. Записались ногайцы и домашними промыслами. Кубанские ногайцы с XVIII в. вели «оседлый образ жизни и издавна занимались земледелием»⁷⁹. Согласно имеющимся данным, ногайцы Дагестана занимались также торговлей. «Торгуют лошадьми и верблюдами», — подчеркивает И. Гербер.

Выше уже говорилось, что ногайцы еще в XV в. были народностью, «характерной для периода раннего феодализма». В последующем процесс феодализации еще более углубился. Они находились в феодальной зависимости от шамхала и кумыкских князей. К тому же ногайское общество давно было разделено на два основных класса феодального общества. К господствующему классу относились мурзы, султаны, кайбаны и местное мусульманское духовенство⁸⁰. Вот как характеризует представителя господствующего класса ногайцев Ферран: «Дворянин ногайский всегда носит на руке охотничью птицу. Никто не может принудить его заяться работою, знакомою ему только по слуху»⁸¹.

К эксплуатируемому классу ногайцев относились «асланбийки» (лично свободные). Это сословие в описываемое время было неоднородно. По мере развития феодальных отношений оно выделяло буилков, стоявших на положении крепостных, и «богачей», по своему имущественному положению приближавшихся к господствующему классу. Наиболее угнетенными были йоллы, кулы — крепостные.

* * *

Обширную территорию Терско-Сулакской и Прикаспийской низменностей, от р. Терека до Башликентской речки, населяли кумыки, ногайцы и др. Население этой территории наш автор называет (кроме ногайцев и аксаевцев, именуемых «татары») дагестанцами, кумуками (Dagestanze, Kumuki), язык аксаевцев и эндереевцев — татарским, а тарковцев — «татарской с турецким помешанный»⁸². Кумыками И. Гербер называет также даргинцев, акушинцев, кубачинцев, часть лезгин-кюринцев, табасаранцев, лакцев и др. Но в отличие от других указанных народов он не только называет лакцев кумыками, но и их язык кумык-

⁷⁸ ИГЭД, с. 64.

⁷⁹ Известия..., с. 15.

⁸⁰ Народы Кавказа, т. I, с. 393.

⁸¹ Ферран. Указ. соч., с. 46.

⁸² Beschreibung..., S. 25; ИГЭД, с. 70.

ским. На карте И. Гербера территория, населенная лакцами, также обозначена «Казы-Кумуки» (Chassy Kumuki) и «Кумуки» (Kumuki)⁸³. Прожив несколько лет в Дагестане, неоднократно встречаясь с кумыкским населением, он почему-то его язык не называет кумыкским. Только за счет незнания это никак не отнесешь. Остается предположить, что автор пользуется общепринятой в то время терминологией. Но и это требует объяснения.

Общеизвестно, что в русских документах XVI—XVIII вв. термины «кумык», «кумыцкие князья», «кумыцкие люди» употребляются неоднократно. Однако при детальном анализе выясняется, что ими обычно обозначалась вся территория шамхальства, равнинная и нагорная. Правда, этими же терминами нередко обозначались и отдельные районы, в том числе и равнинная часть, населенная кумыками. Но это дела не меняет, поскольку и в этом случае речь идет об отдельных частях, входящих в шамхальство. «Кумыки или кумыцкая земля, — подчеркивает Е. Н. Кушева, — термин, объединяющий в XVI—XVII вв. владения шамхалов и других кумыкских ханов и мурз Северного и приморского Дагестана»⁸⁴.

Достоверными данными, свидетельствующими о том, как сами кумыки называли свой язык в XVI — начале XVIII в., мы не располагаем. Дошедшие до нас грамоты XVII в. шамхалов обозначены как грамоты, написанные на джагатайском языке. Под этим названием они и хранятся в наших архивохранилищах. Небезынтересно отметить, что и Г. Алкадари, описывая население Тарков, Бойпака, Казанища и других кумыкских селений, указывает, что они говорят «на джагатайском языке»⁸⁵.

За последнее время проделана большая работа по изучению истории и этнографии кумыков. Советскими исследователями установлено, что кумыки являются автохтонным населением Дагестана⁸⁶. Но, к сожалению, специалисты не пришли к единому мнению относительно происхождения самого этнонима «кумык». Ряд дореволюционных и советских авторов (А. К. Бакихайов, А. И. Тамай, С. А. Токарев и др.) производят этноним «кумык» от «кимаки» (кипчаки). Исследователь истории и этнографии кумыков С. Ш. Гаджиева, в частности, пишет: «Мы склонны считать более правильной гипотезу о кипчакском происхождении эт-

⁸³ Beschreibung..., S. 63; ИГЭД, с. 102.

⁸⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 62.

⁸⁵ Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, с. 18.

⁸⁶ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958, с. 228—229; Миклашевская Н. Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. — КСИЭ, 1953, вып. XIX, с. 68—70; Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Дагестане. — В кн.: Антропологический сборник, вып. 1. М., 1956, с. 204—237; Федоров Я. А. К вопросу об этногенезе кумыков. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1959, вып. 1, с. 104—116; Он же. Происхождение кумыков. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1961; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961, с. 33—45.

нонима «кумык», хотя окончательно решить этот вопрос пока не представляется возможным»⁸⁷. Автор работ о происхождении кумыков Я. А. Федоров считает, что «этот этноним связан с коренным дагестанским топонимом «Къумукъ», «Гумык»⁸⁸. Иначе говоря, Я. А. Федоров этноним «кумык» связывает с названием лакского сел. Кумух, некогда являвшегося резиденцией шамхальства, куда, как известно, входила и территория, населенная кумыками. Аналогичного мнения придерживается и В. Ф. Минорский. «Возможно,— пишет он,— что имя кумык то же, что и горское Гумик-Кумух, ввиду того, что правители этих тюрков... носившие титул шамхала, вышли из Гази-Кумуха»⁸⁹⁻⁹⁰. С мнением исследователей, допускающих возможность превращения топонима Кумух-Гумик, мы ознакомили советского лингвиста В. И. Абаева. В своем письме от 5 января 1976 г. к автору этих строк он пишет: «Связь этнонима «кумык» с названием лакской столицы «Кумух» весьма вероятна. Но какого происхождения этот термин? В моем этимологическом словаре я высказал догадку, что он связан с названием «куманов» (половцев)»⁹¹. К этому можно добавить, что источники XVI—XVIII вв. очень часто называют кумыками и собственно кумуков и лакцев⁹². В Тарках живут кумыки. В горах над Тарками живут также кумыки⁹³. Автор начала XIX в. С. Броневской в своем известном сочинении специальную главу назвал «Кумыки или Кумухи аксаевские»⁹⁴. Такие же сведения содержат сочинения П. Г. Буткова⁹⁵ и даже памятники эпиграфики⁹⁶. Однако приведенные суждения не решают вопроса об этимологии этнонима «кумык», но эти сведения во многом помогут читателю в правильном понимании анализируемого нами источника, что, собственно говоря, и является целью наших изысканий.

В начале XVII в., как известно, Засулакская Кумыкия отпала от шамхальства. И это связано с именем одного из сыновей шамхала Андия, рожденного кабардинкой,— Султан-Махмуда, которого чаще называют Султан-Мутом. При этом процесс обособления Засулакской Кумыкии, как и следовало ожидать, вызвал феодальную междоусобицу. В борьбу шамхалу Эльдару удалось вовлечь даже терских воевод. Сообщая об этих событиях,

⁸⁷ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 45.

⁸⁸ Федорова Я. А. Происхождение кумыков, с. 11; см. также: *Он же*. К вопросу об этногенезе кумыков, с. 112—114.

⁸⁹⁻⁹⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, с. 131.

⁹¹ См.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II. Л., 1973, с. 326.

⁹² Оларий А. Указ. соч., с. 498, 503 и др.

⁹³ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958, с. 70.

⁹⁴ Броневский С. Указ. соч., ч. 2, с. 187.

⁹⁵ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 3.

⁹⁶ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I. М., 1966, с. 81, 153.

в которых принимали участие царские войска, терский воевода в 1615 г. доносил: «И божею-де, государь, милостию и твоим государевым счастьем на том бою Султан-Махмудовых и Турловых князя и мичикизских людей побили до смерти 140 человек, а иных-де переранили и живых поймали... И на том же-де, государь, бою твои государевы ратные люди убили горского Турлова князя сына, казикумыцкого княжества Алибекова сына Сурхай-Мурзу»⁹⁷. Из документов видно, что в междоусобной борьбе участвовали и казикумыцкие, и аварские феодалы. И сражение, о котором идет речь, как будто закончилось с большим уроном для Султан-Махмуда и его сторонников. Но каковы бы там ни были результаты сражения, все же шамхалу не удалось вернуть под свою власть Засулакскую Кумыкию.

В последующем удел Султан-Махмуда распался на несколько самостоятельных владений. Наш автор упоминает три провинции. Первая из них — «Territor Axaу» (в «Описании» носит название «Аксай уезд»), как известно, обособилась от Эндереевского владения и стала самостоятельным владением во второй половине XVII в. Во втором параграфе второго раздела «Beschreibung» и в четвертой статье «Описания» подчеркивается, что этот уезд «состоит в нескольких деревнях, которые подле реки Аксай построены»⁹⁸. В «Известиях» подчеркивается, что «земля Аксай состоит из многих по обеим сторонам реки Аксай лежащих деревень»⁹⁹. По этим данным трудно даже определить точнее месторасположение Аксаевского владения. Согласно имеющимся у нас данным, Аксаевское владение в начале XVIII в. занимало территорию по течению рек Аксай, Ямансу до Каспийского моря. Согласно «реестру горским владельцам», составленному Д. Ф. Еропкиным в 1732 г., в Аксаевское владение входили также чеченские селения Сику, Нуямберды, Апоигур, Кошкельды, Алпаул, Наурус¹⁰⁰. (Перечень названий едва ли сохранился полностью, а транскрипция уцелела от искажений.) Аксаевскими владельцами, как показывают документы, правда позднего происхождения, являлись Алибековы, Каплановы, Ильдаровы, Уцмиевы, Арсланбековы.

В изучаемое время старшим князем Аксаия был тесть шамхала тарковского Султан-Махмуд. Он, так же как и шамхал, придерживался русской ориентации. Об этом свидетельствует множество документов и тот факт, что во время пребывания русских войск в Прикаспии он 6 августа 1722 г. вместе с посланцем шамхала прибыл к Петру I. Тогда Султан-Махмуд подарил императору шесть лошадей и 100 быков на содержание войск¹⁰¹. Вме-

⁹⁷ Институт истории СССР АН СССР, Отдел рукописных фондов, А., д. 24, л. 224.

⁹⁸ Beschreibung..., S. 6; ИГЭД, с. 162.

⁹⁹ Известия..., с. 16.

¹⁰⁰ ИГЭД, с. 123.

¹⁰¹ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 23.

сте со своими «братьями Чопаном да Мусалом» он имел личную встречу с Петром I. При виде императора, говорится в официальном документе, они «пали на колени и притом Солтан-Магмут говорил, что они желают быть под протекциею е. в., и что они содержаны будут в его протееции»¹⁰². И впоследствии Султан-Махмуд неоднократно обращался к России и каждый раз подчеркивал свое стремление сохранить верность и желание служить России¹⁰³. И надо сказать, что он и на деле придерживался прорусской ориентации. В 1725 г., когда шамхал Адиль-Гирей вел подготовку к антирусскому выступлению, Султан-Махмуд наотрез отказался выступать против России. Более того, он сообщил коменданту крепости Св. Креста о намерениях и приготовлениях шамхала. Такое поведение Султан-Махмуда, кроме всего прочего, очевидно, объясняется еще и тем, что старший аксаевский князь сам мечтал занять престол шамхала. Он еще в 1722 г. в письме от 3 сентября писал Петру I: «Адил-Гирей шамхал фамилею не честиныя и годами не старее нас, но с нами фамилиею равен, в годами я, Солтан-Магмут, его старее. Он же шамхал говаривал, что шах его чином сим шамхальским пожаловал, но ныне сказывал, что он получил от в. в. то принужден молчать, а я окроме в. в. ни на кого не надеюся...»¹⁰⁴.

В свете сказанного, кажется, прав И. Гербер, который утверждает, что, когда шамхал в 1726 г. был взят в плен, Султан-Магмут Аксайский «обрадовался и имел надежду, что он через щастие шамхальское себе щастие получит и шамхалом назначен будет»¹⁰⁵. Тем более что «бывший шамхал назначил его наследником своим»¹⁰⁶. Однако И. Гербер допускает неточность, говоря, что Султан-Махмуд и его предки только после строительства крепости Терки были «страхом приуждены» придерживаться добрососедских отношений с Россией¹⁰⁷. В «Известиях» эта мысль излагается следующим образом: аксайцы «до строения города Терки притворялись быть в подданстве России, а на самом деле больше были подвластны персианам»¹⁰⁸. Официальные документы не оставляют сомнения, что предки Султан-Махмуда, элдереевские князья, задолго до строительства крепости Терки обращались к России с просьбой принять их в подданство и покровительствовать им¹⁰⁹. Что же касается старшего князя Ак-

¹⁰² РДО, с. 247.

¹⁰³ Там же, с. 248, 250, 258 и др.

¹⁰⁴ Там же, с. 258.

¹⁰⁵ ИГЭД, с. 63.

¹⁰⁶ ИГЭД, с. 62.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Известия..., с. 17.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. XIII (1-я половина), с. 313, 322; Белокуров С. А. Указ. соч., с. 51; Книга Степенная, ч. II. М., 1775, с. 295; КРО. т. I, с. 5; Смирнов П. А. Политика русского государства на Кавказе в XVII—XIX вв. М., 1958.

сая, как уже отмечалось, оп с самого пачала XVIII в. поддерживал с Россией добрососедские отношения. Поэтому было бы также неверно, да еще и с такой категоричностью, как это делает И. Гербер, утверждать, что аксаевские владетели до 20-х годов XVIII столетия находились под властью Ирана.

Несомненный интерес представляют и сведения нашего источника о наследовании достоинства шамхала. О шамхале и его наследнике крым-шамхале речь будет идти ниже, здесь же укажем, что И. Гербер прав, утверждая, что шамхальское достоинство переходило к старшему в семье. Такого рода данные содержат и другие источники. Но в них не встречается сведений о назначении наследниками шамхальского престола — крым-шамхалами — владетелей Аксая. И поэтому сообщения анализируемого источника представляют для нас определенную ценность. Однако утверждение его, что «сыновья шамхальские после отцовской смерти никогда не последовали и принуждены были в Испагане у шаха своего услугою пожалованы или куда определенным быть»¹¹⁰, нельзя понимать буквально.

Из текстов анализируемого источника может создаться мнение, будто Аксаевское владение этнически было однородным. Однако это не так. Основную часть его населения составляли кумыки, но вместе с ними проживали чеченцы и ногайцы¹¹¹.

Большой интерес представляет сообщение И. Гербера о занятиях и вооружении аксаевцев. Мы узнаем, что они занимались земледелием и скотоводством, причем земледелие занимало ведущее место. Здесь, как и во всей Засулакской Кумыкии, производились «пшеница, ячмень, просо, овощи»¹¹², много собиралось и «хлопчатой бумаги»¹¹³. По свидетельству нашего автора, аксаевцы «употребляют часть огненной, часть луков и всеми добрыми саблями»¹¹⁴. Не приходится сомневаться в том, что часть этого вооружения, особенно оружие с «огненным боем» — пинцали, так же как и в страны Востока, вывозилась из России¹¹⁵, что также свидетельствует о тесных связях жителей этого владения с Россией.

Не совсем точен И. Гербер, утверждая, что Аксай до 1722 г. находился под властью Персии. В России, как и в других европейских государствах, в первой половине XVIII в. продолжали почему-то считать территорию северо-восточного Кавказа зависимой от Ирана, хотя здесь никакой иранской администрации не было, а население края не несло никаких обязанностей, которые могли в какой-то степени означать его зависимость от Ирана.

¹¹⁰ ИГЭД, с. 62; Beschreibung..., S. 6.

¹¹¹ РДО, с. 274.

¹¹² АВПР, ф. Кабардинские дела 1765—1767 гг., оп. 115/2, д. 17, л. 39.

¹¹³ Известия..., с. 17.

¹¹⁴ ИГЭД, с. 62.

¹¹⁵ Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956, с. 53—55.

Правда, бывали случаи, когда какой-нибудь неудачник феодал, не найдя на месте поддержки своим притязаниям, обращался к шахам Ирана. Однако феодалы обращались не только к Ирану. Более того, если говорить об обращениях феодальных владетелей, то мы должны констатировать, что начиная с 70-годов XVII в. они больше всего обращались к России¹¹⁶. И в этих обращениях нередко выражалась просьба приять их в подданство России. Даже эти факты указывают на то, что неверно считать эту территорию зависимой от Ирана.

* * *

Отдельный параграф немецкого текста «Endrey Territorium» («Эндреевская территория») раздела «Провинция Дагестана» нашего источника посвящен изучению Эндересевского владения, в описании — «Андрей, или Эндрей, уезд»¹¹⁷. И. Гербер считает, что Эндерей был основан беглыми людьми и казаками и что «оные соединились с такими татарами, которые также же промыслы употребляли, и купно с оными укрепились чрез выстроение оной деревни Андрей»¹¹⁸. Об основании Эндерея выходцами из России пишут и другие авторы, приводя соответствующие предания. Бергман приписывает основание Эндерея (Андреева-городка) русским войскам в XVI в. Другие полагают, что «андреевские кумыки ведут свой род от атамана гребенских казаков Андрея»¹¹⁹. То, что Эндерей не был основан выходцами из России, не приходится доказывать, об этом хорошо знали еще дореволюционные авторы. Тем не менее эти предания, особенно рассказ нашего автора, представляют известный интерес, поскольку они свидетельствуют о давних связях самих народных масс России и Дагестана.

В одной из легенд рассказывается, что первоначально в Эндерее жили «тюмени», а недалеко от них в предгорьях — гуены. Они враждовали между собой, только Индер-бай из тюменей был другом гуенов. Однажды он узнал о готовящемся нападении тюменей на гуенов и сказал об этом последним. Это их насторожило, и они стали готовиться к сражению. Однако дело завершилось тем, что тюмени оказались вынужденными выпить приготовленный для гуенов яд. А когда большинство мужчин-тюменей погибло, гуены без труда заняли понравившуюся им территорию и в знак благодарности назвали селение именем Индер-бая, а со временем оно изменилось в Эндерей. «В основе этой легенды,— заключает С. Ш. Гаджиева,— исторический факт: гуены и тю-

¹¹⁶ РДО, с. 200—223.

¹¹⁷ Beschreibung..., S. 16; ИГЭД, с. 69.

¹¹⁸ ИГЭД, с. 69—70.

¹¹⁹ Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алихапова-Аварского. Тифлис, 1898, с. 49.

менцы, племена, вероятно, тюркоязычные, действительно обитали на данной территории после монголо-татарского нашествия и были одними из основателей Эндрея, давшими свое название двум кварталам этого селения: Тюмен-аул и Гуен-аул»¹²⁰.

По другим данным, «Эндери» образовали жители восьми аулов, названия которых сохраняются в названиях кварталов: Гуен-аул (гузский), Гуен-аул, Темир-Чагъар-аул, Сала-аул, Мычыгыш-аул (чеченский), Джуфут-аул (еврейский)¹²¹. По Л. Н. Грену, в Эндерее были кварталы, которые назывались гужский, гузский, кумыкский, чеченский, еврейский¹²². По объяснению самих эндереевцев, Эндир, точнее, Индир значит место, где молят хлеб, т. е. приготовленные для этого круглые плодочки¹²³.

М. И. Артамонов связывает топоним «Эндери» с названием хазарского города Семендер. Созвучие «названий Эндери и Семендер,— писал М. И. Артамонов,— особенно убедительно, если у последнего отбросить приставку «сем», «сам», характерную для наименований многих хазарских городов: Сам-Крц, Сам-Бат, Сам-киор, Сам-Бюртес... Если это так, то название современного аула Андреево или Эндери... можно принять за единственный пока реальный остаток древней хазарской столицы Семендера. Сам-ендери, образовавшийся таким же путем, каким название Сам-Крц превратилось в Керчь»¹²⁴. Однако М. И. Артамонов почему-то не коснулся этого вопроса в своей монографии «История хазар». Мнение, что Эндери происходит от Семендера, поддерживает Г. С. Федоров¹²⁵.

Все эти суждения не оставляют сомнения в том, что вопросы об этимологии Эндери нуждаются в более глубоком изучении. Вместе с тем приведенные мнения, хотя и противоречат друг другу, сходятся в одном. Все они, за исключением мнения нашего автора, отнесли возникновение Эндери в глубь веков. Достоверно известно, что Эндереевский удел, или бийликство, образовался в конце XVI в., и связано это событие с именем одного из сыновей Чопан-шамхала и кабардинки из рода Анзоровых — Султан-Махмуда. После смерти отца братья не хотели признать его права на наследство шамхала; Султан-Мут с помощью собранного отряда в Кабарде и при поддержке части кумыков принудил братьев признать его владельцем всей Засулакской Кумыкии¹²⁶.

¹²⁰ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 193—194.

¹²¹ Федоров Г. С. К вопросу о местонахождении столицы Хазарского каганата — г. Семендера. — ВИД, 1975, вып. II, с. 307.

¹²² Грен А. Н. Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ. — Труды Русского археологического о-ва (М.), 1907, т. 21, вып. 2, с. 134.

¹²³ Берже А. Чечня и Чеченцы. Тифлис, 1859, с. 136.

¹²⁴ Артамонов М. И. Очерки древней истории хазар. М., 1936, с. 97.

¹²⁵ Федоров Г. С. Указ. соч., с. 307—308.

¹²⁶ Алкадари Г. Указ. соч., с. 50.

В начале XVII в. между эндереевским владельцем и тарковским шамхалом Эльдаром разгорелась междоусобная борьба за престол¹²⁷. И лишь благодаря вмешательству России в 1615 г. Эльдар сумел сохранить за собой тарковский престол. Однако борьба между ними не раз еще возникала¹²⁸. При внуках Султан-Мута, как свидетельствуют документы, они помирились¹²⁹. Из Эндереевского владения выделались два самостоятельных владения — Аксаевское и Костиковское. Однако и после этого эндереевский правитель оставался наиболее влиятельным владельцем Засулакской Кумыкии.

В 1614 г. впервые решением боярской думы эндереевские владельцы были «под государеву руку чиняты»¹³⁰. В 1616—1638 гг. одновременно с владельцами Кумуха, Тарков, Карабудага эндереевский владетель повторил шерт на русское подданство¹³¹. В 1641 г. эндереевский владетель вновь дал присягу на подданство России. В ней, между прочим, указывалось: «мпе... и детям моим... и роду моему, и племянникам, и мурзам государева повеленья слушать и служить ему, государю... Царю Михаилу Федоровичу и... ки. Алексею Михайловичу... впредь... служите и прямите и во всем добра хотите...»¹³². В 1643 г. эндереевский владетель в челобитной к Михаилу Федоровичу, отмечая, что он «шертовал государю служить», писал: «А которые, государь, людишки мои и уздепий моих бегают из эндереевой деревни... в Терской город и живут за Муцал-мурзою и за иными мурзами. И я, холоп твой, был челом тебе... и... твоим государевым воеводам в листу писал, чтоб тех моих беглых людишек,... сыскав», вернули. Но «воеводы тех беглых людишек,... несыскивают, и мурзам про то не говорят, и меж нами ссору чинят»¹³³.

Кстати сказать, на терских воевод в 1650 г. жаловался и шамхал. Очевидно, возникшее в результате действий терских воевод недовольство вместе с другими причинами сыграло определенную роль в последовавшем за этими жалобами решении ряда феодалов Дагестана напасть на сулженский городок¹³⁴. Вскоре, однако, конфликт был улажен, и уже в 1653 г. эндереевский владетель Казанали писал Алексею Михайловичу: «Отец мой Султан-Магмут служил отцу твоему... в холопстве правдою. А я также хочу вам, великому государю, служить правдою»¹³⁵.

¹²⁷ Институт истории СССР АН СССР, Отдел рукописных фондов, Л., д. 24, с. 89; РДО, с. 49—54.

¹²⁸ РДО, с. 111—123.

¹²⁹ Там же, с. 67—70.

¹³⁰ Там же, с. 46.

¹³¹ Там же, с. 146—149.

¹³² Там же, с. 154—156.

¹³³ Там же, с. 163.

¹³⁴ Там же, с. 181—184.

¹³⁵ Там же, с. 191—192.

В начале 20-х годов XVIII в. неприязненными стали отношения эндереевского владельца с терскими воеводами. «Эндереевские владельцы... — пишет П. Г. Бутков, — которые, владея еще и знатною частию чеченцев, в минувшем 1721 г. причинили толико вреда окольным г. Терки, а теперь ожидая российского мщениия и не изъявляли покорности, которой ожидали по утверждению Вольнского, приготовились у обороне»¹³⁶. А когда шедшая «сухим путем» часть войск Петра I достигла пределов Эндерея, ее владельцы пытались оказать сопротивление, но без особого труда были разбиты. Об этом пишет и наш автор и совершенно справедливо замечает, что вскоре же после этого Айдемир со знатными людьми явился в лагерь русских войск, просили прощения и присягнули на верность России¹³⁷. В письме от 3 сентября 1722 г. к Петру I эндереевский князь Солтан-Махмуд писал: «Я раб в.в... милосердие явите, чтобы по требованию моему» казаки оказывали помощь, «а мы, отцы и деды наши — рабы в.в» — и просил, чтобы сына его Хасан-бека и племянника Мухаммед-бека приняли на службу в г. Терки¹³⁸.

Все приведенные нами данные о связях Эндереевского владения с Россией убедительно показывают, что мнение нашего автора, сводящее эти взаимоотношения к вражде и столкновениям, не соответствует исторической правде. Вместе с тем эти же факты свидетельствуют, вопреки утверждению И. Гербера, что эндереевский владелец вступил в подданство России задолго до 1722 г.

Не совсем точен наш автор в определении границ Эндереевского владения. Он считает, что весь уезд состоит из одной большой (великой) деревни и к «оной... принадлежит уезд невеликий, в котором татары построились»¹³⁹. На самом деле, как отмечалось выше, это было самое крупное владение Засулакской Кумыкии, где проживали не только кумыки, которых, как надо полагать, И. Гербер называет «татары», но и чеченцы, горские свреи и др.

Касаясь хозяйства жителей, наш автор сообщает, что они «имеют пашни и скотину». Не случайно, что в начале говорится о пашне. Это, очевидно, надо понимать в том смысле, что земледелие играло первенствующую роль в экономике жителей Эндереевского владения. За свою многовековую историю кумыки, в том числе и эндереевские, знали трехпольную систему земледелия (они практиковали и поднятие пара — «ургба»), им хорошо были известны также приемы искусственного орошения полей. Они выращивали пшеницу, ячмень, просо, рис и другие культуры, но предпочитали озимую пшеницу и ячмень¹⁴⁰. Второй по

¹³⁶ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 21.

¹³⁷ ИГЭД, с. 70; Beschreibung..., S. 17.

¹³⁸ РДО, с. 256—258.

¹³⁹ ИГЭД, с. 69; Beschreibung..., S. 16.

¹⁴⁰ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 62—66.

значению отрасли, как можно понять из анализируемого источника, являлось скотоводство, причем «первое место в скотоводстве занимал крупный рогатый мясо-молочный скот. Но не менее значительна была в степных районах и роль овцеводства»¹⁴¹. Эндереевцы занимались разнообразными кустарными промыслами¹⁴². Немалую роль в их экономике играла и торговля.

* * *

В параграфе 4 раздела «Дагестан» немецкого текста даны сведения о территории Шубган-шамхала («Territorium Schubgan Schemchal»), в «Описании» — «Шубган Шамхалу подлежащем уезде». Согласно этим текстам, «уезд» расположен «между реками Сулак и Аксай, в нижних горах состоит в немногих деревнях». Население его исповедует магометанство супнитского толка и говорит на языке «татарско-турецком помешанном», а владелец их Шубган-шамхал (Schubgan Schamchal)¹⁴³. Из этих отрывочных и не совсем ясных данных можно только определить, что население «уезда» говорило на кумыкском языке, ибо, как отмечалось выше, под татарско-турецким И. Гербер понимал этот язык. Гораздо сложнее обстоит дело с вопросом локализации «уезда». Трудно также по одним данным анализируемого источника определить, о каком шамхале идет речь.

Чтобы выяснить все эти вопросы, необходимо уточнить ряд обстоятельств. Очень важно попытаться установить, когда и при каких обстоятельствах образовался этот «уезд». В «Описании» говорится, что владелец уезда Шубган-шамхал должен был наследовать власть шамхала. Но Адиль-Гирей «збил сего Шубган Шамхала и сам на его место стал», затем он обратился за помощью к России. Комендант Терки будто бы удовлетворил его просьбу и отправил к Адиль-Гирею команду, состоящую из унтер-офицера с барабанщиком и 12 рядовых. Эти сведения нашего источника подтверждают и дополняют архивные материалы. Шамхалу Адиль-Гирею в Тарки из Терки, доносил посланец Алипкак Магометов, прислал «от коменданта 15 человек солдат с 3 пушками». Даже этот небольшой отряд, не представлявший серьезной угрозы, оказывается, повлиял на решимость Шубган-шамхала. Он понял, что ему неоткуда ждать поддержки, и будто поэтому «отказался от шамхальства», а «взамен этого он выпросил себе... сей малый уезд»¹⁴⁴. Аналогичные сведения содержат и «Известия». Правда, здесь имеются некоторые интересные детали, дополняющие этот сюжет. Повторяя рассказ об изгнании Шубган-шамхала, «Известия», в частности, констатируют,

¹⁴¹ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 71.

¹⁴² Подробно об этом см.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 76—99.

¹⁴³ Beschreibung..., S. 38; ИГЭД, с. 73.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. Кумыкские дела, 1719 г., д. б/н, л. 53.

что Шубган был утвержден шахом Ирапа в достоинстве шамхала, а Адиль-Гирей смог изгнать его «вспоможением Российского двора»¹⁴⁵. После чего, дескать, он взял «небольшую землицу, между крепостью Святого Креста и рекой Аксаем против гор»¹⁴⁶.

О чем говорят эти сведения и насколько верно они отражают действительные события? Попытаемся разобраться в этом. Согласно дошедшим до нас документальным данным, в самом начале XVIII в. в шамхальстве действительно разгорелась междоусобная борьба за владельческие права. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Адиль-Гирея, с которым он обратился в 1717 г. к Петру I. В нем Адиль-Гирей старается убедить императора, что его противники андереевский Мулхат и «Чобан-шевкал» являются также врагами России¹⁴⁷. Этого же вопроса шамхал касается и в своем донесении Петру I от 20 апреля 1719 г. Здесь он уже прямо пишет, что «выгнал из Тарков Молата-шавкала, ис Андреева деревни князя Чобан-Шавкала, и брата своего родного большого Муртазалея, которые держали партий персидского шаха»¹⁴⁸. Эти сведения подтверждают и другие документы. Посланец персидского воеводы Алипкач Магомедов доносил: «Адиль-Гирей выгнал из Тарков Молата-шавкала ис Андреева деревни кн. Чобан-шамхала».

Понятно, что борьба между претендентами на шамхальское достоинство возникла не потому, что Чобан-шамхал и его сторонники изменили России. Тем более что сам Чобан-шамхал не только отрицал эти факты, но и при всяком удобном случае утверждал, что его предки и сам он «из древних лет служил верно, ибо когда бывали злоумышления к гор. Терки... я труды имел, которые всем казакам и терским жителям известно»¹⁴⁹. Для междоусобной борьбы были более глубокие социально-политические причины.

Однако нас пока что интересует личность самого Шубган-шамхала. Из вышеприведенного письма Адиль-Гирея можно понять, что он до своего изгнания жил в Эндерее. Сам он в письме к Петру I именует себя «Чобан-шамхал горский»¹⁵⁰. Ответная грамота Петра I от 26 июля 1720 г. адресована «Чобан-шамхалу горскому и андреевским начальным»¹⁵¹. Сведения этих документов не только совпадают с данными нашего источника, но и в какой-то степени дополняют их весьма важными для предмета наших изысканий деталями. Эти документы показывают, что Шубкан-шамхал нашего источника и Чобан-шамхал — одно и то же лицо, что Шубкан-шамхал (теперь мы вырав-

¹⁴⁵ Известия..., с. 37.

¹⁴⁶ Там же, с. 40.

¹⁴⁷ РДО, с. 226.

¹⁴⁸ ЦГАДА, ф. Кумыцкие дела, 1719 г., д. 6/п, л. 53; РДО, с. 228.

¹⁴⁹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1723 г., д. 8, л. 177—178.

¹⁵⁰ РДО, с. 235.

¹⁵¹ Там же, с. 236.

называть его Чобан-шамхал) не был правителем в Тарках и поэтому не мог быть изгнан оттуда. Он, оказывается, проживал в Засулакской Кумыкии. Об этом же говорит родословная шамхалов тарковских¹⁵². Но тогда почему в его титулатуре имеется определение «горский». Может быть, оно образовалось от Дагестана — горная страна, дагестанский, горский, но это лишь наши догадки. Однако дело не только в этом, гораздо важнее выяснить, действительно ли Чобан-шамхал являлся эндереевским владельцем. Все вышеприведенные документы на этот вопрос как будто дают положительный ответ. Однако имеются данные, прямо указывающие, что владельцем Эндерея был Айдемир. «Андреевский владелец Айдемир», — сообщает сам Чобан-шамхал¹⁵³. То же самое пишет и И. Гербер в статье, посвященной описанию Эндерея. Он прямо указывает, что эндереевский владетель, «именем Айдемир»¹⁵⁴.

Кажется, что мы столкнулись с неразрешимым противоречием. Однако имеющиеся материалы дают основание утверждать, что владельцем Эндерея на самом деле был Айдемир, а что касается Чобан-шамхала, то он только здесь проживал. А получилось это вот как. Во время междоусобной борьбы был убит отец Чобан-шамхала. Тогда противник его, один из владельцев Эндерея, Али-бек, «понеже он (Чобан-шамхал.— В. Г.) был тогда млад, то сожалея об нем, наки онаго в юрты свои посадил, с которого числа и по ныне жил в Андреевской деревни»¹⁵⁵. Интересные сведения содержит письмо самого Чобан-шамхала к Петру I от апреля 1720 г. «Брат наш,— писал он,— как был шамхалом, брал он с персиян повсегодно по 20 000 рублей денежного жалованья, и после смерти нашего шамхала шамхальство персияне отдали Адилу-Гирею»¹⁵⁶. Но мы знаем, как Адиль-Гирей стал шамхалом. Знаем также, что вместе со старшим эндереевским владельцем Айдемиром Чобан-шамхал, в 1721 г. «причинивший столько вреда окольным города Терки», в 1722 г. при движении войск Петра I, «ожидая Российского мщения»¹⁵⁷, оказал сопротивление кавалерии, «шедшей сухим путем». Итак, мы теперь как будто выяснили, кто такой Шубган-шамхал нашего источника. Остается определить месторасположение его «уезда».

В нашем распоряжении имеются лишь данные, сообщаемые самим И. Гербером. Другие источники, как отмечалось выше, об этом «владении» умалчивают. О нем нет упоминаний и в официальной переписке шамхала тарковского и владельцев Засулакской Кумыкии с Россией. Такое могло произойти, оче-

¹⁵² ССКГ, 1868, вып. I, с. 81.

¹⁵³ РДО, с. 259.

¹⁵⁴ ИГЭД, с. 69.

¹⁵⁵ РДО, с. 256.

¹⁵⁶ ПСЗ, т. VI, с. 220—221; РДО, с. 236.

¹⁵⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 21.

видно, потому, что «уезд», точнее, удел не был самостоятельным. К тому же, надо полагать, этот «уезд» играл незначительную роль и просуществовал очень недолго. Иначе ничем иным нельзя объяснить столь упорное молчание всех источников. Странным кажется и тот факт, что наш источник ни словом не обмолвился о Костековском владении. Может быть, И. Гербер под уездом Шубган-шамхала имеет в виду Костековское владение? Оказывается, нет. При внимательном изучении текста выясняется, что И. Гербер располагает этот уезд немного южнее, чем расположен Костек. Согласно текстам «Beschreibung» и «Описания», это «небольшая земля», которая располагалась где-то между «реками Сулак и Аксай и нижних горах»¹⁵⁸. В «Известиях» даны несколько иные ориентиры. Согласно этому тексту и тексту «Beschreibung», «уезд Шубган-шамхала» был расположен между крепостью Св. Креста и р. Аксаем¹⁵⁹. На основании этих данных можно предположить, что «уезд Шубган-шамхала» был расположен в предгорьях современного Казбековского района Дагестанской АССР. Такой вывод напрашивается по следующим соображениям. Во-первых, территория, о которой идет речь, расположена юго-западнее Эндерей-аула между реками Сулак и Аксай «в нижних горах». Во-вторых, эта территория всегда находилась во владении кумыкских владетелей и здесь имелось «немного деревень». В этом районе расположил «уезд Шубган-шамхала» и сам И. Гербер на своей карте. Надо полагать, что Чобан-шамхал после междоусобной борьбы смог сохранить или выпросить небольшой удел, расположенный в предгорьях, который ранее, быть может, был во владении его предков.

Остается выяснить, действительно ли, как утверждает И. Гербер, «шубгах-шамхал — имя ругательное; шубгах по языку татарскому значит просто глупый человек и пастух». Действительно ли это прозвище было присвоено ему только из-за того, что он вместо шамхальства «сим убогим уездом удовольствоваться принужден был... яко шамхал под шубгахами». Выше мы уже имели возможность убедиться в том, что Шубган-шамхал нашего источника в действительности является Чобан-шамхалом. Здесь уже укажем, что имя «Чобан», хотя и восходит к апеллятиву «чопан» — пастух, чабан¹⁶⁰, задолго до этого встречается в родословной шамхалов. Поэтому трудно поверить, что Чобаном он стал называться только потому, что правил малым уездом, как об этом говорит И. Гербер.

¹⁵⁸ Beschreibung..., S. 38; ИГЭД, с. 73.

¹⁵⁹ Известия..., с. 40.

¹⁶⁰ См.: Гафуров А. Лев и Кипарис (о восточных именах). М., 1971, с. 236.

«Dagestan in Specimul Tarchu», «Дагестан настоящий около Тарку уезд»¹⁶¹ — так озаглавлена статья, посвященная описанию Тарковского владения, в немецком тексте и в «Описании». В «Известиях» этот раздел назван несколько иначе: «Уезд Тарку, который Дагестан просто называется»¹⁶².

Согласно имеющимся в анализируемом источнике сведениям, шамхальство занимало обширную по масштабам Дагестана территорию от р. Сулак на юг до удмийства и от Каспийского моря на запад до «акушинцев и тавлинцев». Это одно из немногих имеющихся в нашем распоряжении указаний, говорящих о границах Тарковского шамхальства. И в этом его ценность. Однако при использовании этих сведений источника необходимо помнить, что удел Бойнак (как увидим ниже) входил в шамхальство на правах бийликства, т. е. составлял часть территории Тарковского владения. Поэтому точнее будет считать, что шамхальство на юге граничило с удмийством Кайтага. Нуждаются также в уточнении и сведения нашего источника о юго-западных и западных границах владения. На юго-западе шамхальство граничило с Акуша-Дарго, на западе с Мехтулинским ханством, а на северо-западе с так называемыми аварскими «вольными» обществами Койсубулу и Салатау.

По И. Герберу, шамхальство состояло «во многих добрых и великих деревнях». Но, к сожалению, он не уточняет, какие именно деревни входили в Тарковское владение. Согласно рукописной карте, составленной в 1725 г. в период похода русских войск в Прикаспие, во владении шамхала находилось 20 селений¹⁶³. По данным Д. И. Тихонова от 1796 г., шамхальство вместе с тарками объединяло 26 селений¹⁶⁴. По сведениям начала XIX в. в подчинении шамхала находились 23 селения¹⁶⁵.

В «Beschreibung» и «Описании» подчеркивается, что шамхалы издревле имели «великую власть» и что им не только подчинялись все уезды, но и некоторых «из тавлинцев» под свою власть брали и «яко подданными владели»¹⁶⁶. В «Известиях» эта же мысль изложена следующим образом: власть шамхала «простирается над князьями и землями в Дагестане... над частью народа тавлинского, и до самого Шемахии»¹⁶⁷.

Напомним, что, по определению И. Гербера, Дагестан занимает обширную территорию, простирающуюся от р. Терек на юг почти до г. Шемахи в Азербайджане и от Каспия на восток до

¹⁶¹ ИГЭД, с. 71; Beschreibung..., S. 19.

¹⁶² Известия..., с. 32.

¹⁶³ Рукоп. фонд Библиотеки АН СССР, д. 92, л. 2.

¹⁶⁴ ИГЭД, с. 129.

¹⁶⁵ ССКГ, 1868, вып. I, с. 76.

¹⁶⁶ Beschreibung... S. 19; ИГЭД, с. 71.

¹⁶⁷ Известия..., с. 35.

сел. Кубачи и так называемых лезгинских союзов сельских обществ в Самурской долине. А под тавлищами, как увидим ниже, подразумевается территория, населенная аваро-андо-дидойской группой народностей Дагестана.

Читателю уже, очевидно, ясен вывод, который мы сейчас сделаем. Шамхалы тарковские никогда не владели указанной выше территорией. И наш автор допускает ошибку, не отличая средневековое шамхальство от Тарковского владения. Если же обратиться к истории происхождения владельческого титула «шамхал» и времени возникновения государственного объединения, то мы столкнемся с множеством мнений, порой даже взаимоисключающих. Однако наиболее распространенным, кажется, является мнение, что термин «шамхал» произошел от имени арабского ставленника Шахбала, который будто бы происходил из рода корейшитов и был уроженцем Шам (Сирия), местечка Хал. От соседствия этих топонимов и образовался титул «шамхал»¹⁶⁸. Возражая этому, арабист М.-С. Д. Саидов пишет: «...само имя Шамхал с этимологией Шам (Сирия) и Хал (название населенного пункта в Сирии) вызывает недоумение, т. к. если образовать от этих двух слов новое слово путем слияния их, то согласно законам арабского языка получится не Шамхал, а Хал-аш-Шам. Форма Шамхал от Шам и Хал образована по типу тюркских слов, а не арабских»¹⁶⁹. Это утверждение вносит уточнение в этимологию термина «шамхал». Но в то же время оно не только не разъясняет, но и способствует укреплению мнения, что этот термин произошел от соединения слов «Шам» и «Хал», поскольку мы знаем, что в Дагестане много терминов, образованных по законам тюркского языка. В этой связи небезынтересно привести и мнение М. А. Полиевктова. Говоря о возникновении термина «шамхал», он утверждает, что это произошло в то время, когда правителем в Дагестан был назначен один из арабских военачальников, Шах-баал-бин-Абдулла, и что «его собственное имя, при его преемниках, обратилось в их владельческий титул... (Шах-баал-шахмал-шамхал; как Карл-краль-король и т. п.). Первоначальной резиденцией шамхалов был Кумух; постепенно она продвигается в Бойнак и наконец в Тарку — все ближе к Каспийскому морю»¹⁷⁰.

Возражая тем, кто связывает происхождение термина «шамхал» с арабами, Р. М. Магомедов в одной из своих работ писал: «И если говорить о происхождении слова «шамхал», «шавкал», казалось бы, все основания имеются отнести эти термины скорее к Золотой Орде, нежели к арабам. Можно предполагать, что пра-

¹⁶⁸ Тарихи Дербент-наме, с. 78—79; ФОД, с. 58.

¹⁶⁹ Саидов М.-С. О распространении Абу-муслимом ислама в Дагестане — УЗИИЯЛ, 1957, т. II, с. 51.

¹⁷⁰ Полиевктов М. А. Из истории северокавказских феодалов XVII в. — В кн.: Академику Н. Я. Марру. Сб. статей. М. — Л., 1935, с. 746.

витель кумыков в период господства татаро-монгол мог быть ими же и возведен в этот сап»¹⁷¹. С этим мнением согласна и С. Ш. Гаджиева. «Это, очевидно, был период,— говорит она,— когда монголы, как отмечает Р. М. Магомедов, признали Шамхала главным над всеми владетелями Дагестана и, присвоив ему титул «шамхала», а затем и «велия», назначили своим сборщиком дани на всей этой территории. Кумыкские владетели в тревожную эпоху монгольского нашествия и в первое время после падения Золотой Орды имели свою резиденцию в нагорном Дагестане — в лакском ауле Казикумух, где по сравнению с плохо защищенной равниной было менее опасно»¹⁷². Р. Г. Маршаев склонен считать, что термин «шамхал» произошел от соединения двух слов: «шам» — у лаков означает Сирия, а «хъуль», «хъал», «хал» — окончание слова. «По законам словообразования лакского языка аффикс «хъал» является показателем принадлежности лица к определенному роду, племени и месту»¹⁷³.

Но если этимология этого термина еще не вполне ясна, то мнения о времени возникновения термина большинства исследователей сходятся. Все они считают, что титул этот возник в период арабских завоеваний. Однако из этого ни в коем случае нельзя делать вывод, будто арабы привнесли в Дагестан и государство. Нельзя забывать, что задолго до арабских завоеваний здесь имелся ряд относительно крупных государственных образований: «царства» Лакз, Серир, Зирих-Геран и др. Вместе с тем приходится констатировать, что до сих пор существует много неясного и спорного в истории образования шамхальства. Не касаясь споров, находящихся за пределами науки, и не претендуя на окончательное решение такого сложного и все еще нуждающегося в детальном изучении вопроса, каким является история шамхальства, остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее важных аспектах данной проблемы. Чтобы быть по возможности краткими, мы не будем задерживать внимание аргументацией таких положений, которые получили в исторической науке общее признание. Одним из них является факт самого признания существования в Дагестане в течение нескольких веков государства, известного под названием шамхальство. Сейчас также можно считать установленным, что первоначальной резиденцией шамхальства был Кумух. Неопровержимым доказательством этого является сохранившееся до наших дней семейное кладбище шамхалов, где последним похоронен Сурхай-шамхал, умерший в 1640 г. Открытие этого кладбища в Кумухе, подчеркивает Л. И. Лавров, доказывает, что центром шам-

¹⁷¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957, с. 145.

¹⁷² Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 48.

¹⁷³ Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов.— УЗИИЯЛ, 1959, т. VI, с. 168.

хальства до XVII в. были не Тарки, а Кумух¹⁷⁴. О том, что в XIV в. шамхалы жили в Кумухе, свидетельствует Шерафедин Али. То же самое, только применительно к XVI — началу XVII в., говорят и другие источники¹⁷⁵. «А шевкал и дети его, — свидетельствует грузинский посол к русскому двору старец Кирилл, — живут больше в Казы-Кумухе в горах»¹⁷⁶.

Такого же мнения придерживается и большинство современных исследователей¹⁷⁷. В период арабского владычества, пишет Р. М. Магомедов, «один из представителей этого рода (т. е. Шахбалов. — В. Г.) сделался главным правителем Дагестана, и арабы отдали под его правление весь средний и приморский Дагестан. В его же подчинении некоторое время находились Авария и Дарго»¹⁷⁸. А чуть ниже он подчеркивает: «В XV в. под шамхальством подразумевается земля, населенная главным образом кумыками. Она тянулась от Бойнака и Тарков на север до Терека и в глубь гор — до Кадара и Дургели. Власть шамхалов распространялась также на кочующих на их землях погайцев и пограничных чеченцев. Шамхалы сохранили в зависимости от себя и Казикумух. В летнее время они продолжали наезжать сюда за получением дани и отдыхали здесь как в летней своей резиденции»¹⁷⁹. В приведенных суждениях, как не трудно заметить, имеются некоторые разночтения, и тем не менее из сказанного напрашивается один вывод: в XV — начале XVII в. шамхальство объединяло огромную по масштабам Дагестана территорию, куда входили Засулакская Кумыкия, Тарковское и Казы-Кумухское владения, а также целый ряд впоследствии известных даргинских, аварских и лезгинских союзов сельских общин. Этот вывод со всей убедительностью подтверждают имеющиеся источники. Это прежде всего сведения «Из истории Дагестана» Мухаммеда-Рафи и особенно перечень податей, взимавшихся шамхалами с подвластного им населения¹⁸⁰. Согласно этому списку почти весь Дагестан был подчинен власти шамхалов.

В этой связи большой интерес представляет документ местного происхождения, известный в литературе как «Завещание ГИандуника», датированное 1485 г. В нем правитель Аварии — нуцал — указывает своему преемнику: «Обрати внимание на

¹⁷⁴ Лавров Л. И. Некоторые итоги дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. — КСИЭ, 1953, вып. XIX, с. 7; Сборник музея этнографии и антропологии, 1957, т. XVII.

¹⁷⁵ Шерафедин Али. История Темирбека. — Рукон. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 6, с. 330; ССКГ, 1868, вып. I, с. 88.

¹⁷⁶ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 405.

¹⁷⁷ История Дагестана, т. I. М., 1967, с. 183—184; Саидов М.-С. Д. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах. — УЗНИЯЛ, 1957, т. III, с. 127—128.

¹⁷⁸ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968, с. 81.

¹⁷⁹ Там же, с. 112—113.

¹⁸⁰ ССКГ, 1871, вып. V, с. 22—23.

свидетельство наших почтенных предков о численности мужей в Дагестане. В нем 250 тыс. воинов, из них 60 тыс. табасаранского, 50 тыс. хайдакского, 100 тыс. кумухского падишаха, 40 тыс. нуцала»¹⁸¹. Обращает на себя внимание тот факт, что аварский хан, в отличие от других владельцев Дагестана, шамхала называет падишахом^{181а}. Не является ли это подтверждением того, что шамхальство в XV в. было наиболее влиятельным и крупным государством Дагестана. Иначе к чему аварскому владельцу понадобилось бы величать шамхала таким высоким титулом. К тому же, если даже допустить некоторое преувеличение цифровых данных, обычно свойственное документам такого рода, все равно сведения о числе шамхальских войск говорят о том, что это государство объединяло многие народы Дагестана, поскольку ни один народ страны гор не мог выставить даже приближенное к указанной цифре число воинов.

В плане изучения интересующего нас вопроса несомненный интерес представляет упоминание о шамхалах в гидатлинских адатах (составлены не позже XV — начала XVI в.). Первоначально предполагалось, что в Гидатле и Анди имелись свои шамхалы¹⁸². Впоследствии исследователи пришли к мнению, что упоминаемые в адатах владельцы являлись ставленниками шамхала на местах. Такого мнения в последние годы своей жизни придерживался издатель адатов Х.-М. О. Хашаев. «Гидатлинский шамхал, — писал он, — вероятно, выходец из казикумухского шамхальского дома, имел резиденцию на территории сел. Урода в местности Циниб, где еще сохраняются развалины его дворца»¹⁸³. Что же касается шамхалов Анди, то они также являлись ставленниками и находились в подчинении шамхала. Об этом говорит уже упоминавшийся нами перечень доходов шамхала Мухаммеда-Рафи. Вспомним, что по утверждению автора анализируемого источника шамхалам подчинялась некоторая «часть из тавлинцев». Мухаммед-Рафи да и другие источники свидетельствуют о вхождении в шамхальства Акуша-Дарго и части южного Дагестана. В философско-богословском труде Аль-Газали «Аль-Ихна улумад-дин» («Воскрешение религиозных наук») ¹⁸⁴, рукой переписчика Хизри, сына Ахмеда, записано, что книга «переписана» в «1507 г. в сел. Акуша в одном из аулов Казы-Кумуха»¹⁸⁵, т. е. тогдашней резиденции шамхальства. Обнаруженная в даргинском селении Ашты Дахадаевского района

¹⁸¹ Рукон. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 218, л. 8.

^{181а} Падишах — титул монарха в странах Ближнего и Среднего Востока (с конца XV столетия титул турецких султанов).

¹⁸² Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957, с. 7.

¹⁸³ ФОД, с. 30.

¹⁸⁴ Классическая литература Востока (сб. статей). М., 1972, с. 13.

¹⁸⁵ Рукон. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1258. Впервые на эту запись обратил внимание М.-С. Д. Саидов. Он же ее и перевел (Дагестанская правда, 1969, 8 июля).

эпиграфическая надпись гласит: «построил эту мечеть Бадр-шамхал сын... с(?) с войском для жителей Зирих-Гарап. Если (они) избавятся от неверия, то нет на них хараджа». Не раз нами упомянутая хроника Мухаммеда-Рафи сообщает о зависимости Кубачи от шамхалов. Теперь узнаем, заключает издатель надписи Л. И. Лавров, что в XVI в. вся область Зирих-Герап находилась в политической зависимости от кази-кумухских шамхалов и платила им харадж (земельный налог)¹⁸⁶.

В хронике Абд-ал-Хаия рассказывается о сражении между жителями сел. Хурюг и рутульцами «вместе с амирами Элису, и было убито из нас много мужчин, — продолжает свой рассказ современник событий. — Затем мы отправились к Шамхалу (букв.: «к воротам шамхала»), он вали (т. е. правитель. — В. Г.) Дагестана — и склонили мы головы перед двором его, крепким и великим: изложили перед ним свою просьбу и (рассказали ему о своем) положении. Он принял нашу жалобу. Затем он пришел с нами в наше селение, говорил с жителями Ахты и водворил дружбу и братство между нами и ахтынцами. Он сказал жителям сел. Ахты: «оказывайте помощь и содействие обществу Хурюга до судного дня — а я далек от пих». — И стали мы с ахтынцами подобно брату единому в беде и в счастье — году... девятисот (1494—1495)»¹⁸⁷. Этот документ говорит о той роли, которую шамхалы играли в южном Дагестане, об их политическом влиянии на союзы сельских обществ южного Дагестана¹⁸⁸. Случайно ли шамхалы величают «валием Дагестана»? На это обстоятельство давно обратили внимание исследователи. Еще в «Записке временной комиссии о владении шамхалов...», составленной в 1868 г., подчеркивалось, что «несколько веков шамхалы имели в полной своей зависимости большую часть Дагестана, а остальное население его, равно как и многие сопредельные племена, признавали главенство их. Название вали Дагестанского, присвоенное им, по словам одних, аравийскими халифами, а по словам других, персидскими шахами, вполне оправдывалось их властью... В XV и XVI столетиях шамхалы были еще весьма могущественными»¹⁸⁹. В примечании к этому документу подчеркивается, что в русских и грузинских дипломатических актах XI—XVI столетий шамхалы «именуются шевкалами. Этим же именем называется и подвластный им народ, большей же частью этот народ называется кумыками». В этих же бумагах и русские и грузинские цари нередко величают шамхала государем¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Лавров Л. И. Новое о Зирих-Герапе и казикумухских шамхалах. — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976, с. 165.

¹⁸⁷ Баркуев К., Ахмедов М. К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. — УЗИИЯД, 1963, т. XI, с. 178, 179.

¹⁸⁸ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, с. 118.

¹⁸⁹ ФОД, с. 59.

¹⁹⁰ Там же.

Мы привели небольшую часть материалов, свидетельствующих о территории, объединявшейся под властью шамхалов. Следует особо подчеркнуть, что чуть ли ни все исследователи-дагестановеды убеждены в том, что в шамхальство входили почти все народы Дагестана¹⁹¹. «Факты свидетельствуют о том,— писал Х.-М. О. Хашаев,— что Казикумухское ханство во главе с шамхалами существовало очень давно... и было одним из сильнейших. Власть его распространялась в отдельные периоды на весь Дагестан»¹⁹². Но если считать доказанным, что в шамхальство входили кумыки, лаки, даргинцы, авары, лезгинцы и др., то вправе ли мы и в настоящее время связывать шамхальство с Кумухом или Тарками, только с историей лаков и кумыков. Не точнее ли будет считать шамхальство общедагестанским государством. Если это суждение признать правильным, встает вопрос о научной несостоятельности давно сложившегося мнения, будто народы страны гор никогда в своей истории не имели общедагестанского государства. Реалистичность такого воззрения бесспорна. Необходимо только глубже изучить историю этого владения, поточнее определить его границы, раскрыть внутреннее устройство, исследовать органы центральной и местной власти, изучить внешнюю политику и т. д. Однако со временем, «по мере того как шамхалы удаляли свою резиденцию с гор к побережью моря, власть их в среднем Дагестане ослабла и наконец совершенно утратилась»¹⁹³. Это случилось в 40-х годах XVII в. Так что Тарковское шамхальство объединяло вышеочерченную нами территорию равнинного Дагестана.

Правда, в 1722 г. Петр I за оказанные услуги русским войскам, продвигавшимся к Дербенту, даровал шамхалу тарковскому «земли и место со всеми принадлежностями Салтан-Магмуга утемышского»¹⁹⁴. В то же время Петр I отклонил просьбу Адиль-Гирея передать в его управление города Дербент и Баку¹⁹⁵. Но эта пожалованная Петром I территория Утемыша фактически не управлялась шамхалом, не говоря уже о других районах Дагестана. В этой связи следует отметить, что шамхалы тарковские не были валиями, т. е. не являлись ни владетелями Дагестана, ни верховными судьями Дагестана. Титул этот скорее напоминал о былом значении шамхалов и той роли, которую они играли в общественно-политической жизни Дагестана. Однако шамхальство и в начале XVIII в. являлось одним из крупных и влиятельных владений. Пожалуй, этим и объясняется то, что с шамхалами тарковскими считались не только соседние владетели, но и ближневосточные государства. Раньше, чтобы «содержать сии земли

¹⁹¹ Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 81.

¹⁹² Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 158.

¹⁹³ ФОД, с. 59.

¹⁹⁴ РДО, с. 252.

¹⁹⁵ Там же.

(т. е. шамхальские.— В. Г.) в добром порядке и народ в обуздание» и чтоб «иметь знатное число войск», шахи Персии ежегодно давали шамхалам по 40 тыс. руб.¹⁹⁶ Сам Адиль-Гирей тарковский признавал, что шахи Персии выдавали ему «по 2000 тумен (т. е. 20 тыс.) теверских денег»¹⁹⁷. Эти факты подтверждает и эндереевский владетель. «Шамхалы,— пишет он,— брали от персиан повсягодно по 20 000 рублей денежного жалования»¹⁹⁸. В письме Петру I от 19 сентября 1722 г. шамхал Адиль-Гирей писал, что он «пред сего от шаха жалованья по 50 000 рублей в год» получал¹⁹⁹. Чаще всего факт выдачи денег правителями Ирана владетелям Дагестана объясняется стремлением шахов обезопасить подвластную им территорию от нападения горцев. Так, например, пишет английский путешественник XVIII в. Джон Хашвей²⁰⁰. Однако независимо от того, являлась ли выдача денег шахами Ирана владельцам Дагестана раз и навсегда установленным жалованьем или эта сумма выдавалась от случая к случаю, при возникновении надобности, все равно можно с уверенностью сказать, что для выдачи или установления жалованья была не только отмеченная выше причина. И меньше всего шахи беспокоились о благополучии шамхалов. Нельзя ведь забывать, что шахи Ирана делали все, чтобы прибрать Дагестан к своим рукам. Из этого непреложного факта нужно исходить и при изучении взаимоотношений Дагестана с шахским Ираном.

И. Гербер подчеркивает, что шамхальство «под российской империей с 1722 г., прежде того под Персиею»²⁰¹. В первую очередь следует уяснить, не противоречит ли И. Гербер самому себе, утверждая, что Иран выплачивал шамхалам ежегодно большую сумму денег для предотвращения нападения горцев, и в то же время подчеркивая, что шамхалы до начала XVIII в. находились под властью Ирана. Ответить на этот вопрос, опираясь лишь на сведения нашего источника, невозможно. Тем более что из нашего источника нельзя понять, в чем же конкретно выражалась зависимость Тарковского шамхальства от Ирана. По утверждению Д. Хашвея, во время правления шаха Аббаса II между ним и владетелями Дагестана будто бы был заключен договор, по условиям которого горские правители обязались признать власть шаха, а он обещал ежегодно одаривать их подарками²⁰². Согласно нашему источнику и имеющимся в распоряжении другим фактам, мы узнаем, что шамхалы тар-

¹⁹⁶ ИГЭД, с. 71.

¹⁹⁷ РДО, с. 226.

¹⁹⁸ Там же, с. 236.

¹⁹⁹ Там же, с. 226.

²⁰⁰ *Hanway J.* A historical account of the British trade over Caspian Sea, v. II. Dublin, 1754, p. 161.

²⁰¹ ИГЭД, с. 71.

²⁰² *Hanway J.* Op. cit., p. 161.

ковские при дворе шахов «были всегда в великом почтении»²⁰³. Во время «великих торжеств», например, по левую и правую стороны трона шаха ставили, как наиболее почтенных персон, «четырёх знатнейших защитников» Ирана. Одно из этих мест вместе с ханом кандагарским, являвшимся защитником Ирана от Индии, царем Грузии — защитником от османов, ханом пограничных с арабами земель занимал шамхал, «как защитник против России»²⁰⁴. (Обратите внимание — «защитника против России»?!) Может быть, это обстоятельство играло не последнюю роль и в том, что шахи Ирана платили шамхалам большие суммы денег. Вместе с тем это говорит и о том, что вопрос зависимости шамхалов от шахов Ирана является проблематичным.

В свете сказанного становятся понятными утверждения И. Гербера: «прежде того под Персиею» или «шамхал от Персидского шаха поставился»²⁰⁵. Это означало, что в былые времена некоторые, став шамхалами, получали еще и утверждение шаха. Это, однако, не значит, что шахи назначали по своему усмотрению угодных им лиц на престол тарковских владетелей. Более того, факты свидетельствуют, что такое утверждение не имело большого значения. Об этом говорит хотя бы то, что и после утверждения владетеля претенденты на престол не складывали оружия. И нередко утвержденный шахами Ирана шамхал оказывался изгнанным с престола другими претендентами. Так, например, было и при вступлении в шамхальское достоинство Адиль-Гирея. В борьбе за престол он добился успеха, став шамхалом, а затем и «шах его в том достоинстве подтвердил»²⁰⁶. Все это говорит о том, что шахские фирманы об утверждении шамхалов не имели решающего значения. О призрачности шахской власти в равнинном Дагестане свидетельствует и сообщение нашего источника, что жители шамхальства никаких обязанностей перед Ираном не имели, «шах из оных ничего не получает»²⁰⁷. Можно ли после всего этого категорически утверждать, что Тарковское владение было зависимо от шахов, и считать шамхальство территорией, принадлежавшей Ирану. Конечно нет. Надо иметь также в виду, что в то же время шамхалы тарковские получали и от России «денежные и хлебные» жалованья. Московскими царями выдавались шамхалам также всевозможные грамоты, в том числе и грамоты, утверждавшие в достоинстве владетелей Тарков.

Об этом И. Гербер пишет: «...впрочем не только с ним (шамхалом.— В. Г.) в Персии милостиво поступали, но и от России оказывали знаки благосклонности... и часть получал он от

²⁰³ ИГЭД, с. 71.

²⁰⁴ Известия..., с. 37.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Известия..., с. 38.

²⁰⁷ ИГЭД, с. 71.

Российского двора знатные подарки»²⁰⁸. Следует, однако, отметить, что начиная с 70-х годов XVII в. Иран переживал глубокий экономический и политический кризис и в связи с этим общим упадком не мог оказывать влияния на владения северо-восточного Кавказа²⁰⁹. Стало быть, говорить о зависимости Тарковского шамхальства от Ирана в первой четверти XVII в. и тем более называть территорию Тарковского владения Персией неверно. В обстановке захватнических стремлений больших государств шамхалы тарковские, так же как и другие феодальные владетели Кавказа, исходя из своекорыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию, то на Иран²¹⁰. И в зависимости от целого ряда внутренних и внешних причин присягали то одной, то другой стороне, а то сразу и двум государствам. Подобно двухсоставному кубку, воспетому в «Илиаде», из одной половины которого делали возлияния богам, а из другой пили за собственное здоровье, у шамхала как бы была печать, на одной стороне которой имелась надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой — московское, и он прикладывал ее к своим бумагам той или другой стороной, смотря по тому, куда писал — в Шемаху или Астрахань²¹¹.

Следует особо подчеркнуть, что в описываемое время феодалы Дагестана, и в первую очередь шамхалы, склонялись на сторону России, неоднократно обращались в Москву с просьбой принять их в подданство России. С такой просьбой в 1717 г. вновь обратился к Петру I и шамхал Адиль-Гирей²¹². В 1718 г. ему было официально объявлено и по этому поводу вручена грамота о принятии его в «российскую высокую оборону и подданство»²¹³. Тогда же в Тарки был отправлен небольшой отряд русских войск с артиллерией, о чем пишут А. Лопухин, И. Гербер, П. Г. Бутков и другие авторы²¹⁴. В свете этого надо признать, что И. Гербер допускает ошибку, утверждая, что в начале XVIII в. шамхальство находилось под властью Ирана. А сообщение нашего источника о том, что «шамхальство под Российской империей с 1722 г.», надо понимать в том смысле, что автор дату эту связывает со вступлением войск Петра I в Тарки. Мы уже отмечали, что во время движения русских войск на юг шамхал оказал им посильную помощь²¹⁵. Известно, что он даже «предлагал к услугам государя свои войска, но государь их не принял»²¹⁶. Мы также знаем, что за оказанную верность

²⁰⁸ Известия..., с. 37.

²⁰⁹ Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М., 1952, с. 78—79.

²¹⁰ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 100—104.

²¹¹ Попко И. Терские казаки со стародавних времен, с. 71.

²¹² Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 104—105.

²¹³ РДО, с. 225—226, 227.

²¹⁴ Известия..., с. 38; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 24.

²¹⁵ Походный журнал 1722 г., с. 54.

²¹⁶ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 24.

во время похода русских войск в Прикаспие Петр I преподнес шамхалу богатые подарки и передал в его управление Утемыш.

Но, несмотря на все это, в 1725 г. шамхал Адиль-Гирей «против России збунтовал». «При умножении и прочном основании поселений около кр. Св. Креста,— пишет П. Г. Бутков,— шамхал Адиль-Гирей помимо преданности, оказанной Петру Великому в 1722 году, счел построение оной крепости себе за обиду. К тому же Турки, по заключению трактата 1724 г., сделали ему великие обещания, обнадёживая даже прислать вспомогательные войска». По словам П. Г. Буткова, удмий Кайтага «также припуждал шамхала к возмущению и обещал воспомоществовать»²¹⁷. Вот в этой обстановке Адиль-Гирей сделал попытку захватить крепость Св. Креста, но, как отмечалось, она не имела успеха. Вскоре царские войска разбили отряды шамхала, а самого Адиль-Гирея пленили и выслали в Россию. Согласно сообщению И. Гербера, дополненному сведениями П. Г. Буткова, Г.-Э. Алкадари и других авторов, мы узнаем, что под командованием Адиль-Гирея во время нападения на крепость Св. Креста было 30-тысячное войско²¹⁸. Естественно, что эту цифру мы должны считать весьма относительной, поскольку, как нам известно, точного счета числу ополченцев горцы не вели. Допустимо также, что царские генералы, имея целью ярче представить свои успехи и заслуги, а следовательно, и получить награды, немало преувеличили действительное число войск шамхала. Читателя не должен смущать и тот факт, что те же цифры значатся и в сочинении Г.-Э. Алкадари. По всей вероятности, он эту цифру заимствовал из русских изданий, скорее всего из газеты «Кавказ». Бесспорно одно, что шамхал Адиль-Гирей принял необдуманый шаг, ксати сказать не поддержанный широкими слоями народных масс. Поэтому это выступление было так легко подавлено.

Мы уже знаем, что свое название Тарковское шамхальство получило от резиденции Тарки, которую наш автор называет «город». Резиденцию шамхалов называют городом и другие источники XVII в.²¹⁹ «Что касается города Тарку,— свидетельствует А. Олеарий,— тот главный город в Дагестане... в нем до тысячи домов»²²⁰. «Город Тарку,— писал голландский географ Н. Витсен,— лежит в... горном ущелье, так что дома стоят один над другим... Живет там около 8000 человек»²²¹. Интересные сведения о Тарках оставил дворянин А. Лопухин, побывавший в

²¹⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., с. 8; Алкадари Г. Указ. соч., с. 70.

²¹⁸ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 8.

²¹⁹ Акты исторические, т. IV, с. 392—393; Олеарий А. Указ. соч., с. 498; об истории Тарки см.: Лавров Л. И. Тарки до XVIII в.— УЗИИЯЛ, 1958, т. IV.

²²⁰ Олеарий А. Указ. соч., с. 498.

²²¹ Witsen N. Noord en east Tartarye. Amsterdam, 1705, p. 556; см. также: Лавров Л. И. Тарки до XVIII в., с. 25.

резиденции шамхала в 1718 г. Тарки, нишет он, расположены «от моря верстах в четырех. Поселено жило в самой горе, котораго будет дворов тысячи с полторы, и вокруг его над жилами горы очень круты, на которых вверху места ровные. И по краю сих гор над жилым зделано две башни, в которых живут караульщики, в одной солдаты, которые с Терку присылаются, и при их две пушки, а другой Алдигиревы (т. е. шамхала—В. Г.) люди караулят»²²². Уж если речь зашла о тарковском дворце шамхалов, стоит еще раз обратиться к Витсену: «Шавкал...— писал он,— имеет у себя в Тарку около 500 человек телохранителей... Замок в Тарку очень большой. Говорят, что в нем столько окон и дверей, сколько дней в году. Его значение определяется местоположением, так как он построен высоко на скале. В остальном же он является отдельным домом... Без какого бы то ни было укрепления... Размеры его приблизительно равны рынку в Амстердаме, что перед ратушей. У входя в этот замок, снаружи, поставлены пушки для защиты. Охраняют его несколько сот конных и пеших солдат, вооруженных мушкетами, турецкими ружьями и луками»²²³.

Итак, все вышеприведенные источники XVII и начала XVIII в. называют Тарки городом, в котором имелась 1000 или 1500 домов. Если принять, что в одном доме жили три-пять человек, то получится цифра, превышающая 3 тыс. душ. По тем временам это большое население. Для сравнения напомним, что в 70-х годах XIX в. в таких городах, как Телави, проживало 3700 человек, в Гори — 2500, а в Апанури и Сигнахи — по 500 человек²²⁴. Среди строений Тарки своим расположением и особенно размерами выделялся дом или, как его называют, замок шамхала, достаточно надежно охраняемый. При этом в отличие от предыдущих времен вооруженная охрана дворца в начале XVIII в. состояла не только из самих шамхальцев, но и русских солдат, присылаемых из крепости Терки²²⁵. Сам по себе факт этот весьма примечателен и говорит об очень многом. Но нас пока интересует, можно ли Тарки конца XVII — начала XVIII в. называть городом, или это обычное селение, превышающее другие аулы шамхальства только размерами и, быть может, относительным благоустройством. Чтобы избежать возможных ошибок, необходимо помнить, что при решении этого вопроса ни в коем случае нельзя принимать во внимание формально-юридическую категорию.

Общезвестно, что советские историки считают город исторической категорией, обусловленной уровнем развития производи-

²²² ИГЭД, с. 44.

²²³ *Witsen N.* Op. cit., p. 558—563; см. также: *Лавров Л. И.* Тарки до XVIII в., с. 24.

²²⁴ *Панцухава А. Я.* Очерки аграрной истории феодальной Картли — Кахети конца XVIII в. Тбилиси, 1965, с. 6.

²²⁵ ЦГАДА, ф. Кумыцкие дела, 1719 г., д. 6/н, л. 53.

тельных сил, углублением общественного разделения труда и изменением производственных отношений. Феодалы города, как мы знаем, являлись торгово-ремесленными центрами. Они обычно состояли из двух основных частей: в одной сосредоточивалась феодальная знать, а другая являлась местом жительства и трудовой деятельности простого люда, ремесленников и торговцев. Первая часть вместе с дворцом владельца на востоке обычно называлась шахристаном, а вторая — рабадом. Это так называемый посад. В свою очередь эти части делились на кварталы.

В резиденции шамхала, как мы видели, имелся расположенный на возвышенности большой дом-дворец владельца, притом хорошо охраняемый. Не цитадель ли это? Рядом находилось место сосредоточения феодальной знати. В Тарках, пишет турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, «имеются такие прекрасные здания, как дворец шамхала—Шах Вифи, ханский дворец, дворец Хурхур-бека, дворец Улу-бека, дворец Касум-бая, дворец Алиб-бая»²²⁶. Сведения о наличии в Тарках квартала феодалов можно почерпнуть и из сочинения А. Олеария. Рядом с шамхалом, пишет он, «живут еще другие мурзы», и далее рассказывает о внутренних покоях двух домов-дворцов таркинских феодалов — Имама-Мирзы и «князя Эмир-Хана»²²⁷. И что особенно важно, по свидетельству А. Олеария, оказывается, что «Имам-Мирза управлял также частью города»²²⁸.

Допустимо, что в приведенное сообщение вкрались неточности: несколько преувеличено число дворцов, неверно переданы их названия и др. Но это не меняет дела, поскольку нам в данном случае важно уяснить сам факт существования в Тарках такого квартала, где проживали феодальные верхи. Мы уже знаем, что частью этого населенного пункта управлял Имам-Мирза. Не говорит ли этот факт о том, что Тарки были разделены на кварталы, которыми управляли определенные лица, родственники владельца. С ответом на этот вопрос не следует спешить. Для его окончательного решения понадобится дополнительный фактический материал.

Однако нам необходимо решить вопрос о посаде. Побывавший в Тарках в 1624 г. русский купец Ф. А. Котов отмечал, что здесь «посад не велик и острожек деревянный стоячей»²²⁹. Сам Ф. А. Котов — московский купец, и ничего удивительного нет в том, что ему, привыкшему видеть посад Москвы и других крупных русских городов, посад в Тарках показался небольшим²³⁰. Эвлия Челеби отмечает, что в Тарках «очень развито кустарни-

²²⁶ Эвлия Челеби. *Сийхат-Наме*. Из путешествия 1660-х годов по Северному Кавказу и Дагестану.— Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1157, с. 89.

²²⁷ Олеарий А. Указ. соч., с. 499, 503.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Хождение купца Федота Котова в Персию, с. 34.

²³⁰ Там же, с. 50.

чество. Часто встречаются мануфактурные предприятия»²³¹. К сожалению, при современном положении источников рано еще говорить о размерах тарковского посада. Важно подчеркнуть, что еще в первой четверти XVII в. в Тарках был посад. К тому же за сто с небольшим лет, отделяющих сообщения Ф. Котова от исследуемого нами времени, произошли существенные изменения. За этот период Тарки превратились в единственную столицу шамхальства. Само собой понятно, что политическое возвышение не могло не повлиять и на его экономическое значение. И не случайно все авторы единодушно считают Тарки начала XVIII в. одним из крупных торгово-ремесленных центров северо-восточного Кавказа. Из имеющихся отрывочных данных пока что не удастся воссоздать полную картину ремесленного производства в Тарках. Но если мы укажем, что здесь выделялись всевозможные изделия из шерсти и растительных волокон, обрабатывались кожи, камень, металл и другие материалы, то вряд ли допустим грубую ошибку. Об этом, кстати сказать, говорят дошедшие до нас данные о производстве кустарно-ремесленных изделий и имеющиеся в нашем распоряжении сведения о вывозе товаров из шамхальства²³².

В начале XVIII в. Тарки — крупный торговый центр. Из местной продукции здесь продавались хлебные злаки, марена, продукты скотоводства, изделия домашней промышленности и ремесла. Много товаров поступало сюда также из России (а через Россию шли и западноевропейские товары), из Закавказья (Азербайджана, Грузии), Ирана и других ближневосточных стран²³³. В основном из России поступали всевозможные металлические изделия (медные котлы, блюда, сундуки, тазы, топоры, ножи, гвозди, огнестрельное оружие), предметы галантереи (ножницы, иголки, булавки, пуговицы, зеркала, изделия из меха). Из Ирана и других ближневосточных стран поступали предметы роскоши: шелк, пряности и др. По торговым делам в шамхальство прибывали также жители Северного Кавказа (кабардинцы и др.)²³⁴. Они здесь в основном приобретали изделия кустарных промыслов: кинжалы, сабли, бурки и др. Металлические изделия и соль в те времена играли большую роль в торговых операциях. «Металл и соль,— отмечает В. М. Михалевский,— это два когтя, которые рынок первыми запускал в крестьянское хозяйство»²³⁵. Для продажи своих товаров таркинские купцы ездили и сами на Северный Кавказ и в Россию: в крепость Терки, Астрахань, Москву, а также в города Закавказья и Ближнего Востока. «Несколько жителей в Тарху,— замечает И. Гер-

²³¹ *Эвлия Челеби*. Указ. соч., с. 94.

²³² Хождение купца Федота Котова в Персию, с. 34, 70.

²³³ *Гамрекли В. И.* Торговые связи Восточной Грузии с северным Кавказом. Тбилиси, 1968, с. 54; РДО, с. 202, 208 и др.

²³⁴ КРО, т. I, с. 99, 148, 160 и др.

²³⁵ *Михалевский Ф. И.* Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948, с. 18.

бер,— имеют купечество в Персии и в России»²³⁶. То же самое пишет и известный исследователь торговли России И. Чулков: «Жители города Тарху,— подчеркивает он,— отправляют купечество с Персиею и Россиею»²³⁷. Купцы в шамхальстве, как и во всем Дагестане, да и у других народов Востока, назывались «савдагар». Все это говорит о наличии в Тарках, быть может, еще небольшой, но уже дающей о себе знать купеческой прослойки. Архивные документы и другие историко-этнографические материалы содержат данные о товарах, вывозимых тарковцами за пределы Дагестана. Согласно им, эти предметы составляли три группы товаров: собственную продукцию сельского хозяйства, изделия домашней промышленности и ремесла и товары, поступившие из других стран.

Среди товаров, привезенных в Москву купцом Ильдаром Тарковским в 1627 г., значатся 207 концов шелковой и хлопчатобумажной ткани, около 450 кг шелка-сырца, 200 «юфтей», «сафьянов»²³⁸. Фрукты, воск, марену, шелк-сырец, хлопчатую бумагу, «епанчи черкасские», сафьяны, сабли и другие товары привозили тарковцы в Терки и в Астрахань²³⁹. Обычно принято считать часть этих товаров, особенно сафьян, хлопчатобумажные ткани, епанчи, сабли, привозимыми с Ближнего Востока и из Закавказья. Однако источники подтверждают, что эти товары производились и на месте. Говоря о шамхальдах, наш автор сообщает, что они «сеют же хлопок»²⁴⁰, «собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»²⁴¹. О выращивании хлопка в приморском Дагестане свидетельствует Петр I и др.²⁴² Остается лишь добавить, что производство хлопка и шелка, вопреки утверждениям нашего источника, здесь было незначительным и шли они в основном на изготовление местных тканей, известных под названием «пача»²⁴³, паласов и других изделий. В связи с этим небезынтересно привести свидетельство А. Олеария. В Тарках «мы встретили,— пишет он,— человека по имени Матфия Махмара, из Эттингена в Вютембергской стране родом. По ремеслу он был ткач бархента бумажной материи»²⁴⁴. Жители Тарки занимались и обработкой шерсти, из которой, кроме паласов и ковров, изготовляли сукно «чепкенлик», обрабатывали кожи. Окрашиванием сафьяна в Тарках занимались гор-

²³⁶ ИГЭД, с. 71.

²³⁷ Чулков И. Историческое описание Российской коммерции. М., 1785, с. 472.

²³⁸ Гаджиев В. Г. Документы о русско-дагестанских отношениях.— Исторический архив, 1959, № 3, с. 210.

²³⁹ ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3056, л. 119; д. 3, л. 40; д. 300, л. 103; РДО, с. 208.

²⁴⁰ ИГЭД, с. 71.

²⁴¹ Известия..., с. 33.

²⁴² Походный журнал 1722 г., с. 74; Лысцов В. П. Указ. соч., с. 82.

²⁴³ Гаджиева С. III. Указ. соч., с. 77.

²⁴⁴ Олеарий А. Указ. соч., с. 499.

ские еврей²⁴⁵. Все эти товары тарковские купцы вывозили за пределы шамхальства. По всей вероятности, дагестанскими товарами являлись также упоминаемые в документах сабли, епанчи (бурки) и другие предметы. Даже если в документах товары эти названы гилянскими, тавризскими, надо иметь в виду, что не всегда они являются привезенными в Дагестан из Тавриза или Гиляна. Эти изделия могли быть местного производства, но из-за большого сходства с традиционными гилянскими и тавризскими изделиями обозначены в документах под этим названием. Могло быть, что писцы эти товары называли гилянскими и тавризскими и по другим мотивам. Поэтому, чтобы определить место изготовления предметов, необходимо каждый раз подвергнуть сведения документов тщательному источниковедческому анализу.

Особо следует отметить и тот факт, что в самих Тарках «для купечества жили» и представители других, не дагестанских народов. Об этом говорят следующие факты. В 1725 г., в период антирусского выступления шамхала Адиль-Гирея, пострадали «живущие в Тарках для купечества» русские торговцы²⁴⁶. Имеются также сведения, что во второй половине XVIII в. в Тарках жили купцы из армян и грузин, переехавшие сюда из Кизляра²⁴⁷. Видимо, в столице шамхалов имелся квартал, где в основном было сосредоточено торгово-ремесленное население.

Над Тарками возвышался дворец шамхала. Где-то вблизи дворца располагались дома-дворцы приближенных к владельцу феодалов: беков, представителей высшего мусульманского духовенства и других лиц, относящихся к господствующему классу. Это было место сосредоточения феодальной знати. Назовем его, как обычно принято в таких случаях, шахристаном. Был в Тарках магал — квартал, населенный простым людом, среди которого, как мы видели, были также кустари-ремесленники и торговцы, даже купцы других национальностей. Здесь же находилась рыночная площадь. Обычно такое место называют рабад.

Обращает на себя внимание и следующий весьма любопытный факт. «Перед прочим, — пишет в примечании И. Гербер, — достойны там (т. е. в Тарках. — В. Г.) каналы, которыми вода из находящихся на верхних горах ключей сперва в Шамхалов дворец, а оттуда во все дворы и конюшни протекает и наполняет пруды во дворах и в покоях кади (в коих летом сажаются для прохлаждения), а наконец по всему городу и по всем дворам разливается»²⁴⁸. Выходит, что то деление на различные кварталы, о котором только что шла речь, отразилось и на водоснабжении. Сначала воду получали дворцы владельца и его приближенных. Иначе говоря, сначала снабжался водой шахристан, а затем, лишь после удовлетворения нужд феодальных верхов, производилось

²⁴⁵ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 82, 96.

²⁴⁶ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 80.

²⁴⁷ ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярский комендант, д. 2714, л. 9.

²⁴⁸ Известия..., с. 35.

водоснабжение остальной части резиденции шамхалов. Все это говорит о том, что понятие феодального города вполне применительно к Таркам первой половины XVIII в.

* * *

«Boinak Territor» («Территория Бойнак»), о которой речь идет в параграфе раздела «Von Dagestan» немецкого текста, названная в «Описании» «Бойнак, уезд», располагалась недалеко от моря на горе вблизи Утемышы²⁴⁹. Этот «уезд» состоял из «нескольких деревень» или «в деревнях немногих». Ясно, что здесь идет речь о территории, известной под названием Бойнакского бийликства, составлявшей часть Тарковского шамхальства. В одном из своих писем к Петру I шамхал прямо указывал: «... деревня Бойнак же, которой владею»²⁵⁰. На зависимость Бойнака от шамхала указывает и наш автор: «Под Российской империи с 1722 года, прежде того под шамхалом и так под Персиею»²⁵¹. Вопрос о «зависимости» приморского Дагестана от Ирана мы уже разбирали выше, и поэтому здесь нет надобности останавливаться на нем. Что же касается первой части приведенной цитаты, следует указать, что И. Гербер прав, утверждая, что с 1722 г. вместе со всем приморским Дагестаном Бойнак был присоединен к России. Однако ни это положение, ни высылка из Дагестана шамхала Адиль-Гирея не дают основания считать Бойнак независимым от шамхальства владением. Скорее всего высказывание нашего автора следует понимать в том смысле, что опала шамхала на некоторое время придала какую-то самостоятельность Бойнакскому бийликству. Нужно также иметь в виду, что этот небольшой бийлик играл в шамхальстве довольно значительную роль, поскольку его владетель считался наследником шамхала и назывался крым-шамхалом. И в происхождении этого термина также многое неясно. Ряд авторов первую часть термина — «крым» — производит от кумыкского слова «ярым» — половина. Крым-шамхал, ярым-шамхал, т. е. половина шамхала. «Титул этот, — говорится в статье «Шамхалы тарковские», — возник с основанием резиденции шамхальства в Тарках». «Звание правителя Бойнака представлялось обыкновенно старшему в роде после шамхала, и он предназначался наследником титула и власти его, поэтому он как бы считался уже в половину шамхалом, что на местном кумыкском языке выражается так: ярым шамхалом... и многие думают, что звание крым-шамхала происходит от этих слов»²⁵².

Р. М. Магомедов считает, что интересующий нас термин возник еще в период «правления Шахбалов в Кумухе». Их намест-

²⁴⁹ Beschreibung..., S. 21; ИГЭД, с. 73; Известия..., с. 31.

²⁵⁰ РДО, с. 270.

²⁵¹ ИГЭД, с. 74.

²⁵² ФОД, с. 60.

ником на кумыкской равнине всегда был один из ближайших родственников. У кумыков он получил звание ярым-шамхал, в переводе это означает «половина шамхала». Тогда шамхальство стало одним из уделов Тарковского шамхальства²⁵³. С. Ш. Гаджиева пишет, что появление титула крым-шамхал, «по преданию, связано с бийским (феодалным) обычаем, согласно которому самый старший в роде после шамхала считался наследником престола и должен был до получения власти, т. е. до смерти правящего в Тарках владетеля, жить в Бойнаке на положении «ярым шамхала» («половинного» или «неполного» шамхала). Что же касается слова «крым-шамхал», то оно, очевидно, вначале применялось как прозвище владетеля («кырым») — уничтожающий, беспокойный и т. д.). Буйпакские владетели и в самом деле нередко занимали враждебную политику по отношению к правящим тарковским шамхалам»²⁵⁴.

Как видим, содержание приведенных цитат в основном совпадает, расходятся они лишь во времени и месте возникновения интересующего нас термина. Однако не все исследователи придерживаются такого мнения. Ряд авторов склонен считать, что термин «крым» произошел от лакского слова «хърив» или «хъририб», что в переводе означает «последующий». «В 1557 г., — пишет Х.-М. О. Хашаев, — в Москву прибыли послы крым-шамхала (так называется престолонаследник); слово «крым» происходит от слова «хъририб», что значит «следующий» на балхарском диалекте лакского языка»²⁵⁵. Соглашаясь в основном с этим положением, Р. Г. Маршаев склонен вместе с тем считать, что при этимологии термина «крым» надо исходить из вицхинского диалекта, являющегося носителем древних форм лакского языка. Старинная транскрипция этого слова в вицхинском диалекте звучит в виде «хърив-шамхал», что значит «после шамхал», т. е. «будущий шамхал», «наследник престола шамхала». Вероятно, слово «хърив» было искажено русскими, став словом «крым», и в таком виде вошло в историческую литературу²⁵⁶.

Итак, в исторической литературе бытуют две взаимоисключающие точки зрения на происхождение термина «крым-шамхал». Причем как будто обе они вполне логичны и убедительны. Однако отдать предпочтение одной из них в настоящее время не представляется возможным, так как имеющийся фактический материал не позволяет окончательно решить вопрос о происхождении интересующего нас термина. Можно лишь сказать, что при

²⁵³ Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 117. В монографии «Общественно-экономический и политический строй», опубликованной еще в 1957 г., на с. 151 Р. М. Магомедов писал: «Небольшой бийлик Бойпак известен среди кумыков как бийлик ярым-шамхала, а по русским источникам правитель его известен под именем крым-шамхал». «...По объяснению самих кумыков шамхал — беспокойный, враждующий».

²⁵⁴ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 49.

²⁵⁵ Хашаев Х. М. Указ. соч., с. 8.

²⁵⁶ Маршаев Р. Г. Указ. соч., с. 169.

это решение необходимо учитывать, что данный термин в несколько преобразованном виде встречается и за пределами современного Дагестана. В частности, на Северном Кавказе у карачаевцев встречается антропоним Крымшамхаловы. Московские послы, приезжавшие в Свапетию через Баксаи, «остаивались у карачаевских предводителей — братьев Елибуздука и Гилястана Крымшамхаловых»²⁵⁷. Дошедшее до нас предание рассказывает, что родоначальником четырех карачаевских родов были «товарищи Карчи-Буднип, Науруз, Адурхай и Трам, затем к ним присоединились и кабардинские заложники Хубия, Крымшамхал, Тохчук и Тамбий»²⁵⁸. Среди знатных фамилий, о которых писал Клапрот, встречаются Крым-шамхал и Кумух. Л. И. Лавров связывает первую из них с социальным термином крым-шамхал, т. е. наследник шамхала в Дагестане, и считает, что вторая происходит, видимо, от кумыков или лакцев. В Карачае также встречается фамилия, производимая от топонима «Кумух»²⁵⁹. В 50-х годах Л. И. Лавров в Кумухе записал предание о том, что некогда лакские феодалы ездили в Карачай, с которым у них имелись контакты²⁶⁰.

Очевидно, ни у кого не вызовет возражения, если скажем, что решение данного вопроса нуждается в дополнительной аргументации и мотивировке. К тому же необходимо еще объяснить и то, что слово «крым» встречается на Кавказе в качестве топонима. Согласно «Книге Большому чертежу», топоним «крым» встречается также в Закавказье как название города на протоке р. Кура. Но вернемся к анализируемому тексту.

Если обратиться к вопросу о времени, когда Бойнак стал бийликом и когда владельцы этого удела стали крым-шамхалами, наследниками престола шамхалов, то можно считать установленным, что титул этот возник еще в то время, когда резиденцией шамхалов являлся Кумух²⁶¹. К концу XVI — началу XVII в. столицей шамхальства стали Тарки, а Бойнак стал резиденцией наследника шамхалов²⁶². «Примерно со второй половины XVI в. — пишет С. Ш. Гаджиева, начинается процесс дробления Тарковского шамхальства на отдельные самостоятельные владения (бийлик). Этот процесс, как и повсюду, отражал определенный этап развития феодальных отношений, был вызван ростом крупного землевладения и связанного с ним экономиче-

²⁵⁷ *Лейпанов Х. О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Карачаево-Черкесск, 1957, с. 26.

²⁵⁸ *Очерки истории Карачаево-Черкесии*, т. 1, с. 193.

²⁵⁹ *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М., 1974, с. 102.

²⁶⁰ *Материалы научной сессии. Нальчик, 1960*, с. 305; *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в., с. 102; *Книга Большому чертежу*. Под ред. К. Н. Сербеной. М.—Л., 1950, с. 89.

²⁶¹ *Магомедов Р. М.* История Дагестана, с. 117.

²⁶² *Хашаев Х. М.* Указ. соч., с. 159.

ского и политического укрепления отдельных феодалов, а также ростом феодальной эксплуатации и усилением классовой борьбы. Первым выделилось Буйнакское владение»²⁶³.

К сожалению, наш автор очень скуп в описании самого Бойнака, а о Бойнакском бийликстве не говорит ничего. Поэтому, чтобы как-то понять сведения анализируемого источника, приходится обратиться к данным, содержащимся в других источниках. В частности, некоторые дополнительные сведения о Бойнаке можно почерпнуть из «Путевого журнала» дворянина А. Лопухина 1718 г. Согласно этому источнику, Бойнак «от моря... верстах пяти, поселены в полугоре, и вокруг его буераки. Жила в нем дворов с 30 и строение бездельное, все развалилась, с поль защиты никакой нет, только есть повыше сего строения, где Муртузалай (владелец.— В. Г.) сам живет, зделал малинькой городок, и около сего жила по горам все лес»²⁶⁴. Д. И. Тихонов в «Описании северного Дагестана 1796 г.» подчеркивает, что «Буйнаки, в котором шамхалова сын пребывает, а домов в оном до 950 будет»²⁶⁵. По свидетельству коменданта крепости Св. Креста Д. Ф. Еропкина, в д. Бойнак было четыре владельца: «(1) Махти, 2) Эльдар, 3) Сурхай, 4) Салтамрат»²⁶⁶. Эти источники, как бы подтверждая мнение И. Гербера, единодушно утверждают, что Бойнакское бийликство занимало небольшую территорию, и указывают, что северной его границей являлась р. Манас.

Поскольку это бийликство было расположено в самой южной части шамхальства, можно утверждать, что оно занимало территорию от р. Манас на юг до р. Оросай-Болак. Население бийликства в основном состояло из кумыков. Поэтому при изучении данного текста необходимо помнить, что под языком «татарской с турецким помешанный»²⁶⁷, как и было показано выше, наш автор имеет в виду кумыкский язык.

Мы уже знаем, что Бойнак, как бийликство, являлся частью Тарковского шамхальства и что он был резиденцией крым-шамхалов. Но, говоря об этом, необходимо помнить, что крым-шамхалы, особенно в период внутренних затруднений и внешних осложнений, нередко выходили из-под власти шамхалов и проводили даже независимую внешнюю политику. Об этом, например, свидетельствует опись архива Ивана Грозного, где указано, что в хранилище были дела и грамоты «Шовкаловы», «Крым-шевкаловы»²⁶⁸. Очевидно, поэтому сами кумыки, как отмечалось выше, называли крым-шамхала беспокойным и враждующим. Известно

²⁶³ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 48—49.

²⁶⁴ ИГЭД, с. 38.

²⁶⁵ Там же, с. 129. В другом списке, как указывает редакция сборника, в Буйнаке насчитывалось 650 домов.

²⁶⁶ ИГЭД, с. 121.

²⁶⁷ ИГЭД, с. 74.

²⁶⁸ Кушева Е. П. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.—ИЗ, 1950, т. 34, с. 236.

также, что в конце XVII в. крым-шамхал вопреки воле шамхала придерживался русской ориентации. «А крым-шевал, — сообщали в Москве послы грузинского царя, — с нами в любви и дружбе; и кумыцкая земля половина с ним стоит, а мы их под государеву руку приняли и божью милостью шевкальское дело плохо стало для того, что они промеж собой броятца; да у них же междоусобная рать»²⁶⁹. В XVII в. крым-шамхалы не раз обращались в Москву к царю Михаилу Федоровичу как независимые феодальные владельцы²⁷⁰. Владелец Бойнака, по свидетельству А. Лопухина, находился в неприязненных отношениях с шамхалом в начале XVIII в.²⁷¹, а с 1722 г., находясь в подданстве России, получал от кавказского командования «хлебные и денежные жалования»²⁷². В свете сказанного утверждение И. Гербера, будто шамхалы часто, «осердясь на бойнакских владельцев, по своей воли одного отставили, а другого приставили», нельзя принимать буквально. Очевидно, нельзя упрощенно понимать и объяснения нашим источником причины выступления Бойнака совместно с шамхалом Адиль-Гиреем в 1725 г. против России. Тем более что сам И. Гербер отмечает, что владелец Бойнака был первым, который «покорно прощения просил». Что же касается утверждения нашего автора о том, что «сей Мермед не силен», то оно еще раз говорит о малых размерах Бойнакского бийликта.

* * *

В параграфе «Territor Uthamisch» («Территория Утемыш») немецкого текста, соответствующем статье «Утемыш уезд» («Описания»), излагаются сведения о территории, расположенной «подле моря между горами Бойнак» и уцмийским владением. «Уезд» этот, пишет И. Гербер, «состоит в нескольких деревнях»²⁷³. К сожалению, он не указывает, сколько и какие именно селения «уезд» объединял. Согласно данным П. Г. Буткова, этот «уезд» состоял из семи деревень, «из местечка Отемыш, в коем содержалось до 500 дворов, и других шести деревень там же по сторонам лежащих»²⁷⁴. О центре «уезда» Утемыше, «достигавшем пятисот домов», говорит и Г. Алкадари²⁷⁵. Р. М. Магомедов со сноской на «Описание северного Дагестана 1796 г.» Д. И. Тихонова пишет, что магал объединял шесть сел²⁷⁶, а другой раз,

²⁶⁹ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 255—256; Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. т. I. СПб., 1890, с. 2.

²⁷⁰ РДО, с. 70—73.

²⁷¹ ИГЭД, с. 11—13.

²⁷² Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 16.

²⁷³ Beschreibung..., S. 22; ИГЭД, с. 74; Известия..., с. 44.

²⁷⁴ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 25.

²⁷⁵ Алкадари Г. Указ. соч., с. 68.

²⁷⁶ Магомедов Р. М. Общественно-экономические..., с. 232.

касаясь этого же вопроса, он, опять же со ссылкой на тот же источник, считает, что «уезд» объединял семь селений: Утемыш, Кайкент, Мюрего, Кичигамри, Мамааул, Алиханкент (точнее, Алходжакент), Удмикент²⁷⁷ (Усемикент). Заметим, что, кроме сел. Мюрего, являвшегося даргинским, все аулы были кумыкские.

Д. И. Тихонов «уезд» этот называет округом Гамринским, объединявшим 16 селений²⁷⁸. На первый взгляд может показаться, что приведенные мнения противоречат друг другу. Однако это не так. Оба мнения верны. Правы П. Г. Бутков и Р. М. Магомедов, утверждая, что «уезд Утемыш» состоял из семи селений. Только, может быть, вместо сел. Мюрего в состав «уезда» входило сел. Улугамри. Тем более что о сел. Гамри (в документе «Умры») как о селении, входящем в «уезд Утемыш», говорится в донесении шамхала тарковского к Петру I от 20 апреля 1719 г.²⁷⁹

Как ни странно, прав и Д. И. Тихонов. Оказывается, во второй половине XVIII в. изменилось название самого «уезда», namного расширилась его территория и, естественно, увеличилось число селений, входящих в его состав. На это прямо указывает П. Г. Бутков. «Ныне,— пишет он,— Отемышское владение называется уезд Гамрин и состоит в зависимости усмея, имея, однако, своих князей; в нем 16 деревень и главная Отемыш»²⁸⁰. Мы уже отмечали, что в «уезде», когда он состоял из семи селений, в основном входили кумыкские аулы. Очевидно, это обстоятельство имеет в виду и наш автор, подчеркивая, что жители данного «уезда» говорят на кумыкском языке, который он, как известно, называет языком «татарским с турецким помешанным».

Анализируемый источник утверждает, что владетелем Утемыша является «Султан-Мамут». К сожалению, И. Гербер не конкретизирует, как надо понимать слово «султан»: то ли это титул, то ли это часть собственного имени. Вопрос этот не простой. От его правильного решения зависит многое, в том числе и то, правомерно ли этот «уезд» называть, как это делают некоторые исследователи, «Отемышским султанством». Ряд источников представляет дело так, будто «султан» — это титул владетелей Утемыша. Вышеупомянутый Д. И. Тихонов, например, отмечает, что Отемыш «имеет своих князей, которые прежде назывались султанами и были в давние времена сильными»²⁸¹. Говорить о том, что владетели «уезда» в давнее время были султанами, не приходится, поскольку мы уже имели возможность убедиться, что в начале XVIII в. «уезд» объединял всего семь селений. Остается выяснить, действительно ли владетели этого «уезда» назывались султанами. В грамоте от 30 августа 1725 г. Петра I Адиль-Гирею говорится: «...владение земли и места со

²⁷⁷ Там же, с. 210.

²⁷⁸ ИГЭД, с. 132.

²⁷⁹ РДО, с. 228.

²⁸⁰ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 25.

²⁸¹ ИГЭД, с. 133.

всеми принадлежностями Салтан-Магмута Утемышского»²⁸². В письме П. П. Толстого и Ф. М. Апраксина от 16 сентября 1722 г. «уезд» этот назван «земли и владения Салтана-Магмута Утемышского»²⁸³. В другом документе, также датированном 1722 г., «уезд» назван «владения Салтан-Магмута Утемышского»²⁸⁴. Чтобы завершить с этим вопросом, отметим, что известный дореволюционный историк Дагестана Г.-Э. Алкадари писал: «утемышский правитель, Султан-Махмуд»²⁸⁵.

Из этих данных можно сделать только один вывод: этот «уезд» неверно называть султанством из-за того, что им в начале XVIII в. правил «Султан-Мамут». Следует также признать, что «уезд» в описываемые времена был относительно самостоятельным владением, хотя и находился в сфере политического влияния Кайтага. Об этом, очевидно, и говорит утверждение нашего автора о том, что «Султан-Мамут» с подвластного населения «доходы берет». Но, к сожалению, сведения нашего источника не позволяют определить, в чем выражались эти «доходы» и каковы были их размеры. А поскольку такие сведения не встречаются в других имеющихся в нашем распоряжении источниках, значение данных нашего источника, даже в том виде, в каком он их до нас донес, велико. И. Гербер подчеркивает, что Утемыш паходился «прежде того временем (т. е. до 1725 г.— В. Г.) под шамхальством, временем под усмею, токмо с обоими под Персию»²⁸⁶. Чуть ниже, конкретизируя это положение, он заключает: «Понеже Утямиш между шамхалским и усмейским владением лежит, владелец султан Мамут временем от шамхала, временем от усмея зависит и послушен был, смотря на случай, а больше чтился он с обоими в приятстве быть»²⁸⁷. В «Известиях» эта мысль высказана более прямолинейно. Утемыш, говорится здесь, от «усмея и от Персиян зависел»²⁸⁸.

Оставляя вопрос о зависимости удмиинства от Персии в стороне (об этом речь пойдет ниже), попытаемся разобраться, какова была зависимость Утемышского владения от шамхала и удмиа. Если бы Утемыш действительно был зависим от Тарковского владения, то вряд ли Петру I в августе 1722 г. понадобилось бы передать его шамхалу. К такому же выводу подводит нас и изучение путевого журнала путешествия через Дагестан 1718 г. А. Лопухина²⁸⁹. Однако это не исключает того, что временами владетели Утемыша попадали в сферу политического влияния шамхалов тарковских. Что же касается начала XVIII в., то имею-

²⁸² АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1722 г., д. 17, л. 133.

²⁸³ РДО, с. 252.

²⁸⁴ Там же, с. 265.

²⁸⁵ Алкадари Г. Указ. соч., с. 68.

²⁸⁶ ИГЭД, с. 74; Beschreibung..., S. 23.

²⁸⁷ Там же, с. 74—75.

²⁸⁸ Известия..., с. 45.

²⁸⁹ ИГЭД, с. 56.

щиеся в нашем распоряжении источники единодушно говорят о зависимости Утемыша от уцмий. О зависимости в XV—XVII вв. Утемыша от уцмий свидетельствуют А. Никитина, А. Олеарий, Я. Стрейс, Ф. Котов и др.²⁹⁰ Надо полагать, что утверждение нашего источника, будто принужден он «купно с усмеем воинское дело отправлять»²⁹¹, также служит признанием вассальной зависимости Утемыша от уцмий кайтагского. Но это ценное во многих отношениях сообщение, к сожалению, не позволяет определить, сколько и на какое время Утемыш должен был выставить воинов уцмью. Таких данных нет и в других источниках. Имеются сведения, говорящие, что «уцмий владения все жители на случай надобности в войске на защищение границ своих дают с каждого двора по одному человеку. Если же угодно будет уцмью их войском сделать пособие другому владельцу, в таком случае просит из согласия и с заплакою им за то денег, а насилнем к таковой странной войне их не принудить»²⁹². Эти данные относятся к концу XVIII в. и тем не менее с известной оговоркой могут быть использованы для изучения интересующего нас вопроса.

Наш источник сообщает краткие сведения о сопротивлении, оказанном Султан-Махмудом продвигающимся на юг войскам Петра I. Однако эти сведения далеко не достаточны для освещения этого сюжета. Напомним, что выступивший из Тарки 16 августа 1722 г. передовой отряд войска Петра I через два дня, 18 августа, вступил на территорию утемышского владельца. Султан-Махмуд пытался оказать сопротивление, но был разбит. Наш источник, да и другие материалы утверждают, что под его командованием находилось 10 тыс. человек. Однако эти сведения не внушают доверия. Во-первых, собрать такое войско с небольшого владения, состоявшего всего из семи селений, если даже при этом была оказана помощь кайтагским уцмнем, вряд ли возможно. Во-вторых, если бы в распоряжении Султан-Махмуда было 10 тыс. человек, то вряд ли их так легко разбил бы отряд Петра I. Эта неудачная попытка оказать сопротивление дорого обошлась утемышскому владельцу²⁹³. Он, как известно, был отстранен от власти, а «уезд» передан в управление шамхалу.

²⁹⁰ АКАК, т. II, с. 1076—1077; Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1948, с. 28—29.

²⁹¹ ИГЭД, с. 74.

²⁹² Там же, с. 134.

²⁹³ См.: Походный журнал 1722 г., с. 117—118; Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли..., ч. I—III. СПб., 1776; Комаров В. Персидская война 1722—1723 гг.; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I; Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море.—Вестник Европы, 1868, т. IV; Лыцов В. П. Указ. соч., и др.

ПРЕДГОРНЫЙ И НАГОРНЫЙ ДАГЕСТАН

В этом разделе мы анализируем сведения нашего источника о феодальных владениях в Кайтагском уцмийстве, Аварском и Казн-Кумухском ханствах, а также о так называемых аварских и даргинских «вольных» обществах. Уцмийству посвящена статья, озаглавленная «Die Provintz Chaitaki und Kara Chaitaki» («Провинция Кайтаки и Кара-кайтаки») ²⁹⁴.

Поясним, что Кайтагом называется верхний, или нагорный, Кайтаг (Шибакх-Хайдакх), в свою очередь делящийся на четыре части: 1) Уцари, 2) Шуркапт, 3) Каттаган, 4) Ирджамаул. Кара-Кайтаг, или нижний Кайтаг, — равнинная часть (Убах-Хайдакх) ^{294а}. Самоназвание населения верхней части — «хайдак». Под этим названием оно известно и у других народов Дагестана. «Возможно, — пишет В. Ф. Минорский, — что хайдаки получили свое название от своего высшего класса, состоявшего от пришельцев (как это случилось с кавказскими аварами), но в противоположность мнению Бартольда это произошло не во время монгольского нашествия, а на несколько веков раньше, т. к. название хайдак засвидетельствовано (с различными ошибками в написании) уже у арабских авторов IX—X вв. н. э.» ²⁹⁵ Утверждая это, В. Ф. Минорский, очевидно, имеет в виду сообщение арабского источника о правителе Кайтага, в котором сказано, что он «араб из (племени) Кахтапа» ²⁹⁶. Однако имеются и другие характерные объяснения происхождения этнонима Хайдакх. Согласно преданию, хайдак означает «гонимый скот» ²⁹⁷.

Не решен окончательно и вопрос о происхождении термина «Кара-Кайтаг». Одни исследователи считают, что это название произошло от вида «гор, ими обитаемых». Такого мнения придерживался и А. В. Комаров. Он отмечает, что тюркское название «„кара“, т. е. „черный“, дано по виду гор, покрытых густым лесом, ограничивающих Кара-Кайтахх с юга» ²⁹⁸. Другие исследователи, в том числе и наш автор, склонны считать, что «кара» происходит от того, что их земля очень скудная, а сами жители бедны. Однако Кайтагское уцмийство в описываемое время занимало обширную по масштабам Дагестана территорию. От р. Оросай-Болак на юг, вдоль Каспия на 60 верст, от реки Дарбах и от Каспийского моря на запад верст на 100, а в окружности 350 верст ²⁹⁹. По данным конца XVIII в., численность на-

²⁹⁴ Beschreibung..., S. 31; ИГЭД, с. 83.

^{294а} Комаров А. В. Пародонаселение..., с. 17.

²⁹⁵ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 127.

²⁹⁶ Там же, с. 127, 202.

²⁹⁷ Магомедов Р. М. Памятники истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала, 1964, с. 5.

²⁹⁸ Комаров А. В. Пародонаселение..., с. 18.

²⁹⁹ Броневский С. Указ. соч., ч. 2, с. 309; ИГЭД, с. 309.

родонаселения удмийства достигла 75 тыс. человек³⁰⁰. Согласно данным XIX в., собственно хайдаков насчитывалось 1680 дворов, или 7050 душ³⁰¹.

В удмийстве проживали даргинцы, кумыки, терекемейцы, таты и горские евреи. Кайтаги, как известно, говорят на кайтагском диалекте даргинского языка. Однако наш автор утверждает, что они имеют свой язык, сходный с «кумыцким языком»³⁰². Как это понять? Дело в том, что кумыцким языком, как отмечалось выше, наш автор называет лакский язык. А эти языки (даргинский и лакский), как известно, родственны. Более того, ряд советских лингвистов (Е. А. Бокарев, С. М. Хайдаков и др.) не только признают родственность даргинского и лакского языков, но и склонны считать, что эти языки составляют одну даргинско-лакскую группу дагестанских языков. Приходится удивляться проициательности И. Гербера. Наш автор свидетельствует о том, что сам удмий и «знатнейшие люди» употребляли «турецкой с татарским помешанной язык», т. е., по терминологии И. Гербера, кумыцкий язык. Таким образом, создается любопытная картина: большая часть населения удмийства говорила на кайтагском диалекте даргинского языка, а правящая верхушка уже тогда говорила на кумыцком языке. Это, очевидно, происходило от того, что уже в начале XVIII в. удмий постоянно проживал в кумыцком селении Башлы.

Не останавливаясь на выяснении причин перенесения резиденции удмиев, ибо этот вопрос выходит за рамки нашего исследования, укажем, что резиденцией удмиев последовательно служили Кала-Курейш (Ургмузда), Гапш, Маджалис (на Богане) и Башлы³⁰³. Имеется предание, согласно которому и резиденция удмиев была перенесена из Кала-Курейша (Крепость курейшитов) в Уркарах, а затем в Маджалис³⁰⁴. Кала-Курейш, иногда неточно зафиксированный в документах как Кара-Курейш (Черные курейшиты), считается первоначальной резиденцией владельцев Кайтага, будто бы ведших свой род от потомков Мухаммеда. На камешной плите, вделанной в стену мечети Кала-Курейш, имеется надгробная надпись, в которой говорится: «Он обладатель Кала-Курейша, Ах-с-б-р Хиздан...» Это, заключает Л. И. Лавров, самый ранний, неизвестный по другим источникам предшественник и, возможно, предок усмиев, однако, как видим, еще не носящий титула усми³⁰⁵.

Полагают, что сел. Маджалис было основано удмием Султан-Ахмедом (ум. в 1588 г.) на том месте, «где собирался народ

³⁰⁰ ИГЭД, с. 170—171.

³⁰¹ Комаков А. В. Народонаселение..., с. 18.

³⁰² ИГЭД, с. 83.

³⁰³ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 129.

³⁰⁴ Вейденбаум Е. Материалы для историко-этнографического словаря Кавказа. — СМОМПК, 1895, т. XX, с. 19—20.

³⁰⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 111, 193.

для совещания»³⁰⁶, от чего производят и само название резиденции уцмиев. Маджалис, пишет А. Гасанов, — множественное число от слова меджелис — место заседаний³⁰⁷. В период пребывания на Кавказе И. Гербера, как уже указывалось выше, столицей уцмийства было сел. Баиллы, которое под названиями Баршлы, Баршаллий, Барашлы упоминается в раннесредневековой арабоязычной литературе³⁰⁸. Описывая состояние Кайтага, паш автор утверждает, что «земля хлебородная», «довольно паппен, садов... добрые луга» для скотоводства³⁰⁹. Однако эти характеристики относятся к равнинной части от моря до предгорий. Но территория уцмийства простиралась и в пагорной зоне.

Отдельно характеристика хозяйства пагорного Кайтага дана в «Известиях» буквально в нескольких словах: «их земля не столь хороша... чего ради они и не столь богаты»³¹⁰. Если суммировать все тексты нашего источника, то можно получить сжатую, но в принципе правильную оценку хозяйственной жизни Кайтага в целом. Из текстов анализируемого источника, впрочем как и в действительности, выясняется, что основным занятием жителей уцмийства было земледелие и скотоводство. При этом в равнинной части Кайтага ведущее место в хозяйстве занимало земледелие. В полеводстве пижнего Кайтага ведущее место занимало производство зерна. Выращивалось также большое количество фруктов, винограда и овощей. Прав И. Гербер, утверждая, что равнинный Кайтаг снабжал зерном не только жителей пагорной части уцмийства, но и другие владения пагорного Дагестана³¹¹. В пагорном Кайтаге занимались скотоводством и земледелием. Поскольку, однако, своего хлеба здесь не хватало, жители приобретали хлеб в равнинной части. К сказанному необходимо лишь добавить, что значительное место в экономике жителей уцмийства занимали домашние промыслы и ремесло. Об этой стороне хозяйственной деятельности И. Гербер почему-то вовсе не говорит. Правда, он посвятил специальную статью описанию Кубачей. Но ведь не одни кубачинцы в Кайтаге занимались ремесленным производством. Например, в сел. Амузги изготовлялись знаменитые на весь Кавказ клинки, в сел. Харбук — кузнечные изделия, в сел. Сулевкент — глиняная посуда, в селениях Чумлы и Мирсега — деревянная утварь, в селениях Шуркалу, Зурмаки и во всех селениях магала Ицари — сукна, в селениях Чишили и Хупгия — бурки и паласы, во всех селениях магалов Шуркапт, Каттаган и Ирчамул — грубый холст — «сигязи», в Сюрижи — струн-

³⁰⁶ ФОД, с. 211; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1924, с. 88; Алкадари Г. Указ. соч., с. 51.

³⁰⁷ См.: Алкадари Г. Указ. соч., с. 174.

³⁰⁸ См.: Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 126, 128, 129, 131—140.

³⁰⁹ Beschreibung..., S. 32; ИГЭД, с. 83—84.

³¹⁰ Известия..., с. 108.

³¹¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией. 1722 г., д. 24, л. 74.

ные музыкальные инструменты (чунгуры), в Сутабуке занимались резьбой по камню³¹².

Обращают на себя внимание сведения нашего источника о вооружении кайтагцев, но, к сожалению, они весьма кратки. Нельзя понять, производились ли «огненное оружие и добрые сабли» на месте или приобретались на стороне. Однако имеющийся фактический материал убедительно показывает, что огнестрельное оружие — пищали русского производства — в Дагестане, в том числе и Кайтаге, употреблялись с XVI в. И ничего удивительного нет в том, что такие великолепные умельцы, как кубачинцы, харбукцы и другие, могли сами изготавливать огнестрельное оружие в XVIII в. Уверенно можно сказать, что сами они изготавливали холодное оружие. Очевидно, часть оружия, особенно огнестрельное, кайтаги приобретали по-прежнему на стороне. О том, что кайтаги занимались торговлей с Россией, с народами Закавказья и странами Ближнего Востока, существует множество фактов.

Документы свидетельствуют о том, что по торговым делам кайтаги ездили в крепость Св. Креста, а позже в Кизляр, Астрахань, Москву, Дербент, города Закавказья и другие торговые центры³¹³.

Топографическому делению уцмийства на две части — равнинный и нагорный Кайтаг, — говоря словами анонимного автора XIX в., «соответствовало деление населения в отношении его социального уцмийства»³¹⁴. В нижнем Кайтаге феодальные отношения были более развиты, чем в верхнем.

Кайтагское уцмийство, как отмечалось выше, всегда играло заметную роль в истории Дагестана. Видимо, только в этом смысле и надо понимать утверждение И. Гербера, что «усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне в великом почтении»³¹⁵. Делались также попытки возвести род уцмий Рустем-хана к потомкам дяди пророка Мухаммеда курейшита Хамзы³¹⁶. Или даже доказывалось, что уцмий происходили «по отцу... от дяди пророка... Аббаса, а по матери — от дяди пророка... Хамзы»³¹⁷. Но если эти надуманные версии легко опровергаются, то гораздо труднее разобраться в происхождении самого титула кайтагского правителя. Обычно принято считать, что титул владетеля Кайтага «уцмий» происходит от арабского слова «усми» — именитый³¹⁸. Однако в исто-

³¹² ФОД, с. 227; Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., 1949, с. 33, 201—206, Приложение № 2.

³¹³ РДО, с. 208.

³¹⁴ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 2, л. 1.

³¹⁵ ИГЭД, с. 83.

³¹⁶ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 675, л. 1.

³¹⁷ АКАК, т. II, с. 1074.

³¹⁸ ФОД, с. 182; Козубский Е. И. Дагестанский сборник, вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, с. 16.

рической литературе высказывались и другие мнения. Б. Г. Малачиханов, например, пытался объяснить его происхождение от «иудейского слова «оцум», означающего «сильный, мощный»³¹⁹. Но эта версия никем не поддержана. Очень заманчивую мысль в этом плане высказывал Р. М. Магомедов. Он считает, что термин «уцмий» более древнего происхождения и имеет местную основу³²⁰. В другом месте к сказанному он добавляет: «Эмир, назначенный арабами в Кайтаге, мог быть просто одним из потомков местных правителей из рода уцмиевых»³²¹. Остается только подкрепить эти суждения фактическим материалом. А пока бесспорно доказанным можно считать лишь то, что на территории Кайтага задолго до появления арабов на Кавказе существовало политическое объединение. Об этом говорят хотя бы сохранившиеся до наших дней остатки городов античного периода Урцеки, Шамшахар и других, а также свидетельство самих арабов о «царстве» Зирих-Герана.

В XVIII в. уцмийство Кайтагское делилось на 13 округов, или магалов: Терекемейский, Гамринский, Харбукский, Хайдакский, Каракайтагский, Урджамильский, Девекский, Каттаганский, Ширкулаламский, Сюргинский, Муирский, Каба-Даргинский и Кубачинский³²². Однако источники подтверждают, что магал Каба-Дарго в конце XVIII в. с помощью акушинцев освободился от власти уцмий и присоединился к Акуше-Дарго³²³. Объединение всех вышеперечисленных магалов и называлось Уцуми-Дарго или Кайтаг-Дарго. В этой связи надо обратить внимание на следующее утверждение нашего источника. В «Описании» говорится, что от уцмий зависели «с некоторыми договорами» Кубачи, Утемыш, Акуша и «несколько тавлинцев»³²⁴. В «Известиях» подчеркивается, что достоинство уцмий «простирается под некоторыми кондициями над Кубачи, Акуша и некоторыми тавлинцами»³²⁵. Выше мы видели, в чем заключались некоторые «кондиции» уцмий над Утемышем. О Кубачах и Акушах речь пойдет ниже. Здесь же укажем, что наш автор, говоря о тавлинцах, имеет в виду горцев верхнего Кайтага, но никак не аварцев, которых он, как увидим ниже, называет тавлинцами. Но и несмотря на то, что эти сведения очень кратки, они важны для изучения политического устройства уцмийства, поскольку других данных, непосредственно относящихся к началу XVIII в., у нас нет. При наличии этих сведений, путем срав-

³¹⁹ Малачиханов Б. Г. К вопросу о хазарском Семендере.— УЗИИЯЛ, 1965, т. XIV, с. 127.

³²⁰ Магомедов Р. М. Памятники истории и письменности..., с. 8.

³²¹ Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 84.

³²² Данные о числе селений, входивших в указанные магалы, см.: ИГЭД, с. 131—133.

³²³ ФОД, с. 183.

³²⁴ ИГЭД, с. 83.

³²⁵ Известия..., с. 109.

нения и сопоставления с данными более позднего происхождения, можно получить фактический материал, позволяющий воссоздать историческую картину первой четверти XVIII в.

К примеру, наш источник сообщает, что в начале XVIII в. Кайтагом правил уцмий Ахмед-Хан, который «в знатнейшем и великом почтении». Эти сведения вполне согласуются с данными документов позднего происхождения: «Над обеими частями (пшжний и верхний Кайтаг),— говорится в одном из них,— возвышалась власть уцмия, власть эта была наследственной и переходила к старшему в роде, по при этом утверждалась торжественным всенародным собранием»³²⁶, происходившим в сел. Бапшы. При этом надевать шапку «папах камага», являющуюся признаком уцмийского достоинства, было привилегией старшего в роде Гасан-бека из Урджамильского магала, ведущего якобы свое происхождение от арабов. Одновременно утверждался и его наследник, называемый «гаттым». После этого уцмий одаривал собравшихся беков: кого оружием, кого деньгами, а кого и скотом³²⁷. Уцмий, подчеркивает И. Гербер, «повиен своих старшин и знатных людей, как духовных, так и других, каждой год одаривать, также некоторых таулинцев и других горских подарками»³²⁸. Прежде всего следует выяснить, кого именно подразумевает наш источник, упоминая «старшин и знатных людей... духовных... других». Из «Свода заповедных законов «Кайтаг-Дарго» мы знаем, что в Кайтаге знатными считались талканы. «Государству без талкана,— говорится там,— Дарго без суда, стаду без пастуха, войску без разумного, селу без головы не быть»³²⁹. Согласно этому же своду, управление в Кайтаге осуществляли кади (судьи, решающие дело по шариату), мангуши (глашатаи, сельские исполнители, наблюдатели за общественными землями и посевами и т. п.), чапары³³⁰ (сельские посыльные). Согласно другим документам, кроме самого уцмия, ряд судебно-административных функций выполнял его наследник гаттым.

Уцмий, свидетельствует И. Гербер, со всего Кайтага «доходы... берет»³³¹. К сожалению, наш источник не говорит, с каких именно селений уцмий получал и в чем выражались эти подати. Такого рода сведений нет и в других источниках. Но есть материалы, имеющие отношение к этому сюжету, зафиксированные в начале XIX в. Согласно данным генерала Верде, в первой четверти XIX в. жители Терекеме отдавали уцмию с пары буйволов — 20 саб пшеницы и 5 саб ячменя, с 13 пастбищ — от 700

³²⁶ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 8.

³²⁷ ФОД, с. 183; Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, с. 224; газ. «Кавказ», 1867, № 13.

³²⁸ ИГЭД, с. 83—84.

³²⁹ Магомедов Р. М. Памятники истории и письменности..., с. 21. Талхан, говорит Р. Магомедов, даргинский князь или хан (там же, с. 77).

³³⁰ Там же, с. 78.

³³¹ ИГЭД, с. 83.

до 1000 овец. Жители, занимающиеся шелководством, сдавали ему по два мотка шелка. С поступавших 7 тыс. пудов марены на продажу в сел. Башлы он получал по 10 коп. с пуда. Кроме того, доходы уцмью приносили нефтяные колодцы и пошлинные сборы, составлявшие 1000—15 000 руб. серебром³³². По данным сословно-поземельной комиссии, источниками доходов уцмня, кроме вышеуказанных, являлись: доходы со сдачи в аренду зимних пастбищ, доход с соленых озер, доход от податей с жителей магалов Каба-Дарго, Ицари, Тари (зерно, бараны, мед, холст и др.), доходы с мельниц и ореховых деревьев сел. Башлы, доходы от штрафов³³³ и др. Мы не можем утверждать, что точно такие же «доходы» взимали уцмни с подвластного им населения Катайга и в начале XVIII в. Однако эти данные перекликаются со сведениями нашего источника о том, что «сверх того усмей уволен с товаров пошлину брать, которые через ева уезд проезжают»³³⁴. К тому же сообщение И. Гербера о том, что акушинцы и другие горцы пригоняли свой скот на зимние пастбища и «понеже каждую зиму более 100 000 баранов здесь кормятся, усмею от того немалые доходы приходят», также совпадает с данными вышеприведенных документов сословно-поземельной комиссии. Эти факты дают основание полагать, что и в XVIII в. уцмни взимали с поселян если и не такие же, как в начале XIX в., то в какой-то степени схожие с ними подати.

В отличие от «Известий» в «Описании» И. Гербер утверждает, что уцмий своих старшин и знатных людей жалует и одаривает. Чуть ниже, вторично возвращаясь к этому вопросу, он подчеркивает, что уцмий «повиен своих старшин и знатных людей, как духовных, так и других, каждой год одаривать»³³⁵. Мы знаем также, что наследник раз в год объезжал все узденские селения и производил суд, но не иначе, как с помощью и в присутствии местных картов. Карты — старейшины, суды — разбирали местные дела по адату. Считалось, что карты формально избираемы, хотя фактически они выдвигались из среды «богатеев» (разбогатевших узденей) или «знатных людей», как их именует наш источник. «Право быть избранным в карты и в кевха, — говорится в документе, — принадлежало только некоторым известным фамилиям»³³⁶.

Число избираемых в обществе картов и других лиц местной администрации не было регламентировано и, видимо, находилось в прямой зависимости от численности народонаселения данного селения и положения, занимаемого им в уцмийстве. В сел. Башлы, например, «избирали» шесть картов, несколько судей и одного кади. Их решения были безапелляционными. В остальных же

³³² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 2—3; АКАК, т. VI, с. 67.

³³³ ЦГА Даг. АССР, ф. 90, оп. 1, д. 5, л. 1—2.

³³⁴ ИГЭД, с. 84.

³³⁵ ИГЭД, с. 84.

³³⁶ ЦГА Даг. АССР, ф. 90, оп. 1, д. 5, л. 1—2.

магалах жалобы на решения сельских картов в одних случаях поступали к феодалу, в других — на собрание всех картов, в третьих — к картам селений, пользовавшимся особой популярностью и предпочтением. Такими, например, считались карты сел. Уркарах. Жалобу на решение сельского кади можно было направить к первенствующему кади или даже к акушинскому кади³³⁷. Различного рода полицейские функции выполняли тургаки и мангуши, число которых также зависело от величины селения. В Башлах, например, бывало «60 постоянных наследственных тургаков, в помощь которым каждый магал по очереди назначал из среды своей еще 30 тургаков»³³⁸. Кроме того, «выбирали» мангуша, в обязанность которого входил созыв сельчан на сход. Он также «свидетельствовал потраву на полях и арестовывал скот»³³⁹.

Власть над райятами подвластных бекам деревень в судебном и административном отношениях принадлежала тому беку, в зависимости от которого они находились. В Терекеме бек имел право удалить неугодного ему райята со своих земель, при этом имущество поступало в пользу бека. Сами беки разбирали и тяжбленные дела, причем решения их считались окончательными. Они налагали по своему усмотрению штрафы, наказывали преступников, имели даже право «казнить смертью»³⁴⁰. Хотя все дела между поселянами должны были разбираться по адатам³⁴¹, бек иногда решал дело произвольно, и это называлось «зельем» (насилие, произвол)³⁴².

За исполнение своих обязанностей карты получали вознаграждение: «Из доходов за сбор дикой марены на землях общественных каждый карт получал от 3 до 5 руб., с нефтяного откупа — по 5 руб., с соли — по 1 руб., с кутанов обязаны были отдавать по барану с кутана для всех картов. Кроме того, при разделе общественной земли каждый карт получал двойной участок. Вознаграждения получали и другие лица местной администрации. Тургаки и мангуши получали штрафные деньги, взимавшиеся с преступников. Кроме того, мангуш получал с каждого двора по 3 са пшеницы»³⁴³. Эти данные записаны в XIX в. Но если даже допустить, что точно такие же доходы получали с подвластного населения в начале XVIII в. удмурт, все же трудно представить, чтобы они могли ежегодно одаривать всех лиц центральной и местной администрации. Это было им не по силам.

³³⁷ Гаджиев В. Г. Роль России..., с. 28.

³³⁸ ЦГА Даг. АССР, ф. 90, оп. 1, д. 28, л. 64—65.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же, д. 5, л. 1—2.

³⁴¹ Там же. Подробно о податях, взимавшихся беками, см.: ФОД, с. 198—199.

³⁴² ЦГА Даг. АССР, ф. 90, оп. 1, д. 5, л. 2—3.

³⁴³ ФОД, с. 221.

Однако начисто отвергать мнение И. Гербера, очевидно, тоже нельзя. В таком случае необходимо выяснить, кого именно и за что одаривал уцмий. К сожалению, мы не располагаем такого рода материалами, относящимися к началу XVIII в., и поэтому выпущены вновь обратиться к данным документов XIX в. «За хорошую службу,— говорится в одном из них,— уцмий награждал беков подарками, состоявшими из вещей и разного рода скота; деревень и земель неосвоенных уцмий не дарил бекам, они доставались только по наследству»³⁴⁴. В свете данных этого документа становятся понятными вышеприведенные утверждения И. Гербера. Оказывается, уцмий «повиен» был одаривать не всех «старшин и знатных», а только беков, и не ежегодно, а лишь за хорошую службу. Продолжая наши рассуждения, можно, очевидно, утверждать, что уцмий «тавлищев и других горских» одаривал также за оказанные ему услуги и помощь. К сожалению, сейчас мы не можем точно определить, кого именно имеет в виду И. Гербер под названием горцы. Этими горцами могли быть и акушинцы, и сюржинцы, и другие жители нагорной Даргинии. После всего сказанного мы вправе, кажется, ответить на интересующий нас вопрос, что под термином «знатнейшие» нашего источника скрываются высшие сословия Кайтагского владения, а именно: уцмий, беки, чапка-беки, представители сельской администрации, а «знатные духовные» — это кади, шейх-сеиды, муллы и другие представители местного мусульманского духовенства.

Большую часть населения уцмийства описываемого времени, как известно, составляли крестьяне. Но крестьяне Кайтага не были однородны. Лично свободные уздени считались равными между собой; «различие же между ними, если верить официальному документу, было только по состоянию, по силе и древности тухума»³⁴⁵. Отличающиеся «по состоянию, по силе» выдвигали из своей среды старшин и других лиц местной администрации и, конечно же, относились к «знатным». В то же время другая, значительно большая часть узденей Кайтага все более и более попала в зависимое положение. К эксплуатируемому классу относились райаты. Они платили подати, несли повинности, были лично зависимы³⁴⁶.

Согласно нашему источнику, Кайтагское уцмийство до 1725 г. находилось под властью Персии. Зависимость Кайтага, по И. Герберу, выражалась в том, что уцмий получал от шаха ежегодно по 2000 руб. и должен был по требованию шаха со своими подданными «воинскую службу... отправлять»³⁴⁷. Сведения о получении уцмием от шахов Ирана денежных субсидий подтверж-

³⁴⁴ ФОД, с. 184.

³⁴⁵ Там же, с. 187.

³⁴⁶ Там же, с. 187—188.

³⁴⁷ ИГЭД, с. 83.

дают и другие источники. Во многих грамотах «как турецких султанов, так и персидских шахов и в других документах упоминается о посылаемых удмням подарках, которые состояли: из халатов, лошадей, коней, сбруи с седлами, украшенных золотом, и денежного жалования, доходившего до 500 туманов»³⁴⁸ (т. е. 5000 руб.). В 1710 г., отмечает А. К. Бакиханов, удмию Ахмед-Хану было назначено жалованье «вместо ста туманов в год по двести туманов»³⁴⁹.

Действительно ли удмий по требованию шаха «военную службу» отправлял. Прежде всего укажем, что удмий, за исключением небольшого отряда, численность которого даже в XIX в. составляла лишь 300 всадников, постоянной армии не имел. Отряд этот служил «для поддержания внутреннего порядка и для приведения в повиновение узденей, не исполнявших требований удмий»³⁵⁰. При внешней опасности удмий созывал ополчение. Уже одно это говорит о том, что деньги, получаемые из Персии, удмий могли расходовать по своему усмотрению. К тому же факты свидетельствуют о том, что удмий Кайтага не подчинялись власти шаха, не исполняли его требований и не выставляли войска. Более того, история знает немало примеров, когда кайтагцы с оружием в руках выступали против шахов Ирана. Не останавливаясь на борьбе горцев Дагестана, в том числе и Кайтага, против шахской Персии XVII в.³⁵¹, укажем, что и в 20-х годах XVIII в., в период вторжения афганцев в Иран, шах обратился к владетелям Дагестана за помощью. Но удмий Кайтага вместе с другими владетелями Дагестана отверг это требование. Более того, они сами поднялись на антииранскую борьбу. При наличии такого рода фактов правомерно ли безоговорочно утверждать, что до 1725 г. Кайтаг находился под властью Ирана. Очевидно, нет. Кстати сказать, такого мнения придерживались и сами кайтагцы. «Усми даром служить никому не должен... — говорил представитель удмиинства дворянину А. Лопухину в 1718 г., — шаха мы не боимся»³⁵².

Что же касается взаимоотношений Кайтага с Россией, нельзя забывать, что удмий присягали Москве еще в первой половине XVII в.³⁵³ В 1723 и в 1725 гг. удмий повторил свою присягу. Об этих фактах знает и сам И. Гербер. Но вместе с тем он представляет удмию Ахмед-Хана «человеком лукавым и пеглым», чуть ли не лицом, через «подговор» которого шамхал

³⁴⁸ ФОД, с. 182.

³⁴⁹ Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 101.

³⁵⁰ ФОД, с. 183.

³⁵¹ Подробно об этом см.: Гаджиев В. Г. Роль России..., с. 67—98; Умаханов М.-С. Внутреннее и внешнеполитическое положение Дагестана в конце XVI — первой половине XVII в. — В кн.: Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

³⁵² ИГЭД, с. 31.

³⁵³ РДО, с. 63, 78, 94 и др.; Маршаев Р. Г. Сношение Кайтага и Казикумуха с Русским государством в первой половине XVIII в. Махачкала, 1954.

Адиль-Гирей «против России збунтовал». П. Г. Бутков также утверждает, что «усми Ахмед-Хан, катагский владелец, будучи человеком хитрым... принуждал шамхала к возмущению и обещал ему всепомощие, хотя оно и не дал»³⁵⁴. Можно согласиться с утверждениями, что уцмий был человеком «лукавым» и «хитрым», но трудно себе представить, чтобы он играл ведущую роль в антирусском выступлении шамхала. Сознывая, что уцмий мог оказать определенное влияние на шамхала, согласившись также и с тем, что он не поддержал владетеля Тарков по внешнеполитическим соображениям, все же надо признать, что И. Гербер намного преувеличивает роль уцмия в антирусском выступлении шамхала.

Завершает И. Гербер свой очерк о Кайтаге описанием очень интересного обычая, заключавшегося в том, что уцмий, «чтобы своих подданных» обязанностью «к себе содержать», поворожденного сына отправлял в «некоторую из его деревень», где женщины его кормили поочередно «грудьями своими» до тех пор, пока не пришло «время младенца от грудей отставить»³⁵⁵. В «Известиях» подчеркивается, что сын уцмия отправлялся «в небольшую деревню сей земли, где все бабы по порядку принимают его к грудям своим». И лишь после того, как обойдут всех, отправляют в другое селение, и «так далее по всей земле», после чего «жители думают, что они обязаны защищать его... потому что с ним вскормлены одной грудью»³⁵⁶. Обычай этот в своей основе идентичен с известным в науке институтом аталычества. Во всяком случае, как и при аталычестве, он имеет целью подготовить как можно большее число преданных владетелю лиц, считающих себя «с ним в свойстве».

* * *

В наше время мало кто не знает высокохудожественных произведений мастеров знаменитого селения златокузнецов — Кубачи. Но не все, очевидно, знают, что название «Кубачи» закрепилось за селением лишь в XVII в. Под этим названием («Kubeschah», «Кубеша уезд») даются хотя и очень краткие, но довольно интересные сведения и нашим источником. Прежде всего о самом топониме «Кубачи». Это тюркское слово, означающее кольчужники. Кятиб Челябин, турецкий автор XVII в., уверял, что Кайтаг — страна, в которой известно главное место Кубачи и крепость Курейш (Кала-Курейш)³⁵⁷. Средневековые арабские авторы знали это селение под персидским названием «Зирих-Геран», что также означает «кольчужники», «кольчуго-

³⁵⁴ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 80.

³⁵⁵ Beschreibung., S. 33; ИГЭД, с. 84.

³⁵⁶ Известия... с. 109.

³⁵⁷ Kâtib Çelebe. Cihannuma. Istanbul, 1792.

делатели», «делающие кольчуги» или панцири. Самоназвание «урбуг», «урбуган» означает «кубачинец» (мн. число урбуганги). Большинство народов Дагестана называют их: аварцы — «кѳубачиял», «кубачисел»; лезгины — «Кубечияр»; табасарцы — «кюгияр». В отличие от других даргинцы называют их «ГярбукІан», а лакцы — «очІ». *оьрзз [оьззз]*

Говоря о происхождении кубачинцев, наш автор приводит предание об их франкском происхождении. По-видимому, сам П. Гербер убежден в этом и старается убедить своих читателей³⁵⁸. Следует сказать, что в XVIII в. многие считали кубачинцев потомками европейцев — франков, генуэзцев и др. Так, неизвестный П. Я. Лерх утверждает, что «жители (Кубачей.— В. Г.) называются френгами, т. е. франками или богемцами»³⁵⁹. Для выяснения этой версии в конце 1781—1782 г. Кубачи посетили Грабис и Груль³⁶⁰. Ряд ученых — П. С. Паллас, Я. Рейнгс и др. — считали эти мнения неверными. «Предполагается,— писал П. С. Паллас,— что жители города Кубеша происходят от франков (может быть, от генуэзцев и венецианцев). Однако я сам встретил одного кубачинца и записал от него некоторое количество слов на кубачинском языке; из этих слов ясно, что кубачинский язык имеет общность с языками акушинцев (т. е. даргинцев.— В. Г.) и отчасти казикумухцев»³⁶¹. «Народ Кубечи,— писал Я. Рейнгс,— уверяет, что он начало свое ведет из Европы, однако ж язык его никакого сходства с другими (европейскими.— В. Г.) языками не имеет»³⁶². На самом деле кубачинцы — даргинцы, и говорят они на кубачинском диалекте даргинского языка. В свете этого становится очевидной невероятность утверждения нашего автора о том, что кубачинцы говорят на своем языке, не имеющем «ни с каким сходства». Вышеуказанное тюркское слово «Кубачи» — это калька с персидского слова «Зирих-Геран». Кубачи, свидетельствует наш автор, «состоит из одной только, весьма великой деревни». Однако надо помнить, что под Зирих-Гераном в средневековье подразумевалась целая область. Согласно сведениям автора IX в. Белазури, это — страна Зирих-Геран. Масуди называет ее «Царство Зирих-Геран»³⁶³. Абу Хамид аль-Гарнати (XI в.) считал,

³⁵⁸ Beschreibung..., S. 24; ИГЭД, с. 76.

³⁵⁹ Известия о втором путешествии доктора коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 г.— Новые ежемесячные сочинения, ч. XII, 1791, август, с. 59.

³⁶⁰ См.: Броневский С. Указ. соч., ч. 2, с. 321—323.

³⁶¹ Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterchaften des Russischen Reichs in Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1799, S. 420—421; Шилинг Е. М. Указ. соч., с. 216.

³⁶² Рейнгс Я. Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа.— Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. ОЛПД, ф. 192, л. 47—48.

³⁶³ Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 6, 18—19; Масуди. Луга, золото и рудники драгоценных камней.— СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 52.

что вблизи Дербента «два селения: в них живет народность, которую называют зирих-геран»³⁶⁴. По мнению Абд ар-Рашид ал-Бакуви, «Зирих-Геран» означает «делающие панцирь». «Это два села над Баб-ал-Аббабом» (т. е. Дербентом)³⁶⁵. В этой связи большой интерес представляют собой записи, сделанные еще в 40-х годах Е. М. Шиллингом в сел. Кубачи. В одной из них говорится, что «кубачицы были когда-то гораздо многочисленнее и подчиняли себе соседние селения»³⁶⁶.

Эти факты доказывают правоту мнения Е. М. Шиллинга, Л. И. Лаврова, А. Р. Шихсаидова и других ученых, утверждающих, что под Зирих-Гераном скрывалось не одно сел. Кубачи, как считали прежде, а целая область³⁶⁷. Все они убеждены также в том, что со временем территория Зирих-Герана сужается. Объясняют это обычно тем, что часть земель Зирих-Герана была захвачена другими владетелями, или же процессом слияния отдельных населенных пунктов в более крупные³⁶⁸. Само собой понятно, что слияние населенных пунктов могло привести к уменьшению численности селений, но не к сокращению территории «царства» или «страны» Зирих-Геран. И поэтому вряд ли будет правильно считать «слияние отдельных населенных пунктов чуть ли не основной причиной сокращения территории Зирих-Герана»³⁶⁹. Совершенно очевидна также неточность формулировки, будто «еще в конце XIV в. Зирих-Геран представлял еще сильную политическую единицу»³⁷⁰. Сам автор раздела в «Истории Дагестана» А. Р. Шихсаидов в последующих изданиях об этом не говорит^{371—372}.

В XIV в. Зирих-Геран был зависим от шамхалов. Согласно данным «Тарихи Дагестан», зирихгеранцы вносили шамхалам «30 (мер) порошу и 50 баранов с горы...»³⁷³. По другому списку, они обязаны были шамхалам ежегодно отдавать 30 вьюков пороха³⁷⁴. А. К. Бакиханов приводит данные, также из «Тарихи Дагестан», говорящие о том, что шамхалы взымали с «деревни Зирих-Геран по 30 ружей в год»³⁷⁵. Эти данные Мухаммеда-Рафи, как известно, составлены до середины XVI в. Выше мы

³⁶⁴ Путешествия Абу-Хамида ал-Гарпати. Пер. О. Г. Большакова. М., 1971, с. 50.

³⁶⁵ *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. Книга Талхис ал-асари Вааджа'Ибн-ал-Малик ал-Каххар (Сокращение книги о памятниках и чудесах царя могучего). Издание текста и пер. З. М. Бунятова. М., 1971, с. 106.

³⁶⁶ *Шиллинг Е. М.* Указ. соч., с. 6, 11.

³⁶⁷ *Лавров Л. И.* Новое о Зирих-Геране..., с. 254; *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, с. 35.

³⁶⁸ История Дагестана, т. I. М. 1967, с. 184.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же, с. 186.

^{371—372} *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975.

³⁷³ Тарихи Дербент-наме, с. 177.

³⁷⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1239, л. 5—6; ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 10—117.

³⁷⁵ *Бакиханов А.-К.* Указ. соч., с. 53.

приводили сведения о недавно обнаруженном в сел. Апты (удалено от Кубачей примерно на 25 км по прямой линии) эпиграфическом памятнике, свидетельствующем о том, что Зирих-Геран находился в политической зависимости от шамхалов и платил им харадж (поземельный налог)³⁷⁶.

С распадом шамхальства кубачинцы попали в зависимость от удмия Кайтага. Наш автор пишет, что кубачинцы «прежде сего временем с шамхалом, временем с усмеем держались; однакож оные ни под их, ни под перснкою властью не состояли и всегда самовластные люди были»³⁷⁷. Откуда взяты эти сведения? Оказывается, 12 сентября 1722 г. в лагерь Петра I прибыл посланник кубачинцев Мулла-Магомед и сообщил, что живут в Кубачах «вольные люди и никто этой деревней не владеет, а помогают де они во время усмею и шамхалу, а также иным горским народам»³⁷⁸. Как видим, эти показания кубачинского посланника не только по смыслу, но и по композиции весьма схожи с вышеприведенным утверждением И. Гербера. Это лишний раз подтверждает высказанное нами выше мнение о том, что наш автор при написании своего труда широко пользовался различными доступными ему источниками. Надо полагать, что он не был знаком с данными вышеприведенных источников и полностью передоверился рассказу кубачинского посланника. Говоря вслед за ним о независимости Кубачей, он не осознал, что этим сам себе противоречит. В разделе, посвященном описанию Кайтага, И. Гербер подчеркивал, что сел. Кубачи «зависит некоторыми договорами от удмия»³⁷⁹.

Разбираемый нами вопрос, как нам представляется, очень удачно решил в свое время Е. М. Шиллинг. По его мнению, зависимость кубачинцев от удмия «не непрерывная, но в целом... захватывала большой отрезок времени от средних веков до XIX». На протяжении этого времени, подчеркивает он, «можно фиксировать (не всегда, может быть, одновременно) существование следующих признаков кубачинской зависимости: 1) ежегодная поставка удмию определенного количества конных воинов; 2) уплата за провоз товаров и проезд через владение удмия; 3) уплата за пользование удмийскими настрипными участками; 4) натуральная повинность (очевидно, готовыми изделиями, главным образом оружием); 5) оказание удмию «уважения»: дарение ему подарков и т. д.; 6) известная подчиненность (иногда слабая) удмию при решении дел, касавшихся взаимоотношений между обществами Кубачи и другими обществами; 7) признание за удмием «внешнеполитических» прав»³⁸⁰. В остальном, как справедливо подчеркивает Е. М. Шиллинг, население сел. Куба-

³⁷⁶ Лавров Л. И. Новое о Зирих-Геране..., с. 165.

³⁷⁷ ИГЭД, с. 75; Beschreibung..., S. 25.

³⁷⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1722 г., д. 24, л. 375.

³⁷⁹ ИГЭД, с. 83.

³⁸⁰ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 194.

чи было «вольным», если, конечно, это относится к их внутреннему управлению.

Согласно сведениям И. Гербера, управление в Кубачах осуществляли 12 ежегодно «выбираемых» старшин, которые «в тот год все споры судят, и во всем им послушны бывают; и понеже оные все равны, то очередь до каждого доходит между ними правительственными быть; более их попечение есть то, при вольности содержаться и охраняться, которое оные их старцы имели»³⁸¹. Насколько эти сведения соответствуют исторической действительности? Мы уже знаем, что сел. Кубачи некогда было столицей «царства Зирих-Геран». Имеющийся фактический материал и исследования советских авторов, прежде всего работы Е. М. Шиллинга, неопровержимо доказывают, что кубачинское общество задолго до описываемого И. Гербером времени не было однородным. Из среды свободных, юридически равных между собой жителей выделялись так называемые «родовитые», «богатые», «влиятельные» люди. К ним примыкала также выделившаяся из основной массы сравнительно небольшая группа представителей местного мусульманского духовенства, пользующаяся несравненно большим общественным влиянием и правами. Вместе с тем в сел. Кубачи имелось и несвободное население в лице рабов. Здесь, говорится в официальном документе, было «несколько тухумов, происходящих от пленных, к ним не было должного уважения»³⁸². Имеются сведения, что в селении имелся даже особый нижний квартал, который слыл бедняцким. Даже эти далеко не полные данные не оставляют сомнения в том, что в сел. Кубачи развивался давно наметившийся процесс деления общества. Можно считать, замечает Е. М. Шиллинг, что «по крайней мере с VIII в. н. э. кубачинцы более тесно попадают в орбиту все развивающихся в горах Кайтага феодальных порядков, под воздействием чего и совершается дальнейший ход их общественного развития»³⁸³.

Сложившиеся социальные отношения не могли не отразиться и на политическом устройстве сел. Кубачи. В свете этих данных нам предстоит разобраться в имевшемся здесь внутреннем управлении. Как уже отмечалось выше, согласно сведениям И. Гербера, управление сел. Кубачи осуществлялось в порядке очередности 12 избираемыми старшинами. Почти того же мнения, хотя и без конкретизации численности старшин, придерживается и Л. Лопухин. «Кубеша... — шипет оп, — пикого не слушают, живут сами собой, а управителей из своей братьи имеют погодно»³⁸⁴. Прежде всего укажем, что численность кубачинских старшин в источниках варьируется от 4 до 10 или даже до 12. Но ведь

³⁸¹ ИГЭД, с. 75. Beschreibung... S. 23.

³⁸² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 14, л. 1—2.

³⁸³ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 193.

³⁸⁴ ИГЭД, с. 30.

дело не только в этом, хотя установить точное число кубачинских старшин и очень желательно. Гораздо важнее выяснить, действительно ли старшины выбирались ежегодно, а избранным мог быть каждый из членов общества. Совершенно очевидно, что старшинами не могли быть избраны лица, принадлежавшие к рабскому сословию; надо полагать, что и бедные тухумы не могли выдвигать из своей среды старшин. Тем более что фактический материал подтверждает, что старшин выдвигали определенные роды-фамилии. В одном из документов подчеркивается, что в сел. Кубачи старшин выделял тухум Акил-Али³⁸⁵.

В этой связи большой интерес представляет мнение большого знатока истории и этнографии кубачинцев Е. М. Шиллинга. Глубоко и всесторонне изучив историю и общественный быт кубачинцев, он пришел к выводу, что состав старшин был более или менее стабильным. И хотя получение старшинских полномочий происходило преимущественно путем выборов, в известной мере оно сводилось к формальности. И, по-видимому, «демократизм», «равенство» с точки зрения «реальной практики — в значительной степени лишь декларация, корни которой тем не менее могут вести к далекому прошлому»³⁸⁶. Эти моменты в обязательном порядке должны учитываться при изучении и использовании труда И. Гербера.

Как научно несостоятельная должна быть отвергнута версия нашего автора об организации гегузцами и греками в районе сел. Кубачи рудников и фабрик, которые будто бы разорились в результате вторжений арабов, монголо-татар, Тимура и др. Однако в отрицательных последствиях вторжений иноземных захватчиков не приходится сомневаться. Все они приносили жителям Зирих-Герана неисчислимые бедствия. Кажется, во время опустошительного вторжения Тимура жители «страны Зирих-Геран» откупились и тем смогли спастись от участи других горцев Дагестана. Они, замечает современник, встретили движение войск «подчинением и повиновением и поднесли ему (Тимуру. — В. Г.) множество брони и кольчуг»³⁸⁷.

Стоит разобрать и положение нашего автора о том, что кубачинцы в незапамятные времена заселяли другой район³⁸⁸. Небезынтересно отметить, что это сообщение И. Гербера перекликается с дошедшими до нас преданиями и легендами кубачинцев. Согласно им, первоначально селение находилось гораздо западнее, на границе пынешнего Лакского района, и называлось Кар-Урбуг³⁸⁹. Впоследствии якобы кубачинцы отняли у каракурейшей и сулевкентцев гору, где и поселились. Согласно дру-

³⁸⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 14, л. 12.

³⁸⁶ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 178—195.

³⁸⁷ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 137.

³⁸⁸ ИГЭД, с. 76.

³⁸⁹ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 11.

гой легенде, Кубачи были расположены где-то в горах Кайтага. Читатель уже, очевидно, заметил, что эти предания локализируют Кубачи в пределах все той же области, которую Е. М. Шиллинг условно называет «кубачино-даргинским нагорьем». Однако установить точно, когда именно кубачинцы переселились и вообще переселились ли и когда образовалось современное селение, не представляется возможным. Уверенно можно сказать, что кубачинцы очень давно основали свое селение. Во всяком случае в период арабских завоеваний, не говоря уже о времени татаро-монгольских нашествий, кубачинцы занимали ту же территорию, которую занимают и поныне³⁹⁰.

Следует также указать, что имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники ничего не говорят о кубачинских «рудниках», в то время как и поныне встречаются предания, говорящие, что в далекие времена в кубачинско-даргинском нагорье имелись свои рудники. Жители сел. Харбук, тоже известные оружейники, рассказывали нам в 1968 г., что в незапамятные времена они имели свои рудники, в которых добывали железную руду. Бытование подобного рода легенд — факт весьма примечательный. Но окончательно этот вопрос, очевидно, может быть решен лишь после фронтального археологического исследования кубачинско-даргинского нагорья.

Определенный интерес представляет и свидетельство нашего источника о литье в сел. Кубачи для «своей обороны нескольких пушек из красной чистой меди, от 1 до 2 фунтов калибром». Возвращаясь к этому сюжету, И. Гербер сообщает, будто бы Дауд-бек пытался напасть и ограбить Кубачи, но его жители «о тому уведомились, выступили и встретили его пушками своими», лишь после чего он якобы отказался от своей затеи³⁹¹. Несомненно, сведения о литье пушек в сел. Кубачи достойны более детального рассмотрения. И не исключена возможность, что дальнейшие изыскательские работы дадут в руки исследователей дополнительный материал. А пока приходится считаться с давно бытующим в исторической литературе мнением, согласно которому в Дагестане впервые были сделаны попытки палатить производство пушек, и то не совсем удачные, в середине XIX в., в период борьбы горцев под водительством Шамиля. Что же касается XVIII в., то, кроме сообщения нашего автора, никаких сведений на этот счет в письменных источниках нет. Кажется, наш автор в этом вопросе одинок.

Но тем важнее выяснить, действительно ли кубачинцы занимались уже тогда литьем пушек. Исследователи меднолитейного и медночеканного производства считают, что кубачинцы изготовляли главным образом медные котлы, светильники («чах»), выде-

³⁹⁰ *Баладзори*. Указ. соч., с. 18; СМОМПК, 1908, вып. 3, с. 52; *Шиллинг Е. М.* Указ. соч., с. 6—12.

³⁹¹ ИГЭД, с. 76.

львали всевозможную утварь и т. д. По следов того, что кубачинцы отливали пушки, не обнаружено. Правда, жители сел. Уркараха, рассказывая о борьбе между ними и кубачинцами, подчеркивали: «Мы тогда имели луки и стрелы, а кубачинцы пушки и ружья»³⁹². Однако и в данной легенде нет прямых указаний на производство пушек в самом сел. Кубачи.

В связи с этим небезынтересно вспомнить бытующую и сегодня легенду, имеющую, хотя и очень отдаленное, отношение к разбираемому вопросу. Во время наступления врага на сел. Кубачи, рассказывает легенда, по подсказке почтенного старика каждый кубачинец на крышу своего дома поставил в горизонтальном положении «мучал» и наступающие войска (причем по одной версии это были войска Надир-Шаха, по другой — войска под командованием генерала Аргутинского) приняли их за пушки и испугались и повернули назад³⁹³.

Рассказывая о мастерстве кубачинцев, И. Гербер одновременно сообщает, что они «делают турецкие и персидские серебряные деньги; начали испытание делать российские рублевки; однакож, — заключает он, — сии деньги имеют надлежащий свой вес серебра, что оных везде берут»³⁹⁴. Секретная экспедиция Астраханской губернской канцелярии знала о том, что в Дербенте, Шемахе и «протчих местах, кои близко соседствуют к российским границам, делается (это) без повеления векильского (т. е. правителя Ирана. — В. Г.) самовольно серебряные (монеты) привозимые в Персию (и) российские серебряные деньги мало ломают и делают из них свои»³⁹⁵. Это сообщение относится к середине XVIII в. Если в это время перечеканивали деньги в Дербенте и в других местах северо-восточного Кавказа, то ничего удивительного нет в том, что кубачинцы также могли заниматься перечеканкой их. Совершенно очевидно также, что при этом (если, конечно, считать сообщение И. Гербера доказанным) кубачинские мастера должны были уменьшить вес или ухудшить состав серебра добавлением менее ценных металлов. Иначе, если «сие деньги имеют надлежащий свой вес серебра», как об этом пишет И. Гербер, теряется весь смысл перечеканки монет. В архиве кизлярского коменданта хранится рапорт поручика Шапикова от 17 января 1744 г., в котором говорится, что по указанию князя В. Е. Оболенского в кизлярской гражданской канцелярии производилось бракование денег, среди которых оказалось «полтинников медных 12 рублей, кубачинских четыре рубли, маловесных...»³⁹⁶.

³⁹² Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 11.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ ИГЭД, с. 76.

³⁹⁵ ЦГАДА, ф. 276, л. 647, л. 51—62; *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965, с. 439.

³⁹⁶ ЦГА Даг. АССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3897, л. 36.

В конце своего описания сел. Кубачи И. Гербер характеризует его как место, где соседние феодальные владетели — шамхалы, уцмий, ханы Дагестана — встречались для решения важных внешнеполитических вопросов или же хранили свои ценности при внешней опасности и междоусобицах. Если съезды в сел. Кубачи феодальных владетелей (речь идет о месте постоянных съездов) можно ставить под сомнение, то факт отправки сюда ценностей для хранения следует считать достоверным. Обычай этот сохранился вплоть до XIX в.

* * *

Специальный раздел своего труда наш автор назвал «Territorium, Akuschah» («Территория Акуша»), в «Описании» — «Уезд Акуша». И. Гербер уверен, что население этого «уезда» — «лезги, лезгинцы, также и кумыки»³⁹⁷. О кумыках мы уже говорили, о лезгинах речь пойдет ниже, здесь же укажем, что этот «уезд» населяли даргинцы, а само объединение известно под названием «Акуша-Дарго». Дарган — современное самоназвание даргинцев³⁹⁸. «Дарга, — пишет Р. М. Магомедов, — это древнейшая форма наименования одной из племенных групп, потом распространившаяся на союз племен. С начала XII в. это название входит в литературу»³⁹⁹. Акуша — наименование селения. Не выясненной остается этимология этого топонима. Некоторые полагают, что Акуша «значит главное высокое место». В. Ф. Минорский убедительно доказал, что термину Акуша соответствует упоминаемый в источниках «народ Ашкуджал»⁴⁰⁰. Сами жители называли свой «уезд» Акуша (Акъушо). Под этим же названием он известен и соседним народам Дагестана.

Подобно вышеописанным владениям (уцмийство и др.) наш автор Акуша-Дарго именует «уездом». Скажем прямо, что сообщаемые им сведения настолько отрывочны и неконкретны, что пользуясь только ими, было бы очень трудно установить место расположения Акуша-Дарго. Вот почему нам приходится повторять общезвестные сведения о том, что территория Акуша-Дарго — это территория, которую в настоящее время занимают Акушинский и отчасти Левашинский районы Дагестанской АССР. Следует также с сожалением отметить, что И. Гербер весьма неопределенно говорит о составе входивших в Акуша-Дарго селений. Из его сообщений мы узнаем, что Акуша-Дарго «состоит во многих деревнях» или «оная земля хотя невелика, но довольно людна, имеет многие деревни»⁴⁰¹. Само собой понятно, что по этим данным невозможно установить точное число селений, входивших в

³⁹⁷ ИГЭД, с. 101.

³⁹⁸ Народы Кавказа, т. I, с. 467.

³⁹⁹ Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 75.

⁴⁰⁰ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 141.

⁴⁰¹ Beschreibung..., S. 61; ИГЭД, с. 110; Известия..., с. 110.

Акуша-Дарго. Сведениями, позволяющими решить этот вопрос, на период начала XVIII в. мы не располагаем. Имеются лишь материалы, относящиеся ко второй половине XVIII — началу XIX в. Но и они с учетом происшедших территориальных изменений могут быть использованы для освещения более раннего периода. Согласно этим данным, Акуша-Дарго состояло из 5 союзов сельских обществ. В Акушинский союз входило 15 селений, в Усишницкий — 5, в Мекигинский — 3, в Цудахарский — 5, в Мугинский — 2⁴⁰². Всего было около 30 селений. Показатели эти подтверждает и свидетельство И. А. Гюльденштедта⁴⁰³.

Мы не располагаем сведениями о численности населения Акуша-Дарго первой четверти XVIII в. Имеются лишь данные позднего происхождения. Поскольку они позволяют представить общую картину народонаселения Акуша-Дарго, мы решились привести их. Один из документов, составленный в 1796 г., говорит, что шамхалы имели «своих 6000 двор, 18 000 душ да акушинцев 30 000 двор, 90 000 душ»⁴⁰⁴. Данные П. Г. Буткова, относящиеся к 1798 г., подтверждают, что в Акуша-Дарго «дворов 30 000, душ вообще до 98 000»⁴⁰⁵. Однако надо иметь в виду, что эти цифры, как и другие сведения подобного рода, весьма приближительны. При всем этом они представляют определенную ценность. И если их сопоставить с данными народонаселения других владений Дагестана, оказывается, что население Акуша-Дарго по численности не уступало ни одному феодальному владению. Не многие феодальные владения Дагестана превышали Акуша-Дарго и территориально.

Что же из себя представляло хозяйство жителей Акуша-Дарго? Из текстов сочинения И. Гербера о хозяйственной жизни может быть сделан неверный вывод, будто жители Акуша-Дарго занимались только скотоводством. Несомненно, скотоводство, в котором преобладающее место занимало овцеводство, являлось одной из ведущих отраслей хозяйства, но при всем том, как показывают источники, и земледелие здесь играло не последнюю роль. Исследование, проведенное за последние годы, со всей очевидностью показало, что в Акуша-Дарго задолго до начала XVIII в. земледелие наряду со скотоводством являлось ведущей отраслью экономики⁴⁰⁶. Известное место наряду с полеводством здесь занимало садоводство и огородничество. Имея в виду Цу-

⁴⁰² ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 57; *Гаджиев В. Г.* Социально-экономический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. — Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1258.

⁴⁰³ *Гюльденштедт И. А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, с. 130.

⁴⁰⁴ ИГЭД, с. 170—171, таблица.

⁴⁰⁵ Там же, с. 210.

⁴⁰⁶ *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. — УЗИИЯЛ, 1961, т. IX, с. 279—297; *Алиев Б. Г., Азмедов Ш. М., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970, с. 130.

дахарский союз сельских общин, И. А. Гюльденштедт писал, что «в сем округе родится виноград и другие плоды»⁴⁰⁷. О цудахарских и ходжалмахинских фруктовых садах говорят и другие источники⁴⁰⁸. Что же касается ведущей отрасли животноводства — овцеводства, мы уже знаем, что жители Акуша-Дарго перегоняли мелкий рогатый скот на зимние пастбища удмийства и шамхальства. К этому следует добавить, что жители Акуша-Дарго в летний период арендовали пастбища у своих соседей. За пользование ими они платили обычно натурой⁴⁰⁹.

Крупный рогатый скот разводили в ограниченном количестве. Состоятельные содержали лошадей. Значительную роль в экономике жителей Верхней Даргинии играли и домашние промыслы, о которых И. Гербер почему-то в «Описании» умалчивает⁴¹⁰, а в «Известиях» говорит лишь вскользь, и то только об обработке шерсти, идущей на выделку сукна, которое «употребляется на платье» и из которого «войлочные епанче делают». Но нам по другим источникам хорошо известно, что жители Акуша-Дарго занимались обработкой кожи, дерева, глины, камня, металла, изготовляли холодное и огнестрельное оружие⁴¹¹.

Население Акуша-Дарго занималось также торговлей. Правда, она, как утверждают источники, была в основном меновой⁴¹². Как правило, акушинцы меняли продукты животноводства и ремесла на недостающие на месте зерно и другие продукты полеводства. Центрами обмена внутри были, в частности, Акуша, Усиша, Цудахар. Жители Акуша-Дарго были связаны также с другими торговыми центрами Дагестана (Кумух, Тарки, Хунзах, Дербент, крепость Св. Креста и др.). Сказанное, однако, не означает, что жители Акуша-Дарго вовсе не знали денег; они, как и другие горцы Дагестана, употребляли персидские, турецкие, российские и так называемые ханские деньги⁴¹³.

Очень скудны сведения нашего источника о социальном и административно-политическом устройстве Акуша-Дарго. Утверждается, что его жители были прежде (т. е. до 1725 г.) «вольные люди»⁴¹⁴. В «Известиях» это утверждение приобретает несколько иную окраску. Здесь подчеркивается, что этот «народ был совсем вольный и никому не подвластен»⁴¹⁵. Прежде всего возникает необходимость выяснить, что вкладывает наш автор в понятие «вольность». То ли «вольность» понимается как неза-

⁴⁰⁷ Гюльденштедт И. А. Указ. соч., с. 131.

⁴⁰⁸ ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 4, с. 344.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Известия..., с. 111.

⁴¹¹ Подробно о хозяйстве Акуша-Дарго см.: Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Указ. соч., с. 130—148.

⁴¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, л. 6.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ ИГЭД, с. 101.

⁴¹⁵ Известия..., 111.

зависимость жителей Акуша-Дарго от посторонней власти, то ли означает равенство между собой и отсутствие какой-либо власти.

Разбор этого сюжета, очевидно, следует начать с истории вопроса. В. Ф. Минорский полагает, что упоминаемое у арабских авторов политическое образование Шандан можно локализовать на территории Акуша. «По методу исключения,— пишет он,— можно считать, что единственным районом, не занятым другими лучше известными народами, остается долина Акуша...»⁴¹⁶ А чуть ниже заключает, что «после XI—XII вв. н. э. следы имени Шандан исчезают»⁴¹⁷. В 798 г. х./1396 г. в связи с походами Тимура в Дагестан Низам ад-дин Шами упоминает о народе Ашкуджан⁴¹⁸. «Географически,— пишет В. Ф. Минорский,— этот народ, безусловно, соответствует нынешнему Акуша... По всей видимости, формы Ашкуджан (Акуджа) являются посильным воспроизведением современного имени Акуша (Акхуша)»⁴¹⁹. Не связано ли исчезновение названия политического образования с тем, что Шандан попал под власть шамхалов? Во всяком случае факт вхождения Акуша-Дарго в шамхальство в XIV—XVI вв. не вызывает сомнения. Известно также, что именно с распадом шамхальства и образовалось Акуша-Дарго⁴²⁰. С этого времени, пишет А. К. Бакиханов, Акуша-Дарго зависит «от самих себя»⁴²¹. В 1725 г. акушинцы совместно с уцмием были приняты в подданство России. А произошло это, по словам И. Гербера, следующим образом. После подавления антирусского выступления шамхала царские войска под командованием генерала Кропотова дошли до сел. Кадыр-Кент. В это время уцмий обратился к акушинцам за помощью. Однако по каким-то мотивам, о которых наш источник умалчивает, уцмий не решился выступить против царского генерала; более того, он круто изменил свою политику и повторно присягнул на подданство России. При этом он будто бы напугал акушинцев, говоря, что царские войска разоряют Акушу, и якобы «сим обманом... акушинцев под свою власть привел»⁴²². Таким образом, если верить нашему источнику Акуша-Дарго в 1725 г. сразу попало под власть уцмий и России.

Возможно, что описанный И. Гербером факт и имел место, тем более что акушинцы, как известно, действительно вместе с уцмием приняли подданство России. Но можно ли из этого факта делать далеко идущие выводы и представлять Акуша-Дарго зависимым от уцмий? Думается, для этого нет оснований. К тому же надо иметь в виду, что население Акуша-Дарго «всегда имело

⁴¹⁶ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 140.

⁴¹⁷ Там же, с. 141.

⁴¹⁸ См.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., с. 182.

⁴¹⁹ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 141.

⁴²⁰ Подробно об образовании Акуша-Дарго см.: Алиев Б. Исторические известия даргинцев и образование союза верхнедаргинских обществ.— УЗИИЯЛ, 1964, т. XII.

⁴²¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 88.

⁴²² ИГЭД, с. 102; Известия..., с. 111.

в Дагестане важное значение по своей многочисленности»⁴²³. И в силу этого подчинить и покорить его было не так уж легко. Однако Акуша-Дарго имело очень тесные экономические и политические связи с уцмийством и шамхальством Тарковским. Это бесспорно. Очевидно, здесь сказывалось и то, что основную массу населения уцмийства и Акуша-Дарго составляли даргинцы. И ничего удивительного нет в том, что во время внешней опасности акушинцы приходили на помощь уцмью, тем более что, как свидетельствует история, во время иноземных нашествий народы Дагестана, как правило, сплачивались и совместно выступали против общего врага. История сохранила множество фактов о совместных выступлениях жителей уцмийства и Акуша-Дарго за свою свободу и независимость. Передко акушинцы принимали участие в военных походах уцмий и против соседних феодальных владений. Однако акушинцы выступали с уцмием не по обязанности и тем более не по принуждению — как правило, уцмий привлекал их на свою сторону посредством подарков⁴²⁴. На это обстоятельство указывает и сам И. Гербер. Уцмий, пишет он, «через подарки акушинцев к себе звал»⁴²⁵. Такие же отношения Акуша-Дарго поддерживало с Тарковским шамхальством. В «Описании Северного Дагестана» Д. И. Тихонов писал: главная нужда жителей Акуша-Дарго «в шамхале та... что... они принуждены панимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны, и по той самой причине его уважают». В свою очередь шамхал во время «великой опасности и другой необходимости, когда понадобится «ему вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с заплатою, а принудить их не может»⁴²⁶. Взаимосвязь Акуша-Дарго с шамхальством, кроме того, закреплялась интересным обычаем, представляющим акушинцам иметь «то преимущество, что во время нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом»⁴²⁷.

Все эти факты своеобразных союзнических отношений послужили для авторов XVIII и XIX вв. основанием говорить, что Акуша-Дарго зависело от уцмий или шамхала. Любопытно отметить утверждение И. Гербера, что Акуша-Дарго находится в подданстве уцмий. Одновременно он подчеркивает, что акушинцы «податей никаких... усмею не платят» или что уцмий с акушинцами «вежливо поступать принужден, ибо себе подданными чис-

⁴²³ Комаров А. В. Народонаселение..., с. 17.

⁴²⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 102.

⁴²⁵ ИГЭД, с. 101.

⁴²⁶ Там же, с. 131.

⁴²⁷ Там же.

лить не дают»⁴²⁸. Однако, если признать зависимость Акуша-Дарго от уцмий, мы вынуждены будем признавать также зависимость акушинцев и от шамхала. Но нелегко, чтобы акушинцы одновременно были зависимы от двух феодальных владетелей. Если подвести итог всему сказанному, мы должны будем констатировать, что территория, о которой идет речь, в раннее средневековье входила в политическое объединение Шандан, затем довольно продолжительное время являлась частью шамхальства и лишь с распадом последнего образовалось самостоятельное объединение, известное нам как Акуша-Дарго.

Уже одно то, что Акуша-Дарго в течение продолжительного времени находилось в сфере неуклонно развивающихся феодальных отношений, не могло не оказать влияния на развитие в нем социальных отношений. Не забывая об этом, рассмотрим социальные отношения и внутривнутриполитическое устройство Акуша-Дарго. Наш автор, очень кратко затрагивает интересующие нас вопросы. Он утверждает, что «каждая деревня имеет старшину, которые ныне усмее послушны». Поскольку вопрос о зависимости акушинцев от уцмий мы разбирали, выясним содержание первой части данного сообщения. Выше указывалось, что Акуша-Дарго объединяло пять союзов сельских общин. Напомним, что каждая из этих частей называлась «хIуреба» (что значит войско) или «табун». «Название хIуреба,— пишет Р. М. Магомедов,— по всем данным можно отнести ко времени военной демократии, когда даргинцы жили разделенными на племена и когда вооруженный народ составлял войско»⁴²⁹. Когда верхнедаргинцы переживали период военной демократии и действительно ли эти термины возникли в тот период — мы утверждать не беремся. Бесспорно одно, в описываемое время хIуреба не являлось племенным союзом. В одних селениях, входящих в Акуша-Дарго, как свидетельствуют источники, имелись по одному, в других — по несколько старшин. «Реестр горским владельцам», составленный в 1723 г. Д. Ф. Еропкиным, показывает, что в каждой деревне имелось по несколько старшин⁴³⁰. Эти старшины в разных селениях Акуша-Дарго назывались по-разному: в Акуша — «шила-халати», Цудахаре — «хулалте» (буквально большие), Муги — «кьатIгIани» (квартильные) и т. д.⁴³¹ Старшины, руководствуясь адатом, управляли хозяйственной и общественной жизнью селения. Кади осуществляли разбор всех гражданских дел, относящихся к компетенции шариата. Кроме них, в Акуша-Дарго имелись также административные лица — «джамаатла-халати» (т. е. старшины джамаата), осуществлявшие контроль за действиями сельских старшин. Джамаатла-халати,

⁴²⁸ Там же, с. 101.

⁴²⁹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 119—140.

⁴³⁰ ИГЭД, с. 123.

⁴³¹ Об адатах см.: АДОЗО; Адаты даргинских обществ.— ССКГ, 1873, вып. 7; Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним.— ССКГ, 1868, вып. 1.

говорится в источниках, лично не разбирали дел, а лишь проверяли разобранные дела старшинами⁴³².

Считается установленным, что как сельские, так и джамаатские старшины «избирались», причем церемония «избрания», так же как и срок, на который их «выбирали», во всех обществах не были одинаковыми. Однако между ними было и много общего. Это прежде всего то, что они «выбирались», как правило, из определенных и наиболее влиятельных сельских тухумов (фамилий). На должность старшин, подчеркивал М. М. Ковалевский, «попадали исключительно в силу избрания: но при этом во многих местах сохранилось и правило, что кандидатом может быть только член двух, трех или более выдающихся тухумов»⁴³³. Правда, к этому выводу М. М. Ковалевский пришел, исследуя материалы, записанные в XIX в. К сожалению, данных, непосредственно относящихся к первой половине XVIII в., у нас нет. Но косвенные данные убеждают, что и в изучаемое время избрание старшин происходило почти так же, как описал М. М. Ковалевский.

Кроме старшин, в сельском управлении, как мы знаем, значительную роль играли кади. В своей повседневной деятельности они руководствовались шариатом. Им помогали будуны и муллы.

Вознаграждение кади и старшин не было регламентировано. Кади получали большую часть от взимаемых с сельчан штрафов и, конечно же, часть закята, имели также доходы от раздела имущества, заключения браков и т. д. Старшины получали в «исключительное пользование специальные участки земли». Кади и будуны получали вознаграждение при переделе общественных земель, а также дополнительные пахотные и сенокосные участки. Согласно дошедшим до нас устным данным, в Акушах будун получал пахотный участок в местности Шуллайчила, в Усиша — сенокосный участок в местности Диґагула; в Верхне-Мулебни кади отдавался сенокос, называемый Ваккула мура⁴³⁴.

Исполнительную власть осуществляли определенные лица, которых называли в Акушах — бараманы, в Муги — хъувесла, в Мекеги — ибакур, в Цудахаре — урґеми, в Усиша — хулгуло.

Все эти должностные лица составляли местную сельскую администрацию. Однако сельские общины, как нам известно, объединялись в союзы общин. Во главе каждого из 5 союзов, входивших в Акуша-Дарго, стояли кади, причем некоторые из них — акушинский, цудахарский и сургинский — были наследственными⁴³⁵. Но формально все они «выбирались» на сходе. Кади всех союзов сельских общин обладали не только духовной, но и светской властью. Исследователи давно обратили внимание на это

⁴³² ПОПД, с. 13.

⁴³³ Ковалевский М. М. Указ. соч., т. II, с. 160.

⁴³⁴ Алиев Б. Г., Азмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Указ. соч., с. 175—176.

⁴³⁵ ССКГ, 1873, вып. 7, с. 128; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, л. 34.

обстоятельство. В прежнее время (т. е. до присоединения Дагестана к России.— В. Г.), говорится в примечаниях публикации адатов, «каждое из даргинских обществ... управлялось своим кадем»⁴³⁶.

Акуша-Дарго, сообщает Ф. Н. Гене, состоит из магалов, «ими управляют кади», все же кади состоят в зависимости от главного даргинского, т. е. акушинского, кади»⁴³⁷.

Согласно данным второй половины XVIII и начала XIX в., звание акушинского кади, как уже отмечалось, было наследственным⁴³⁸. Однако документов, свидетельствующих об этом же для первой половины XVIII в., у нас нет. Не удается это определить и по родословной таблице кади⁴³⁹. Но встречается в документах утверждение, что род акушинских кади «с давних времен пользуется большим почетом»⁴⁴⁰ и, чтобы «обошли в выборе род кадиевский при выборе главного кадия, не было примера»⁴⁴¹. Это позволяет нам, не боясь впасть в грубую ошибку, утверждать, что и в первой половине XVIII в. «выбор» акушинского кади совершался так же, как и в конце XVIII в. И в то время вступление в достоинство главного кади происходило после «выборов» на сходе. Для этого на месте Холарги Кадала Хар, при выезде в Акушу «народ собирался, когда приходило время избрать нового кадия. Присутствующие выделяли из себя стариков для совещания — кого избрать. Обыкновенно вопрос этот решался предварительно накануне в небольших кружках и старики знали уже, кого народ хотел выбирать кадем: когда старики удалялись для совещаний, они оставляли с народом будущего кадия, а потом по совещании посылали к народу мангуша с 2 стариками из своего круга», они-то и объявляли народу, «кто был избран кадем»⁴⁴².

Власть главного кади распространялась на все Акуша-Дарго. Он решал с советом старшин важнейшие общественные дела, «управлял... духовной властью»⁴⁴³. За решением духовных вопросов к главному акушинскому кади обращались даже жители удмийства и других владений. Принятое им решение считалось окончательным. Являясь «первенствующим лицом», кади руководил всей политической и экономической жизнью Акуша-Дарго. Ему же принадлежала и судебная власть. Кади, говорится в документе, имел право «разбирать тяжбы», возникшие не только между отдельными обществами, но и между частными лицами»⁴⁴⁴.

⁴³⁶ ССКГ, 1873, вып. 7, с. 128.

⁴³⁷ ИГЭД, с. 346.

⁴³⁸ ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 9—10; АКАК, т. VI, ч. 2, с. 79.

⁴³⁹ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Указ. соч., с. 197.

⁴⁴⁰ ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 10.

⁴⁴¹ ЦГА Даг. АССР, ф. 90, оп. 1, д. 7, л. 8.

⁴⁴² ПОПД, с. 14.

⁴⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, л. 414, л. 301, 216; ИГЭД, с. 309.

⁴⁴⁴ ЦГА Даг. АССР, ф. 90, оп. 1, д. 7, л. 8.

Абулханов
Ибрагим
Кали
Джамал

Согласно акушинским адатам, записанным в 1727 г., кади мог даже «изменить и адатное решение старшин» по своему усмотрению⁴⁴⁵. Чтобы «кадий мог управлять» Акуша-Дарго и проводить в жизнь решения, в его распоряжении было сорок «тургаков» с их «командиром»⁴⁴⁶. В период военной опасности акушинский кади становился главнокомандующим. Он обязан был собрать ополчение, определив при этом, «сколько человек должно с каждого двора уйти на войну», и «назначить сотенных командиров»⁴⁴⁷. Однако вопрос войны и мира, а также и другие наиболее важные вопросы, касающиеся всего Акуша-Дарго, кади выносили на обсуждение специально собираемого от «всех союзных обществ» схода в местности «ХІярбука диркІа». Как правило, такие сборы обычно происходили ежегодно, но при необходимости собирались и чаще, «иногда 3 и 4 раза в год». Бывали «времена, когда 2—3 года сборов не было»⁴⁴⁸.

Для разбирательства поступивших к акушинскому кади жалоб, не представлявших особой важности, собирался сход в местности «Ханц Кала» недалеко от сел. Успша. При этом в сходе не участвовали те общества, «к которым дела не касались»⁴⁴⁹. Эти сходы, как правило, собирались по решению акушинского кади⁴⁵⁰.

Между сходами постоянно действующим органом управления Акуша-Дарго являлся так называемый высший совет, состоявший из кади всех обществ и наиболее влиятельных старшин. Обычно совет состоял из 12—15 человек⁴⁵¹. На высший совет выносились вопросы, по которым необходимо было принять согласованное решение. Обычно такими вопросами являлись вопросы, касающиеся внешнеполитической ориентации, взаимоотношений с соседями и т. д. и т. п. Возможно, что 13 человек, прибывшие в крепость Св. Креста для принятия решения о подданстве России⁴⁵², являлись членами высшего совета. Некоторые исследователи полагают также, что именно члены высшего совета ездили в Тарки на коронацию шамхала Тарковского⁴⁵³. Хотя обычай коронации шамхала наш автор и описал достаточно полно и упомянул при этом акушинских представителей, однако, к сожалению, не сообщил, из кого эти представители состояли.

Как ни странно, И. Гербер ничего не говорит об акушинском кади. О кади и его власти писали многие. Некоторые, увлечен-

⁴⁴⁵ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Указ. соч., с. 200.

⁴⁴⁶ Рухон. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 397, л. 1.

⁴⁴⁷ ПОПД, с. 14.

⁴⁴⁸ Там же, с. 14—15.

⁴⁴⁹ Там же, с. 15.

⁴⁵⁰ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Указ. соч., с. 201.

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² АВНР, ф. Сношения России с Персией, 1730 г., д. 16, л. 253.

⁴⁵³ Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. М., 1947, с. 206.

ные доказательством господства родо-племенных отношений в Акуша-Дарго, видят в нем не столько государя, сколько предводителя; другие считают, что власть главного кади настолько была ограничена высшим советом и «местной администрацией» — «джамаатом», что он по существу не управлял Акуша-Дарго. Вышеупомянутый Ф. И. Гене, например, подчеркивает, что «власть его над народом... весьма ограничена и он, так сказать, служит только посредником между жителями и нашим правительством»⁴⁵⁴. Песколько иначе освещают этот вопрос Бларамберг и Ковалевский. «Акуш-дарги, — пишут они, — имеют... из своего сословия первенствующее лицо под именем кадия, который, пользуясь исключительным народным уважением, решает с советом старшин важнейшие общественные дела, управляя притом духовною властью»⁴⁵⁵. А. В. Комаров характеризует Акуша-Дарго как союз «даргинских обществ, управляющийся акушинским кадием»⁴⁵⁶. Вопрос этот исследовался и советскими историками-кавказоведами. Но и среди них нет еще единства взглядов. Плотоворна, как нам представляется, мысль Р. М. Магомедова о том, что власть акушинского кади «была обширна в военное время и ограничивалась... в мирное время деятельностью народных собраний»⁴⁵⁷.

Однако, чтобы разобраться в степени ограничения власти кади, надо прежде всего выяснить, каков тип данной общины. Известно, что община — явление всемирное, бесконечно разнообразное (родо-племенные общины, соседские, большесемейные объединения, домашние общины, территориальные общины древности и их иерархии, средневековые общины, крестьянские) и имеет множество конкретных разновидностей. И рассматривать ее как одну категорию ни в коем случае нельзя. Однако, как известно, общины имеют и общие признаки. «Будучи построена на кровных, или территориальных, или земледельческих связях, община представляла собой объединение людей организованных, с определенной системой управления и подчинения, с авторитетными и эффективными органами руководства. Корень силы и живучести общин был именно в том, что они как бы естественно выросли на родстве, на совместном проживании, на совместном владении землей»⁴⁵⁸. Поскольку, как мы знаем, община имела и в классовом обществе⁴⁵⁹, важна не столько констатация существования общины вообще, сколько необходимость определения типа общины.

⁴⁵⁴ ИГЭД, с. 346.

⁴⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, д. 301, л. 26.

⁴⁵⁶ Комаров А. В. Народонаселение..., с. 17.

⁴⁵⁷ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 117.

⁴⁵⁸ Качановский Ю. В. Рабовладение, феодальный или азиатский способ производства. М., 1971, с. 188.

⁴⁵⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 495.

Касаясь типа интересующей нас общины, все исследователи-дагестановеды признают, что она в очень отдаленные времена действительно была родовой, однако с того времени, хотя и очень медленно, но неуклонно развиваясь, она к изучаемому нами периоду превратилась в сельскую общину. Здесь уместно напомнить и то, что «древние территориальные общины превращались в организации, использовавшиеся аристократией для поддержания экономического и политического господства над массами». Средневековые сельские общины «помогали крестьянам отстаивать их интерес, а с другой стороны, использовались феодалами как организации, распределяющие повинности среди крестьян, обеспечивающие солидарную ответственность последних за несение повинностей»⁴⁶⁰. Нечто схожее с этим наблюдается и в описываемой общине. С одной стороны, джамаат защищал как будто права крестьян-общинников, с другой, как выясняется, служил оружием в руках господствовавшей верхушки.

Мы уже знаем, что джамаатные собрания всего Акуша-Дарго созывались только по инициативе и решению акушинского кади. Знаем также, что при решении того или иного вопроса мнение кади и его окружения, как правило, имело решающее значение. Исследователи давно обратили внимание на то, что джамааты не являлись органами народоправства. «В Дагестане,— писал М. М. Ковалевский,— деятельное участие в вечевых собраниях отнюдь не было представлено народу»⁴⁶¹. К этой же мысли пришел И. П. Петрушевский⁴⁶². Как увидим ниже, глубоко изучив социальную жизнь Джаро-Белоканского союза, он доказал, что джамаат фактически принимал решение, предложенное и угодное сельской знати. Оказывается, и в Акуша-Дарго джамаат играл роль весьма удобного инструмента в руках социальных верхов. «В обычной жизни,— подчеркивает Р. М. Магомедов,— управление джамаатом было сосредоточено в руках светских и духовных лиц»⁴⁶³. Среди них «первенствующим лицом являлся акушинский кадий». Что же касается высшего совета, то здесь дело обстояло еще проще, поскольку во главе его стоял сам акушинский кади. Выходит, что акушинский кади обладал властью, очень схожей с властью других феодальных владельцев Дагестана. На это обстоятельство обратил внимание еще в XIX в. А. В. Комаров. Он проводил параллель между властью акушинского и табасаранского кади. «В Дагестане,— писал А. В. Комаров,— существует два вида кадиев: кадии владетели,... и кадии в селениях». Владетельным был кади Табасарана; «вероятно, подобного же происхождения и наследственные кадии... акушинский

⁴⁶⁰ Качановский Ю. В. Указ. соч., с. 188.

⁴⁶¹ Ковалевский М. М. Указ. соч., т. II, с. 76.

⁴⁶² Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.

⁴⁶³ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 121.

и цудахарский». И далее он подчеркивал: «...с званием этих кадиев соединялась всегда светская власть, и многие из них, будучи вовсе неграмотными, не вмешивались в дела духовные лично, а предоставляли это своим письмоводителям»⁴⁶⁴.

Из сказанного можно сделать только один вывод. Акушинский кади, хотя и был обязан считаться с общинными институтами управления, все же сам осуществлял управление в Акуша-Дарго. В военное время власть его еще больше усиливалась. При этом в руках кади, в отличие от власти других феодальных владетелей, была сосредоточена и духовная и светская власть. Это обстоятельство всегда подчеркивается исследователями. «Официально вся светская власть, — пишет Х.-М. Хашаев, — сосредоточена в руках духовенства»⁴⁶⁵. Нам кажется, что власть акушинского кади была очень схожа с теократической властью, при которой, как известно, в руках духовенства сосредоточена одновременно и духовная и светская власть. К этому выводу мы пришли еще в 1958 г. в работе, которая оставалась до сих пор не опубликованной⁴⁶⁶. Это мнение как будто нашло поддержку в исследованиях, проведенных в последние годы. Б. Г. Алиев пишет, что «в Акуша-Дарго сложилось подобие системы церковно-государственного управления»⁴⁶⁷. Если все это так, то вправе ли мы считать по-прежнему Акуша-Дарго «вольным» обществом или даже «союзом сельских общин». Не вернее ли будет характеризовать Акуша-Дарго как государственное объединение (типа других владений Дагестана), во главе которого стоял сосредоточивший в своих руках светскую и духовную власть акушинский кади.

* * *

В самом центре нагорного Дагестана высокую долину Казикумухского Койсу (по-лакски Къун-Нех, т. е. Большая река) с незапамятных времен занимают лаки. Им в анализируемом источнике посвящен специальный раздел, озаглавленный «Хаси-Кумыки народ» (Chasüh Kumuki Nation)⁴⁶⁸. Хаси-Кумук, точнее, Гази-Гъумучи — это название главного селения. Само название народа — «лак». Высокими горными хребтами лаки были отделены с севера и северо-запада от аварских союзов сельских общин, с востока — от даргинцев, с юга — от лезгин. Эту территорию народ называл, да и поныне называет, «Страной лаков» (Лакрал-Клану). Соседние народы лаков называют по-разному. Часть аварцев называет лаков гъумек, а другая часть — тумал⁴⁶⁹, тумау; арчинцы — гьаманиб; дидойцы — гъумек; бот-

⁴⁶⁴ Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним, с. 74.

⁴⁶⁵ Хашаев Х. М. Общественный строй..., с. 171.

⁴⁶⁶ Гаджиев В. Г. Социально-экономический..., с. 110.

⁴⁶⁷ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. Указ. соч., с. 117.

⁴⁶⁸ Beschreibung..., S. 61; ИГЭД, с. 102.

⁴⁶⁹ Габиев С. Лаки, их прошлое и быт.— СМОМПК, 1906, вып. 36, с. 5.

лихцы — гъумуканди; даргинцы — вулугуши, вулучуни, вулекчуни, вулеко. «Последние три названия, — пишет А. В. Комаров, — очевидно, происходят от слова «лак»⁴⁷⁰⁻⁴⁷¹. Это предположение согласуется и с исследованиями советских лингвистов, которые считают, что в песочепной связи с лакским «лак» (Ллакк) — «лакцы» находится даргинское «ву-легуни», «ву-лечч-уна» (цу-дахарский диалект).

Исследователей очень давно заинтересовал вопрос о происхождении этнонима «лак». При этом высказывались самые различные, а порой и взаимоисключающие мнения. П. К. Услар указывал на лингвистическое сходство термина «лак» с названием «легов» античных авторов и с именем «Лекоса» грузинских летописей. «Название грузинского героя Лекоса, праотца дагестанских горцев, — пишет он, — по всей вероятности, родственно этническому «лак». Заметим при этом, что если написать по-русски лякъ, то оно больше подойдет к выговору туземцев, чем лакъ. Тождество лякъ, лекъ и легъ становится еще очевиднее. Не знаю, можно ли с последним связывать название лезгины, которое, впрочем, совершенно чуждо дагестанским горцам. Лаки — классические леги, известны нам под именем казикумухов»⁴⁷². Ряд исследователей отождествлял термин «лак» с «леками» грузинских источников, а также и лезгинами. От термина «„лак“», — писал Алиханов-Аварский, — происходит грузинское леки, классическое леги, арабское лакзы, персидское лазги, турецкое лезги и русское лезгини»^{472a}. Н. С. Трубецкой полагал, что «чечены, лаки (кумухи) и уди образуют группу, происшедшую от древних $\lambda\epsilon\upsilon\sigma$ ($\lambda\eta\gamma\alpha\iota$)»⁴⁷³. Д. Б. Бутаев производил этноним лезгин от лакского слова «лакъсса» — высокий⁴⁷⁴. Вслед за Д. Б. Бутаевым Р. Г. Маршаев этноним «лак» производит от того же слова «лакъсса», а название занимаемой лаками территории «Лакрал-кІану» — от наименования игры «ЛакІрай-буккан»⁴⁷⁵. Производить этноним «лак» от слова «лакъсса» и отождествлять понятие «лакрал-кІану» и «лакІрай-буккан», как справедливо отмечает А. Г. Булатова, совершенно неправомерно хотя бы потому, что в лакском языке они имеют разное звучание. «Скорее всего, — заключает она, — в этническом имени лакцев сохраняется название классических «легов», как и в даргинских названиях лакцев»⁴⁷⁶. По мнению В. И. Абаева самоназвание «лак» находится в связи со словами, означающими — «мужчина» — «человек» — «крестьянин» — «раб».

⁴⁷⁰⁻⁴⁷¹ Комаров А. В. Народонаселение..., с. 14.

⁴⁷² Услар П. К. Лакский язык. Тифлис, 1890, с. 2.

^{472a} Тарихи Дербент-Наме. Примечания, с. 76.

⁴⁷³ См.: Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 29.

⁴⁷⁴ Бутаев Д. Б. О толковании терминов «лезгин» и «уздень». — Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 74, л. 1-2.

⁴⁷⁵ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 3.

⁴⁷⁶ Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971, с. 17-18.

Значение человек распознается в абхз. «ləgaz» — старик из «ləg» — человека и «az» — старый; в хиналуг. «ləgəd» — мужчина; абхз. «ləg» — раб, холоп; тушин. «lag», осет. «leg», чечен. «laj», авар., дарг. «lag» — раб; абаз. «ləg» — раб, холоп; тушин. «lag», кабарин. «le (l'e)» — мужчина, муж. Может быть, сюда же относятся лезгин., табас. «luk» — раб. Племенное название «лак» — в Дагестане, груз. lek'i — «лезгин»; Λῆγει, Λῆγαи — греческих авторов (Плутарх, Птоломей). «Развитие значения от этнического термина к социальному, — заключает В. И. Абаев, — не является редкостью»⁴⁷⁷. В. Ф. Минорский, как отмечалось выше, считает, что термин «лакз» состоит из «лак/лаг («человек» на местных языках) плюс иранский суффикс, показывающий происхождение». Интересующий нас вопрос привлек внимание и Л. И. Лаврова. Отметив, что лаццы принадлежат к коренному населению Дагестана, он писал: «Трудно сказать, однако, являются ли «леги», упоминаемые античными и раннесредневековыми авторами, предками современных лакцев, или так называли (как потом — лезгинами) вообще всех дагестанских горцев. Большие оснований считать лаццами «гумыков», народ, упоминаемый арабскими авторами IX—X вв.»⁴⁷⁸ Следует, однако, отметить, что арабы чаще всего пишут слово «гумык» в форме «гъумик», а что касается предположения, что леками античные авторы могли называть всех горцев Дагестана, оно заслуживает внимания. Однако нас интересует происхождение этнонима «лак». В этом плане большой интерес представляет мнение Л. И. Лаврова. Нам кажется, пишет он, что «правы и В. И. Абаев и П. К. Услар. Более того, нельзя не сопоставить имя лакцев с самоназванием лезгин — «лезги». Очевидно, имя лакцев, будучи родственно социальным и племенным терминам ряда кавказских народов, служит доказательством древнейшего проживания среди этих народов»⁴⁷⁹. В связи с этим стоит напомнить, что ряд авторов считал лаков переселенцами в Дагестан, причем одни утверждали, что они выходцы с севера, в частности из Руси⁴⁸⁰, другие — с юга, из Передней Азии⁴⁸¹. Касаясь вопроса о происхождении народов, П. К. Услар в письме к А. А. Шифнеру писал: «Повторяю еще раз мое полное убеждение: здесь (т. е. в Дагестане. — В. Г.) напор народов происходил от севера к югу»⁴⁸². Но

⁴⁷⁷ Абаев В. И. Указ. соч., т. II, с. 19—20.

⁴⁷⁸ Народы Кавказа, т. I, с. 487.

⁴⁷⁹ Лавров Л. И. Эниграфические..., ч. I, с. 180.

⁴⁸⁰ Бакиданов А.-К. Указ. соч., с. 14; *Он же*. Происхождение племен, населяющих нынешние закавказские провинции. — Газ. «Кавказ», 1848, № 1.

⁴⁸¹ Марр Н. Я. Непочатый источник истории кавказского мира. — Известия Академии наук (М.), серия VI, т. XI, 1917, № 5, с. 332—333. Колокольцев С. Национальный состав Юго-Востока. — Журн. «Юго-Восток» (Ростов-на-Дону), 1924, № 3, с. 79; Маршаев Р. Г. Лаки с древнейших времен до VII в. — Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 51; *Он же*. Лаки в XV—XVII вв. — Там же, д. 56.

⁴⁸² Услар П. К. Указ. соч., с. 30.

эта так называемая миграционная теория, поддерживаемая рядом исследователей⁴⁸³, была отвергнута наукой. «Мысль о переселении их (лаков.— В. Г.) из каких бы то ни было дальних стран,— заключал Л. И. Лавров,— должна быть отвергнута, так как их язык принадлежит к коренной кавказской лингвистической семье, находится в ближайшем родстве с соседними дагестанскими языками»⁴⁸⁴.

Мы не знаем, какова была численность лаков в начале XVIII в. Данные о численности населения Казби-Кумухского владения, относящиеся к концу XVIII—XIX в., разноречивы. По сведениям А. Г. Сереброва, в конце XVIII в. во владении насчитывалось 15 666 дворов, или 46 998 человек⁴⁸⁵. По данным 1811 г., в ханстве было более 200 населенных мест и более 108 тыс. человек⁴⁸⁶. И наконец, по данным А. В. Комарова, в середине XIX в. лаков насчитывалось 32 625 человек⁴⁸⁷. Скажем сразу — данные 1811 г. относятся ко всему населению ханства, т. е. сюда вошла и численность населения присоединенной к владению в XVIII в. территории. Но если исключить эти цифры, то как будто численность лакского населения колеблется от 32,5 тыс. до 47 тыс. человек, причем в течение почти одного столетия она уменьшается чуть ли не на 15 тыс. человек. Очевидно, это объясняется прежде всего тем, что кази-кумухские ханы в XVIII в. вели бесконечные войны, в результате которых здесь не только не происходил естественный прирост, а все более и более сокращалась численность населения. Имея все это в виду, можно предполагать, что в начале XVIII в. она доходила до 45—47 тыс. человек.

Описывая «сей уезд», наш автор утверждает, что центром его был Ханак (Chanak), в котором пребывает сам владетель (Regent)⁴⁸⁸. Стало быть, центром владения, по И. Герберу, был не Кумух, а Ханак — топоним, впервые упомянутый им. Нам представляется, что это неточная запись лакского слова «ханал», что значит ханский или принадлежащее хану селение. Но это только наши догадки. Как уже отмечалось, И. Гербер лакский язык называет кумыкским, «который ни с каким сходства не имеет». Не трудно понять, что это название, так же как и народа в целом, И. Гербер производит от названия главного селения лаков — Кумух. Нужно сказать, что он не одинок в таком решении вопроса. Говоря о языке лаков, не раз нами упомянутый Ф. Ф. Симонович в 1796 г. писал, что они говорят «особливым своим кумыкским языком»⁴⁸⁹. Наш автор совершенно не прав, утверж-

⁴⁸³ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 180.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ ИГЭД, с. 170—171.

⁴⁸⁶ ССКГ, 1868, вып. 1, с. 4.

⁴⁸⁷ Комаров А. В. Народонаселение..., с. 15.

⁴⁸⁸ Beschreibung..., S. 62; ИГЭД, с. 102; Известия..., с. 120.

⁴⁸⁹ ИГЭД, с. 152.

дая, что лакский язык «ни с каким сходства не имеет». Мы не раз говорили о родстве всех дагестанских языков и должны здесь еще раз повторить, что ряд исследователей-лингвистов склоняется к тому, что среди близкородственных языков Дагестана даргипо-лакские языки составляют одну группу.

Утверждение П. Гербера, что лакцы исповедовали ислам суннитского толка, верно. Но до сих пор нередко возникают жаркие споры о характере исламизации лаков. Было время, когда в исторической литературе безраздельно господствовало мнение, что лакцы добровольно приняли ислам еще в VIII в. Однако со временем накопившийся в руках исследователей фактический материал развеял эту версию как научно несостоятельную. Было доказано, что некогда лакцы, как и другие народы Дагестана, исповедовали преимущественно анимизм и магию. Проникало в Лакию и христианство с юга и со стороны Грузии. Масуди, говоря о Гумыке, утверждает, что жители его христиане⁴⁹⁰. В «Истории Ширвана и Ал-Баба» анонимный автор XI в. свидетельствует о том, что «гумские неверные напали на населения Ал-Баба...»⁴⁹¹. Известно также сообщение Масуда б. Намдара, относящееся к XI в., о просьбе Гумыка прислать к ним проповедника⁴⁹². Однако эти факты, на которые ссылаются почти все исследователи, вопроса не решают. Дело в том, что определение «неверные» анонимного автора может означать и мусульман, выступающих против существующего порядка и не подчиняющихся власти, ибо «неверные» в устах правоверного мусульманина должно было звучать как очень серьезное оскорбление. Что же касается приглашения проповедников, нам представляется, что и это не такой уж серьезный аргумент, позволяющий решать столь сложный вопрос. «Приглашение» может быть понято и как результат давно начавшегося и глубоко проникшего процесса исламизации края. Как бы то ни было, эти факты и существование доисламских погребений в сел. Кули, относящихся к X—XII вв., как справедливо отмечает Л. И. Лавров, толкнули историков в другую крайность. Они стали утверждать, будто лакцы приняли ислам не раньше XI—XIII вв. «Но правильнее считать,— заключает Л. И. Лавров,— что ислам был занесен сюда вскоре после появления арабов в Дагестане, а окончательное его утверждение произошло в XI—XII вв.»⁴⁹³.

Касаясь исторического прошлого, наш автор утверждает, что в Кази-Кумухе «всегда были люди вольные»⁴⁹⁴. Но так ли это. Попытаемся разобраться. Общеизвестно, и об этом мы говорили

⁴⁹⁰ СМОМПК, 1907, вып. 38, с. 52; *Минорский В. Ф.* Указ. соч., Приложение III, с. 203.

⁴⁹¹ *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 74.

⁴⁹² *Minorski V. et Cahen C.* Le recueil transcaucasien de Masud b Namdar.— *Journal asiatique*, 1949, CCXXXVII, N 1, p. 138—139.

⁴⁹³ *Лавров Л. И.* Эпиграфические..., ч. I, с. 182.

⁴⁹⁴ *Beschreibung...*, S. 62; ИГЭД, с. 101.

уже не раз, что еще до арабских походов в Дагестане имелся целый ряд так называемых царств. Исследователи проделали очень трудоемкую работу по их локализации. Не настало ли время перейти ко второму, если так можно сказать, этапу исследования этих «царств», т. е. изучению их внутренней истории, установлению границ и т. д.? Без этого, как нам представляется, очень трудно двигаться вперед.

Мы уже и сейчас сталкиваемся с такими фактами, когда название одного царства исключает другое. Взять, к примеру, Гумык. Как будто все исследователи локализуют это царство на территории лаков, а само название связывают с сел. «Гъумук». Исключения составляют лишь авторы первого тома «Народов Кавказа», которые считают возможным сопоставить «Гумик» с прикаспийским народом «камичик», упоминаемым Мовсесом Каганкатваци (X в.), прикаспийскими «камаками» Плиния Старшего (II в.) и современными кумыками⁴⁹⁵. Все исследователи на территории лаков локализуют также «царство» Туман. Кажется, только один А.-К. Бакиханов помещал Туман в Засулакской Кумыкии, считая, что «квартал Андреевской деревни, называемый «Туман-ляр», должно почесть за остатки древнего народа Туманшах, поселенного Нуширваном»⁴⁹⁶. Не вдаваясь в подробности возникновения этого мнения, скажем, что здесь скорее всего произошло смешение двух владений — «царства» Туман с Кавказской Тюменью, о которой говорилось выше.

М. И. Артамонов считал возможным на территории лакцев локализовать и «царство» Филан. «Граничивший с юга с Табасарпом Филан,— писал он,— может быть, соответствует владению Казикумухскому»⁴⁹⁷. Из сообщений Ибн Руста (X в.) о том, что царь Серира имеет другой крепкий замок, «называемый ал-Ал (Алал)-ва-Гумык, где находится сокровищница», можно сделать вывод, что Гумык не владение, а укрепленный замок Серира⁴⁹⁸. За последнее время сделана попытка локализовать здесь же владение Бухха, упоминаемое у Баладзори. «Под названием Бухха,— утверждает А. Булатова,— скрывалась если не вся Лакия, то одна из областей ее»⁴⁹⁹.

Уже одно это говорит о том, что нам необходим критический подход к источникам. Здесь, как нигде, уместно помнить, что «подавляющее большинство авторов географических сочинений — компиляторы» (Б. Н. Заходер), и поэтому, быть может, происходит частое смешение дагестанской топонимики. И надо во что бы то ни стало решить вопрос, что понимать под тем или иным топонимом. Это может быть и государственное объединение, и от-

⁴⁹⁵ Народы Кавказа, т. I, с. 71.

⁴⁹⁶ Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 113.

⁴⁹⁷ Артамонов М. И. История Хазар. Л., 1962, с. 227.

⁴⁹⁸ Минорский В. Ф. Указ. соч., Приложение IV. Ибн Руста о Дагестане, с. 220.

⁴⁹⁹ Булатова А. Г. Указ. соч., с. 24—25.

дельный, хотя и значительный, населенный пункт. Может быть и такое, что одно и то же владение выступает под разными наименованиями. В. Ф. Минорский допускает, «что у Баладзори термин туман является синонимом имени Гумик или что он относится к одной из групп этих горцев»⁵⁰⁰. Если это так, то очевидно, что ни в том, ни в другом случае их нельзя считать двумя «царствами». Оказывается, и термин «Бухха» связывается с названием сел. «Гьухьал». Если даже допустить такое (Гьухьал — Бухал — Бухха), то тогда ни в коем случае нельзя полагать, что это владение или одна из областей владения. Гьухьал — это населенный пункт, находившийся в самой близости Кумуха и наверное уже входивший в состав «царства Гумик». Однако можно считать установленным, что «царство Гумик» существовало еще до прихода арабов. К сожалению, мы не можем точно очертить границы этого владения, можно лишь с уверенностью сказать, что эти границы, как и границы всех владений средневековья, подвергались частым изменениям. То они расширялись, то под напором усилившихся владений сужались.

По всем данным в X в. если не вся территория Гумыка, то во всяком случае часть ее входила в Серир. Позже, как уже отмечалось, вся территория лакцев входила в шамхальство, а сел. Кумух в течение ряда веков было его столицей. Лишь в начале XVII в. в связи с изгнанием шамхалов из Кази-Кумуха лакцы освободились от их власти и она перешла в руки собрания феодальной знати, называвшейся «Кат», которая и решила избирать в качестве предводителя «хахловчи». Первым хахловчи был избран Алибек из побочной ветви шамхальского дома. В самом начале XVIII в. хахловчи стал Чолак-Сурхай (безрукий Сурхай). Воспользовавшись внешнеполитическими успехами, он объявил себя ханом. Обычно это событие связывали со взятием Шемахи, причем полагали, что оно произошло в 1712 г. Но это неверно, так как Шемаха, как увидим ниже, была взята не в 1712, а лишь в 1721 г. А к этому времени Чолак-Сурхай во всех известных нам документах именуется уже ханом.

Не прав И. Гербер, утверждая, что Сурхай потерял руку, когда «ходил баранов красть». На самом деле, как сообщают источники, это произошло при следующих обстоятельствах. Дети Сурхай-шамхала после его изгнания ушли в Акушу, а когда они явились в сел. Ашты для сбора податей, сюда же прибыл Сурхай, который предложил им прекратить незаконные сборы и возвратиться в Кумух. Но двоюродные братья Сурхая отказались выполнить его требования. Разгорелся спор, который завершился рукопашной стычкой, в итоге которой Сурхай лишился кисти левой руки⁵⁰¹.

⁵⁰⁰ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 132.

⁵⁰¹ Комаров А. В. Казикумухские и кюринские ханы. — ССКГ, 1869, вып. 2, с. 8.

В первой четверти XVIII в. на северо-восточном Кавказе вспыхнула антииранская борьба горцев. В этих выступлениях кази-кумухский владетель принимал самое активное участие, собственно говоря, он стал одним из руководителей этого движения. Наш источник содержит очень интересные сведения об антииранском выступлении. Подробно это движение мы рассмотрим ниже, здесь же обратим внимание читателей лишь на те вопросы, которые по тем или иным причинам получили не совсем верное истолкование.

В исторической литературе чаще всего объявляли Сурхай-хана ставленником султанской Турции. Однако в отличие от многих наш автор утверждает, что руководители антииранского движения «под турецкую защиту поддались» только в 1722 г. и то по «приближению российских войск в Ширван». Эти сведения, как увидим ниже, подтверждают и другие источники⁵⁰². Но и тогда, как правильно отмечает И. Гербер, в подданство Турции был принят другой предводитель повстанцев — Хаджи-Дауд⁵⁰³. Этот факт и послужил основной причиной того, что Сурхай-хан «туркам поддаться не хотел»⁵⁰⁴. По этому поводу П. Г. Бутков писал, что Дауд-бек был принят в подданство и утвержден ханом. «Сурхай хотя также принят был в заступление, однако только для него и было, и больше о нем не помышляли. Сие возбудило в нем смертельную ненависть к Дауд-Бегу, от которого он отделился, и несколько лет наносил туркам через лезгов досады; а в рассуждении шамхала поступал неприятельски»⁵⁰⁵. Отношение султана, писал Неверовский, «возбудило в Сурхай-хане ненависть. Он объявил туркам, поскольку они предпочли ему, прирожденному князю, простого мужика по происхождению, что он их защиты более не требует и не примет ее»⁵⁰⁶. Об обиде Сурхай-хана на турок пишут и местные авторы⁵⁰⁷. Предпочтение, оказанное османам Хаджи-Дауду, явилось причиной возникновения на определенной время неприязненных отношений между Сурхаем и Портой.

Сурхай-хан, по словам П. Г. Буткова, «был врагом Даудабеку и недоброжелателем туркам, которые предпочли ему, природному князю, мужика Дауда, досаждал через лезгин им»⁵⁰⁸. Зимой 1725 г. Сурхай-хан, как отмечалось выше, организовал нападение на «Мушкур для разорения деревни Дедели», где проживал Хаджи-Дауд⁵⁰⁹. Сурхай-хан, пишет П. Г. Бутков, «возымев смертель-

⁵⁰² АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., д. 6, ч. I, л. 139; РДО, с. 240; *Соловьев С. М.* Указ. соч., с. 689.

⁵⁰³ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1922 г., д. 6, ч. I, л. 408.

⁵⁰⁴ ИГЭД, с. 103; *Beschreibung...*, S. 63.

⁵⁰⁵ *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. I, с. 10.

⁵⁰⁶ *Неверовский.* Краткий исторический взгляд на Северный и средний Кавказ. СПб., 1847, с. 19.

⁵⁰⁷ *Алкадари Г.* Указ. соч., с. 65.

⁵⁰⁸ *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. I, с. 53.

⁵⁰⁹ ИГЭД, с. 103.

ную ненависть к Дауд-беку, хану Шемахийскому, действовал против него и против Шемахи неприятельски и всячески досаждал туркам через лезгин и наконец в Грузии через джарцев. Турки, владея Грузиею, хотели было закрыть крепостцю знатнейший проход лезгинцев... называемый Топкараган, и джаров привести в послушание; но джары по побуждению Сурхая собрались тайно, напали... на турков, и побили из них более 500 человек. Остальных рассеяли и начатую крепость до основания разорили»⁵¹⁰.

После утверждения Хаджи-Дауда ханом Ширвана, пишет Неверовский, Сурхай-хан вернулся в Кази-Кумухское ханство, «откуда действовал против Дауда и турок неприязненно, возбуждал против них джарцев и других лезгин»⁵¹¹. Все сказанное не оставляет сомнения в том, что Сурхай-хан не только не был принят в подданство Порты, но и находился во враждебных отношениях с Турцией и с ее вассалом Хаджи-Даудом. Учитывая, что Сурхай-хана не удастся подчинить силой, Турция решила «склонить его на свою сторону ласкою»⁵¹². С этой целью Турция отправила к нему посланников со щедрыми подарками и многообещающими письмами. «... Кобала ему отдана была,— сообщает И. Гербер,— и он, Зурхай, в одном укрепился, также и Агдаш противно повелению турецким во власть взял и к тому требовал, чтоб ему Шамахою владеть добром повелено было бы»⁵¹³.

В то же время Сурхай-хан привлек к себе и внимание царских властей. Свидетельство И. Гербера о том, что «трудились как русские, так и турки, чтоб ево каждой в свою сторону привести»⁵¹⁴, находит подтверждение и в других источниках. «Российский двор,— подчеркивал П. Г. Бутков,— делал опыты преклонить на свою сторону Сурхая; о сем, по данному от двора образцу, писал к Сурхаю дербентский комендант, полковник Юнгер, в июле и августе 1723 года. Нет сомнения, что сие касалось до склонения Сурхая на нашу сторону»⁵¹⁵.

Но Сурхай, умело пользуясь сложившимися обстоятельствами, выжидал, какая из сторон предложит ему более выгодные условия. В то же время он не переставал действовать против Хаджи-Дауда, положение которого к тому времени сильно пошатнулось. К тому же трудящиеся массы Ширвана, доведенные до крайности тяжелыми поборами, не прекращали волнений, отказывались платить налоги, а турки требовали от Хаджи-Дауда «подарки»⁵¹⁶. Такое положение сохранялось до 1727 г., когда османы предложили Сурхай-хану чин двухбунчужного пашы и жалованье

⁵¹⁰ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 88.

⁵¹¹ Неверовский. Указ. соч., с. 19—20.

⁵¹² Там же, с. 20.

⁵¹³ ИГЭД, с. 103.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 53.

⁵¹⁶ Неверовский. Указ. соч., с. 21.

3000 руб. Сурхай-хан склонился на сторону Турции и вскоре после этого был утвержден ханом Шемахи. Он добился того, к чему стремился многие годы: объединил под своей властью огромную территорию.

Однако можно ли из этого факта делать вывод, что Казикумухское ханство находилось «под турецким владением с 1727 года»⁵¹⁷. Думается, будет не совсем верно считать жителей Казикумухского ханства подданными турецкого султана, поскольку эта зависимость абсолютно ничем не была обусловлена, кроме того, что Сурхай-хан принял на себя обязательства признавать верховную власть Турции. Но и это обязательство, как показывают документы, он не всегда выполнял. Став ханом Ширвана, пишет Неверовский, Сурхай-хан хотя и прекратил нападения на провинции, принадлежащие Турции, однако «повиновался ей только по наружности, потому что понимал свою силу»⁵¹⁸.

В связи со сказанным большой интерес представляет ответ Сурхай-хана на одно из требований султана: на «приказ султана Махмуд-хана, чтобы он выехал оттуда (из Ширвана.— В. Г.) и передал свое владение персидскому шаху, Сурхай-хан убил привезшего этот приказ... и ответил, что, мол, я завладел Ширваном при помощи мечей мусульман-лезгин, а не на пожалование Турецкой державы»⁵¹⁹. Этот его шаг, как известно, и послужил как бы вызовом правителю Ирана, будущему «Грозе вселенной», Надир-шаху. Но эта по-своему очень интересная и важная тема выходит за рамки наших изысканий.

Наш источник содержит хотя и отрывочные, но очень важные сведения о хозяйстве лакцев в начале XVIII в. И. Гербер утверждает, что «хотя сей уезд между горами лежит, однакож в оном ровные места и для того пашни имеются...» А чуть ниже, возвращаясь к этой теме, он замечает, что здесь в «уезде» имеют хорошие «пашни, также скотину и баранов». Из этих данных можно сделать один вывод — основой хозяйства лакцев было земледелие и скотоводство. Следует лишь указать, что они возделывали все пригодные для хлебопашества земли, использовали почти все древние речные террасы и приготавливали искусственные террасы с межевыми откосами или подпорными стенками⁵²⁰. Основными культурами, которые возделывались в Лакнии, были просо, ячмень, овес, пшеница и в незначительных размерах лен и конопля, но не для тканей, а для зерна, «каковое, высушивая, размывают в мельницах и, перемолов, мешают вроде сухарей, сберегая опые для походов как питательную и легкую

⁵¹⁷ ИГЭД, с. 102.

⁵¹⁸ Неверовский. Указ. соч., с. 23.

⁵¹⁹ Алкадари Г. Указ. соч., с. 72; Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 11; Габиев С. Указ. соч., с. 29; Неверовский. Указ. соч., с. 24.

⁵²⁰ Комаров А. В. Казикумухские и кюринские ханы, с. 5; Алкадари Г. Указ. соч., с. 19; Габиев С. Указ. соч., с. 14.

пищу»⁵²¹. Однако из-за «стужи,— говорит Н. Гребер,— хлеб в августе месяце и позже поспеет». По этой же причине не было развито в «уезде» овощеводство и садоводство. Наличие прекрасных альпийских пастбищ способствовало развитию скотоводства, особенно отгонного овцеводства. Издревле разводили лакцы и крупный рогатый скот, а также лошадей для верховой езды. Занимались они и птицеводством.

Однако, ведя речь о хозяйстве, наш автор ни словом не обмолвился о домашних промыслах и ремесле лакцев. Хотя хорошо известно, что они считались «самым промышленным племенем» (Н. Дубровин). Здесь к описываемому времени уже происходил процесс специализации сел по отдельным отраслям кустарно-ремесленного производства. Уже тогда гончарное производство было развито в сел. Балхар; обработкой шерсти и изготовлением сукна, войлока, паласов и безворсовых ковров занимались в селениях Чукна, Цовкра, Хосрек и во многих других. В селениях Унчукатль, Паласма и в ряде других изготавливали седла. Женщины, особенно селений Кумух и Табахлу, занимались вышивкой по шелку, атласу, бархату. Обработкой металлов занимались жители селений Кумух, Хурукра, Унчукатль, Куркли. В XVII—XVIII вв. большой известностью пользовались клинки лакских мастеров⁵²². Даже эти отрывочные данные показывают беспочвенность утверждения нашего автора о том, что они лишь «отважные люди или смелые вору и грабежники». Эта ничего общего не имеющая с исторической правдой версия возникла из-за того, что владетель Кази-Кумуха имел неприязненные отношения с кавказским командованием.

В этой связи небезынтересно мнение коменданта Кизляра Ахвердова, правда высказанное позже: «...во всем владении его (Сурхай-хапа II.— В. Г.) слова вор нет, так что приезжающие наши армянские купцы с шелками и другими шелковыми товарами бросают связки на улицах возле того дома, где имеют почлег, а есть ли бы кто и лошадь усталую под вьюком должен был бросить среди стены или гор, наверное, по утру же сыщут, есть ли зверьями не растерзана. И таким образом народ его в совершенном повиновении, за малейшую шалость наказание у него смерть, отрубить руку или же выколоть глаза. Народ ему подвластный имеет изобильное скотоводство, а особенно в овечьих стадах, и хлебопашество богатое, делают также шелк»⁵²³. Некоторые из этих сведений, особенно о богатстве «хлебопашества и возделывании шелка», относятся к южному Дагестану, территория которого была присоединена к Кази-Кумухскому ханству. Возможно также, что власть хана в XIX в. усилилась по сравнению с первой четвертью XVIII в.

⁵²¹ ИГВИА, ф. ВУА, д. 18502, л. 17—18.

⁵²² Булатова А. Г. Указ. соч., с. 73.

⁵²³ ИГЭД, с. 225.

Во главе Кази-Кумухского ханства стоял Сурхай-хан I, который, как отмечал наш автор, с конца 20-х годов XVIII в. являлся также ханом шемахинским⁵²⁴. Он был также крупнейшим владельцем пахотных и пастбищных земель. Хан, бек, чанка-беки и высшее сословие, известное под наименованием «цимирдал», составляли господствующий класс. К нему относились также местное мусульманское духовенство (главный кади («пднал кади»), сельские кади, муллы и др.) и разбогатевшая узденская знать («хъуни къаттри»), составлявшая как бы среднее дворянство и очень схожая с кумыкскими сала-узденями. Они эксплуатировали лично свободных узденей, райятов и лагов (рабов).

Наш источник утверждает, что «доходы получает владелец... которые состоят в десятой доле хлеба...»⁵²⁵. Это очень важное сообщение пождается, однако, в детализации. Прежде всего необходимо выяснить, все ли население ханства было обложено такой податью или такого рода доходы владелец получал только с определенных населенных пунктов. Согласно имеющимся материалам, лишь часть селений платила ханам такого рода подать, называемую «тамач» и «дишпала», причем в самой Лакнии она выплачивалась натурой: баранами и продуктами скотоводства (сыр, масло и др.). Возможно, когда И. Гербер говорил о хлебной подати, взимаемой чуть ли не с каждого селения, он имел в виду население присоединенных к ханству территорий. Однако это наши предположения. На эту мысль нас наводит имеющиеся сведения, но относящиеся к концу изучаемого века. Из них мы узнаем, что, кроме оброка, получаемого в натуре, со всех деревень хан берет и «пошлины с прогоняемых его владением для пастьбы скотских табунов до 80 000 рублей ханскими деньгами»⁵²⁶. Ясно одно, что Сурхай-хан был достаточно состоятельным владельцем, иначе он вряд ли сумел бы содержать наемное войско в числе 6 тыс. человек в течение 4 месяцев, платя «каждому человеку по абасе»⁵²⁷ (т. е. 20 коп.).

На местах для соблюдения правопорядка, землепользования и решения различных вопросов «выбирались» куначу (старшины). Они были, как правило, выходцы из наиболее родовитых и влиятельных тухумов (фамилий). Были даже селения, где каждый раз куначу «избирался» из одного и того же тухума. Все вопросы, за исключением тех, которые подлежали компетенции кади и разбирались по шарияту, решали куначу. Для исполнения их решений избирался надсмотрщик, выдвигаемый также из состоятельных слоев общества. Все указы и решения куначу, именуемые низамами, как правило, записались в мечетскую книгу⁵²⁸.

⁵²⁴ Beschreibung..., S. 63; ИГЭД, с. 102.

⁵²⁵ ИГЭД, с. 103.

⁵²⁶ Там же, с. 152.

⁵²⁷ Там же, с. 103; Beschreibung..., S. 64.

⁵²⁸ Калев А. Материалы по истории лаков. — Рукоп. фонд. ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 444, л. 22—23.

Для решения особо важных дел созывались джамааты, мало чем отличавшиеся от джамаатов других владений Дагестана. Присоединившимися территориями управляли родственники хана — беки или выделявшиеся умом и храбростью вассалы хана, иногда происходившие даже из лагов. Шемахой, например, управлял «Сурхая человек Качай»⁵²⁹, а Кюрой — родственники хана.

* * *

Небольшой раздел анализируемого источника озаглавлен в немецком тексте «Kumuki Nation» («Кумыки, народ») ⁵³⁰. Все тексты нашего источника утверждают, что «уезд Кумыков» был расположен на северной стороне Самура к западу от Кази-Кумухского ханства ⁵³¹. А на карте И. Гербера он расположен к западу от Кази-Кумухского ханства, там, где ныне простирается территория Чародинского района Дагестанской АССР. Само собой понятно, что из этих весьма скудных и даже в какой-то степени противоречивых данных трудно понять, какую же территорию занимал «уезд кумуков». Поэтому прежде всего необходимо определить его месторасположение, а затем и выяснить, какой именно из дагестанских народов скрывается под названием «кумыки».

При внимательном анализе данных самого источника выясняется, что во всех списках текста интересующий нас уезд располагают юго-западнее Кази-Кумухского ханства. В то же время, как мы видели выше, наш автор кумыками с прибавлением «хаси» (гази) называет жителей Кази-Кумухского ханства, т. е. лакцев. Язык жителей данного «уезда» и «хаси-кумуков» наш источник также называет кумукским языком. Из этого вытекает один вывод: население данного «уезда» и Кази-Кумухского ханства — один и тот же народ, т. е. лакцы. Если «кумыки» нашего источника — лакцы, проживающие за пределами Кази-Кумухского ханства, точнее, юго-западнее ханства и севернее р. Самура, то нетрудно догадаться, что речь идет о лакских селениях Аракул, Верхний Катрух (Ялув ЧатІлухъи), Бурши-мака, Шадни, Цуликани, расположенных в нынешнем Рутульском районе. С этим согласуется и утверждение И. Гербера о том, что «уезд не великий и состоит в немпогих деревнях, которые в одной долине все вместе лежат» ⁵³².

Указанные селения находятся за труднодоступными естественными рубежами, которые отделяют их от основной части Лакнии. «Это обстоятельство,— пишет Л. И. Лавроу,— заставляет считать, что образование этих селений явилось результатом позд-

⁵²⁹ АВВР, ф. Сношения России с Персией. 1722 г., д. 8, л. 54.

⁵³⁰ Beschreibung..., S. 68 об.; ИГЭД, с. 106; Известия..., с. 126.

⁵³¹ Там же.

⁵³² ИГЭД, с. 106.

нейших переселений лакцев на земли соседних народов»⁵³³. Судить, насколько верно это положение, мы не беремся. Да это и не входит в предмет наших изысканий. В плане нашего исследования важно подчеркнуть, что эти селения пахотились здесь задолго до начала XVIII в. Хозяйство жителей указанных селений мало чем отличалось от хозяйства жителей соседних владений. Занимались они земледелием и скотоводством. Однако утверждение нашего источника, что они имеют «не много пашен, а больше питаются скотоплодием», надо понимать в том смысле, что скотоводство здесь могло превалировать над земледелием. Про жителей этого «уезда» И. Гербер пишет, что они «люди добрые и оруженные», и подчеркивает, что «об их не слышно, что где-нибудь воровство чинили». Оказывается, они заслужили такую несвойственную нашему автору оценку лишь потому, что их владетель не принял участия в антииранском движении под водительством Дауд-бека и Сурхай-хана.

Остается выяснить, как и кем управлялся данный «уезд». Об этом в анализируемом источнике материала мало, а в других источниках он вовсе отсутствует. И. Гербер сообщает, что жители данного уезда «имеют своего особенного владельца именем Сутай-бек, что он и его подданные «люди вольные и под властью не под чьей не стоят»⁵³⁴. Стало быть, согласно данным нашего источника, это хотя и небольшое, но самостоятельное и независимое владение. В связи с этим возникает законный вопрос, почему ни один другой источник ни разу не упоминает об этом владении и ничего не говорит о его владетеле Сутай-беке. Уже одно это обстоятельство настораживает нас в достоверности сведений, сообщаемых И. Гербером. Очевидно, отсутствие сколько-нибудь надежных сведений послужило причиной того, что исследователи представляли Сутай-бека то владетелем Кази-Кумуха, то владетелем Мехтулипского ханства⁵³⁵. О том, что Сутай-бек и Сурхай не одно и то же лицо, доказывать не приходится. Достаточно напомнить, что сам И. Гербер неоднократно упоминает кази-кумухского хана, называя его то Зурхай, то Сурхай. Согласно данным И. Гербера, о которых речь шла выше, никак нельзя представить Сутай-бека и владетелем Мехтулинского ханства. Весь известный нам фактический материал подсказывает, что Сутай-бек мог быть родственником владетелей Кази-Кумуха, назначенным для управления «уездом». Можно предположить и то, что имя самого владетеля Сутай — производное от имени Султан (власть, правитель, государь). Лакцы и до настоящего времени имя «Султан» нередко сокращают и произносят как Сута, а в обращении — Сутай. Подтверждением этого предположения в

⁵³³ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 180.

⁵³⁴ ИГЭД, с. 107.

⁵³⁵ Бугков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 128; Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 261.

какой-то степени может служить и то, что в генеалогии переселившихся из Кази-Кумуха беков встречается имя Али Султанбек Сурхайханов⁵³⁶.

Свою относительную независимость эта территория могла приобрести в период окончательного распада ипакхальства, когда, по словам Р. М. Магомедова, «Лакция оставалась политически раздробленной на отдельные территории, когда только временами объединялись под предводительством халкклавчи». Надо полагать, что времена относительной независимости, если это владение вообще было независимым, длились не так уж долго. В период, когда кази-кумухский Сурхай-хан «не только сумел привести в совершенное послушание лакские общества, составляющие его владение, но и распространил свою власть» за пределы владения, сделавшись крупнейшим владельцем на северо-востоке Кавказа⁵³⁷, надо полагать, ему удалось подчинить Сутай-бека. Этим, видимо, отчасти и объясняется тот факт, что об этом «уезде» умалчивают другие источники. Наш автор сообщает, что «доходы берет владелец их Сутай-бек»⁵³⁸. К сожалению, мы не располагаем никакими материалами, позволяющими уяснить себе, в чем выражались эти доходы. Поэтому мы можем лишь с долей вероятности предположить, что они могли быть схожи с «доходами» других владельцев, взимаемыми в Кази-Кумухском ханстве.

* * *

Один из разделов анализируемого труда назван в немецком тексте «Von der Provinz Taulistan» («О провинции Тавлистан») ⁵³⁹. Однако тавлинцами (taulinze) наш автор считает только андо-цезские народности Дагестана. Аварцев же он помещает между тавлистанцами, Грузией и горскими «черкасами». На карте И. Гербера аварцы также расположены за Тавлистаном. Это, конечно, явная ошибка. На самом деле андо-цезы, составляющие одну аваро-андо-цезскую группу, расположены западнее собственно Аварии. Поэтому и мы свой анализ начнем с основного народа этой группы — аварцев, тем более что и их нередко называют «тавлу». Этимологически «тау» — гора (тюрк.), «стан» — страна (перс.), т. е. страна гор. Словообразование и значение то же самое, что Дагестан. Самопазвание аварцев «маарулал» (maġaruġal) происходит от «меэр» — гора, горцы. Не калька ли термин «тавлу» со слова «маарулал»? А. В. Комаров утверждает, что кумыки перевели это название на свой язык и всех называемых маарулал называют «таулу». Русские, слу-

⁵³⁶ ФОД, с. 136.

⁵³⁷ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 281.

⁵³⁸ ИГЭД, с. 107.

⁵³⁹ Beschreibung..., S. 74.

жившие в Дагестане, переделали это название на «тавлинды»⁵⁴⁰. Могло случиться и так, что кумыки, не зная о существовании термина «маарул», называли аварцев и других жителей нагорного Дагестана «тавлу» — горцы.

В исторической литературе не раз делались попытки объяснить происхождение аварцев и раскрыть значение этнонима «авары». В дореволюционной историко-этнографической литературе аварцев Дагестана чаще всего связывали с аварцами южнороссийских степей. Но эта версия, как известно, не выдерживает никакой критики хотя бы потому, что аварцы, упоминаемые в византийских источниках и русских летописях, — тюркоязычный народ, в то время как аварцы Дагестана принадлежали к дагестано-вайнахской группе иберийско-кавказских языков. Беспочвенными являются также стремления ряда авторов представить аварцев гуннами⁵⁴¹ или же представить «аварцев и других горцев» народами арийского происхождения, оставившими свою старую «родину», осевшими и смешавшимися с местными этническими группами. А легенда о происхождении аварцев «из племени русов» также неверна, но интересна тем, что говорит об их давних связях с «русами»⁵⁴².

Известно, что задача этногенетического исследования состоит не только в том, чтобы проследить динамику этнических процессов в рамках установившихся этнических общностей, а прежде всего в том, чтобы выявить их истоки и определить этнические компоненты, принявшие участие в их формировании. Поэтому речь должна идти о процессах и влияниях гораздо более древних, чем последнее тысячелетие. Все это говорит о том, что проблема этногенеза нуждается в комплексном изучении. В этом смысле происхождение аварцев еще предстоит изучить. Однако и сейчас можно уверенно сказать, что аварцы, как и другие соседние им горские народы, — аборигены Дагестана. Об этом убедительно говорят археологические, антропологические данные⁵⁴³ и исследования лингвистов⁵⁴⁴. «Предки аварцев, андо-цунтинских народов, лакцев и собственно даргинцев, — пишет В. П. Алексеев, — были древнейшим населением горного Дагестана и, по-видимому, первыми освоили эту область». А их принадлежность к кавкасионской группе популяции «свидетельствует о какой-то очень древней общности их предков, восходящей, как я пытался показать, по-видимому, еще к верхнепалеолитическому времени»⁵⁴⁵.

⁵⁴⁰ Комаров А. В. Народнонаселение..., с. 6.

⁵⁴¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 15; Лазарев Я. О гуннах Дагестана. — Газ. «Кавказ», 1859, № 34—38.

⁵⁴² ССКГ. 1873, вып. 7, с. 5—6.

⁵⁴³ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 186.

⁵⁴⁴ Вопросы языкознания, 1958, № 4, с. 3—11.

⁵⁴⁵ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа, с. 203.

Различного рода мнения высказывались в исторической литературе и в отношении происхождения этнонима «авар». Чаще всего они сводились к объяснению термина тюркоязычным словом «авара» (avare) — бродяга, праздношатающийся, беспокойный⁵⁴⁶ и т. д. Другие полагали, что на языках дарга «авар» или «ауар» значит «сварливый, беспокойный», «что из этого языка название перешло к кумыкам и татарам»⁵⁴⁷. Б. Малачиханов считал, что термин «авар» возник во времена хазар. «Лаки, — писал он, — именуют жителей хунзахского плоскогорья «яруса», страну — «Яртап». Основа «яр» — «скала»... древнетюркская... хорошо подходит к панораме... местоположения Аварии. Тюркские слова «ава» (равнина) и «яр» (скала), слившиеся воедино, по видимому, и участвуют в словообразовании «овар», «авар»»⁵⁴⁸. Падуманность этой версии очевидна. Ведь если за исходное брать только созвучие терминов, скорее всего, этноним «авар» можно было связать с осетинским топонимом «авар» — ровная площадка⁵⁴⁹.

Читателя пусть не удивляет, что все авторы пытались объяснить этноним «авар», исходя из других языков. Считалось установленным, что сам народ вовсе не знал этого слова⁵⁵⁰. «По мнению жителей, — писал П. К. Услар, — название авар дано чужестранцами», оно «совершенно чуждо самому краю» и «может относиться исключительно к Хунзаху»⁵⁵¹. «Название авар, — пишет В. Ф. Минорский, — дается им их соседями (кумыками, даргинцами), от которых его переняли и русские»⁵⁵².

Мы уже говорили, что самоназвание народа — маарулал. Упомянулось и о том, что лакцы называют их «яруса». Укажем, что даргинцы их называют «карак», «каракан», кумыки — «тавлу», каратинцы — «халбъби».

Исследователи были убеждены также в том, что и язык народа не имеет общего названия. П. К. Услар, например, утверждал: «Нет названия, которое бы выражало родство, например, языков Хунзаха и Андалала, хотя хунзахцы и могут понимать андалалцев»⁵⁵³. В свете всего сказанного большое значение приобретает тот факт, что наш автор употребляет термин «авар» и как название провинции (Prowinz Awar), и как «аварский уезд», и как название народа (awaren), и как название владения — «авар-Усмей» (Usmey Awar). А еще язык народа именуется «аварским языком»⁵⁵⁴. В чем тут дело? Чем объяснить, что ав-

⁵⁴⁶ Комаров А. В. Народонаселение..., с. 6.

⁵⁴⁷ Услар П. К. Указ. соч., с. 7.

⁵⁴⁸ Малачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1929, с. 12.

⁵⁴⁹ Цаголова А. Ф. Топонимия Северной Осетии. Орджопикидзе, 1975, с. 180.

⁵⁵⁰ Комаров А. В. Народонаселение..., с. 6.

⁵⁵¹ Услар П. К. Указ. соч., с. 4—5.

⁵⁵² Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 133.

⁵⁵³ Услар П. К. Указ. соч., с. 4.

⁵⁵⁴ Beschreibung..., S. 76—77; ИГЭД, с. 113.

тор первой половины XVIII в. И. Гербер так широко пользуется термином «авар», в то время как более поздние исследователи избегают его. При внимательном изучении источников выясняется, что этим термином аварцев именовали с раннего средневековья.

Баладзори, излагая сведения VI в. о назначениях Ануширваном в Дагестан правителей, называет «хакана гор» Вахрарзаншаха⁵⁵⁵. Армянский автор Фома Арцруни (писавший после 900 г.), рассказывая об обращении Григорисом в христианство местных жителей, упоминает и народ Auhaz-K', «соответствующий аварцам»⁵⁵⁶. В своем сочинении «ал-А'Лак ан-Нафиси», завершеном, как полагают ученые, около 300 г. х/912 г., рассказывая о Серире, он пишет: «Их царь зовется Авар»⁵⁵⁷. Гардизи дает вариант Аваз⁵⁵⁸. Рашид-ад-Дин пишет, что весной 1239 г., «назначив войска для похода, они (монголы.— В. Г.) поручили его Букдаю и послали его к Темур-Кахалку (Дербенту.— В. Г.) с тем, чтобы он занял и область Авир»⁵⁵⁹. Надо полагать, что под этим названием имелось в виду аварское владение⁵⁶⁰. Низам-ад-Дин и Шариф-эд-Дин-Али, сообщая сведения о походе Тимура в Дагестан в 798 г. х./1396 г., упоминают Аварию в форме Аухар⁵⁶¹. По мнению В. М. Бейлиса, этноним «Аухар» можно сопоставить с названием «авгар», встречающимся у Псевдо-Захария Ритора. Возможно, говорит он далее, что от этнонима «авгар» и происходит титул «вахар (авхар)-зан-шах», а затем уже и титул «авар»⁵⁶². В известном «Завещании Андуника» говорится, что он оставляет племянника своего Булача владетелем «территории авар» и, обращаясь к наследнику, говорит «возьми-ка ключи Авар»⁵⁶³. Мухаммед-Рафи в «Тарихи Дагестан» говорит о земле авар, Сахль, Зирих-Геран⁵⁶⁴. В «Тарихи Дербент-наме» Авария фигурирует под названием Ихран, Ахран⁵⁶⁵. В русских документах XVI—XVII вв. Авария упоминается в форме «Уварская земля»⁵⁶⁶. В материалах XVIII в. также встречается термин «авар» в форме «авар-хан», «усьми-авар»⁵⁶⁷.

Как видим, термин «авар» широко употреблялся в источниках самого различного происхождения. В свете сказанного уже не кажется странным использование этого термина нашим автором.

⁵⁵⁵ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 133—134.

⁵⁵⁶ Там же, с. 134.

⁵⁵⁷ Там же, Приложение IV. Ибн-Руста о Дагестане, с. 220.

⁵⁵⁸ Там же, с. 134.

⁵⁵⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. 2. М.—Л., 1969, с. 39.

⁵⁶⁰ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 187.

⁵⁶¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., с. 123, 124, 185.

⁵⁶² Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI—XI вв.— ИЗ, 1963, т. 73, с. 256.

⁵⁶³ Рукоп. фонд. ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 218, л. 1—3.

⁵⁶⁴ Тарихи Дербент-наме, с. 32—34.

⁵⁶⁵ Там же, с. 165.

⁵⁶⁶ КРО, т. I, с. 265—266; Белокуров С. А. Указ. соч., с. 533.

⁵⁶⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 83.

Вместе с тем возникает вопрос, можно ли, имея в виду столь длительное употребление данного термина в восточных, местных и русских документах, говорить сколько-нибудь серьезно, что он был чужд и непонятен народу. Может быть, И. Гербер под термином «авар» понимал беспокойных и праздничающих. Оказывается — нет. Говоря об аварцах, он замечает, что «по ситуации их земли и уезду люди тихие и смиренные, и об них не слышно, чтоб воровство или другово чего что не потребно учияли...»⁵⁶⁸. Стало быть, попытка связать термин «авар» со словом «беспокойный» — это не что иное, как переосмысление последующих времен.

В анализируемом источнике указывается, что «пад аварами имеется усмей, которого называют авар-усмей... имя его Умухан (Usmey Awar Uhma Chan)... только все авары под его властью стоят, ибо аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждый уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены»⁵⁶⁹. В «Известиях» эта мысль приобрела следующую форму: «Авары подвластны различным князьям, из которых никто другому ниже чужой власти не подвержен. Знатнейший из оных усмей Авар», имя которого Ума-хан. В приведенных текстах источника подчеркивается мысль о том, что территория Аварии разделена в одном случае на уезды, в другом — на княжества. Но если в первом тексте уезды «под послушанием (владельца. — В. Г.) не стоят, но и ему подчинены», то второй текст представляет владельца Аварии знатнейшим среди других князей.

Мы уже привыкли к тому, что в одном абзаце, особенно когда говорится о внутреннем управлении владения, содержится взаимоисключающее понятие «под послушанием не стоят, но и ему подчинены». Но чтобы разобраться в этой фразе, нам вновь придется заглянуть в глубь веков. Первым известным владением в пагорном Дагестане, согласно арабоязычным источникам, был Серир. Однако местные источники, по свидетельству специалистов, ни разу не упоминают о Серире. Удивляет и то, что такие знатоки арабоязычной литературы, как А.-К. Бакиханов, Г.-Э. Алкадари, также не говорят об этом государственном образовании. Все это наводит на мысль, что дело обстоит намного сложнее, чем это можно предположить на первый взгляд. Как уже отмечалось, само название произошло не от арабского «серир» (трон), а от иранского «сэг», т. е. гора, и означает, так же как грузинское «мтиулете», — «страна гор» или «страна горцев»⁵⁷⁰. «Страна Сарир... — писал В. В. Бартольд, — соответствует области, населенной сейчас народностью аварцев»⁵⁷¹. Эта

⁵⁶⁸ Beschreibung..., S. 77; ИГЭД, с. 113—114.

⁵⁶⁹ Beschreibung..., S. 77; ИГЭД, с. 113.

⁵⁷⁰ Еремян С. Т. Указ. соч., с. 44.

⁵⁷¹ Бартольд В. В. Соч., т. III. М., 1965, с. 410.

идентификация и в настоящее время считается признанной, хотя сам термин «Сарир» представляет не название народа, а означает в одних случаях титул сахиб-ас-сарир — «владелец трона», а в других — ард-ас-Сарир — «страна». Некоторые восточные авторы считают, что «Серир же имя государства... не города и народа»⁵⁷².

К сожалению, мы пока что не располагаем данными, позволяющими изучить историю образования этого государственного объединения, раскрыть причины, способствовавшие объединению «горных племен, часто не имевших общего языка, слабо связанных между собой»⁵⁷³. Однако и сейчас можно с уверенностью утверждать, что связывать образование Серира лишь с деяниями шахов Ирана неверно. В этой же связи уместно напомнить, что даже арабоязычные авторы Масуди, ал-Истахри и другие, касаясь данного вопроса, высказываются не столь категорично, как это себе позволяют некоторые современные историки. Масуди отмечает, что царь Серира «из потомков Бахрам-Гура» и получил титул сахиб-ас-сарир, потому что Йездегирд, вынужденный бежать, передал «свой золотой трон, свои сокровища и имущество с неким потомком Бахрам-Гура, чтобы тот хранил их до его прихода»⁵⁷⁴. С этим очень сходен рассказ и в передаче ал-Истахри: «...Этот золотой трон принадлежал кому-то из персидских царей, а когда пало их царство, трон был доставлен в Сарир, и привез его некто из персидских царей... дошло до меня, — заключает ал-Истахри, — что он из потомков Бахрама Чубина и царство это до сего дня в их руках»⁵⁷⁵.

Вполне допустимо, что эти легенды возникли значительно позже событий. Допустимо и то, что они должны были служить показателем происхождения местных владетелей от сасанидских царей. И все же указанные легенды представляют для нас определенную ценность. Все они как будто связывают с Сасанидами возникновение названия царства Серир. Что же касается самого царства, то оно возникло на местной почве в результате глубоких процессов социально-экономического и политического развития страны. Однако процесс образования Серира безусловно ускорила крайне осложнившаяся внешнеполитическая обстановка, возникшая в связи с вторжением иноземных захватчиков на Кавказ. В. М. Бейлис считает возможным отнести возникновение Серира к середине VI в., ко времени «вторжения хазар в Предкавказье»⁵⁷⁶. По всей вероятности, с самого начала своего возникновения Серир не был этнически однородным.

⁵⁷² Хвольсон Д. Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Словянах и Русских Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства. СПб., 1869, с. 73.

⁵⁷³ Бейлис В. М. Указ. соч., с. 258.

⁵⁷⁴ Masoudi, t. II, p. 42; Минорский В. Ф. Указ. соч., Приложение III. Масуди о Кавказе, с. 203—204.

⁵⁷⁵ Бейлис В. М. Указ. соч., с. 259.

⁵⁷⁶ Там же.

Если верить ал-Балазури, то во второй половине VIII в. Серир был подчинен арабам и обложен ими данью, размеры которой намного превышают дань всех других владений. Уже одно это говорит о том, что Серир по территории и населению значительно превосходил их⁵⁷⁷. Сведения, относящиеся к IX—X вв., не оставляют сомнения в том, что Серир по масштабам Дагестана являлся очень крупным и, как увидим ниже, объединяющим ряд народностей страны гор государственным объединением, которое играло довольно заметную роль в истории Кавказа.

Вот некоторые факты. Тифлисский эмир Исхак б. Исмаил Шуаиб (из Омайядского рода) был женат на дочери царя Серира. В 416 г.х./1025 г. эмир Дербента Мансур, желая заручиться поддержкой, женился на Сарийе, дочери царя Серира Бухт-Йишо. Дружбу с Сериром поддерживали аланы. Считались с Сериром и Ширваншахи⁵⁷⁸. О значении Серира говорит и то, что он неоднократно упоминается в источниках. Согласно данным арабоязычных авторов, на севере Серир граничил с аланами и хазарами: «Царство аланов,— сообщает Масуди,— граничит с царством Сарир»⁵⁷⁹. «И вот она (горная цепь),— говорится в другом источнике,— поворачивает к западу и идет между сарирами и хазарами до начала пределов аланов»⁵⁸⁰. Ал-Истахри и Ибн-Хаукаль указывают, что от хазарской столицы Семендера до границ Серира 2 фарсаха⁵⁸¹ (фарсах равен 1,74 км). Хотя локализация Семендера еще окончательно не установлена, однако среди исследователей нет разногласий, что этот город находился в приморской части Дагестана. Стало быть, если верить ал-Истахри, Ибн-Хаукалю и другим средневековым авторам, граница Серира доходила до равнинной части Дагестана. Ал-Йа'куби располагает Серир между Дербентом и аланами⁵⁸². Намного сложнее установить восточную и южную границы Серира. Основываясь на сообщениях Масуди и других указанных авторов о том, что цари Серира носили титул филаи-шаха, А. Н. Генко считает, что в это государство входила территория будущего «вольного» общества Кель⁵⁸³, а по В. Ф. Минорскому — часть территории южного Дагестана⁵⁸⁴. Ибн Руста отмечает, что царю Серира принадлежит 20 тыс. долин, населенных людьми разного рода, которые имеют там свои поместья и деревни⁵⁸⁵. Ал-Йа'ку-

⁵⁷⁷ Там же, с. 261.

⁵⁷⁸ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 39, 70, 82, 137.

⁵⁷⁹ Masoudi, t. II, p. 42; СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 53.

⁵⁸⁰ *Hudud al-alam*. The Regions of the World. Transl. and explained by Minorsky. London, 1937, p. 67; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 98.

⁵⁸¹ ВГА, I, p. 223; II, p. 282, 393—394; Караулов П. А. Указ. соч.—СМОМПК, 1901, вып. 29, с. 47; 1908, вып. 38, с. 114; Бейлис В. М. Указ. соч., с. 251.

⁵⁸² ВГА, V, p. 291; Бейлис В. М. Указ. соч., с. 251.

⁵⁸³ Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение.— В кн.: Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.—Л., 1941, с. 108.

⁵⁸⁴ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 137—138.

⁵⁸⁵ Там же, Приложение IV, с. 219.

би утверждал, что большинство поселений Аррана принадлежит владетелю Серира⁵⁸⁶. У царя Серира, сообщает Масуди, 12 тыс. селений⁵⁸⁷. Абу-л-Фида, ал-Казвини, ал-Бакуви называют Серир «климат и обширное царство». «Шестой климат, — пишет Бакуви, — начинается от поселения восточных тюрок — капи, кун (у ал-Казвини — *بوشيز*), хирхиз (у ал-Казвини — *قون*), кимак, ат-го-гузгуз, стран туркмен, хазар, аллапов || и ас-Сарир и тянется к ал-Кустантини, Великому ар-Румийа, стране алман и франков, идет по северу ал-Андалуса и оканчивается у моря ал-Магриб»⁵⁸⁸.

Столицей Серира была «Дж. мр. дж (Хумзах, или Хунзах)»⁵⁸⁹. По Ибн Руста, эта царская крепость «стоит на вершине горы, которая имеет площадь 4×4 фарсаха и окружена каменной стеной»⁵⁹⁰. Ниже Ибн Руста сообщает, что «царь Сарира имеет другой крепкий замок, называемый ал-Ал (Алал)-ва-Гумик, где находится его сокровищница»⁵⁹¹. Масуди пишет, что «царство Алап (Ал-Лан), царь которого называется К. рк. пдадож (?), является общим именем для всех их царей, подобно тому как Филан (Килан?)-шах — имя всех царей Сарира»⁵⁹². Царю Серира, отмечал Б. Н. Заходер, принадлежали владения, названные в источниках, как *خينران* (Ибн Руста), *جيدان* (Мас'уди), *خندن* (Худуд-ал'алам), *حيمان* (Бакри), *حيلاق* (Абу Хамид аль-Гарнати)⁵⁹³ и др. В географическом сочинении XIII в. на персидском языке подчеркивается, что «Серир — это область (вилайет) между Абхазом (Грузией), Кипчаком, Ширваном и Дербентом: область большая, очень возделанная, труднодоступная, с большим количеством населения»⁵⁹⁴. Нельзя не согласиться с В. М. Бейлисом, который считает, что «жители Серира не составляли единой народности»⁵⁹⁵. Все это говорит о том, что Серир, говоря словами того же автора, — «первое известное государственное образование в горном»⁵⁹⁶, сейчас можно говорить и в предгорном, Дагестане, объединившее большинство горских народов Дагестана и сыгравшее в их истории большую роль. Конкретное исследование этого вопроса, как нам представляется, помо-

⁵⁸⁶ ВГА, V, р. 295; Бейлис В. М. Указ. соч., с. 262.

⁵⁸⁷ Минорский В. Ф. Указ. соч., Приложение III, с. 204.

⁵⁸⁸ *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. Указ. соч., с. 101.

⁵⁸⁹ Минорский В. Ф. Указ. соч., Приложение IV, с. 204.

⁵⁹⁰ Там же, с. 219.

⁵⁹¹ Там же, с. 220. «Гумики (кумухи, ныне лаки)... легко могли быть вассалами Сарира; алал остается загадкой, хотя несколько названий, оканчивающихся на «лал», известны в Аварии (Багулал, Хамалал, Андалал). Упомянутый в тексте алал может представлять собой Андалал» (там же, с. 219).

⁵⁹² Там же, с. 204.

⁵⁹³ Заходер Б. Н. Указ. соч., с. 125.

⁵⁹⁴ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. — УЗИВ, 1954, т. IX, с. 205—206.

⁵⁹⁵ Бейлис В. М. Указ. соч., с. 255.

⁵⁹⁶ Там же, с. 263.

жет решить чрезвычайно сложные вопросы, связанные с «царствами» Дагестана, взглянуть на их историю и, наконец, определить, что же из себя представляли эти «царства».

Однако, как нам представляется, даже вышеприведенный материал дает возможность хотя бы в порядке постановки вопроса высказать мнение, что Серир был владением, объединявшим многие народности страны гор. В таком случае мы, возможно, вправе говорить о нем как общедагестанском государстве, предшествовавшем шамхальству.

Исследователи полагают, что в XI—XII вв. Серир как государство распался на мелкие владения, часть из которых объединилась в Аварское ханство. С этим можно согласиться. Однако Аварское нуцальство в начале XIII в. — это, говоря словами Мухаммеда-Рафи, «могущественное из дагестанских владений и родник неверных»⁵⁹⁷. Известное завещание Андуника определяет границы нуцальства: «со стороны запада — мясугатан (буквально — «часовня Миясу»); вторая, со стороны востока, — с середины аула Гоцатль; третья, со стороны юга, — от Хочода до Голотлинского моста; четвертая, со стороны севера, — от Сала-горы до Таргу»⁵⁹⁸. Таким образом, согласно этому документу, юго-восточные границы Аварского владения проходили по линии от Гоцатля через Голотль современного Хунзахского района до сел. Хочода современного Советского района. К сожалению, с такой точностью не удастся определить северные и западные границы нуцальства. Если Сала-горы — это Салатавия, а Таргу — современное сел. Тарки, то надо признать, что северная граница аварского владения проходила от Салатавии на восток до этого селения. Эти пункты, особенно упоминание о сел. Тарки, приводят в замешательство некоторых исследователей. Трудно себе представить, что границы Аварского нуцальства в пору могущества шамхальства доходили до сел. Тарки. На самом же деле здесь ничего необъяснимого нет. Утверждение документа о том, что северо-восточные границы владения доходили до этого селения, следует понимать в том смысле, что здесь имеется в виду граница Тарковского владения, составляющая территорию шамхальства, а не само сел. Тарки.

В границах, очерченных Андуником, размещается территория современных районов: Казбековского, Гумбетовского, Унцукульского, Хунзахского и части Советского, Чародинского и Ботлихского. На этой территории, согласно завещанию, имелось восемь обществ: «первые ключи — алигиличинцев, вторые — джунгутаевских владетелей, третьи — гумбетовских владетелей, четвертые — владетелей Анди, пятые — каратинцев, шестые — бактлухинцев, седьмые — хуштадинцев и Семиземелья»⁵⁹⁹. Обращает на себя

⁵⁹⁷ Тарихи Дербент-наме, с. 165.

⁵⁹⁸ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 218, л. 9.

⁵⁹⁹ Там же.

внимание, что общества эти названы «владениями». Андунник за-
вещает племяннику «взять в свои руки ключи авар», т. е. управ-
ление над ними. «Если ты возьмешь указанные ключи,— гово-
рится далее в документе,— то соль, мед, виноград, железо, рыба
и остальное все, в чем человек нуждается,— у тебя и в твоём
распоряжении»⁶⁰⁰. Итак, согласно анализируемому документу,
с одной стороны, эти общества — владения, а с другой — ключи
их или находятся, или должны находиться в руках нудала.

В последующие периоды процесс политического дробления
Аварии усилился, и на рубеже XVI—XVII вв. Аварское нудаль-
ство состояло как минимум из трех удельных княжеств. Титул пу-
цала переходил то к потомкам кн. Туралава-глупца (ветвь Мухам-
мад-Шамхал-нудала), то к потомкам Андунник-нудала II. Однако
после 1646 г. в нудальстве установился порядок передачи власти
от отца к сыну. Этот порядок просуществовал до конца XVIII в.⁶⁰¹
«Эмир Андреевой,— пишет А. Бакиханов,— убили двух родствен-
ников Гумбетовского и Аргунойского Эмира, считавшего себя от-
раслью хана Аварского». Из-за чего произошла долговременная
вражда, которая завершилась тем, что «нижняя часть мизикич,
как-то: Чечен-гала, Герменчук-шали, Атака и проч. отошли во
владения Терлав»⁶⁰²? Отголоски этих сведений мы встречаем и
в документах русского происхождения. В августе 1589 г. в Тер-
ском городке послы кн. Звенигородский и Антонов вместе с
князьями Кабарды «привели к шерти Черного князя сына Гиля
за своего отца и за брата Канбулака Нуцалаева и за весь свой
род и аварскую и за черную землю»⁶⁰³. Небезынтересно отме-
тить, что имя вышеупомянутого Карагиши Туралава означает
«черный мужчина Туралав». Целый ряд документов показывает,
что Черный князь и Карагиши Туралав — разные названия од-
ного из аварских владетелей. «И привез ко мне, холопу твоему,
терский воевода, от Черного от Турлова-мурзы грамоту... И я,
холоп твой, того черного Турлова-мурзы грамоту... велел переве-
сти». В ней говорилось о верной службе русскому государю. Он
же, «Турлов-мурза, был у уварско у Нуцала-князя» и просил
послать к нему «сына боярского да подъячева, да толмача» и
обещал, что он их проводит. «И уварский де Нуцал-князь тот-
час будет под твою царскою высокою рукою в холопстве так
же, что и он Турлов-мурза»⁶⁰⁴.

Общеизвестно, что «эмир» (араб. «приказывать») употребле-
ется также в значении «начальник, повелитель, князь». Так на-
званы у А. Бакиханова правитель гумбетовский и аргунайский.
В то же время этот правитель считает себя «отраслью хана Авар-

⁶⁰⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 218, л. 9.

⁶⁰¹ Айтберов Т. Новые источники по истории Аварии (XVI—XVII вв.).—
Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 13.

⁶⁰² Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 90.

⁶⁰³ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 53, 80—82.

⁶⁰⁴ РДО, с. 60—61.

ского». Как это понять? То ли правитель Гумбета и Аргуная просто родственник хана, то ли он родственник и одновременно вассал, признающий над собой власть пуцала. Имеющиеся в нашем распоряжении документы говорят, что он — родственник, который в одном случае припимает присягу за себя и за «Нудало-ва и за весь свой род и за Оварскую и за Черную землю». Во втором случае он играет роль посредника, как бы выполняя поручения хана в переговорах с терским воеводой. Само собой понятно, что если бы Черный князь (или «Турлов-мурза») не был заодно с ханами Аварии, то вряд ли бы ему поручили вести переговоры за пуцала и тем более принимать присяги за владетеля Аварии.

Одновременно эти документы, раскрывающие роль «Турлов-мурзы», убеждают нас в том, что он на иерархической лестнице стоит ниже нудала Аварии. «Владетель Черной земли Турлов-мурза» хотя и был родственник пуцала, все же относился к хану Аварии как к своему сюзерену. Такого же мнения, очевидно, придерживался и терский воевода, когда в своей челобитной владетеля Аварии называет князем, а Туралава — мурзой.

Известно, что во время возвышения шамхальства к нему была присоединена часть территории, населенной аварцами. Выше уже указывалось также, что Гидатль, Анди и другие земли управлялись ставленниками шамхалов. С ослаблением, а затем и распадом шамхальства эти земли получили независимость. Владетели Аварии делали все от них зависящее, чтобы подчинить своей власти их население. Но не всегда это им удавалось. В одном из дошедших до нас документов, например, говорится, что «23 месяца щавал было разбито аварское войско»⁶⁰⁵. Т. Айтберов считает, что аварское войско, возглавляемое сыном Андуник-пуцала II и братом Туралава — Барти, подчинило жителей своей власти⁶⁰⁶. До нас дошли и сведения, что ряд земель подчинились нудалам Аварии. «Большой шамхал (аварский владетель. — В. Г.), — говорится в одном из документов, — отдал эту землю эргенам (аргваницам. — В. Г.). А причиной этого даяния [было условие, чтобы они] разбили то войско (аскар), которое придет на [место] его хараджей»⁶⁰⁷. Аналогичные сведения имеются и в других документах⁶⁰⁸.

В связи с разбираемым вопросом важное значение, как нам представляется, имеет наблюдение Х.-М. О. Хашаева: «...среди иноязычных народностей: богулал, чамалал, тиндал и др. компактно расположены селения Саситль, Сильда, Гако, Кидиб, Хварщины, Митради и Сихалах, жители которых говорят на авар-

⁶⁰⁵ Айтберов Т. Указ. соч., с. 14.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Шигабудинов М. Ш., Айтберов Т. Документы по истории средневекового Дагестана (начало XV — конец XVI в.). — ВИД, 1975, вып. 2, с. 234.

⁶⁰⁸ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 218, л. 5; см. также: Бартольдские чтения (тезисы). М., 1975, с. 35.

ском языке, причем территория, занимаемая ими, носит аварское название Ункратль, что значит «четыре земли»... Можно предположить, — заключает Х.-М. О. Хашаев, — что земли эти были захвачены аварскими ханами и там поселился один из членов ханского дома по имени Алыкльч, а так как эта территория была расположена на границе с Тушетией, то, может быть, аварские ханы решили обеспечить безопасность своих владений, поселив там аварцев и поставив во главе их одного из своих нуцалов»⁶⁰⁹.

В связи с анализируемым вопросом важно разобраться и во взаимоотношениях аварских нуцалов с Гидатлем. Устное народное творчество донесло до нас сказ о легендарном Хочбаре. Он происходил из того самого селения Хочода, которое упоминается в завещании Андуника как один из населенных пунктов на южных границах ханства. «Песня о Хочбаре», как утверждают исследователи, родилась на реальной основе. Действительные события в ней преломлены, и лицом к лицу поставлены народный герой и феодальный владетель-тиран⁶¹⁰. При этом получается весьма любопытная картина. С одной стороны, гидатлинское «вольное» общество как будто независимо от ханов Аварии, имеет собственную администрацию, руководствуется в своем управлении адатами или судебником гидатлинского союза, характеризующим организацию общественной жизни в Гидатле⁶¹¹. С другой стороны, гидатлинское общество во главе с легендарным Хочбаром вынуждено вести борьбу за свою независимость с аварскими ханами. И что особенно интересно, сам Хочбар да и его мать знают, что его ждет в Хунзахе. И тем не менее по вызову нуцала он едет в резиденцию хана. В «Песне» этот поступок объясняется только тем, что Хочбар опасался, что его отказ будет воспринят как трусость. Непонятно только, почему по совету матери он одевает лучшие доспехи, берет лучшего коня и едет в Хунзах один, без сподвижников и дружины.

Эти и другие моменты, содержащиеся в «Песне», убеждают нас в том, что поступок Хочбара нельзя объяснить односложно. Тем более что в нашем распоряжении имеются данные о том, что «до того, как Хочбар возглавил борьбу с нуцалом, все гидатлинские общины были обложены хунзахским правителем магалай, т. е. данью скотом, зерпом, фруктами и т. д. Дань свозилась из Гидатля к площадке недалеко от нынешнего моста. Во время одного очередного сбора магалай гидатлинцы выступили против нуцала. Тогда и отличился Хочбар. Он напал на ханских сборщиков и отобрал у них собранную магалау»⁶¹². Большой ин-

⁶⁰⁹ Хашаев Х. М. Указ. соч., с. 136.

⁶¹⁰ Песни народов Дагестана. М., 1970, с. 10.

⁶¹¹ История Дагестана, т. I, с. 263.

⁶¹² Магомедов Р. М. Дагестан. Исторические этюды, вып. II. Махачкала, 1975, с. 220.

терес представляют и сведения о том, что в ответ на выступление мачадинцев «пудал направил... свою дружину. Мачадинцы, все, кто мог носить оружие, выступили навстречу ханской дружине»⁶¹³. Если все это считать фактами установленными, мы должны будем также признать, что Гидатль был не так уж независим от аварских нудалов.

До нас дошли отрывочные сведения о борьбе жителей обществ Хииндалала, Карата, Анди и других против аварских ханов в XVI в. Их борьба, так же как борьба Гидатля во главе с Хочбаром, совершенно верно оценена в «Истории Дагестана» как классовая борьба крестьян-общинников против феодального владельца⁶¹⁴.

Согласно имеющимся документам, в XVIII в. от нудалов Аварии были зависимы и другие аварские «вольные» общества, а также ряд пограничных с Дагестаном селений Чечни. В частности, от ханов Аварии зависели селения Андийского, Ахвахского, Чамалинского, Технудальского, Хваршинского, Томс, Богильского и других союзов сельских общин.

С зависимых обществ подати собирались продуктами скотоводства и земледелия. При этом характер и размеры податей определялись основным занятием населения и экономическими возможностями данного общества. Селения, где возделывались зерновые культуры, вносили от 32 до 264 мерок пшеницы, проса, от 30 до 132 мерок ячменя, кукурузы, а с обществ, занимающихся скотоводством, взималось до 600 и более голов овец и коз, а также шерсть и изделия из шерсти и кожи: шали, пальто, пальцы и др. Селения, занимающиеся огородничеством, вносили от 25 до 10 корзин винограда, от 25 до 40 мерок виноградного сока, по мере чеснока, лука и других огородных и садовых культур. С отдельных обществ взималось по 90 мерок и более соли, несколько фунтов железа. Данники выполняли также разные полевые и домашние работы (вспашка, жатва, обмолот). Кроме податей и повинностей, налагаемых на целые общества, ханы Аварии взимали с каждого крестьянского дома феодальную ренту⁶¹⁵.

В начале XIX в. после смерти Ума-хана Аварское ханство «начало приходить в упадок». Когда же Султан-Ахмед-хан, преследуемый за измену генералом Ермоловым, умер⁶¹⁶, ханство было разделено на две части. В одной из них ханом был утвержден Абу-Султан-Нудал-хан, а в другой, меньшей части, — Сурхай-хан. Даже в это время, согласно документу, составленному побывавшей в Хунзахе русской экспедицией, в Аварии имелось 37 се-

⁶¹³ Там же, с. 221.

⁶¹⁴ История Дагестана, т. I, с. 246—247.

⁶¹⁵ Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20—50-е годы XIX в. Махачкала, 1959, с. 15—19.

⁶¹⁶ АКАК, т. VIII, с. 567.

лений с 5895 дворами свободных и 160 селений с 14 843 дворами «дающих подать Пудал-хану»⁶¹⁷. Кроме того, имелись еще четыре так называемых военных округа, насчитывавших 69 деревень, 12 267 дворов, «служащих воинами Пудал-хану за награды»⁶¹⁸. Это округа Кувал, Киль, Кид (Гид), Каралал.

До разделения ханства нуцалы получали «ясак или подати»⁶¹⁹. На зависимость ряда «вольных» обществ указывали еще дореволюционные авторы Н. Данилевский, А. Неверовский, виконт Кастельоп, Я. Костенецкий и др.⁶²⁰ «Авария, — писал Я. Костенецкий, — в 40 г. XIX в. владела многими, уже от нее независимыми обществами»⁶²¹. Следует особо подчеркнуть, что зависимость может выражаться и в форме военной службы. «Явиться на военную службу в полном вооружении... и нести эту службу за свой счет в течение более или менее продолжительного времени было не только личной обязанностью вассала, но только формой личного участия феодала в вооруженной охране классового господства феодалов над крепостными. Оно было вместе с тем своеобразной формой, посредством которой часть прибавочного продукта, непосредственно присвоенного вассалом с подвластных ему крепостных, направлялась на удовлетворение общих интересов класса феодалов — притом в форме выполнения повинности самого вассала перед ближайшим сеньором»⁶²². Автор этих строк А. В. Венедиктов очень удачно вскрыл внутреннюю природу военной службы вассала сеньору. Хотя несение военной службы в Аварии несколько отличалось от описанного, все же мы не ошибемся, если укажем, что те общества, которые были обязаны нести военную службу за награду, были в какой-то степени зависимыми от нуцала.

Суммируя сказанное, можно прийти к одному выводу. В пору подъема и роста Аварского пудальства зависимой от ханов Хунзаха оказывалась большая часть территории Аварии и так называемых аварских «вольных» обществ. И наоборот, в пору упадка нуцальства часть «земель» приобретала относительную независимость. К тому же зависимость этих земель от ханов Аварии была очень своеобразна и, можно сказать, скрыта от простого глаза. В свете всего сказанного можно понять формулировку нашего источника: «под послушанием усмей не стоят, но и ему подчинены»; со своего владения подати получает «усмей Авар... а другие владельцы из своих уездов».

⁶¹⁷ МИДЧ, с. 192—195.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Там же, с. 127—128, 132—133.

⁶²⁰ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1834; Письма виконта Кастельона к Гизо. — Историк-марксист, 1936, № 5.

⁶²¹ Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе. М., 1837, с. 58.

⁶²² Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, с. 142.

В 1727 г. «усмей Авар» явился в крепость Св. Креста с просьбой о принятии его в подданство России и, как утверждает П. Г. Бутков, «дал охотно присягу»⁶²³. Этот шаг, если верить нашему автору, хан Аварии предпринял, видя силу России и желая «сам себя от российской породы причестья»⁶²⁴. А по П. Г. Буткову, его намерение было «помощью Россиян принудить прочих князьков аварских ему повиноваться»⁶²⁵.

В крепости Св. Креста аварский хан рассказывал очень любопытную историю, суть которой вкратце сводилась к следующему. Некогда взбунтовавшиеся авары изгнали нудала из своего владения. Он бежал в Россию, через некоторое время вернулся с войском и «смирил и успокоил» подданных в своем владении. Тогда же он привез «письмо укрепительное», которое с тех пор и хранится в доме аварских ханов.

Однако при проверке оказалось, что грамота, о которой шла речь, была выдана ханам Аварии не русскими царями, а монголо-татарами. Издатель «Известий...» Г. Ф. Миллер в своих построчных примечаниях ставит под сомнение достоверность этого сообщения на том лишь основании, что монголо-татары в XIV в. еще не освоили арабского письма. Нам же думается, что сообщение И. Гербера заслуживает внимания хотя бы потому, что его подтверждают и другие источники. «Во время пребывания в Тарку,— писал И. Березин,— слышал, что из Аварского хана в Хунзахе находится ярлык Чингиз-хана, и действительно известно, что Аварский хан в 1727 г. являлся в русский лагерь с прошением покровительства и привозил с собой письмо, данное одному из его предков Батыем на ханство Аварское»⁶²⁶.

Известно, что в 1238—1249 гг. монголо-татары после захвата Дербента проникли в нагорный Дагестан, захватили и разрушили Рича, затем напали на Кумух и подвергли его разрушению⁶²⁷. Описывая события этих тревожных лет в Дагестане, Мухаммед-Рафи отмечал, что между правителями Кайтага и Кумуха «усилиями сатаны» был нарушен мир и возникла междоусобица. Кайтагский владетель заключил союз с владетелем Аварии. Последний «послал письмо и посланников... к Султану Каутар-шаху, в сторону „турок“»⁶²⁸. Вслед за этим последовали совместные выступления. Каутар-шах «повел своих турок с востока, а Саратан, «сын царя аварского», с князьями Хайдакскими, направил войска аварские с запада против Кумуха... Они (обита-

⁶²³ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 83.

⁶²⁴ ИГЭД, с. 114.

⁶²⁵ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 83.

⁶²⁶ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, с. 5.

⁶²⁷ Каяев А. Указ. соч.; Лавров Л. И. Из этнографических находок Дагестанской экспедиции.— Сборник музея антропологии и этнографии, 1958, т. XVIII, с. 331—334; Шихсаидов А. Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг.).— УЗИИЯЛ, 1958, т. IV, с. 7—8.

⁶²⁸ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи.— ССКГ, 1878, т. V, с. 25—26.

тели Кумуха.— В. Г.) сражалась с великим мужеством», но устоять не могли; Кумух, как и говорилось выше, был разорен. «Князья Хайдакские снова вступали в свои владения»⁶²⁹. Возвысился и укрепился и владетель Аварии. И что удивительного в том, что за помощь и содействие, оказанные владетелем Аварии, монголо-татары в свою очередь поддержали и «отблагодарили» его выдачей ему грамоты.

О хозяйственной деятельности жителей аварского владения в нашем источнике есть всего одна фраза: «Имеют пашни и скотоплодие». Из нее вытекает один лишь вывод, что основным занятием населения было земледелие и скотоводство. К этому следует добавить, что немалую роль в жизни жителей Аварии играли также домашние промыслы и торговля. Эта тема довольно полно освещена в специальной монографии Х.-М. О. Хашаева и в коллективных трудах⁶³⁰.

* * *

Мы уже знаем, что под названием «Таулистан» И. Гербер имеет в виду территорию, занимаемую андо-цезскими народами Дагестана. Всех их он называет «Таулипы, народ», выделяя только «зонти» (Sonty), и помещает в высоких горах «между Грузией: аварами, лезгинцами и дагестанцами». Здесь допущена явная ошибка: андо-цезские народы располагаются юго-западнее собственно аварцев. Вместе с тем наш автор говорит о том, что Таулистан разделен «на многие уезды» и что они имеют свои по крайней мере 10 языков, «которые между собою никакого сходства не имеют». Укажем, что И. Гербер в «Таулистане» не был и эти сведения получил из вторых рук, что видно из его же слов: «...только об том неизвестен, ибо никто всех уездов не проезжал и их не видал...»⁶³¹.

На данной территории существовали андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, чамалинский, кванодинский, ахвахский, тиндинский, хваршинский, дидойский, генухский, гунзебский и бежтинский языки. Эти 13 родственных языков вместе с аварским составляют единую аваро-андо-дидойскую группу, входящую в восточную ветвь иберийско-кавказских языков. О происхождении самого термина «Таулистан» мы уже знаем, остается разобрать этнонимы указанных народов. Наш анализ, очевидно, следует начать с этнонима, приводимого нашим автором в форме «зонти». Ни у кого не вызывает сомнений, что это — цунти, аварская калька с самопозвания народа цезы (цез — орел, цезы — жители орлиного края). Аварское «цунтIал» («цун» — орел), очевидно, заимствовано от андийской группы языков:

⁶²⁹ Извлечение из истории Дагестана составленное Мухамедом-Рафи, с. 25—26.

⁶³⁰ Хашаев Х. М. Занятия жителей Дагестана. Махачкала, 1958; История Дагестана, т. I, с. 308—316.

⁶³¹ ИГЭД, с. 111—112.

орел у андийцев — «цлун», у каратишцев — «цлун», у ахвахцев — «цлун» и т. д.⁶³² Гораздо труднее выяснить происхождение другого названия этого народа — дидойцы. Ясно одно, что слово «дидо» — грузинского происхождения. Одни считают, что это усеченная форма имени Дидор (Н. Я. Марр), другие усматривают в нем грузинское слово «didi» — большой (М. Г. Джаванишвили), третьи готовы связать дидо с названием одного из племен, входившего в конфедерацию Диаухи Передней Азии в древности⁶³³. Хорошо известно, что под названием «дидуры», «дидойцы», «дидозтия», «дидуваница» народы этого края упоминаются в античных, армянских, грузинских и арабоязычных источниках.

Термин «андийцы» происходит от главного селения Анди. Самоназвание «куаннал» — от названия главного селения Куапи, по-аварски — Анди. Название «каратишцы» происходит от главного селения, которое аварцы называют Калалаль («кИаль» — ущелье), т. е. жители ущелья. Ахвахи (так именуют их аварцы) сами себя называют садакилиду. Тиндал, Тинди — самоназвание Идери. Багулал — самоназвание Боготль. Известно также под аварским названием Хуштада. Чамалал — название аварское, сами себя они называют чама-ига. Хуани, или хваршинцы, — самоназвание хуани. Соседи их называют по имени главного селения Хварщи. Капучинцы, или бежтинцы, тоже именуется по названию главного селения. Аварцы называют их хуанал. Бухади, или ботлихцы, именуется по названию главного селения Ботлих, или Бохлих. Самоназвание бухади у аварцев — «баталькал»⁶³⁴.

В нескольких строках нашего источника излагаются сведения о хозяйстве жителей края: из них «некоторые имеют пашни, а другие скотоводством питаются, а иные многих баранов содержат, какдые по ситуации своих уездов». Чуть ниже, вновь возвращаясь к этому вопросу, И. Гербер пишет: поскольку территория каждого общества по рельефу отличается «обитатели неравной промысел имеют, некоторые питаются скотоводством, некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады, а иные мало хлеба имеют, а иные не ведают, что хлеб есть, и питаются одною скотиною»⁶³⁵.

Эти краткие, но очень важные сведения пуждаются в детализации и уточнении частных. Из сказанного вытекает только один вывод, что основным занятием андо-дидойцев было земле-

⁶³² Комаров А. В. Народонаселение..., с. 12—13; Магомедов Д. М. Исторические сведения о дидойцах. — ВИД, 1975, вып. II, с. 97.

⁶³³ Мегрелидзе И. В. Дидойцы и название Дидо. — Труды Тбилисского ун-та, 1947, № 4, с. 281; Известия древних греческих писателей о Кавказе. Тифлис, 1884, с. 107—167; Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. — СМОМПК, 1897, вып. 22, с. 13—16; Милюцкий В. Ф. Указ. соч., с. 160, 192.

⁶³⁴ Комаров А. В. Народонаселение..., с. 10—13.

⁶³⁵ ИГЭД, с. 112—113.

делие и скотоводство⁶³⁶. Но это само по себе правильное положение может быть неверно истолковано в отношении отдельных «уездов». Может создаться такое впечатление, будто одни народности «Таулистана» занимались только полеводством, а другие только скотоводством. Иначе и не поймешь утверждение автора, что «иные не ведают, что есть хлеб», что «дидойцы питаются скотиною».

На самом деле, как показывает весь фактический материал, дидойцы, как и другие народности описываемого края, наряду со скотоводством издревле занимались также земледелием⁶³⁷. Другой вопрос — насколько собственно хлебопашество обеспечивало хлебом население данного общества. Надо иметь в виду, что население андо-дидойских обществ занималось также обработкой местного сырья и торговлей. Не раз Масуди, говоря о дидойцах, замечает: «...у них странные обычаи... при заключении торговых сделок»⁶³⁸. Хотя Масуди и не конкретизирует, в чем заключалась эта странность и с кем они заключали торговые сделки, все же это сообщение представляет известный интерес. В самом деле, если бы дидойцы были в те времена оторваны от внешнего мира, арабские авторы не упоминали бы об их «торговых сделках».

О наличии в VIII—X вв. торговых связей населения описываемых обществ с другими народами свидетельствует археологический материал, обнаруженный в Бежтинском могильнике. Значительное количество разнообразных стеклянных бус с великоколенной позолотой, мозаичных, а также сердоликовых оказалось южного (сирийского и иранского) происхождения⁶³⁹. Инвентарь погребений Бежтинского могильника сходен с предметами, обнаруженными в Восточной Европе. «Судя по общему облику и технологии изготовления, — пишет Д. М. Атаев, — большинство бежтинских племени напоминают кочевнические племена VIII в. и раннерусские шлемы, датируемые началом IX в.»⁶⁴⁰ О торгово-экономических связях юго-западного Дагестана с Грузией говорит Вахушти: «Они спускаются в Кахетию по торговым делам, ибо из Кахетии они вывозили припасы, одежду и все потребное для себя»⁶⁴¹.

Из предыдущего изложения читатель уже знает, что если не все, то по крайней мере большинство «уездов Таулистана» в IX—X вв. находились под властью царей Серира, а самая

⁶³⁶ Подробно об этом см.: *Магомедов Д. М.* Занятие населения Дидо в XVIII—XIX вв. — ВИД, 1975, вып. III, с. 215—242.

⁶³⁷ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 5, оп. 1, л. 1613, л. 25—34.

⁶³⁸ *Нараулов Н. А.* Указ. соч. — СМОМПК, 1901, вып. 29, с. 15.

⁶³⁹ *Атаев Д. М.* Средневековая Авария (По археологическим данным). Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1961, с. 349; *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 192.

⁶⁴⁰ *Атаев Д. М.* Указ. соч., с. 247.

⁶⁴¹ *Вахушти.* География Грузии. Тифлис, 1904, с. 131.

юго-западная часть «Таулистана», если верить грузинским источникам, была зависима от Грузии. Правитель Кахетии Квирк III (1010—1028), используя благоприятный момент, объявил себя «царем и назначил своих правителей в Тианетию, Тушентию, Дидоэтию»⁶⁴². В XIII в. дидойцы вместе с другими восстали, но силой оружия были усмирены, «дали заложников и обещали платить дань и быть верными»⁶⁴³. В пору упадка Серира и возвышения шамхальства айдо-цезы оказались зависимы от шамхалов. Согласно перечню податей Мухаммеда-Рафи, Анди, Тиндал, Арчи, Чамалал, Хибилал, Цунзал и другие общества были обязаны платить их шамхалам овцами, крупным рогатым скотом, шерстью, пшеницей⁶⁴⁴. В Анди, Хачода, Тидибе имелись ставленники шамхала. Здесь были земли, принадлежавшие шамхалам⁶⁴⁵, которые и поныне называются «шамхальские горы»⁶⁴⁶. Шамхалы получали доход с жителей селений Кособ, Тунсода, Ахвах и др. По данным «Завещания Андуника», как совершенно справедливо отмечал Х.-М. О. Хашаев, аварские ханы были главными среди аварских владельцев, которые, видимо, были их вассалами. На это обстоятельство указывал, как отмечалось выше, и сам И. Гербер: «...все аварцы под властью нуцала». О покорении дидойцев лезгинами (точнее, аварцами) сообщает и Б. Вахушти. Имеются сведения о зависимости Дидо от Кахетии⁶⁴⁷.

«Дидойцы,— писал А. Берже,— как сопредельные с Кахетиею, некогда платили дань ее царям»⁶⁴⁸. Это утверждение основано на данных грузинских летописей, а они, между прочим, упоминают даже грузина по имени Дидо, который якобы был царем дидойцев⁶⁴⁹. Имеются также сведения, что дидойцы некогда находились под властью Антль-Ратля. «Дидойские племена,— писал Емишников,— были им (т. е. Антль-Ратлю.— В. Г.) подвластны вроде крестьян и платили ежегодную дань»⁶⁵⁰.

Аналогичные сведения содержит и составленный в 1832 г. И. Норденстаммом документ «Описание Антль-Ратля». В нем говорится, что «тому назад около 80 или 100 лет свирепствовала в Дагестане какая-то повальная и заразительная болезнь», от которой вымерло очень много людей. Смертность была очень велика, особенно в Анцухе и Хуанале, где народонаселение уменьшилось до того, что некому было работать и скот пропадал без

⁶⁴² СМОМПК, 1897, вып. 22, с. 317.

⁶⁴³ Давид. Краткая история Грузии. Тифлис, 1893, с. 28—29; Магомедов Д. М. Указ. соч., с. 105.

⁶⁴⁴ Тарихи Дербент-наме, с. 176.

⁶⁴⁵ ЦГА Даг. АССР, ф. 90, оп. 2, д. 5, л. 3—4.

⁶⁴⁶ Хашаев Х. М. Общественный строй..., с. 136.

⁶⁴⁷ Вахушти. Указ. соч., с. 131.

⁶⁴⁸ Берже А. Материалы для описания нагорного Дагестана.— Кавказский календарь на 1859 г.

⁶⁴⁹ СМОМПК, 1897, вып. 23, с. 93.

⁶⁵⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, д. 13212, л. 197.

присмотра. Дидойцы, видя бедственное положение анцухцев и каучинцев и чувствуя себя не слабее своих владельцев, воспользовались этим случаем и отказались от выплаты дани, объявив, что боятся заразы, а со временем и вовсе отказались от исполнения прежних своих обязанностей. Анцухцы сначала хотели силой оружия привести дидойцев в прежнее повиновение, но не смогли. С тех пор дидойцы стали независимыми от Анцуха. Все это показывает неверность утверждения И. Гербера, будто «таулинцы никому послушны не были и никогда ни под какой властью не стояли» или что дидойцы — «люди вольные и никогда ни под каким владением не стояли»⁶⁵¹.

Вместе с тем, если считать установленной зависимость «Таулистана» от Серира и шамхальства, нужно также признать, что эти государства оказывали известное влияние на развитие социальных отношений и политического устройства «уездов Таулистана». Совершенно очевидно также и то, что, находясь в течение многих десятилетий в составе этих государств, «уезды Таулистана» не могли остаться на уровне родо-племенных отношений. Однако автор пытается изобразить «Таулистан» краем, где обыватели равны между собой во всем, но для управления выбирают старшин, которых, однако, если они им «не полюбятся, то сами опять отстраняют» или даже «убивают до смерти»⁶⁵². Надо полагать, здесь, как и в других выше описанных «уездах», имелось несколько старшин. На этот счет имеются и прямые указания в источниках. В частности, Вахушти, имея в виду дидойцев, сообщает, что у них управляют несколько старцев. Гораздо труднее разобраться в указании И. Гербера на выборность старшин. К сожалению, ни в одном из его текстов не сообщается, как, кто и на какой срок избирали старшин. Чрезвычайно важно также выяснить, из каких слоев населения они выбирались, какими правовыми нормами руководствовались в своей повседневной деятельности и чьи интересы при этом выражали. Само собой понятно, что без уяснения этих вопросов нельзя разобраться в социально-политическом устройстве андо-цезских обществ. Вышеприведенные утверждения анализируемого источника передко вводили в заблуждение некоторых исследователей. Основываясь на этих суждениях, они объявляли «Таулистан» страной господства родо-племенных отношений. Если продолжить исследование упомянутого текста Вахушти, то мы узнаем, что дидо «имеют старцев, которые совещаются, разбирают и управляют и умиротворяют волнения»⁶⁵³. Это уже кое-что значит. Эти сведения являются прекрасным дополнением к анализируемому источнику. Несомненно, что старцы Вахушти — те же старшины, а утверждение, что «они совещаются», надо, очевидно, понимать в том

⁶⁵¹ ИГЭД, с. 112—113.

⁶⁵² Там же, с. 112; Известия..., с. 135.

⁶⁵³ Вахушти. Указ. соч., с. 131.

смысле, что при решении наиболее важных вопросов здесь так же, как и в других местах Дагестана, созывались джамааты; констатация же Вахушти того, что они разбирают, и управляют и особенно умиротворяют, говорит сама за себя и в особых комментариях не нуждается.

Уверенно можно сказать, что старшины в своей повседневной деятельности руководствовались нормами обычного права — адатами. Мы знаем, что все горцы Дагестана, говоря словами А. Руновского, «судились между собой и решали все свои дела по адату... довольно сказать, что «жить по адату», «судить по адату — значит жить, судиться по тем ненаписанным правилам, которыми руководствовались с незапамятных времен»⁶⁵⁴. Мы располагаем значительным числом адатов Дагестана, в том числе и изучаемых нами андо-дидойских обществ. Часть этих адатов опубликована⁶⁵⁵, другая часть имеется в рукописях⁶⁵⁶. Правда, эти адаты в основном записаны во второй половине XIX в. Быть может, в этих записях запечатлены и те изменения, которые происходили в социально-экономической жизни Дагестана. Адаты являются цепнейшим, а порой и единственным источником и при умелом подходе к ним могут быть использованы для изучения и освещения более ранних историко-правовых сюжетов.

Но, говоря об этом, надо иметь в виду, что свод адатов андо-дидойских обществ, составленный в 60-х годах XIX в. на основе нескольких арабских рукописей, Ф. И. Леонтович относил к древнейшим сборникам не только из-за их первоначально арабского текста, но и содержания и системы изложения⁶⁵⁷. Сравнение этих адатов с более поздними аварскими, датированными XVI—XVII вв., показывает, что они мало чем отличаются от них. Различия в основном сводятся к размерам наказания, а не принципу. Все это дает право утверждать, что адаты андо-дидойцев, так же как и обычное право других народов Дагестана, являлись «отражением господствующих патриархально-феодальных отношений, всемерно содействовали охране и укреплению феодального способа производства, закреплению различных форм и видов эксплуатации широких народных масс, подавлению сопротивления трудящихся феодальному гнету»⁶⁵⁸.

Адаты определяли нормы общественной жизни, регламентировали поведение, регулировали взаимоотношения, охраняли собственность и т. д. и т. п. Изучение свода адатов Бежтинского округа не оставляет сомнений в том, что и андо-дидойское общество не было однородным: здесь имелись бедные и богатые.

⁶⁵⁴ Руновский А. Кодекс Шамиля.— Военный сборник, 1862, т. XXII, № 2, с. 328.

⁶⁵⁵ Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним; Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, вып. 1-2. Одесса, 1882—1883.

⁶⁵⁶ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 116—168.

⁶⁵⁷ ИПНД, с. 70.

⁶⁵⁸ Там же, с. 5.

«Взыскавшие с виновного деньги, — читаем в адатах дидойцев, — делят на три равные части и отдают часть нуцал-бетеру, другую — на постройку мечети, мостов или дорог, по согласованию общества и третью — почетным жителям»⁶⁵⁹. Кто же они, эти почетные жители? Может быть, это потомки «дидойской знати», известные средневековым арабским источникам⁶⁶⁰.

Как бы то ни было, ясно одно: они — не рядовые горцы. Что же касается нуцал-бетера, то он стоял на общественной лестнице выше остальных сограждан, в том числе «почетных жителей». По всей вероятности, термин «нуцал-бетер» происходит от аварского «нусго» — сто, «бетер» — голова, т. е. «голова сотни» или «сотник, старшина»⁶⁶¹. Быть может, это даже титул главного старшины уезда. Бесспорно, что нуцал-бетер, точнее, нусел-бетр стоял над всеми жителями Дидо.

Здесь уместно напомнить, что такого рода лица, как будто возвышавшиеся личными качествами, считавшиеся предводителями, но фактически державшие в своих руках правление «уезда», имелись и в других андо-цезских союзах сельских обществ. Таковы, например, упоминаемые в документах середины XVIII в. в Тинди — Динга Хаджи, в Чамалли — Маху и Димима, в Бежта — Ахалав⁶⁶². Имеется сведение, что в Тидиббе беки назывались «адамилал» по имени потомка аварских беков Нуцал-Алдама. Х.-М. О. Хашаев полагал, что эти беки появились после того, как в конце XVI в. аварские ханы присоединили Карату к своим владениям⁶⁶³.

Небезынтересно отметить, что в этих обществах, согласно бежтинским адатам, был известен институт аталычества, называемый здесь «уджира»⁶⁶⁴. Напомним, что аталычество в том виде, в каком мы наблюдаем его на Кавказе, как отмечает М. О. Косвен, представляло собой преимущественно феодальный институт, какого в первобытном бесклассовом обществе быть, конечно, не могло. Но это не значит, что в данном комплексе не сохранились черты, отчетливо относимые не к феодальному, а к первобытнообщинному строю⁶⁶⁵. Кроме того, по свидетельству нашего источника, в каждом обществе имелась кади «из духовных, которые их ссоры судят», или кази, которые «вместе со старшинами все ссоры прекращают»⁶⁶⁶.

Если, как отмечалось выше, старшины управляли, опираясь на адаты, то кади, или кази, о которых говорит И. Гербер, руко-

⁶⁵⁹ ИПНД, с. 59.

⁶⁶⁰ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 160.

⁶⁶¹ ССКГ, 1868, вып. 1, с. 8.

⁶⁶² Письма Ираклия II к Динга-Хаджи и другим. — Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 2506.

⁶⁶³ Хашаев Х. М. Общественный строй..., с. 137.

⁶⁶⁴ ИПНД, с. 71.

⁶⁶⁵ Косвен М. О. Аталычество. — СЭ, 1935, № 2, с. 56.

⁶⁶⁶ ИГЭД, с. 112; Beschreibung..., S. 76; Известия..., с. 133.

водствовались шариатом. Иначе говоря, и в «Таулистане», как и в других местах Дагестана, старшины разбирали, как правило, уголовные дела по адату, а кади — гражданские дела и особенно дела, касавшиеся раздела наследства (духовных дел), — по шариату. К стати сказать, о шариате упоминает и свод бежтинских адатов⁶⁸⁷.

Согласно этим же адатам, в обществах, в частности в Дидо, имелись так называемые сельские исполнители, именуемые «матар»⁶⁸⁸. В других же обществах они назывались, как и в Аварии, «эльями». Само собой понятно, что эти сельские исполнители существовали для того, чтобы претворять в жизнь решения старшин, кади и джамаата.

Джамааты, как известно, созывались для решений наиболее важных вопросов в определенные дни и в определенном месте, причем это были сходы одного или даже всех селений, входивших в данный союз сельских общин. На них выбирались старшины и другие должностные лица сельской администрации. Надо полагать, что на этих джамаатах ведущую роль играли старшины, кади, «знатные» и «почетные жители». Если это признать, то с уверенностью можно сказать, что «почетным жителям», сельской администрации и местному мусульманскому духовенству удавалось в большинстве случаев повести за собой джамаат, навязать ему угодное себе решение. Надо полагать также, что «знатные» и «почетные люди» могли навязать и свои кандидатуры при выборе старшины и других лиц сельской администрации.

Все это очень схоже с тем, что мы наблюдали в соседних с «Таулистаном» «уездах». Так, старшины, да и другие лица сельской администрации, как правило, избирались из числа богатеев и «почетных людей». Выбранные таким путем старшины, естественно, проводили в жизнь волю сельской «знати». В случае же, когда сельская администрация встречала сопротивление со стороны общинников, она прибегала к силе и подавляла сопротивление. Только так и можно понять слова Вахушти, что старцы управляют и «умиротворяют» волнения.

Можно ли после всего этого утверждать, что в андо-цезских обществах было социальное равенство и сохранялось народовластие? Думается, что нет. Очевидно, намного ближе будет к истине, если мы скажем, что эти так называемые старшины и другие представители сельской администрации и вообще «почетные люди», хотя еще не превратились в наследственных старшин, судей и военачальников, т. е. из «„слуг общества“... в господ над ним»⁶⁸⁹, фактически уже выдвинулись на положение правящего сословия.

Наш автор безапелляционно объявил дидойцев идолопоклонниками, а о всех других сказал, что они «больше идолопоклон-

⁶⁸⁷ ИПНД, с. 71.

⁶⁸⁸ Там же, с. 58.

⁶⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 77.

пики, пезеле магометане». В «Известиях» все андо-дидойцы объявлены «язычниками»⁶⁷⁰. Вышеприведенные материалы, в том числе и данные анализируемого источника, свидетельствуют, что в андо-цезских обществах имелись кади, которые разбирали тяжбы по шариаду. Говорилось и о том, что в Дидо часть взыскиваемых с населения штрафов шла на строительство или ремонт мечетей. Можно ли, даже при наличии только этих факторов, сколько-нибудь серьезно говорить об идолопоклонстве или язычестве андо-дидойцев? Конечно нет. Все эти данные не оставляют сомнений в том, что в начале XVIII в. и эти общества исповедовали ислам, который, кстати сказать, здесь утвердился намного позже, чем в других вышеописанных владениях. И в силу этого здесь еще давали знать о себе пережитки доисламских обычаев и верований.

Самым решительным образом должна быть отвергнута версия, сводящая взаимоотношения Дагестана с Грузией к постоянным столкновениям. А такое мнение можно вынести при чтении нашего источника. В многовековой истории взаимоотношений народов Дагестана и Грузии имеется множество фактов их совместного выступления в защиту своей свободы против римских легионеров, персидских захватчиков, монголо-татар, шахского Ирана и османской Турции⁶⁷¹. «Общество лезгин, под именем дидойцев», говорится в одном из документов, «находилось в добром согласии» с Грузией⁶⁷². Известно также, что грузинские и дагестанские крестьяне вместе выступали и против «своих» владельцев. Особенно много фактов взаимовыгодных торгово-экономических связей, взаимовлияния и взаимообогащения культур.

Подводя итоги сказанному, следует особо подчеркнуть, что И. Гербер допускает грубую ошибку, пытаясь представить андо-дидойцев начала XVIII в. чуть ли не варварами.

ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН

Описанию южного Дагестана, который паш автор именует «Dagestan superior» («Дагестан нижний»), посвящено несколько параграфов, по существу охватывающих территорию не только Самурской долины и Кюры, но и шахдагскую зону Азербайджана. Мы же рассмотрим здесь статьи источника, имеющие отношения к современной территории южного Дагестана, населенной лезгинской группой народностей. Следует, однако, отметить, что И. Гербером в раздел сочинения «Лезгинистан, лезги, лезгины также и кумыки» включены Акуша, Кази-Кумух, Кюра, Куба,

⁶⁷⁰ Известия..., с. 132.

⁶⁷¹ СМОМПК, 1898, вып. 25, с. 29.

⁶⁷² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, оп. 1, д. 430, л. 1—2.

Гульхан, Джары, т. е. даргицы, лакцы, аварцы, и часть собственно лезгин.

В то же время наш автор утверждает, что население «нижнего Дагестана», в отличие от других, также называемых им «лезги», «лезгин», говорит на лезгинском языке⁶⁷³. В чем тут дело? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего, очевидно, необходимо разобраться в происхождении самих терминов «лезги», «лезгин», «Лезгинистан». По поводу их происхождения в исторической литературе бытует множество точек зрения. Однако мнения большинства ученых сходятся на том, что известная средневековым арабоязычным авторам «страна лакзов» была расположена в южном Дагестане, вблизи Дербента, на границе Ширвана⁶⁷⁴.

Но если считать хорошо установленным, где проходила южная границы «страны лакзов», то следует признать, что до сих пор не установлено, куда доходили северные границы «страны». Насколько нам известно, в такой плоскости вопрос и не ставился. Между тем, не исследовав его, нельзя сколько-нибудь правильно решить вопросы, связанные с историей «страны лакзов». Получившие широкое хождение суждения о том, что за «лакзом» имелись другие «царства», не решают данного вопроса, поскольку границы этих «царств» также точно еще не определены. К тому же необходимо учитывать, что границы раннесредневековых «царств» очень часто менялись. Кроме того, в средневековье наблюдаются сплошь и рядом случаи, когда какая-нибудь «страна», оказавшись включенной в состав другого владения, продолжает фигурировать под старым названием. Однако в исторической литературе имеются сведения, «памного раздвигающие северные границы страны лакзов». Масуди, например, в «страну лакзов» включал и территорию дидойцев.

«Среди лакзов,— сообщает он,— имеются северные, не подчиняющиеся царю Ширвана. Они называются язычниками Дуданийя (надо: Дудувайя, Дидо) и не подчиняются никакому царю»⁶⁷⁵. Грузинские источники «леками» называли первоначально жителей центрального, а затем и всего Дагестана. Согласно «Картлис Цховреба» («Житие Картли»), у армян и картвелов, ранов и лювакашев, херов и леков, мепгрельцев и кавказцев один отец по имени Таргомос. При разделе земли Лекапу досталась «территория от моря Дарувандского до реки Ломенской на север до большой хазарской реки Лекапу»⁶⁷⁶.

Ученые давно обратили внимание на схожесть терминов «лек», «леки», «лезгин». Н. Я. Марр считал эти термины идентичными. «Лезгин», — подчеркивал он, — родовое название, обнимает оно

⁶⁷³ ИГЭД, с. 77—83, 105—106; Beschreibung..., S. 26—31.

⁶⁷⁴ *Баладзори*. Указ. соч., с. 18; *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 50, 60—61, 191; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв., с. 32.

⁶⁷⁵ *Минорский В. Ф.* Указ. соч., Приложение III, с. 191—192.

⁶⁷⁶ Джавахишвили считал Ломяне Тереком, а Лекапу — хазарской рекой Волгой (см.: СМОМПК, 1897, вып. 12, с. 9).

все народы и племена лезгинского ответвления северокавказских яфетидов в Дагестане и Закатальском округе»⁶⁷⁷. Примечательно, что и известный дагестановед Г. Э. Алкадари именует все народы страны гор — лезгинами. «В настоящее время (т. е. во время написания книги «Асари Дагестан» в 1891—1892 гг.— В. Г.) в Дагестане, кроме группы, говорящей на азербайджанском и джагатайском тюркских языках,— подчеркивает он,— остальные все мусульмане называются лезгинами»⁶⁷⁸. А чуть ниже говорит, что это «дагестанские лезгины, говорящие на разных языках»⁶⁷⁹. Что же касается термина «Лезгинистан», то, как доказал Р. М. Магомедов, он возник в первой половине XIII в.⁶⁸⁰ Его как будто впервые употребил персидский историк Рашид ад-Дин⁶⁸¹. Р. М. Магомедов прав, утверждая, что термин «Лезгинистан» тождествен Дагестану и что «значение названия Лезгинистан выходило далеко за рамки собственно лезгинской истории»⁶⁸². Авторы XVIII—XIX вв.— Н. А. Гюльденштедт, Эйхвальд, А. Берже⁶⁸³ и многие другие — нередко вместо «Дагестан», употребляют термин «Лезгинистан». Теперь становится понятным, почему наш автор в термины «лезги», «лезгины», «Лезгинистан» включал территорию центрального и южного Дагестана.

Жители южного Дагестана были больше известны как кюринцы. «Всю восточную часть Дагестана,— писал А. В. Комаров,— занимает особое многочисленное племя, известное под названием кюра. Кюры... делятся на две части: 1) жители бывшего кюринского ханства Гетегар, от названия селения Чехе-Гетал, считавшегося прежде главным в Кюре; а вторые — Ахсагар, от селения Ахса (Ахты), считавшегося главным в долине Самура. ...На плоскости же их вообще называют лезгинами»⁶⁸⁴. Даже сам природный лезгин Г. Э. Алкадари не называет жителей южного Дагестана лезгинами⁶⁸⁵. Впрочем, подчеркивает П. К. Услар, существует общее название для кюринцев, откуда бы они ни были родом. «Это название есть столь знакомое нам: лезги — единств., лезгияр — множ. Заметим притом, что название кюринцы присваивают себе в исключительную собственность; лезги — ч!ал есть кюринский язык. Происхождение этого названия (лезгин. — В. Г.) не имеет корней в языке, и сами кюринцы пола-

⁶⁷⁷ *Март Н. Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. СПб., 1912, с. 35.

⁶⁷⁸ *Алкадари Г.* Указ. соч., с. 22.

⁶⁷⁹ Там же, с. 23.

⁶⁸⁰ *Магомедов Р. М.* Происхождение названия Лезгинистан.— В кн.: Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971, с. 32.

⁶⁸¹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, т. 3. М.— Л., 1946, с. 68, 189.

⁶⁸² *Магомедов Р. М.* Происхождение названия Лезгинистан, с. 33—36.

⁶⁸³ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг. СПб., 1819, гл. VIII. О Лезгинистане или Лезгии и о лезгинцах.

⁶⁸⁴ *Комаров А. В.* Народонаселение..., с. 20.

⁶⁸⁵ *Алкадари Г.* Указ. соч., с. 19.

гают, что принято оно ими только потому, что так называли их соседи турки. С другой стороны, ни один из горских народов не называет кюринцев лезгинами»⁶⁸⁸. Аварцы называют их ахты-курал, даргинцы — кававхье, ахатлу, лакцы — ахты-курал, табасаранцы — кюралли. «Даже накануне революции, — пишет Р. М. Магомедов, — лезгин не всегда называл себя лезгином, а говорил, что он курушец; другие себя называли кюринцами. Ахтынцы называли себя ахцахарами»⁶⁸⁷.

Но вернемся к анализируемому источнику. Издавна было принято считать, что в южный Дагестан с собственно лезгинским населением входили две части: 1) территория Самурской долины или еще Самур-вилайет и 2) Кюра. Самур-вилайет, согласно всем текстам нашего источника, состоял из пяти уездов: Алтыпара («Territorium Altyparah»), Рутул («Territorium Rutul»), Ахти («Territorium Achty»), Мишкенджа («Mischgenscha»), Докузпара («Territorium Tokusparah») ⁶⁸⁸. Нетрудно догадаться, что здесь речь идет о союзах сельских общин Самурской долины, которые в прошлом называли магалами или еще «вольными обществами». Следует, однако, сказать, что наш автор допускает ошибку. На самом деле этих союзов сельских обществ было четыре. Сел. Мискенджа входило в союз, или «магал», Докузпара. Считается, что названия «Алтыпара», «Докузпара» произошли от тюркских слов «алты» — шесть, «докуз» — восемь и «пара» — кусочек. Очевидно, первоначально эти союзы сельских общин действительно объединяли соответственно шесть и восемь селений. Полагают, что «уезд» Ахты (точнее, «Ахцагъар») первоначально назывался Ак Сеер или Ак Шеер (Белое утро или Белый город). По другим сведениям, селение это будто бы до Ахты называлось Курто.

Согласно преданию, по всей вероятности зафиксированному еще в ненайденном источнике «Ахты-Паме», основателем сел. Ахты был легендарный Шах-баны, племянник сасанидского шаха Кубада и двоюродный брат Ану-ширвана. Как будто получив сведения от Шах-баны о горячем источнике, Ану-ширван «отправил туда 60 человек из персов и 300 воинов, которые близ источников основали селение. «По смерти Шах-баны владение селением Ахты поручено было сыну его Шах-Сину, который управлял им 12 лет». А свое название Ахты получило позже, якобы при легендарном Абу-Муслиме, из-за того, что здесь проживала его сестра. По-арабски сестра, сестринский — «ухтун». От этого слова со временем будто бы и произошло название Ахты ⁶⁸⁹. По мы-то знаем, что селение называется не Ахты, а Ахцагъар.

⁶⁸⁸ Услар П. К. Кюринский язык. Тифлис, 1896, с. 7.

⁶⁸⁷ Магомедов Р. М. Происхождение названия Лезгинистан, с. 40.

⁶⁸⁸ ИГЭД, с. 77—80; Beschreibung..., S. 26—29.

⁶⁸⁹ МИДЧ, с. 382; ИГЭД, с. 364—365; Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 35; *Khanikoff N. Memoire sur les inscriptions musulmanes du caucase.— Journal asiatique, ser. 5, 1862, t. XX, N 8.*

Уже одно это говорит о том, что этимология топонима Ахты (Ахцагъар) нуждается в дальнейшем изучении. Достоверно известно, что под этим названием Ахты известны уже с 1494—1495 гг.⁶⁹⁰

Рутул (Мегъед) — самое крупное селение, давшее название не только союзу сельских общин, но и целой народности. Археологи обнаружили вблизи Рутула селище, существовавшее до VIII в. «Давность возникновения Рутула,— пишет Л. И. Лавров,— породила предания, в которых реальные исторические факты уступили место вымыслу. Рассказывают, будто существовало 7 мелких поселков, которые в целях самообороны поселились вместе и образовали Рутул. Местное название сел. Рутул «Мегъед» народная традиция связывает с рутульским словом, означающим «сарай для соломы», и помнят, будто подобный сарай стоял на месте Рутула до переселения сюда мелких поселков»⁶⁹¹. Исследователи считают, что сел. Рутул основано не позже середины I тысячелетия н. э.⁶⁹² Древними являются и другие рутульские селения. В селениях Ихрек, Михрек, Амсор, Лучек, например, обнаружены эпиграфические памятники XI—XIII вв.⁶⁹³

Сообщив приблизительные ориентиры местонахождения каждого из указанных «уездов», И. Гербер заключает, что каждый из них «состоит в нескольких деревнях»⁶⁹⁴. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими точно определить, каково было количество и какие именно селения входили в эти уезды в начале XVIII в. Согласно данным Ф. Ф. Симонича, относящимся к 1796 г., Самур-вилайет «разделяется на три округа, заключающие в себе до 30 деревень. Как-то: 1-е, Ахтыпара. В нем Ахты главное владение..., в нем 600 дворов; 2-е, Докузпара. В нем уездное место Мискинджи, имеет дворов до 250; 3-е, Алтипара. В оном уездное место Келегуре...— дворов до 150». В Рутульском — до 12 деревень⁶⁹⁵. По данным К. Крабе (первая треть XIX в.), Ахтыпара состояло из 25 селений, Докузпара — из восьми селений⁶⁹⁶. По другим данным, относящимся тоже к первой трети XIX в., Ахтыпара объединяло 17 селений, Докузпара — 9, Алтапара — 6, Рутул — 18 селений⁶⁹⁷. По данным А. Берже, относящимся к середине XIX в., Ахтыпаринский магал состоял из 19 деревень, Алтыпаринский магал — из 18, Докузпаринский — из 10, Рутульский — из 18⁶⁹⁸. Всего рутуль-

⁶⁹⁰ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 180.

⁶⁹¹ Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем.— КЭС, III. М.—Л., 1962.

⁶⁹² Народы Кавказа, т. I, с. 537.

⁶⁹³ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 57, 58, 67, 80, 91 и др.

⁶⁹⁴ ИГЭД, с. 70; Известия..., с. 100.

⁶⁹⁵ ИГЭД, с. 150—151.

⁶⁹⁶ Там же, с. 335.

⁶⁹⁷ Хашаев Х. М. Общественный строй..., с. 187.

⁶⁹⁸ Берже А. Прикаспийский край.— Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856, с. 361—367.

ских селений — 32. Из них 18 расположены в долине р. Самур, 2 — в долине Ахтычая, 2 — в Северном Азербайджане. Общего самоназвания рутульцы не имели. Обычно они называли себя по названию тех селений, откуда происходили.

Все эти «уезды», особенно рутульские, были расположены в труднодоступных местах. Но это вовсе не значит, что эти союзы сельских общин были оторваны от остального мира. А такое впечатление может создаться у читателей труда Гербера. Чтобы подобного не случилось, стоит напомнить, что одна из торговых магистралей, издревле соединявших Дагестан с Закавказьем, проходила через эти «уезды» (Шуха — Ахты — Кумух — Хунзах и т. д.); другая — из Кубы в Ахты и далее; третья — из Ахты в Илису и Шеки через Рутул⁶⁹⁹.

И. Гербер ошибается, утверждая, что до XIV в. жители Самурской долины оставались идолопоклонниками⁷⁰⁰. Известно, что еще в IV—V вв. в южный Дагестан из Армении и Албании проникало христианство⁷⁰¹. Однако, по словам А. Гасанова, слишком кратковременным был промежуток между «упадком могущества Сасанидов и арабскими походами, чтобы [христианство] проникало в глубь Дагестана дальше наружных предгорий. Следовательно, и христианство не могло получить широкого массового распространения»⁷⁰². Распространение ислама началось в VIII в. в связи с арабскими завоеваниями в южном Дагестане. Борьба здесь приняла ожесточенный характер. Горцы Дагестана самоотверженно боролись за свою свободу и независимость. Поэтому-то один поход арабов на Дагестан сменялся другим. И тем не менее исламизировать Дагестан им не удалось. Эту задачу после завершения арабских походов выполняли газии⁷⁰³. Что же касается южного Дагестана, в X в. ислам приняла часть лезгин и табасаранцев⁷⁰⁴. «В X в., — писал В. В. Бартольд, — граница мусульманского мира проходила в 3 арабских милях, т. е. в 6 верстах, от Дербента, а дальше управляли Дагестаном князья... которые не переходили в мусульманство, и дальше мусульманство не распространялось»⁷⁰⁵. Мусульманство в южном Дагестане утвердилось в XI—XIII вв., о чем и свидетельствуют эпитафические памятники, обнаруженные в Ахты, Рутуле и других селениях.

⁶⁹⁹ СЭ, 1953, № 1, с. 111—124; ИГЭД, с. 155.

⁷⁰⁰ Beschreibung..., S. 27; ИГЭД, с. 78.

⁷⁰¹ Бузанд Ф. История Армении. Ереван, 1959, с. 13—14. Хоренский М. Армянская история. СПб., 1809, с. 145; История Египте вардашета. Тифлис, 1853, с. 70—219; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV), с. 109—124.

⁷⁰² См. в кн.: Алкадари Г. Указ. соч., с. 179.

⁷⁰³ Подробнее об этом см.: Азмедов Ш. М. К вопросу о распространении ислама в Дагестане. — ВИД, 1975, вып. II, с. 111—124.

⁷⁰⁴ История Дагестана, т. I, с. 160.

⁷⁰⁵ Бартольд В. В. Соч., т. II. М., 1963, с. 675.

Несмотря на утверждение ислама, вплоть до XVIII в., да и позже, все еще сохранялись следы древних верований. «Лезгинское слово «гьупар», употребляемое как синоним «аллаха», в прошлом, видимо, было именем одного из языческих богов». Точно так же доисламскими обрядами следует считать праздник весеннего равнодействия, праздник цветов, поклонение «священной» горе Шалбуздаг и многие другие ⁷⁰⁶.

Касаясь хозяйственной деятельности жителей описываемых уездов, И. Гербер утверждает, что они «питаются скотиной и имеют между горами в долинах малое число пашен и для того у них имеется нужда в хлебе». Недостающий хлеб они приобретают в Кубе путем обмена на скот и продукты скотоводства ⁷⁰⁷. В «Известиях» это утверждение приняло несколько иную форму: «Хотя и есть у них несколько скота, но пашней в долинах очень мало» ⁷⁰⁸. Выходит, что у них очень мало скота и пашен. К сожалению, мы не располагаем данными о количестве скота и размерах пашен в начале XVIII в. Такие сведения имеются лишь относительно XIX в. Учтывая, что и эти данные могут оказаться полезными в правильном понимании направления хозяйства жителей Самурской долины, мы решились привести их. Согласно данным 1812 г., в Самур-вилайте было около 60 тыс. овец ⁷⁰⁹, а в 1852 г. в Самурском округе насчитывалось 2015 лошадей, 3340 голов рогатого скота и 98 230 овец ⁷¹⁰.

По данным посемейных списков 1886 г., в Самурском округе имелось 11 392 хозяйства, пахотной земли — 6940 десятин, садов — 136 десятин, т. е. на одно хозяйство приходилось чуть больше 0,6 десятины, сенокосов — 4100 десятин, пастбищ — 5283 десятины. Таким образом, полезной земельной площади на один двор приходилось: в Ахтычаринском обществе — $\frac{2}{3}$ десятины, в Докузпаринском — $\frac{1}{3}$ десятины, в Рутульском — $\frac{1}{4}$ десятины ⁷¹¹. Если же иметь в виду, что хозяйство Дагестана в это время развивалось крайне медленно, то приведенные данные, хотя они и получены на сто лет позже, все же с соответствующей корректировкой могут быть использованы и для изучаемого времени. К сказанному стоит добавить, что жители Самурской долины, как и все горцы Дагестана, использовали для посева не только каждый удобный клочок земли, но и создавали террасы, специально воздвигая для этого подпорные каменные стены

⁷⁰⁶ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 58, 64—75, 174, 176, 179; Шихсаидов А. Р. Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала, 1962, с. 17.

⁷⁰⁷ ИГЭД, с. 77.

⁷⁰⁸ Известия..., с. 101.

⁷⁰⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 1, д. 471, л. 3—4.

⁷¹⁰ Гаджиев В. Г. Роль России..., с. 258—259.

⁷¹¹ Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, с. 186—188; Гидулянов П. Сословно-поземельный вопрос и райская зависимость в Дагестане.— Этнографическое обозрение, 1901, № 3; Хашаев Х. М. Общественный строй..., с. 189.

и принося почву. Издавна пользовались они и искусственным орошением⁷¹². Несмотря на то, что техника обработки земли была примитивной, жители Самур-вилаяета, так же как и другие горцы Дагестана, очень тщательно ее обрабатывали, так же тщательно ухаживали за посевами.

Серьезным подспорьем в экономике жителей Самурской долины служили домашние промыслы. Известно, что они из овечьей шерсти изготовляли ковры, паласы, сукна, войлок, носки, шерстяную обувь и другие предметы. Основными центрами обработки шерсти и ковроткачества являлись Ахты, Микрах и Рутул⁷¹³. Выделывали они также кожу и деревянную домашнюю утварь. Жители Самур-вилаяета сами изготовляли и весь несложный сельскохозяйственный инвентарь, занимались также металлообработкой, кузнечным и оружейным делом. Можно полагать, что свое оружие они изготовляли сами и приобретали на внешнем рынке, особенно «оружие огненное, добрые сабли» и панцири. Занимались жители Самурской долины и торговлей. Об их торговле в Азербайджане, в частности в Кубе, говорит и сам И. Гербер.

Об этих общеизвестных фактах наш автор не мог не знать. И тем не менее он находит возможность утверждать, что «самый лучший их промысел состоит в покраже и грабеже». Само собой понятно, что эта ничего общего не имеющая с исторической правдой версия должна быть отвергнута самым решительным образом. Точно так же нельзя принимать всерьез и утверждение И. Гербера, что это «дикий и варварский народ».

Говоря о взаимоотношениях описываемых уездов, наш автор подчеркивает, что они «крепко за едино стоят» и что «оньы никогда ни под персидскою, ни под какою другою властью не стояли», хотя правители Дербента пытались подчинить их Персии⁷¹⁴. Мы уже выше говорили, что и южный Дагестан попал в зависимость от Сасанидов. Известно, также, что некоторое время Самур-вилайет подчинялся также власти арабов. Более того, район этот даже считается центральным пунктом «арабской колонизации»⁷¹⁵.

Под власть ширваншаха, как это можно заключить из сообщения Масуди, подпали и жители Самурской долины⁷¹⁶. Очевидно, зависимость южного Дагестана усилилась, когда Ширваном стала править новая дербентская династия⁷¹⁷. «Правитель Ширвана Ибрагим ибн-Мухаммед Дербенди («Султан Каршасиб»), — сообщает Мухаммед Хиналутский, — отправил Мухаммед-

⁷¹² *Ижилов М. М.* Народы лезгинской группы. Махачкала, 1967, с. 111.

⁷¹³ *Пиралов А. С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913, с. 56.

⁷¹⁴ ИГЭД, с. 77.

⁷¹⁵ Газ. «Кавказ», 1851, № 25.

⁷¹⁶ СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 42—43.

⁷¹⁷ *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Указ. соч., с. 79.

бека управлять одной крепостью в округе Докуз-пара»⁷¹⁸. Ему же были даны и другие общества: Ахты, Мискинджи, крепость Ахир и др. Причем, по словам М. Хиналугского, «управление этим магалом [было дано] ему и его потомкам от утробы до утробы, от рода в род»⁷¹⁹. Впоследствии потомки Мухаммед-бека продолжали править в южном Дагестане: в Ахтах — его внук Хасан-бек, в Хнове — внук Мухаммед-бек, в Ахире — сын его Эльгав Ахмед-бек⁷²⁰ и т. д.

В XV в., утверждает анонимный автор, «Самурский округ входил в число подвластных областей Ширваншахов»⁷²¹. Зависимость жителей Самурской долины, в частности сел. Ахты, от ширваншахов подтверждает и эпиграфический материал⁷²². В Ахты, в стене бывшей мечети «курортного» квартала, обнаружена следующая надпись: «Владелец этой крепости ширваншах Халилуллах». Надпись эта относится ко времени ширваншаха-Халилуллаха I, правившего в 1417—1462 гг. Исследователи правильно усматривали в этой надписи свидетельство вхождения долины р. Самур в состав владения ширваншаха Халилуллаха.

Выше цитированный Мухаммед Хиналугский сообщает, что правитель Ширвана «добровольно подчинился Тимуру», за что последний сохранил за ним все его владения⁷²³. Согласно грамотам персидских шахов в 1560 г. Ахты было передано в управление «Шах-Гусейн-беку, а в 1598 г. ... Эю-Беку»⁷²⁴. Имеются также факты, говорящие о том, что жители Самурской долины на протяжении последующих веков на определенное время подпали под власть иноземных захватчиков⁷²⁵. Обнаруженная исследователями еще в середине XIX в. в стене разрушенного дома надпись подчеркивает, что в начале XVI в. беглербег шаха Аббаса I в Ширване Юсуф-хан разрушил Ахты⁷²⁶. Первый издатель надписи Н. А. Ханьков считал этот факт доказательством подчиненности Самурской долины Ширвану⁷²⁷. Однако из надписи, как справедливо замечает Л. И. Лавров, «не вытекает, что в начале XVII в. долина Самура («Самурский округ») входила в состав Ширвана. Логичнее рассматривать поход Юсуф-хана как экспедицию против враждебных соседей»⁷²⁸.

И. Гербер ничего не говорит об иноземных нашествиях на южный Дагестан. Он лишь приводит легенду о Тимуре (Temur Akzak). Отметив, что они Тамерлану «послушны были», тут же

⁷¹⁸ АКАК, т. II, с. 1074.

⁷¹⁹ Там же, с. 1076.

⁷²⁰ Там же, с. 1076—1077.

⁷²¹ Газ. «Кавказ», 1850, № 52, 53.

⁷²² Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 141, 206.

⁷²³ АКАК, т. II, с. 1074.

⁷²⁴ МИДЧ, с. 383; ИГЭД, с. 365.

⁷²⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 160, 211.

⁷²⁶ Там же, с. 160.

⁷²⁷ Газ. «Кавказ», 1850, № 53.

⁷²⁸ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 211.

подчеркивает: «...не яко подданными владетелю, токмо для приятства». Мало того, он признает, что жители Самурской долины участвовали с Тимуром в военных походах и что он через эту их помощь «славен стал»⁷²⁹.

Не приходится доказывать, что Тимур не заключал, да и не мог заключить с жителями Самурской долины договор о дружбе. И конечно же жители Самурской долины ни при чем, что Тимур «славен стал». Скрытый смысл приведенной легенды, очевидно, состоит в утверждении того, что жители Самурской долины не покорились железному Тамерлану. Лезгины, как и другие народы Дагестана, упорно отстаивали свою независимость и свободу. Они неоднократно вступали в открытую вооруженную борьбу с иноземными захватчиками, а также преграждали путь карательным отрядам ставленников шаха в Закавказье. И в этом смысле утверждение нашего автора о том, что персиане «в прежние времена... хотя и числили их подданными своим, однако дозволили им жить в их вольности непоколебимо»⁷³⁰, имеет под собой почву.

Активное участие, как известно, жители Самурской долины приняли в антииранской борьбе 1712—1721 гг., о чем рассказывают и тексты анализируемого источника. При этом пострадал целый ряд населенных пунктов. Однако представлять всех участников антииранской борьбы грабителями, поступавшими «с обывателями немилосердно»⁷³¹, как это пытается изобразить И. Гербер, неверно. О характере и движущих силах этой борьбы речь пойдет ниже, здесь же укажем, что многие жители Самурской долины взялись за оружие, имея целью, используя благоприятный момент, окончательно избавиться от угрозы шахского ига.

Интересные сведения наш автор сообщает об отношениях жителей Самурской долины к Константинопольскому договору Турции с Россией.

По договору к России должна была отойти небольшая часть Алтышары, вся же остальная территория вилайета отходила к Порте. Однако со стороны России и эта часть «в поселию» не взята и так оставлена была. Точно так же Турция жителей этой территории «в покое оставила», полагая, что «силою их в подданство привести труд не заплатится»⁷³²⁻⁷³³. Иначе говоря, до 1728 г. ни одна «сторона еще не вступила в назначенное себе владение», так как жители «оных уездов» и слышать не хотят «о таком разделении, желают быть «вольными, и никому не подвластными».

Если верить нашему источнику, «уезды» Самурской долины по существу не управлялись и никому не подчинялись. «Хотя в

⁷²⁹ Beschreibung..., S. 27 об.; ИГЭД, с. 78; Известия..., с. 103.

⁷³⁰ Известия..., с. 102.

⁷³¹ ИГЭД, с. 78.

⁷³²⁻⁷³³ Известия..., с. 101—102.

каждой деревне есть старшина. — сообщает П. Гербер, — обыватели оным мало послушны бывают, ибо всяк сам собою господин». Эта мысль в «Известиях» приобрела более категоричную форму. Во всех деревнях есть старшины, говорится здесь, «но никто их не слушает, разве кто сам хочет»⁷³⁴. При внимательном изучении имеющихся материалов выясняется, что в каждом «уезде» имелось несколько старшин. В сел. Ахты, например, было 40 старшин, называемых аксакалами (т. е. «белая борода»). В селениях Хнове и Гдыме число старшин зависело от численности тухумов в ауле. Имелись селения, в которых один старшина был на 20 хозяйств, в других, как, например, Мискинджи, каждый магал имел по одному аксакалу. Всего в Мискинджи было шесть магалов и шесть старшин.

Очень важно выяснить, что из себя представляли эти старшины и какова была их власть. Ряд исследователей считает, что старшины в уездах Самур-вилайета выбирались. Другие полагают, что власть их была наследственной. М. М. Ковалевский писал, что в сел. Ахты главой тухума считался старший, избираемый на собрании всех его членов. Все члены тухума обязаны были обращаться к нему за советом. Если же случилось, что обращающийся к главе за советом поступал вопреки его мнению, «то делу обыкновенно не давалось дальнейшего хода» или даже старший делал «выговор виновнику». «Если же последствием уклонения от совета будет какой-нибудь существенный вред, — пишет далее М. М. Ковалевский, — старшина наказывает виновного выговором и побоями». Вместе с тем «виновный подвергается презрению всего тухума». Мнение старшины всегда поддерживается членами тухума⁷³⁵. Как видим, власть старшины в тухуме была достаточно авторитетной и прочной. Может быть, все это произошло из того, что в сел. Ахты аксакалов выдвигали из своей среды определенные влиятельные фамилии. Думается, что мы не ошибемся, если скажем, что это положение М. М. Ковалевского можно отнести к более раннему периоду, чем XIX в.

Однако и это не все. Мы располагаем данными, правда относящимися к концу XVIII в., которые утверждают, что в селениях Ахты, Рутуле, Хнове и других местах старшины (аксакалы) были наследственными. Они, говорится в одном из документов, именуются «наследними начальниками»⁷³⁶. «Ахты-пара, — писал Х.-М. О. Хапшаев, — управлялась «аксакалами», имевшими на эту должность наследственное право по прямой восходящей линии»⁷³⁷. А в тех обществах, где считалось, что аксакалы избираются, их, как правило, выдвигали из числа богатых и влиятельных лиц данной сельской общины. Иначе говоря, самое избрание превращалось в простую формальность.

⁷³⁴ ИГЭД, с. 77; Известия..., с. 401.

⁷³⁵ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, с. 152—155.

⁷³⁶ ЦГВИА, ф. 416, оп. 4, д. 16, л. 25; ИГЭД, с. 451.

⁷³⁷ Хапшаев Х. М. Общественный строй..., с. 187.

Характеризуя управление ахтынаринского союза сельских общин, М. М. Ковалевский писал: «Лезгинское сел. Ахты несло обязательство военной защиты одиннадцати сельских обществ, составляющих с ним один союз. Эти общества были обязаны во время войны подчиняться руководству ахтынских пачальников в лице сорока аксакалов. В мирное же время эти аксакалы паблюдали за своевременным взносом «закята» и следили за тем, чтобы в гражданских и уголовных спорах окончательные решения поставляемы были исключительно ахтынскими посредниками»⁷³⁸. Наиболее важные вопросы: войны и мира, о взаимоотношениях с соседними аулами и т. д.— решались на общеаульском сходе. Однако и при этом решающее слово имели аксакалы. По их рекомендации «избирались» даже чауши.

Чауши, проводившие в жизнь решения аксакалов, «получали» в год по одному быку, имели право приходить при каждой свадьбе и при каждом помпшовении за маслом, мясом, крушой и дровами. При разборе дел о кровной мести паряду с аксакалами паделялись и чауши. Они «получали по 3 рубля и по 3 барана»⁷³⁹. Как будто не так уже значительно было вознаграждение аксакалов и чаушей. Однако это не так. Если иметь в виду, что в остальных 11 селениях Ахтынары не было ни аксакалов, ни чаушей и ссоры по кровной мести возникали очень часто, то станет понятным, что они получали за свои труды достаточное вознаграждение. К тому же жители сел. Ахты «имели право на пахту (вроде русских «кормлений») от 11 остальных селений общества с тем ограничением, что число ахтынских «гостей» не должно было превышать 50 человек в одном селении»⁷⁴⁰. Л. И. Лавров пахту называет повинностью⁷⁴¹. Нетрудно догадаться, что пахтой более всего пользовались знатные и влиятельные. Это те же старшины, «богатеи» и так называемые бахтичары (удальцы) — выходцы из влиятельных ахтынских тухумов (кабапяр, сирияр и др.)⁷⁴². По преданию, рутульцам пахту отбывали хурюгцы. Очевидно, это было не так уж легко, и поэтому последние старались освободиться от этой своеобразной повинности.

«Рассказывают, будто рутульские беки и ахтынские старшины организовывали нападения па Хурюг и сожгли его дотла. Так как при этом были убиты 12 ахтынцев, то рутульцы в качестве компенсации за это уступили ахтынцам право пользоваться пахтой в сел. Гогаз, Усур, и Кака». Сами же рутульцы заставили хурюгцев «войти в состав Рутульского магала и нести в пользу Рутула какие-то повинности»⁷⁴³. Предание сохранило сведения о долговре-

⁷³⁸ Ковалевский М. М. Указ. соч., т. I, с. 164.

⁷³⁹ Хашаев Х. М. Общественный строй..., с. 187.

⁷⁴⁰ Там же.

⁷⁴¹ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 141.

⁷⁴² Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 8, оп. 1, д. 80, л. 241.

⁷⁴³ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, 141.

менной борьбе сел. Ялжух с сел. Ахты. В конце концов ахтынцы заставили ялджухцев подчиниться своей власти и выполнять различного рода повинности: убирать хлеб, пасти овец и т. д.

В отличие от других союзов сельских общин в Рутуле в описываемое время имелись переселившиеся сюда (примерно с 981 г. х., т. е. с 1574 г.) беки, а управление рутульским обществом осуществлял диван (совет, суд). Этот диван состоял из аксакалов и одного из потомков рутульских беков. Порядок выборов и вознаграждения их был такой же, как и в сел. Ахты⁷⁴⁴.

Духовное управление в «уездах» осуществляли кади и муллы. В сельских общинах Самурской долины высшими духовными лицами считались кади селений Ахты, Рутула, Хнова и Шиназа. Эти кади решали все дела, подлежащие разбору по шариату, во всех общинах, входивших в данный «уезд». Кроме того, в каждом селе-нии были муллы и эфенди, «избираемые» обществом, но утверждаемые главным образом кади. «Вознаграждение духовенство получало при разделе наследства — 2% стоимости имущества, за оформление кебина 50 конеек и часть закята»⁷⁴⁵. Надо также иметь в виду, что некоторые из «богатеев» и «сельской знати» владели по праву частной собственности значительными земельными угодьями, а также мелким и крупным рогатым скотом. Таких разбогатевших лиц вряд ли можно отнести к рядовым общинникам.

Обнаруженная в сел. Ахты Л. И. Лавровым вырезанная на массивном блоке в стене надпись «владелец крепости Д-й-р-б, с-й-б» говорит, что этот Д-й-р-б был феодалом, для которого «строилась эта крепость, хотя она предназначалась для обороны не одинокой семьи, а всего селения»⁷⁴⁶.

В сел. Ахты обнаружены также остатки надписи, которая гласила о праве жителей одного квартала взимать дань с жителей других кварталов⁷⁴⁷. Считается, что в надписи речь шла о праве Гюнейского квартала взимать дань с переселенцев из сел. Зрых⁷⁴⁸. Однако мы знаем, что в некоторых из «уездов» имелись и беки. В Ахтышаре и Докузшаре жили потомки правившего этой территорией еще в XVI в. Мухаммед-бека, в Рутуле — потомки Кади-бека. Они вместе с выделившимися из числа свободных крестьян старшинским слоем, а также «богатыми» «влиятельными» «бахтичарами» составляли высшие сословия Самур-вилайета. К господствующему классу относились и представители местного мусульманского духовенства (кади, эфенди и муллы).

⁷⁴⁴ Хашаев Х. М. Общественный строй..., с. 188.

⁷⁴⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 95.

⁷⁴⁶ Там же, с. 91.

⁷⁴⁷ Там же, с. 96.

⁷⁴⁸ Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — начале XIX в.— УЗИИЯЛ, 1957, т. III, с. 114; Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 141.

Они сообща эксплуатировали лично свободных, но фактически все более и более попадавших в зависимость крестьян — «лежбар». Имеются сведения, что привилегированные сословия указанных союзов сельских общин владели рабами и использовали их труд. Исследователи полагают, что название квартала «Къулияр» сел. Ахты ⁷⁴⁹ произошло от термина «къул» — раб. Однако сами жители квартала считают, что оно происходит от «кюл» — пшеница ⁷⁵⁰. Как бы то ни было, факт наличия рабов в обществах Самурской долины неоспорим. Эксплуатация непосредственного производителя была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений. Эксплуатируемый крестьянин обычно считался родственником богатого и выполнял у него работы под видом помощи. Такой вид взаимопомощи у лезгин назывался «мелл».

Однако крестьянские массы вели борьбу против стремления господствующего сословия увеличить эксплуатацию. Эта борьба принимала различные формы. В Рутульском союзе сельских общин богатые «сандусариеры» до того надоели своими захватами и претензиями, что крестьяне пригласили их на пир, устроили пожар, и многие сандусариеры сгорели ⁷⁵¹.

Все сказанное не оставляет сомнения в том, что союзы сельских общин Самурской долины ни в коем случае нельзя характеризовать как «вольные общества», представлявшие собой своеобразные очаги первобытного народовластия. На самом деле, как справедливо замечает Л. И. Лавров, разница между ханствами и «„вольными обществами“ состояла не столько в уровне социального развития, сколько в форме правления, которая в разное время менялась» ⁷⁵². В этой связи любопытно указать, что Ф. Ф. Симонич Ахтыпару называл «Ахтынским владением». Все вышеприведенное убеждает нас в том, что о союзах сельских общин Самурской долины и о том, что там «всяк себе господин», как об этом пишет И. Гербер, не могло быть и речи.

* * *

Статьи 46, 47 в «Описании» озаглавлены «Курали народ» и «Курги народ» (в немецком тексте: «Kuraly nation» и «Kurey nation»), в «Известиях» — «Курелы» и «Куреи» ⁷⁵³. Наш источник объясняет, что Курали расположены между Табасараном и р. Самур. Нетрудно догадаться, что здесь речь идет о территории, известной в литературе под названием Кюра (современный район Сулеймана Стальского Дагестанской АССР).

Значительно труднее определить, какую территорию подразумевает И. Гербер под названием «Курги», «Курелы», «Куреи». По

⁷⁴⁹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 65.

⁷⁵⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 172, л. 119.

⁷⁵¹ Саидова М. В. Указ. соч., с. 13—136.

⁷⁵² Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 191.

⁷⁵³ ИГЭД, с. 105—106; Beschreibung..., S. 68; Известия..., с. 127.

сведениям И. Гербера, Курги расположены подле р. Самур, «западнее Курали от горы Гатунавук», «Гаттип-Куль» или «Cattan Kull». Горы под таким названием на карте республики не значится. По всей вероятности, здесь искажено написание названия горных возвышенностей. Может быть, вместо «Гатунавук» или «Гаттип-Куль» надо читать «Гостип-Куль». Эта гора находится в нынешнем Курахском районе, недалеко от сел. Филя. А упоминаемая И. Гербером гора «Куреидаг» — это вершина Самурского хребта Куру-Даг, расположенная между селениями Рича и Катрух. Если эти вершины нами намечены правильно, то тогда становится возможным решить вопрос о локализации Курги. Между указанными вершинами, как известно, простирается территория современного Курахского и частично Табасаранского и Агульско-го районов Дагестана.

Ценные сведения, позволяющие более конкретно определить территорию Курги, содержит надпись на стене, расположенной у входа в бывшую соборную мечеть сел. Курах, которая датируется 1356 г. Она гласит: «Это горы Кураха: от мельницы Хибитара дс загона для скота, [принадлежащего] Ругуну, и до Хаджиева камня, и до вершины Кул-Кула, и до горы Архита, и до Хараджинского и до Друшдульского тока, и до вершины горы, не занятой хбуком. А это горный хребет со стороны юга: от [озера] Куланвир до (горы) Т-р-к-р-кил (или Ц-р-ф-р-кил) в лице Кимихура и до реки под Титалем, и до М-гункура, [где] кончается конюшня [и] начинается Зилинки. В 757 г.»⁷⁵⁴ Это запись, утверждает Л. И. Лавров, о территориальных владениях лезгинского селения Курах, очевидно предназначенная играть роль юридического документа. «Большинство упомянутых в надписи географических пунктов,— продолжает он,— легко определяется. Так, Хипетаром называется ныне существующее лезгинское селение Касумкентского (ныне Сулейманстальского) района в 30 км северо-восточнее Кураха, сел. Ругун — это лезгинское сел. Рухун того же района, расположенное в 5 км севернее Хипатара. Под Кул-Кулом, очевидно, скрывается нынешнее лезгинское Куркуркент (Кур-кГур-хуър)... в 2,5 км северо-западнее Рухуна. Лезгинское селение Архит Хивского района находится в 6 км севернее от Куркуркента». Западнее от него, в 8 км,— табасаранское селение Харедж того же района. Агульское селение Друштул Агульского района расположено западнее, в 11 км от предыдущего. «Хбук — это лезгинское селение Хпюк Курахского района, в 9 км южнее Друштула и в 13 км северо-западнее Кураха. Перечисленными пунктами надпись определяет северную границу курахских земель. Куланвир — название маленького горного озера на границе Курахского и Ахтынского районов, в 10 км юго-западнее Кураха. Т-р-к-р-кил, очевидно, название какой-то горы, т. е. «къил», что по-лезгински означает «голова», «горная вершина». Лезгинское сел. Кимихюр

⁷⁵⁴ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 118.

Курахского района находится в 14 км восточнее указанного озера и в 7 км южнее Кураха. Лезгинское селение Титель того же района — в 2 км восточнее Кимихюра. Лезгинское селение Цилинг того же района — в 7 км восточнее. Точное местонахождение Хаджиева камня неизвестно ⁷⁵⁶.

Сопоставление этих данных со сведениями нашего источника не оставляет сомнения в том, что границы, очерченные вышеприведенной надписью, совпадают со сведениями, содержащимися в нашем источнике. В надписи, кроме самого Кураха, перечисляются десять других лезгинских, табасаранских и агульских селений. (В настоящее время на данной территории имеются 13 селений.) Наш источник подчеркивает, что «сей уезд состоит в десяти до двенадцати деревнях» ⁷⁵⁶.

Все это дает основание утверждать, что Курги нашего источника — это курахская земля, которая, как известно, являлась частью Кюры. Л. И. Лавров не без основания полагает, что Курах и окружающий край, «название которого Кюре (откуда русское «кюринцы»), очевидно, общего происхождения с названием этого селения» ⁷⁵⁷. Однако, что Курах и Кюра — два самостоятельных объединения, подтверждают имеющиеся в нашем распоряжении источники. Об этом свидетельствует «хронограф» из Шиназа, составленный в 1710—1712 гг., где в связи с пашествием ширваншаха Ибрахима на южный Дагестан в 1511—1512 гг. о Кюре и Курахе говорится как о двух селениях ⁷⁵⁸. Иначе говоря, автор делает различие между Курахом и Кюре. Этим, очевидно, и объясняется, что и в анализируемом нами источнике им посвящены две статьи — «Курали» и «Курги». Самоназвание жителей этой территории — «лезгин», однако в прошлом их называли кюринцами.

Известный лингвист П. К. Услар утверждает, что и сами себя они называли «куьрегиль» («Куьрегуар») ⁷⁵⁹. Так же их называло и большинство народов Дагестана: аварцы — «куралал», даргинцы — «курала», лакцы — «курал», цахуры — «йикли», рутульцы — «йирк», агулы — «яркашуй». Считается, что последнее название имеет в своей основе наименование Ярки, охватывающее группу населенных пунктов (близ Касумкента) и давнее яркинский диалект лезгинского языка, легший в основу литературного языка ⁷⁶⁰.

П. К. Услар подчеркивает, что жители данной территории свой язык называли куьредчал, т. е. кюринский язык ⁷⁶¹. Известный дагестановед Г. Э. Алкадари, уроженец Кюры, писал, что «мага-

⁷⁵⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 196.

⁷⁵⁶ ИГЭД, с. 106.

⁷⁵⁷ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 197.

⁷⁵⁸ Там же, ч. II, с. 81.

⁷⁵⁹ Услар П. К. Кюринский язык, с. 4.

⁷⁶⁰ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 95—98.

⁷⁶¹ Услар П. К. Кюринский язык, с. 4.

лы кюринские говорят на кюринском языке»⁷⁶². Однако паш автор считает, что их язык «турецкой, с татарским помешанной и притом разумеют и лезгинский»⁷⁶³. В «Известиях» указывается, что они говорят «как лезгинским языком, так и татарским с турецким смешанным»⁷⁶⁴. Это сообщение нашего источника, очевидно, надо понимать в том смысле, что кюринцы говорили на своем собственном лезгинском языке, а также пользовались и азербайджанским языком, особенно тогда, когда соприкасались с другими народами южного Дагестана и Закавказья. Стало быть, уже в то время в Кюре имел распространение азербайджанский язык.

Согласно данным нашего источника, в Курали и Курги насчитывалось немногим более 30—32 населенных пунктов. Однако изучение имеющихся материалов убеждает нас, что эти данные намного приуменьшены. По сведениям Ф. Ф. Симоповича, Кюринская провинция делилась на семь магалов, в которых насчитывалось до 100 деревень⁷⁶⁵. По данным сословно-поземельной комиссии, в бывшем Кюринском владении имелось 140 селений⁷⁶⁶.

Можно понять И. Гербера, когда он допускает неточность в численности кюринских селений, но никак нельзя ему простить, когда он явно пытается представить жителей Кюри разбойниками и грабителями, вовсе не занимающимися общественно полезным трудом. Он умудряется писать, что жители Кюры «не имеют ни пашен, ни сох и рукодельную работу не любят»⁷⁶⁷. Если глубже проанализировать содержание нашего источника, то становится очевидной причина таких нелестных оценок. Оказывается, эти характеристики жители заслужили только лишь из-за того, что они не подчинились царским властям на Кавказе и оказали сопротивление комиссии по разграничению кавказских границ между Россией и Турцией. Относить эти характеристики за счет неосведомленности И. Гербера никак нельзя, ибо, пробыв столь продолжительное время в Дагестане, он не мог не знать об экономике Кюри.

В действительности, как об этом свидетельствуют все имеющиеся данные, жители Кюры, так же как и все другие горцы Дагестана, с незапамятных времен занимались сельским хозяйством и разнообразными видами кустарной промышленности⁷⁶⁸. Жители Кюры сеяли пшеницу, ячмень, рис, а с XVIII в. — кукурузу, причем Кюра, как единодушно утверждают имеющиеся источники,

⁷⁶² Алкадари Г. Указ. соч., с. 9—10.

⁷⁶³ ИГЭД, с. 105.

⁷⁶⁴ Известия..., с. 128—129.

⁷⁶⁵ ИГЭД, с. 151.

⁷⁶⁶ ФОД, с. 166.

⁷⁶⁷ ИГЭД, с. 105.

⁷⁶⁸ Пиккуль М. И. Итоги археологических разведок в южном Дагестане в 1959 г. — Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 284, л. 45; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 88—139; Ихилов М. М. Указ. соч., с. 107.

являлась даже житницей для ряда селений нагорного Дагестана. Задолго до XVIII в. кюринцы занимались также садоводством⁷⁶⁹ и бахчеводством.

«Лезгины,— писал Б. Ф. Добрынин,— имеют старинные навыки по поливному земледелию, они — искусные мастера, поскольку позволяют их технические средства, по проведению каналов, желобов и других приспособлений для орошения»⁷⁷⁰. О том, что данное положение может быть отнесено и к началу XVIII в., и к Кюре, в частности, убедительно доказывают обнаруженные в селениях Курах, Мака, Хвередж и других местах проложенные подземлей водопроводные гончарные трубы⁷⁷¹. Впрочем, о развитии полеводства и скотоводства сообщают все источники. Не раз упомянутый нами Ф. Ф. Симонович, например, подчеркивал, что «Кура достаточествует скотоводством и есть вообще способна к производству всех плодов»⁷⁷². Жители Кюры разводили крупный и мелкий рогатый скот. Как и у других горцев, скотоводство кюринцев, особенно его ведущая отрасль — овцеводство, носило, оттошный характер.

Серьезное значение в экономике кюринцев, как отмечалось выше, играли и домашние промыслы. Жители обрабатывали все виды местного сырья. Общеизвестно, что южный Дагестан был центром по изготовлению ковров. В Кюре ковроделием занимались жители селений Орта-Стал, Кабир, Икра и др. Жители сел. Испих славились производством поливной керамики, жители сел. Икра — изготовлением холодного оружия. Жители ряда селений занимались обработкой металла, дерева и камня. Даже эти немногие факты начисто опровергают утверждения И. Гербера.

Касаясь внутреннего управления, наш источник отмечает, что «хотя каждая деревня своего старшину имеет, однако же как курали, так и курей мало им послушны, ибо всяк собою господин, живут самовольно и каждый делает, что хочет»⁷⁷³. Точно такие или почти такие же утверждения И. Гербера относительно других вышерассмотренных нами союзов сельских общин не подтвердились. Более того, оказалось, что дело обстоит совсем наоборот. Уже одно это обстоятельство пастораживает. И тем не менее надо разобраться, действительно ли «каждый делает, что хочет»? А разве старшины никакой общественно-политической роли не играли в жизни Кюры?

На эти и другие вопросы нельзя ответить однозначно, тем более что история Кюры до сих пор остается исследованной недостаточно. К сожалению, нет в нашем распоряжении также материалов, непосредственно относящихся к началу XVIII в. Поэтому

⁷⁶⁹ Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 26.

⁷⁷⁰ Добрынин Б. Ф. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926, с. 88.

⁷⁷¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 138—139.

⁷⁷² ИГЭД, с. 151.

⁷⁷³ Там же, с. 105; Beschreibung..., S. 69.

мы вынуждены прибегнуть к документам более позднего происхождения. Очень ценные сведения содержат «Записки о тухумах» и «Записка о сословно-поземельном строе в бывшем кюринском ханстве». Хотя эти «Записки» и составлены во второй половине XIX в., все же в них имеются данные, которые можно безоговорочно отнести и к изучаемому нами времени. Согласно этим данным, не все члены указанных союзов сельских общин были между собой равны. Имелись богатые влиятельные и бедные тухумы (фамилии). Сильными и влиятельными тухумами в Курахе являлись «мирчиар», «тахер» «манчарар», «кадияр», в Ашаре — «чирахляр», в Гельхене — «кабулар», в Хутарге — «бейбут», в Цмуре — «мелишар», в Капире — «куруджанар», «казаглар», в Хпиге — «цахар», в Буткенте — «салманар», в Ахрте — «келага», в Затихе — «небиляр», «рамазанар», в Магарамкенте — «мапатар», в Верхнем и Среднем Стале — «пирляр», в Касумкенте — «якубханар»⁷⁷⁴.

Чаще всего эти тухумы-фамилии выдвигали из своей среды и старшин. В начале XVIII в. главный курахский старшина, власть которого по существу простиралась не только на Курах, но и на окрестные селения, избирался из тухума «мирчиар». Старшина сел. Хутарг, пользовавшийся «почетом и влиянием» почти во всей Кутур-Кюре, избирался только из тухума «бейбут»; старшина сел. Гельхен — из тухума «кабулар», сел. Худик — из тухума «маматар»⁷⁷⁵. Здесь, так же как и в других местах Дагестана, имелись кади, эфенди, муллы и другие представители местного мусульманского духовенства. В Кюре были также шихи, «считающие себя потомками пророка Магомеда»⁷⁷⁶.

Все дела, подлежащие рассмотрению, кади и муллы решали, руководствуясь нормами шариата. Старшины разбирали дела по адату. Не вдаваясь в подробности различий этих правовых норм, укажем, что как шариат, так и адат являются правовой основой классового общества. Это значит, что адат и шариат способствовали узаконению господства имущих над неимущими. И нет надобности доказывать, что при разбирательстве уголовных и гражданских тяжб старшины принимали решение в пользу влиятельных и почтенных лиц. «Хотя старшины, — справедливо замечают исследователи истории южного Дагестана, — были подотчетны избравшим их джамаатам, на практике же эта подотчетность превращалась в фикцию. Фактически сельские старшины разбирали судебные дела и осуществляли управление независимо от джамаата, в интересах сильных тухумов»⁷⁷⁷.

Все это убеждает нас в неточности утверждений нашего автора. А приведенные выше факты и высказанные суждения, как

⁷⁷⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 17, л. 1—4; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 160.

⁷⁷⁵ Там же.

⁷⁷⁶ ФОД, с. 164.

⁷⁷⁷ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 161.

нам представляется, могут послужить подспорьем при реконструкции административно-политического устройства Кюры.

По данным нашего источника, как будто Кюра была разделена на Курали и Курги. По сведениям Ф. Ф. Симоновича, относящимся к концу XVIII в., Кюра была разделена на семь округов: «1) Гулек, в нем уездное место Гилялар...; 2) Истал, в оном уездное селение Истальяр...; 3) Картас, в нем уездное место Касумкент; 4) Гугудже, в нем уездное место Улукатах...; 5) Котур Кюре... уездное и главное провинции место Кура...; 6) Рича, называется по имени главного селения в оном заключающемся; 7) Чирах, называется по имени главного селения...»⁷⁷⁸

Таким образом, собственно «лезгинских» округов или союзов сельских общин в Кюре было пять, поскольку Рича является агульским, а Чирах — даргинским селениями. Р. М. Магомедов насчитывает в Кюре восемь магалов: Кутуркюринский, Чилейский, Ахмарлинский, Кабирский, Курахский, Картос, Гаджейский, Стал Чмле⁷⁷⁹. Авторы книги «Очерки истории южного Дагестана» Х. Х. Рамазанов и А. Р. Шихсаидов говорят лишь о Курахском союзе сельских общин⁷⁸⁰.

Что касается уровня социально-экономического развития магалов Кюры, необходимо подчеркнуть, что исследователи обычно их сравнивают с так называемыми «вольными» обществами. Магал у лезгин, подчеркивает Р. М. Магомедов, «это то же, что вольное общество у аварцев и даргинцев»⁷⁸¹. Говоря о территории «курахских земель XIV в.», Л. И. Лавров подчеркивает, что «перед нами не феодальное явление, а то, что в исторической литературе, посвященной Дагестану, обычно называется «вольным обществом»⁷⁸². С такой оговоркой этот вывод Л. И. Лаврова можно признать правильным. Но если иметь в виду, что под «вольными обществами» понимаются объединения сельских общин, которые давно вступили на путь развития феодальных отношений, то мы также должны признать, что и в Кюре, несмотря на многоукладность в социально-экономическом развитии, определяющим являлись феодальные отношения, тем более что и административно-управленческий аппарат кюринских союзов сельской общины, как мы видели, мало чем отличался от административно-управленческого аппарата вышеописанных сельских общин Самурской долины. К тому же необходимо иметь в виду и то, что Кюра в первой четверти XVIII в. была присоединена к Кази-Кумухскому ханству. Все эти моменты необходимо учитывать при изучении нашего источника.

⁷⁷⁸ ИГЭД, с. 151.

⁷⁷⁹ Магомедов Р. М. *Общественно-экономический...*, с. 369.

⁷⁸⁰ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. *Указ. соч.*, с. 158.

⁷⁸¹ Магомедов Р. М. *История Дагестана*, с. 221.

⁷⁸² Лавров Л. И. *Эпиграфические...*, ч. I, с. 196.

К югу от Кайтагского удмийства расположена территория, названная в немецком тексте нашего источника «*Tabasaran Territorium*» («Территория Табасаран»), а в «Описании» — «Табасаран уезд». Эта территория протяжением около 50 верст простирается от Кайтагского удмийства до речки Чирахской и от границ Дербентского владения на юго-восток примерно на 70—90 верст⁷⁸³. Самоназвание народа — «табасаран». Происхождение этого этнонима еще не совсем ясно. Поэтому приведем существующее в исторической литературе мнение. В. Ф. Минорский, например, пишет: «Табар-саран «головой топорком», по-видимому, иранская терминология, название нынешних табасаранцев. Не исключена и здесь связь имени с гарнизоном тапуров Табаристана (Мазандерана)»⁷⁸⁴. В изучаемое время, кроме самих табасаранцев, здесь проживали азербайджанцы и горские евреи.

По данным Ф. Ф. Симоновича, в Табасаране было до 90 селений⁷⁸⁵. По подсчетам М. М. Ковалевского и И. Ф. Бларамберга, в Табасаране имелось 5379 семейств⁷⁸⁶. По данным Березипа, деревень в Табасаране насчитывалось 57, дворов — до 5850, жителей — до 35 тыс.⁷⁸⁷ И, наконец, по данным А. В. Комарова, всего в Табасаране было 125 селений, 3157 дворов, 17 044 жителя⁷⁸⁸. Очевидно, мы не сделаем большой ошибки, если укажем, что численность населения Табасарана в первой половине XVIII в. могла равняться 25—35 тыс. Что касается сведений, содержащихся в вышеупомянутом завещании аварского нуцала Лидуника, будто владетель Табасарана мог выставить 60 тыс. вооруженных воинов, то их необходимо признать явным преувеличением⁷⁸⁹. Скорее всего, эти данные, как справедливо утверждает Л. И. Лавров, отражают рост политического значения Табасарана в XV в.⁷⁹⁰

Согласно данным нашего источника, табасаранцы занимались земледелием и скотоводством. Думается, можно принять вывод, вытекающий из высказываний И. Гербера, что основным занятием равнинной и предгорной зон Табасарана было земледелие, а жителей нагорной части — скотоводство. Но наш автор допускает явную ошибку, утверждая, что жители нагорного Табасарана «питаются одною скотиною и не имеют пашен и хлеба»⁷⁹¹.

Однако, говоря о занятиях табасаранцев, необходимо помнить, что жители Табасарана занимались хлебопашеством, садоводством

⁷⁸³ *Beschreibung...*, S. 62; ИГЭД, с. 104, 152, 313 и др.; *Известия...*, с. 111—112; *Броневский С.* Указ. соч., ч. 2, с. 341.

⁷⁸⁴ *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 125.

⁷⁸⁵ ИГЭД, с. 153.

⁷⁸⁶ Там же, с. 311—312.

⁷⁸⁷ *Березип И.* Указ. соч., с. 74.

⁷⁸⁸ *Комаров А. В.* *Народонаселение...*, с. 19.

⁷⁸⁹ *Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, ф. 1, д. 218.*

⁷⁹⁰ *Лавров Л. И.* *Эпиграфические...*, ч. I, с. 185.

⁷⁹¹ ИГЭД, с. 104.

и мареповодством. Известно, что в Табасаране были развиты и кустарные промыслы. Табасаранцы обрабатывали шерсть, дерево, камень и др. Но наибольшего искусства табасаранцы достигли в изготовлении ковров. Торговля в Табасаране, как и в других владениях, развивалась в рамках натурального хозяйства. Табасаранцы торговали в Дербенте, Шемахе, Хучни и других торгово-ремесленных центрах Дагестана. Однако И. Гербер не упоминает об этом. Вместо этого в анализируемом источнике содержатся ничего общего не имеющие с исторической правдой характеристики табасаранцев, такие, как «парод не постоянный и воровской» и «дикий». Здесь уместно привести высказывание топографа П. Ф. Колоколова: «Табасаранцы никогда не собираются партиями для хищничества и не делают нападения на соседние народы, но храбро защищаются против неприятелей и в сем отношении почитаются храбрейшими»⁷⁹².

Утверждение нашего источника, что табасаранцы имеют «своего майсума, или владельца... да одного кады», надо понимать в том смысле, что в изучаемое время Табасаран был уже разделен на два самостоятельных владения: майсумство и владения кадия Табасарана. Когда же произошло это деление? Общеизвестно, что о Табасаране пишут армянские, арабоязычные и другие авторы. Армянский историк Ф. Бузанд знает таваспаров⁷⁹³. Египет и автор армянской географии также называют таваспарант⁷⁹⁴. Арабоязычные авторы IX—X вв. говорят о Табасаране как о едином объединении, владелец которого носил титул табасаран-шах⁷⁹⁵. Масуди его называет «царь табасарана»⁷⁹⁶. Только Абу-Хамид аль-Гарнати (XII в.) сообщает, что в Табасаране «24 рустака, в каждом рустаке... имеется большой военачальник, подобный эмиру»⁷⁹⁷. Однако считать эти рустакны независимыми владениями было бы неверно. Это, скорее всего, уделы или «нахии» турецких источников⁷⁹⁸. Деление Табасарана на два владения, пишет П. Ф. Колоколов, произошло около 1780 г., когда после смерти Муртазали-майсума, «за малолетности сына его Ииврусбека, оно подпало под управление матери его Карахан-ханум. Муртазали-кадий, живущий в то время и имеющий влияние на народ, увидя слабость в правлении, воспользовался случаем и завладел магалом Ярей. Впоследствии же времени сын его Рустем-кадий завладел магалами Хучни и Тат (?), жители же магалов Гуркул и Хираг признали себя независимы-

⁷⁹² ИГЭД, с. 316.

⁷⁹³ Бузанд Ф. История Армении. Ереван, 1959, с. 15.

⁷⁹⁴ История Египта вардапета. Тифлис, 1853, с. 157; Армянская география VII в. Пер. К. П. Патканова. СПб., 1877, с. 81.

⁷⁹⁵ Баладзори. Указ. соч., с. 7; Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 123.

⁷⁹⁶ СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 7.

⁷⁹⁷ Путешествия Абу-Хамида ал-Гарнати, с. 49.

⁷⁹⁸ Аччабадзе Г. З. Сведения турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби о Дагестане.— ВИД, 1975, вып. III, с. 248.

ми. С сего времени наследники майсумов управляли только ма-
галами Хараг-Шилли, Агмергу, Агул-дере и Этех»⁷⁹⁹.

Однако документы конца XVI в. упоминают владетелей «та-
басаранского Максута князя» и табасаранского «князя Кадит Зах-
раров» сына⁸⁰⁰. Стало быть, Табасаран был разделен на два са-
мостоятельных владения уже в конце XVI в. «Между беками из
майсумского рода, — показал в 1870 г. Мустафа-бек, — разгорелась
междоусобная война, в которой принял участие и народ; во время
этой войны майсумы вынуждены были оставить Хучни и пересе-
литься в Джерах, но междоусобия продолжались до того, когда все
почти беки были перебиты и остался один малолетний потомок
майсума. Этими смутами воспользовались кадни Табасарана и
подчинили своему влиянию северный Табасаран. По надписям на
могилах в Джерахе видно, что они перенесли туда около 300 лет
тому назад»⁸⁰¹, т. е. в XVI в.

Бытует и другое мнение, согласно которому арабы, завоевав
Табасаран, поставили правителем «Мухамеда-Маасума... а для
наставления народа в вере... двух кадиев. От этого маасума про-
исходят последующие владельцы Табасарана, носившие титул
«маасам-безгрешного» и разделявшего власть с кадием»⁸⁰². Эта
легенда, как совершенно справедливо замечает Л. И. Лавров, воз-
никла гораздо позже⁸⁰³.

Как бы то ни было, в начале XVIII в. Табасаран был разде-
лен на два владения, причем майсумством правил Магомед,
а кадн был Рустем-бек. И. Гербер в категорической форме заяв-
ляет, что «максум и кадн подчинены бывали султану Дербен-
скому». Эта же мысль в «Известиях» передана несколько иначе:
«Оба (майсум и кадн. — В. Г.) находились прежде в подданстве
Персии и зависели от султана дербентского»⁸⁰⁴, а зависимость
эта, оказывается, выражалась в том, что майсум и кадн «долж-
ны были прежде всего по повелению султана дербентского слу-
жить в войне с платою. Однако для их непостоянства мало их
употребляли»⁸⁰⁵.

Итак, если проследить за мыслью нашего автора, получается
любопытная картина. С одной стороны, владетели Табасарана бы-
ли зависимы от шаха Ирана и его ставленника султана Дербен-
та, с другой — эта зависимость выражалась лишь только в том,
что табасаранцы по приказу султана «должны были... служить в
войне» и то «с платою». К тому же, оказывается, султаны редко
прибегали к их помощи. Может ли это служить доказательством

⁷⁹⁹ ИГЭД, с. 315.

⁸⁰⁰ Белокурова С. А. Указ. соч., с. 293, 579.

⁸⁰¹ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 4, л. 15.

⁸⁰² Березин И. Указ. соч., с. 77.

⁸⁰³ Лавров Л. И. Эпиграфические..., ч. I, с. 183.

⁸⁰⁴ ИГЭД, с. 104; Известия..., с. 113.

⁸⁰⁵ Известия..., с. 113.

того, что владения Табасарана в первой четверти XVIII в. были в прямой зависимости от султана Дербента?

В связи с анализируемым вопросом большой интерес представляет высказывание по этому поводу самого табасаранского владельца Рустема. В письме от 30 августа 1722 г. к Петру I он писал: «С того времени, как столица Ширванская приведена к персидскому владению, прадеды, деды, и отцы наши душевно двум государям (т. е. Ирану и России.— *В. Г.*) служили и обиды нам до днесь ни от кого не было»⁸⁰⁶. Как будто зависимость Табасарана от Ирана была помпальной. Этот документ интересен еще и потому, что он подтверждает давние связи Табасарана с Россией.

Однако не прав наш автор, утверждая, что Табасаран был «под Российской империей» с 1725 г. На самом деле Табасаран был принят в подданство России еще в 1722 г. Иначе никак нельзя понять обращение Рустама к Петру I в 1722 г. с просьбой построить в Табасаране город. «Ныне хвалю бога,— писал он,— что в.и.в., восточных, западных и северных земель государь, счастливым и благополучным пришествием своим в Дербень во многих местах города строить соизволили указать, того ради покорно прошу милосердие падо мною над бедным показать, на старом моем разоренном месте вновь город построить указать соизволили... а я с своей стороны обещаюсь, во всяком случае, с моими подданными его в пужде не оставить»⁸⁰⁷.

Чрезвычайно важны для нас сведения И. Гербера о доходах табасаранских владетелей. В «Описании» и «Beschreibung» утверждается, что взимаемые майсумом и кади с подвластного им населения «доходы состоят в хлебе и другой пище, кроме штрафных денег, что случается от ссор»⁸⁰⁸. К сожалению, наш автор и в этом случае не уточняет, с каких именно селений получали владетели «доходы» и каковы были их размеры. Не ясно также, что имел в виду И. Гербер и под понятием «другой пищи». Сведения, позволяющие разобраться в этих вопросах, содержатся в документе позднего происхождения. Само собой понятно, что данные документов XIX в. нельзя безоговорочно относить к первой четверти XVIII в. Но поскольку в нашем источнике и в документах позднего происхождения речь идет об одной и той же хлебной подати, данные, зафиксированные в XIX в., по-видимому, с определенной оговоркой могут быть использованы и для изучения более раннего периода.

Согласно этим сведениям, хлебная подать в Табасаране называлась «дегъеком», что означает 10-я часть урожая. Но как подтверждают эти же документы, хлебная подать чаще всего взималась не в этом размере, а по установленным в различных ме-

⁸⁰⁶ РДО, с. 253.

⁸⁰⁷ Там же, с. 254.

⁸⁰⁸ ИГЭД, с. 104.

стностях нормам⁸⁰⁹. В одних селениях северного Табасарана ее взимали с количества рабочего скота, в других и во всех райятских селениях южного Табасарана — с двора, причем одни селения с пары рабочего скота платили по 2 капана пшеницы и 1 капану чалтыка, другие — по 2 сабы пшеницы и по 2 сабы ячменя, третьи — от 2 до 6 саб пшеницы и ячменя. Жители селений, вносивших хлебную подать с двора, обязаны были выплачивать обычно по 2 сабы пшеницы и 2 или 3 сабы ячменя; жители селений Зиля, Ташилу, Ухрах, Цушила — 4 сабы пшеницы и ячменя, а селений Архита, Ферганы, Мурад-Али-кеит и ряда других — по 5 саб пшеницы и ячменя.

Подать с плодовых деревьев орехами одни селения платили в размере 2 саб, другие — 3 саб; виноградом — 1 или 2 сапетки с дома. Подать с марены каждый занятый мареноводством, если даже разводил ее на собственном мюльке, был обязан платить владельцу в размере от 25 до 50 коп с пуда сухой марены. Дровяная подать жителей селений Ушнюг, Цурнил, Арак состояла в доставке в дом владетеля по арбе дров со двора, селений Мограю, Рукель, Кемал — по 4 арбы. Жители селений Митап, Мугатыр, Зиль обязаны были доставлять по арбе самапа или сена. Подать баранами, курами, яйцами платили все райятские селения, подать маслом и холстом — селения Вишанил, Цуртил. К сказанному необходимо добавить, что и само узденство Табасарана не было однородным. Население аула Рукель занималось добычей соли; оно обязано было отдавать беку 2 капана соли⁸¹⁰.

Крестьяне-райяты Табасарана обязаны были бекам также «личными работами»: пахать, косить, сеять, молотить. Райяты одних селений пахали землю феодалов своим скотом 2 дня, а других — 3 дня. Одни райятские селения выставляли с дыма по одному человеку жнецов на 1 день, а другие — на 2 дня. Все райятские селения обязаны были собирать снопы и перевозить их на своих арбах па гумно, перевозить зерно в дом бека, а при надобности и отвозить его на мельницу, убирать накопленное сено. Имеющие лошадей отдавали по одной лошади на 1 день в год для молотбы. Имеющие рабочий скот по требованию владельца обязаны были выставлять арбы. Райятские селения, населенные евреями, и лишь одно селение с мусульманским населением выставляли по одному человеку на 1 день с дыма для прополки бекских папеш. Кроме того, райяты Табасарана выполняли различного рода работы «на маренниках, оросительных канавах» и в садах бека⁸¹¹. «Повинности, — говорится в источнике, — райяты исполняли бигером, т. е. на своем продовольствии. Только при

⁸⁰⁹ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 19—20.

⁸¹⁰ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 19—20; ф. 9, оп. 2, д. 15, л. 19; ЦГИА СССР, ф. 416, оп. 3, д. 1224, л. 65.

⁸¹¹ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 19—21; ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1043, л. 1—9.

работах во время жатвы эврезом (мирской сход) бек дает продовольствие райятам»⁸¹².

Такого рода подати, очевидно, и имел в виду И. Гербер, когда писал, что доходы владетелей Табасарана состоят «в хлебе и другой пище». Как бы то ни было, мы можем говорить с долей вероятности, что такие или очень схожие с ними подати взимали владетели в Табасаране с подвластного населения и в первой половине XVIII в. Следует при этом иметь в виду, что подати, о которых речь шла выше, имели тенденцию с течением времени увеличиваться. В прежнее время, говорится в документе, составленном членом сословно-поземельной комиссии майором Симоновым, «хлебная подать со всех раяятских селений поступала майсуму, а от него зависело уступить ее беку, жившему в селении, или оставить за собой». До начала XIX в. майсуму платили по 1 сабе иппеницы и по 2 сабы ячменя. На работу выходили только эврезом»⁸¹³.

Поверенные четырех селений северного Табасарана в 1840 г. показали, что «дегбек»... в бекских селениях состоял из одного ячменя, но увеличился впоследствии до настоящих размеров; точно так же и повинности увеличивались год от года; прежде они были гораздо легче»⁸¹⁴. Число фактов аналогичного характера можно было бы увеличить, но и приведенные достаточно полно говорят сами за себя.

Помимо райятских селений, положение которых мы только что описали, в Табасаране имелись и узденские селения, которые в совокупности обычно принято называть Уздень-Табасаран. Уздени этих аулов имели свои мюльки, пользовались общественными землями и юридически были свободны. И. Гербер пишет, что «табасаранских обитателей больше вольными почесть можно, ибо они махсуму и кадию не все подданы»⁸¹⁵. В связи с этим нам необходимо выяснить, были ли жители Уздень-Табасарана в действительности вольны. Согласно сообщению Ф. Ф. Симоновича «с горских некоторых деревень, кроме 3000 рублей ханскими деньгами, масум табасаранский положенных доходов не имеет», а «кадий табасаранский пользуется доходами таковыми же, как и масум»⁸¹⁶.

В нагорной части было два узденских магала—Дрич-Табасаран и Девек-Елеме,—обычно представляющиеся «вольными». На самом деле «Дрич-Табасаран,— по словам Ф. Ф. Симоновича,— включает в себя горные деревни по Карасирту; они управляются независимыми узденами, служащими масуму»⁸¹⁷. Девек-Елеме, объединявший 15 аулов (Ягдик, Пилек, Хурук и др.), уп-

⁸¹² ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 19—20; ф. 90, оп. 2, д. 5, л. 25.

⁸¹³ ФОД, с. 148.

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ ИГЭД, с. 153.

⁸¹⁶ Там же.

⁸¹⁷ Там же, с. 154.

равлялся «народом под разными узденями или наследственными начальниками, служащими большей частью кадику табасаранскому, а по обстоятельствам и другим»⁸¹⁸.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позднего происхождения также подчеркивают, что большая часть узденей Табасарана со временем потеряла былую свободу либо потому, что не имела достаточных средств к жизни, либо по каким-то другим причинам⁸¹⁹.

«Почти все уздени Табасарана, — говорится в одном из документов, — отдаривали майсума и кадия произведениями собственного ремесла, а иногда деньгами по различным случаям и за решения между ними важных спорных дел и примирение дел по кровомщению»⁸²⁰.

Здесь не говорится об обязательных податях и повинностях. Однако при анализе выясняется, что между обычной феодальной рентой и «отдариванием» разница заключалась в том, что феодально-зависимые крестьяне обязаны нести определенные подати и повинности, а «отдаривающие», хотя и не имеют установленных норм, все же отдают владельцу прибавочный продукт.

Мы привели факты, относящиеся к концу XVIII — началу XIX в. А каково было положение узденей нагорной части Табасарана в период составления нашего источника? Думается, не будет большой погрешностью, если скажем, что и в первой половине XVIII в. положение жителей Уздень-Табасарана было схожим с вышеописанным. Но независимо от того, будет ли признан этот вывод или нет, все же представлять нагорный Табасаран первой половины XVIII в. краем «вольным», где господствует равенство и народовластие, неверно, тем более что и само узденство Табасарана не было однородным. Так же как и в верхнем Кайтаге, здесь имелись уздени «старшины» или «наследственные старшины», «богатеи», которые сосредоточивали в своих руках власть и богатство, а следовательно, занимали и привилегированное положение. В узденской части Табасарана имелись влиятельные тухумы (фамилии): в Хапаге — «цагцагар», «молла-ляр»; в Ругуже — «гусейп»; в Хурике — «ильдинбай», «кельды-кашляр», «мистикашляр»; в Шилиге — «пимини»; в Худжники — «махиар», «исимилляр»; в Дювеке — «ильдин-баи»; в сел. Халалпе — «карляр», «молла-хамил»; в Куми — «каркашляр»; в Сипуи — «дабкашляр»; в Сиртиле-Кевха — «рясуляр». Эти фамилии, как отмечает документ, имелись издревле и отличались богатством и силой. Из их числа обычно выдвигались старшины и другие должностные лица сельской администрации⁸²¹.

К сельской администрации относились «надсмотрщики», называемые в верхнем Табасаране «кизиль», а в нижнем — «курух-

⁸¹⁸ ИГЭД, с. 154.

⁸¹⁹ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 17—18.

⁸²⁰ Там же.

⁸²¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 16, л. 1—4; ИОИД, с. 46—47.

чи». «Кевха» (старшина), «бакавули» (чауш) были наследственными, а кизиляры — выборными. В некоторых селениях кевхи носили название «ахи-сакал» (отличавшиеся даром слова)⁸²². Старшины селений Ругуж, Храх и Хив считались главными старшинами — «ахи-кевхами». И к ним апеллировали недовольные решением своего старшины. «Старшины эти, — говорится в документе, — как и все, были наследственными... они управляли узденской Табасаранью». При каких обстоятельствах эти старшины приобрели такую власть, точно сказать трудно. «До Рустем-кади райятская Табасарань не подвергалась разделу между членами кадиевского семейства, Табасаранью управляли одни кадии. В его распоряжении сосредотачивалась вся сила Табасарани (служили люди — нукеры — из всех деревень), при нем много служило влиятельных людей из узденской Табасарани и тогда власть его была действительно на всю Табасарань; по приказанию его убивали людей... Рустем-кади разделил райтскую Табасарань между четырьмя его братьями; при нем еще его братья стали оказывать неповиновение, а потомки их стали враждовать, не слушаться кадии; следствием этого власть кадия стала падать и на узденскую Табасарань, менее стало служить при нем влиятельных людей из вольной Табасарани... так что для поддержания своего влияния там кадии должны были задабривать влиятельных людей подарками и угощением; в особенности от них много получили подарков (лошадами) старшины ругуджский и ханагский, имевшие сильное влияние на народ»⁸²³.

О каком Рустем-кади идет речь и когда он правил, мы не беремся сказать, поскольку в генеалогии табасаранских кади имя Рустем встречается очень часто. Но каковым бы ни было решение этого вопроса, ясно, что о равенстве и народовластии в верхнем Табасаране не может быть и речи. Сообщение источника об обязанности управляющих Уздень-Табасараном старшин служить майсуму и кади, очевидно, следует понимать как признание ими своей зависимости от владельцев Табасарана. Эта зависимость жителей Уздень-Табасарана от майсума и кади выражалась в следующем: 1) признание за майсумом и кади внешнеполитических прав; 2) ежегодная уплата узденями майсумства своему владельцу 3000 руб. ханскими деньгами; 3) оказание «уважения» майсуму и кади («одаривание» произведениями собственного ремесла, а иногда и деньгами); 4) известная подчиненность при «решении важных спорных дел»; 5) поставка при необходимости майсуму и кади известного количества воинов; 6) уплата майсуму и кади штрафов и пошлин.

Внутреннее управление, судопроизводство в узденских селениях осуществляли кевхи и представители местного мусульманского духовенства — кади, муллы и др. При этом, как и в дру-

⁸²² ПОПД, с. 48.

⁸²³ ПОПД, с. 50.

гих владениях Дагестана, дела об опеке, завещаниях, наследовании и т. п. решались по шариаду, уголовные дела разбирались по адату. Наиболее важные дела обсуждались на сходе, который в Табасаране называли дриганы или дигор. Сход этот собирался ежегодно 2 или 3 раза, в нем непременно должен был участвовать один человек от каждого семейства.

Хотя все участники схода имели право по тем или иным вопросам вносить предложения или выступать против них, т. е. принимать участие в обсуждении разбираемого вопроса, все же «сильные тухумы» имели большое влияние, так что дела чаще решались в их пользу⁸²⁴. Кевхи селений Хив и Ругуч, пишет П. Ф. Колоколов, в «собрании первые подают советы, и все дела решаются хотя с общего согласия, но почти по их определению»⁸²⁵. Местное мусульманское духовенство, по словам И. Березина, «присутствует в народных собраниях, где имеет сильный голос»⁸²⁶.

Все сказанное говорит о том, что в Табасаране, как и в других вышеописанных владениях Дагестана, джамаат потерял былой демократический характер. Это относится и к джамаату Табасарана в первой половине XVIII в. Если бы на сходах существовало равенство, то вряд ли бы участники джамаата «избирали» наследственных владетелей.

Что же касается местного управления нижней, или так называемой райятской, частью Табасарана, то здесь его осуществляли беки. Они производили суд и расправу, хотя «раяты не признавали права изгнания, лишения членов жизни и если так случилось, оценивали как насилие — зельм»⁸²⁷.

Мы уже знаем, что в Табасаране имелось два самостоятельных владения, которыми управляли майсум и кади. Титул майсума, сообщает И. Гербер, наследственный. После смерти владетеля «старший его сын махсумом назначен и поставлен был, только от султана дербентского, а не шаха; однако ж в том согласии всего табасаранского народа потребно было»⁸²⁸.

Имеющиеся материалы не подтверждают мнения нашего автора о назначении майсума султаном — шахским ставленником в Дербенте. Ведь и сам И. Гербер считает титул майсума наследственным. К этому стоит добавить, что титул кади также был наследственным. Однако при смене майсума и кади соблюдался обряд «избраия». Он происходил на сходе представителей всех магалов (узденских и райятских), созываемых в определенных местах. «Избраия» майсума осуществлялось на сходе в северном Табасаране близ сел Туруфа⁸²⁹.

⁸²⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 16, л. 1—4.

⁸²⁵ ИГЭД, с. 316.

⁸²⁶ Березин И. Указ. соч., с. 80.

⁸²⁷ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 3, л. 104—105.

⁸²⁸ ИГЭД, с. 104—105.

⁸²⁹ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 2 об.

Поскольку наш автор рассказывает только об обряде «избрания» майсума, нелишне будет остановиться и на порядке «избрания» кади. Вот как это происходило. Претендент в кади извещал ругужского старшину, тот в свою очередь сообщал о предстоящих «выборах» старшинам Храха и Хива, после чего они призывали народ на сход в местечко Харба-Кур, ниже Татия, близ сел. Хучни. На сходе к будущему кади подходил старшина сел. Хурик, изильдин-агляр, снимал с него шапку и надевал на него свою, «говоря при этом, чтобы кади был к народу справедлив и милостив». Затем кади поздравляли. Участников схода кади угощали, а старшин одаривали подарками: ругужского старшину — лошадью, храхского и хивского — по одной голове рогатого скота, а менее значительных — по 1 бурмену. Этим завершалось посвящение в кади.

Кади так же, как и майсум, «производил суд, расправу, собирал народ на войну, предводительствовал им, был полновластным хозяином... пользовался неограниченной властью»⁸³⁰. В случае войны майсум и кади собирали ополчение, которым и предводительствовали. По зову этих владельцев беки были обязаны являться со своими пукерами и райятами. Идти в ополчение были обязаны и уздени. Они, отмечает вышеупомянутый П. Ф. Колоколов, «собираются по сигналу, который подается ружейным выстрелом, с криком «харай» и могут быть на месте, откуда подан сигнал, не прежде, как через полтора дня»⁸³¹. При этом «близ Дербенте живущие, — сообщает И. Гербер, — добро оружены, далее живущие употребляют одни луки со стрелами». Очевидно, утверждение «добро оружены» надо понимать в том смысле, что они имели и огнестрельное оружие. Однако трудно поверить нашему автору, что жители узденского Табасарана вовсе не знали огнестрельного оружия и были вооружены только луком и стрелами. Согласно данным конца XVIII в., из узденского Табасарана собирались до 3 тыс. человек, из них не более 300 человек конных. Всего майсум мог выставить 3 тыс. вооруженных ополченцев, а кади — более 5300 человек⁸³².

* * *

На юге Дагестана, там, где Кавказский хребет подходит к самому берегу Каспийского моря, оставляя лишь узкий проход, вот уже несколько столетий стоит один из древнейших городов нашей страны — Дербент. Установлено, что название города Дербент, точнее, Дербенд происходит от иранского «дер», «дар» — дверь, ворота, теснина, проход и «бенд» — преграда («запор во-

⁸³⁰ ПОПД, с. 49—50. Описание обряда избрания майсума и кади см.: *Берегин И.* Указ. соч., с. 79.

⁸³¹ ИГЭД, с. 316.

⁸³² Там же.

рот», «застава», «связь ворот»). Однако это не единственное название города. Наиболее древние названия, как полагают ученые, — это «Каспийские ворота», «Морские ворота» (греч. *Καδπιαι πύλαι*; лат. — *Caspia Portale* и *Caspia claustra*; армянское — Чора (Джора), иногда Цур, Суль; грузинское — Дагвисари (Морские ворота); древнерусское — Железные ворота; арабы прозвали город «ал-Баб» (Ворота), «Баб-ал-абваб» (Ворота ворот) или «ал-Баб ва-л-абваб» (Ворота и ворот); турки называли «Темиркапысы» (Железные ворота). Народы Дагестана — даргинцы и лакцы — до сих пор называют Дербент «Чулли», «Чурул».

Обычно о Дербенте говорят, что это — город-музей. Он не только грандиозен по своим масштабам и внушительной монументальности каменных стен, но и хранит большое число важнейших исторических памятников, в частности многочисленные эпитафические надписи, которые изучались и поныне изучаются исследователями. Наш автор приводит легенду, рассказывающую о том, что основателем крепостных стен Дербента был Искендер или Александр Македонский⁸³³. Эта получившая широкое хождение легенда⁸³⁴ в своей основе неверна. Но она интересна тем, что строительство оборонительного комплекса относится к глубокой древности. И действительно, Дербентская крепость возникла задолго до нашего летосчисления. В недавно обнаруженной нами рукописи местного автора XIX в. Мирзы Хайдара Везирова (Дербентского) отмечается, что в 733 г. до н. э. во время правления шаха Лехрасна «на месте высоком, изобильном водою и здоровом по климату» была воздвигнута крепость Нарын-Кала⁸³⁵. Аналогичные сведения содержит и труд Хамдаллаха Казвини. Дербент, пишет он, «построил... Лехрасип Киянидский, а внук его Исфендиярбен Киштасф бен Лехрасип окончательно устроил»⁸³⁶. В этой связи большой интерес представляет мнение В. Ф. Минорского. «Возможно, — писал он, — что уже при Ахеменидах предпринимались некоторые меры для защиты Кавказских проходов от набегов с севера»⁸³⁷.

Если верить приведенным источникам, то Дербентской крепости более 2700 лет. Проводимые в последние годы археологические раскопки в крепости Дербент показали, что под слоями средневекового города «погребен большой опорный пункт, появившийся здесь более чем за тысячу лет до проникновения сюда сасанидского Ирана»⁸³⁸. К тому же, как отмечает А. Б. Куд-

⁸³³ ИГЭД, с. 87; *Beschreibung...*, S. 37.

⁸³⁴ *Бертельс Я. Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.—Л., 1948; *Костюкин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.

⁸³⁵ *Гаджиев В. Г.* «Дербент-наме» Мирза Хайдара Везирова.— ВИД, 1975, вып. II, с. 286.

⁸³⁶ См.: *Березин И.* Указ. соч., с. 7.

⁸³⁷ *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 30.

⁸³⁸ *Кудрявцев А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 28.

рявцев, «исследования самого массового археологического материала из наиболее древних слоев Дербента развеяли миф о великих чужеземных основателях города, убедительно доказав, что мощный опорный пункт, возникший здесь в VIII—VI вв. до н. э., был основан местными племенами»⁸³⁹. Что же касается мнения, традиционно связывающего строительство Дербентской крепости с именами сасанидских царей — то с Ездигердтом II (439—457), то с Ковадом (488—531) и его сыном Ануширваном (531—579), — точнее будет считать, что во время их правления крепость перестраивалась.

На это обстоятельство указывают и другие исследователи. Тот же Мирза Хайдар пишет: «Приводя в повиновение Хагана Туркестана, Ардашир (внук Сасана основателя династии, правил в 220—240 гг.⁸⁴⁰) через землю Хазар прибыл в Дербент, по повелению его восстановлены развалившиеся места стен»⁸⁴¹. Позже, в начале VI в., Кобад вновь завоевал Дербент у хазар и передал Хосрову. В этот период, как отмечают источники, были перестроены стены Дербента⁸⁴². Ат-Табари отмечает, что в период правления царей Фируза, Кобада и Ануширвана «были построены город и укрепления в области Сул из камня»⁸⁴³. В одном из списков «Дербент-наме» говорится: «Кобадшах восстановил то, чего не хватало, и исправил ее в течение года, пока не довел до вилайета Табасарана. Он поставил над ней ворота, и когда он завершил это, то поставил стену с южной стороны в течение семи месяцев»⁸⁴⁴. Мирза Хайдар отмечает, что Ануширван после изгнания хазар «прибыл в Дербент и пробыл в нем 6 месяцев. Он нашел стены города, уравнинные с землей, а стены Нарын-Калы развалившимися, почему повелел вызвать из Рума и Ирана триста искуснейших мастеров, назначить тысячу человек крепкого телосложения для ломки камня и воздвигнуть две крепкие зубчатые стены... Повеление Ануширвана было приведено в исполнение в протяжении 4 лет. Для самого шаха построен высокий дворец в середине Нарын-Калы»⁸⁴⁵.

Из сказанного явствует, что в период правления Сасанидов дербентские стены были «исправлены», «восстановлены» и «воздвигнуты». Кроме того, приведенные выдержки интересны и тем, что наводят на мысль о самом активном участии местного населения в работах по сооружению этих стен. Огромные ма-

⁸³⁹ Там же, с. 61.

⁸⁴⁰ Фрей Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 368.

⁸⁴¹ Гаджиев В. Г. «Дербент-наме»..., с. 287.

⁸⁴² Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР. М.—Л., 1941, с. 67.

⁸⁴³ Ат-Табари. История пророков и царей. Пер. А. Р. Шихсаидова.— Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 4803, л. 12.

⁸⁴⁴ Дербент-наме. Пер. А. Р. Шихсаидова.— Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 124, с. 49.

⁸⁴⁵ Гаджиев В. Г. «Дербент-наме»..., с. 288.

териальные средства, требовавшиеся для строительства поистине грандиозного оборонительного комплекса, Сасаниды собирали с местного населения. Моисей Каганкатвацци прямо указывает: «Цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания (дербентских стен.— В. Г.), которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным (Каспийским.— В. Г.)»⁸⁴⁶. Правы авторы «Истории Азербайджана», утверждая, что « всю работу по возведению оборонительных стен выполнили жители Албании. Сасаниды заставили десятки тысяч крестьян и ремесленников трудиться на строительстве крепостей, в которых захватчики размещали свои гарнизоны»⁸⁴⁷. Все это является как бы ответом на недоуменный вопрос нашего автора: «Не можно рассуждать, откуда столько много людей, которые к такой работе потребни взялись»⁸⁴⁸.

Считалось, что дербентский оборонительный комплекс составляли не только огромные каменные стены с цепью фортов, башен и укрепленных ворот, но и стена, которая уходила далеко на запад. Однако предположение о том, что эта стена была длиной 200 км и доведена до самого Черного моря⁸⁴⁹, — сильное преувеличение. На самом деле стена Даг-Бара имела протяженность 15 км, а затем более 25 км укрепления представляли собой башни и форты. В начале XVIII в., как свидетельствует И. Гербер, стена «оная расстоянием от города 5—6 верст, еще и ныне за башнями в целости. И далее Табасараны также несколько башен и остатков видно»⁸⁵⁰. Остатки этих укрепленных башен сохранились до наших дней.

За свою многовековую историю Дербент не раз подвергался нашествию иноземных захватчиков и героически оборонялся, его разрушали и восстанавливали вновь. Особенно пострадал Дербент во время монголо-татарского нашествия и опустошительного вторжения Тимура. По словам венецианского посланника Контарини в Дербенте «едва ль шестая часть всего пространства, находящегося под горою по направлению цитадели, населена: со стороны же моря все почти здания разрушены»⁸⁵¹.

В начале XVI в. Дербент оказался подвластен Сефевидам. По повелению шаха в 915 г.х. в Дербент было переселено из Тавриза «500 семейств из поколения Румна». При шахе Исмаиле, заключает Мирза Хайдар, «жители Ирана, принадлежащие суннитской секте, равно как жители Дербента, бывшие до того вре-

⁸⁴⁶ История Агван Моисея Каганкатвацци. СПб., [б. г.], с. 105.

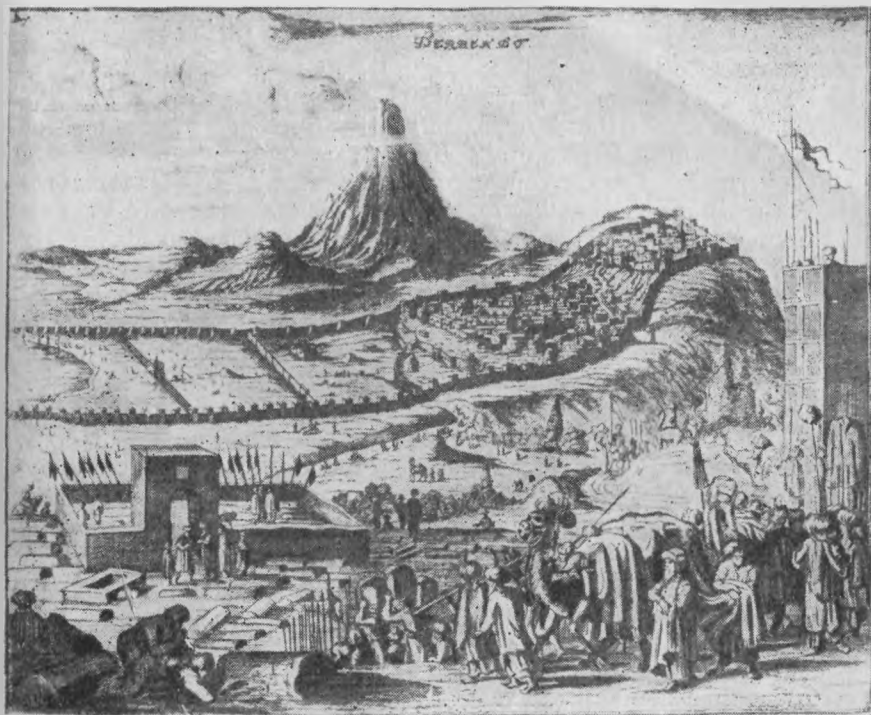
⁸⁴⁷ История Азербайджана, т. I. Баку, 1958, с. 82.

⁸⁴⁸ ИГЭД, с. 83.

⁸⁴⁹ Там же, с. 87; Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 122—123.

⁸⁵⁰ ИГЭД, с. 87.

⁸⁵¹ Контарини. Путешествие к персидскому шаху Усун-Гассану 1473 г. СПб., 1836, с. 79.

Гор. Дербент в XVII в.

мени суннитами толка шафьи», сделались шиитами⁸⁵². Для «жительства и защиты» в Дербент были переселены «400 семейств из поколения Гурган»⁸⁵³.

Не совсем ясно излагает наш автор последующие события. Он пишет, что турецкий султан Амурад (Amurath) покорил Дербент «и знатных людей из дербентских фамилий пленниками с собою увез, и национальных турков тамо стражею он оставил». Султан Амурад — это султан Мурад III (1574—1595). Сам он в Дербенте не был, но в его правление Турция, пользуясь ослаблением Ирана, начала борьбу за овладение Кавказом. В 1578 г. на Кавказ вторглась 100-тысячная турецкая армия под командованием Мустафы-Леля-Паши. Турецким войскам удалось захватить ряд областей Грузии, Азербайджана и Дагестана, в том числе и Дербент. Однако народы Дагестана, как и народы Закавказья, вели упорную борьбу с захватчиками⁸⁵⁴. В 1603 г.

⁸⁵² ВИД, 1975, вып. II, с. 290.

⁸⁵³ ИГЭД, с. 87; Beschreibung..., S. 36 об.

⁸⁵⁴ Подробно об этом смотрите в кн.: Гаджиев В. Г. Роль России..., с. 74—95; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освобо-

возобновилась ирано-турецкая война, а в 1606 г. шахские войска вытеснили турок из Дербента. С этого времени он вновь оказался под властью Сефевидов.

Во время правления шаха Аббаса вновь были исправлены стены Дербента⁸⁵⁵. «Шах Аббас,— пишет Везиров,— повелел возобновить некоторые места стен Дербента и построить две новые поперек города, одну в середине, а другую в нижней части его». По его же повелению «Федхад-бек, начальник боядского племени с четырьмястами подвластных ему семейств переселился из Нишапура Харасанской области в гор. Дербент для защиты его от нападения неприятелей»⁸⁵⁶. Однако Сефевиды укрепляли Дербент не только для целей обороны покоряемой ими территории. Е. И. Козубский прав, утверждая, что они укрепляли Дербентскую крепость и сосредоточили здесь мощный гарнизон с артиллерией, чтобы держать «в повиновении живущих в крепостях суниитов»⁸⁵⁷, т. е. народы Дагестана и др. Теперь понятно, какое значение придавали Дербенту шахи Ирана и почему они проявляли такую «заботу» о Дербенте и о его стенах. Не приходится сомневаться и в том, что при каждой перестройке стен Сефевиды принуждали работать местное население.

В начале XVIII в., когда наш автор побывал в Дербенте, город вытянулся «в 1730 сажень, а ширина в широком месте подле моря... а в самом узком месте 100 сажень, и разделено на 4 части, которые стеною друг от друга разделены»⁸⁵⁸. Если учесть, что сажень равнялась 2,134 м, то северная стена была длиной 3700 м, а ширина города в самом узком месте была более 200 м. П. С. Спасский дает следующие размеры: южная стена от моря до цитадели — 3500 м, северная стена — 3675 м, расстояние между стенами — 450 м (около цитадели — 350 м). Таким образом, площадь города составляла около 1,5 кв. км. Цитадель стояла на 340 м выше уровня моря⁸⁵⁹.

Сведения П. И. Спасского относятся к XX в. Сравнение с ними сведений нашего источника показывает, что И. Гербер довольно правильно дает размеры стены. Что же касается поперечных стен, разделявших город на четыре части, то следует сказать, что они сохранялись и позже. Лишь в середине XIX в. их разобрали.

Правильно определены в нашем источнике и размеры «Дербенту надлежащего уезда». Они идентичны данным других источников. Для сравнения приведем сведения, содержащиеся в

дательная борьба народов Дагестана в XVIII в. Махачкала, 1974, с. 113—122.

⁸⁵⁵ Бартольд В. В. Соч., т. II. М., 1963, с. 428.

⁸⁵⁶ ВИД, 1975, вып. II, с. 291.

⁸⁵⁷ Козубский Е. И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с. 58.

⁸⁵⁸ ИГЭД, с. 86.

⁸⁵⁹ Спасский П. И. Укрепление Дербента. Баку, 1929; Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 120.

известном труде П. Г. Буткова: «Вся собственная дербентская провинция простирается к югу на 30 верст до реки Самура, к западу от 5 до 8 верст к Табасарану, и на севере на 15 верст...»⁸⁶⁰

Однако сведения И. Гербера могут создать у читателя не совсем верные понятия об этническом составе населения Дербента. К этому вопросу наш автор обращается трижды и каждый раз сообщает новые сведения. В Дербенте, сообщает он, говорят на персидском, или фарси, и на «турецком и татарском помещенном». Персидский больше употребляет духовенство, а простой народ персидский не знает⁸⁶¹. В это положение следует внести некоторые уточнения. Можно согласиться, что большая часть местного населения персидского языка не знала, памятью при этом, что таты и горские евреи говорили на диалекте персидского языка. Чуть ниже наш автор сообщает о том, что в Дербенте проживали «купеческие люди» из персиан, армян, грузин и индусов, утверждает, что в нижней части города жили греки. Однако в Дербенте бывали горцы — ремесленники и торговцы, но о них И. Гербер ни словом не упоминает. Между тем, как свидетельствуют источники, еще в начале XVI в. жители Дербента говорили «по-черкески или по-турецки»⁸⁶². Издавна в Дербентском «уезде» жили горские евреи. Проживали здесь и русские купцы. Все это, конечно, надо иметь в виду при изучении этнического состава Дербента.

За многовековую историю Дербент не раз попадал под власть восточных деспотий, временами все же приобретая независимость. Во второй половине XVII — начале XVIII в. находился под властью шахов Ирана. И, как совершенно справедливо отмечает наш автор, «султаны или губернаторы» назначались шахами⁸⁶³. Султан «яко главный повелитель» имел неограниченную власть. Пользуясь этим, он управлял краем шахским установлением и по своему усмотрению, копировал все порядки шахского двора, подражая во всем шахскому окружению. И в этом смысле можно согласиться с Е. И. Козубским, утверждавшим, что здесь «общественный строй, цивилизация, нравы были персидские»⁸⁶⁴. Простому народу все это было чуждо. Однако он на себе испытывал невыносимо тяжелый гнет персидских завоевателей.

Султаны Дербента одновременно являлись и командующими наличных воинских сил. Однако утверждение нашего автора, что все население Дербента составляли военные⁸⁶⁵, нельзя понимать

⁸⁶⁰ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 28.

⁸⁶¹ Beschreibung..., S. 34; ИГЭД, с. 85.

⁸⁶² Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг. М.—Л., 1948, с. 144; Бартольд В. В. Соч., т. II, с. 427. «Черкесами» на Востоке обычно называли все горские народы Северного Кавказа. В данном случае речь идет о народах Дагестана.

⁸⁶³ Beschreibung..., S. 33; ИГЭД, с. 85.

⁸⁶⁴ Козубский Е. И. История Дербента, с. 59.

⁸⁶⁵ Beschreibung..., S. 135; ИГЭД, с. 85.

буквально. С И. Гербером можно согласиться в том, что при необходимости жители Дербента должны были выставить 600 человек конных и 1000 человек пехотинцев. К тому же в Дербенте, как и в главнейших городах Персии, имелся еще отряд курчи (Kurdchi) наподобие гвардии, в состав которого будто бы зачислялись лица по велению самого шаха. Начальником над отрядом курчи был наиб Дербента.

Как видим, правители Дербента имели под рукой довольно внушительные воинские силы для обороны. Благодаря им султаны могли держать в повиновении и жителей дербентского «уезда». Тех же, кто не в состоянии был платить «превеликие подати», наказывали «жесточайшим образом»⁸⁶⁶. Подвластные султанам Дербента воинские силы предназначались также и для того, чтобы держать в повиновении правителей соседних владений. Можно даже сказать, что дербентское беглербегство служило Сефевидам как бы плацдармом для расширения своей агрессии на северо-восточном Кавказе.

Все это беспокоило и вызывало законное недовольство местного населения. И не случайно, когда вспыхнуло антиирапское выступление, султан Дербента бежал в Иран. Недовольством владычеством Ирана отчасти можно объяснить и радушную встречу, оказанную дербентцами Петру I. Известно, что 23 августа 1722 г. русские войска без боя вступили в Дербент. Когда русские войска, предводительствуемые Петром I, пишет Мирза Хайдар, вступили «во владения Дербента, жители оного вышли на встречу сего могущественного царя с ключами города и были осчастливлены словом его. Когда он подъезжал к Кирхлярским воротам, случилось землетресение, как заметил сам государь, город хотел сделать ему торжественный прием, поколебив стелы перед его могуществом»⁸⁶⁷. В своем письме в сенат Петр I следующим образом описал вступление русских войск в Дербент: «Наиб сего города встретил нас и ключ поднял от ворот. Правда, что сии люди велицемерно любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»⁸⁶⁸.

Сразу же после вступления русских войск к Петру I стали обращаться феодальные владетели Дагестана и Азербайджана с изъявлением покорности и с просьбами принять их в подданство России. Так, уцмий Ахмед-хан и Солтан-Махмуд «со всеми старшинами отдались в подданство России» и по обычаю того времени «представили аманатов». Тогда же «кадии Табасаранский Рустем-бек и Майсум-бек... подчинились дербентскому коменданту»⁸⁶⁹. К Петру I с аналогичными просьбами обратились и жители владений Азербайджана.

⁸⁶⁶ Гмелин Г. Путешествие по России, ч. III. СПб., 1785, с. 23.

⁸⁶⁷ ВИД, 1975, вып. II, с. 291.

⁸⁶⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. IV. СПб., 1901, с. 677; Покоренный Кавказ. Владикавказ; 1901, с. 83.

⁸⁶⁹ ЦГА Даг. АССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 8.

Даже зарубежные историки, как правило, освещающие тенденциозно русско-кавказские отношения, вынуждены признать, что многие владения Дагестана и Азербайджана вступали в подданство России. «Народы тамошние,— писал историограф иракского двора Мирза-Мехти Астрабади,— опасаясь владычества турок, как непримиримых врагов, без разрешения шаха явились к нему (Петру I.— В. Г.) с покорностью»⁸⁷⁰. Однако недолго оставался здесь Петр I. Оставив гарнизоны в Дербенте, Рубасе и других местах, он с частью войск вернулся в Россию. Наибом Дербента Петр I назначил Имам-Гулибья (Imam Gali-Beg), точнее, Имам-Кули-бека, присвоив ему звание генерал-майора.

Источники отмечают, что Дербент в начале XVIII в. переживал тяжелые времена. В силу ряда внутренних и внешних причин в совершенный упадок пришла экономика уезда, город опустел. В средних частях города, свидетельствует И. Гербер, живут «все дербентские обитатели». В нижней же части города «строение разорено, что ныне оной пуст и никто во оном не живет»⁸⁷¹. Пришли в упадок сельское хозяйство, ремесло и торговля.

Однако с присоединением Дербента к России дела начали изменяться в лучшую сторону. И это в значительной мере предопределялось тем, что Россия оказывала всяческую поддержку и помощь в развитии экономики Дербента. Решив освободить русскую мануфактурную промышленность от зависимости иностранного сырья, Петр I стремился увеличить производство в Дагестане шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, шафрана, но особое внимание русское правительство обратило на развитие виноградарства, садоводства и овощеводства. В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, именуемое в официальных документах «садами и огородами е.и.в.» В садах росли яблоки, гранаты, сливы, инжир, тутовник, виноград. Старые виноградники были выкорчеваны и посажены лучшие сорта винограда⁸⁷². Посадкой винограда руководил выписанный из Венгрии специалист Туркул. Только в 1724 г. было посажено 13 тыс. виноградных лоз. В Дербенте наладили изготовление вин. Сюда были присланы иностранные мастера, и уже к лету 1723 г. стояло готовым к отправке в Астрахань «учиненное для пробы виноградное вино трех мастеров: француза, венгра и цесарца». Осенью 1723 г. винный погреб Дербента изготовил 2 тыс. ведер вина. Одновременно развивалось полеводство местных жителей. На это указывает и наш автор. «По обеим сторонам за городом,— сообщает он,— обитатели имеют пашен довольно число и добрых виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш,

⁸⁷⁰ William J. The history of the life Nadir-shah, King of the Persia, v. I, [S. I.], 1799, p. 56.

⁸⁷¹ ИГЭД, с. 86.

⁸⁷² Лысов В. П. Указ. соч., с. 39—40.

персиков, сизи, гранаты и прочие, также даже и арбузы около города везде имеются бесчисленно»⁸⁷³. В дворцовых огородах Дербента выращивалась ценная культура шафран — пряность и красящее вещество. В 1723 г. собрали 420 фунтов шафрана, который был отправлен в Петербург⁸⁷⁴.

Русское правительство наметило также конкретные меры по развитию торговли с Кавказом и странами Ближнего Востока. Немалое значение в расширении торговли придавалось и Дербенту. Но так как здесь не было благоустроенной пристани, Петр I приказал «делать» в Дербенте «гавань по чертежу»⁸⁷⁵. Работы по благоустройству гавани проводились в 1723—1724 гг.⁸⁷⁶ Жителям Дербента грамотой Петра I было объявлено, что они «от всех их неприятелей в защищении и обороне твердой» будут и «позволяется им пребывание свое и купечество иметь, и отправлять свободу»⁸⁷⁷.

Для развития экономики в «новоприобретенных провинциях» и, в частности, для оживления торговли русские власти добивались, чтобы армяне возобновили торговлю с Россией через Дербент и другие города Кавказа⁸⁷⁸. Тогда же кавказской администрации было дано разрешение поселять в Дербенте, как и в крепости Св. Креста, армян «и содержать оных в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли»⁸⁷⁹. Переселившиеся вслед за этим в города «мастеровые, работные и торговые люди» из армян способствовали развитию внутренней и внешней торговли Дагестана. Немалое значение в развитии торговли Дагестана имело разрешение «отпускать свободно»⁸⁸⁰ армян и других жителей Астрахани «для купечества и нужд... в Тарки, Дербент и Гилян», а также учреждение в 1723 г. в Астрахани компании для торговли с Персией, которая, как известно, вела торговые операции с городами Кавказа, в том числе и с Дербентом.

Документы свидетельствуют, что из Дербента в Астрахань привозили шелк-сырец, «шелк вареный», парчовые и прочие товары⁸⁸¹. Указом сената от 1724 г. было разрешено вывозить из России в Дагестан железо, свинец и порох, а также был открыт беспошлинный провоз и свободная продажа вина, табака «всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте,

⁸⁷³ *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваниях.— Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах (СПб.), 1763, январь, с. 352; *Лыцов В. П.* Указ. соч., с. 41—42.

⁸⁷⁴ Там же.

⁸⁷⁵ ИГЭД, с. 86.

⁸⁷⁶ Походный журнал 1722 г., с. 74; *Лыцов В. П.* Указ. соч., с. 89.

⁸⁷⁷ РДО, с. 260.

⁸⁷⁸ *Эзов Г. А.* Указ. соч., с. 352; Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I. М., 1833, с. 160—162.

⁸⁷⁹ *Куканова Н. Г.* Указ. соч., с. 253.

⁸⁸⁰ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1723 г., д. 6, л. 58.

⁸⁸¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., кн. 94, л. 308.

кр. Св. Креста и других местах новых провинций»⁸⁸². Для торговли в России местным торговым людям, в том числе и дербентским купцам, обычно предоставлялись льготы; к их услугам были и русские купеческие суда. Принятые меры, как и следовало ожидать, незамедлительно сказались на росте торговли Дербента.

Здесь нельзя не сказать хотя бы несколько слов о тех весьма примечательных взаимоотношениях, которые сложились у горожан с командованием экспедиционного корпуса и русскими солдатами. Выше уже отмечалось, как радушно были встречены русские войска горожанами Дербента. И в последующие времена не было (во всяком случае источники этого не заметили) ни одного инцидента из-за каких-либо неполадок. В плане раскрытия характера отношений, сложившихся между горожанами Дербента и Россией, большое значение имеют следующие факты. В бытность Петра I в Дербенте, рассказывает Мирза Хайдар, «некоторые офицеры его войска принесли ему жалобу, что жители не продают им хлеб. Добродушный царь, желая лично удостовериться в справедливости их жалобы, взял с собой проводника и двух солдат и отправился в первую попавшую ему улицу Мелик-куче. Вошел в один двор и застал хозяйку, раскладывавшую только что испеченные чуреки; государь просил ее продать им 4 чурека, предлагая за них цену, какую она сама назначит, по хозяйка отвечала, что без позволения хозяина (мужа) она не может сделать этого. Запасы муки у них оказываются были недостаточными для продовольствия собственного их семейства. Сказав это, она разломилла один чурек на 4 части и подала по куску каждому из них, решительно отказавшись от платы, которую ей предлагали. Император, довольный добротой этой женщины, наградил мужа ее и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что было немедленно исполнено»⁸⁸³.

Официальные документы свидетельствуют о том, что в 1722 г. наиб Дербента в связи с продовольственными затруднениями обратился к России с просьбой оказать продовольственную помощь жителям города. «А в съестных припасах, — писал он, — паходимся зело до скудости... А кроме в.н.в. ни от кого вспоможения не ожидаем, того ради просим в.н.в. ... дабы соблаговолили учинить свой милостивый указ о присылки на судах к рабам в.в. муки, масла и сала. Понеже у нас весьма голод»⁸⁸⁴. По указанию Петра I из Астрахани было отправлено 5 тыс. четвертей хлеба, а также масло, соль и другие продукты, «что определено дербентским жителям», а также было приказано известить жителей Дербента, что «они ныне могут свободно

⁸⁸² ПСЗ, т. VII, с. 526—527.

⁸⁸³ ВИД, 1975, вып. II, с. 291—292.

⁸⁸⁴ РДО, с. 270.

получать хлеб из Гиляна», и для доставки хлеба велено было им «определенные бусы (суда.— В. Г.) дать»⁸⁸⁵. В сентябре 1723 г. наиб Имам-Кули-бек, извещая о получении муки, посланной для жителей Дербента, доносил: «А ныне присланный в 300 кулей запас нам вручен»⁸⁸⁶.

Предпринятые Россией меры, с какой бы целью они не осуществлялись, улучшили благоустройство города, способствовали подъему его экономики и увеличению народонаселения. Так что все факты и показания современников, побывавших в Дербенте, о развитии сельского хозяйства (производстве зерна, фруктов, овощей, виноградарстве, виноделии и др.), о развитии ремесла и торговли нужно прежде всего считать результатом присоединения края к России и его объективно исторических прогрессивных последствий.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁸⁸⁵ Приказы и письма Петра Великого.— Отечественные записки, 1876, т. 20, с. 247; Русский вестник, 1876, т. 68, с. 596.

⁸⁸⁶ РДО, с. 287.

ЗАКАВКАЗЬЕ

Закавказью в анализируемом источнике посвящено 25 статей, причем 24 из них излагают сведения по истории Азербайджана и лишь одна, притом очень краткая, — о некоторых событиях, имевших место в Кахетии. Статьи по Азербайджану содержат сведения о куба-хачмасской, шемахинской, апшеронской и пухо-закатальской зонах. Иначе говоря, эти материалы освещают 4 из 10 историко-этнографических районов Советского Азербайджана¹. Если вчитаться в текст этих статей, становится очевидным, что в них, помимо наличия чисто этнографических материалов, поднимается ряд крупных и чрезвычайно важных вопросов: хозяйственного развития края, политической обстановки и антииранской борьбы народов Кавказа, движения за присоединение к России и тесно связанной с этим борьбе народов Азербайджана против османских захватчиков. Поэтому и мы, несколько нарушая принятую нами структуру разбора каждой отдельно взятой статьи, решили все эти материалы сгруппировать и рассмотреть вместе. Поскольку вопросы социально-экономического развития Азербайджана достаточно хорошо изучены историками республики, мы не останавливаемся на анализе сведений такого рода. По этой же причине ограничиваемся лишь краткими характеристиками этнического состава разбираемых зон.

Основное внимание мы уделяем разбору сведений нашего автора, освещающих историю антииранской борьбы народов Кавказа, так как в этом движении принимали самое активное участие и горцы Дагестана.

АЗЕРБАЙДЖАН

Сведения об Азербайджане изложены в параграфах немецкого текста, озаглавленных «Muschkur» («Мюшкур»), «Niesabath» («Низават»), «Schabran» («Шабран»), «Rustau» («Рустай»), «Schespargah» («Шеспара»), «Bärmäk» («Бермяк»), «Schamachie» («Шемаха»), «Kaballah» («Кабала»), «Agdasch» («Агдаш»),

¹ Советский Азербайджан. Под ред. М. М. Алиева, Самеда Вургуня (Бекилова), Ш. Ф. Мехтиева, П. М. Алампиева, Э. М. Шихлиевского. Баку, 1958; Трофимова А. Г. К вопросу об этнографических зонах Азербайджанской ССР. — КСИЭ, 1959, вып. 32.

«Bacu» («Баку»), «Sallian» («Сальян»), «Dschawath» («Джават»), «Cuba» («Куба»), «Gulchan» («Гулхан»), «Schaki» («Шаки»), «Dsahar» («Джар»), «Buduk» («Будух»), «Chanaluk» («Ханалук»), «Krisz» («Криз»), «Dschak» («Джак»), «Alyk» («Алык»), «Kapuť» («Капут») ².

Из данного перечня видно, что ряд статей посвящен описанию так называемых шахтагских народов: будухов, кризов, хипалугов. Установлено, что они по культуре и быту уже в XIX в. были едины с азербайджанским народом, хотя в деталях их культуры и быта наблюдались различия ³. В связи с этим определенный интерес приобретает утверждение И. Гербера о том, что эти народы говорят на лезгинском языке и притом «турецкой с татарским помешанной разумеют и употребляют». Известно, что самоназвание кризов — «къртуIар», их язык называют кризским (къруIаь-мез); в литературе их язык называют и джекским. Некоторые языковеды склонны считать кризский, джекский, хапутлинский, ергюджский, алыжский языки самостоятельными, другие полагают, что эти языки распадаются на диалекты. Последняя точка зрения считается наиболее правильной ⁴. Самоназвание будухов — «будад», а язык свой они называют «будад-мез». На будухском языке, очень близком кризскому, говорят жители Конахкендского района Азербайджанской ССР ⁵. Самоназвание хиналугов — «кетие-халк» (буквально кетшский народ, по названию главного селения Кентш) ⁶.

Общезвестно, что эти языки родственны дагестанским языкам, в частности лезгинскому. Об этом, как ни удивительно, знал И. Гербер. Не менее интересно и утверждение нашего автора о том, что эти народы «разумеют и употребляют» азербайджанский язык. Не говорит ли это о том, что они уже тогда были двуязычны. В куба-хочмасской зоне Азербайджана издавна живут лезгины, известные как кубинские лезгины, а также горские евреи и таты; в нухо-закатальской зоне — аварцы и цахуры. По словам нашего автора, в Азербайджане «в разных уездах разсыпно» живут армяне (арменег). Кочевое население он называет арабы (Арабер). Такова в общих чертах этнографическая карта Азербайджана по анализируемому источнику. Хотя она и далека от совершенства, все же для своего времени дает довольно значимые сведения.

Заслуживает особого внимания и следующее высказывание И. Гербера. Касаясь вопроса о происхождении азербайджанцев, в частности азербайджанцев Мушкура, он утверждает, что они «в старых временах назывались агваны, может быть по разным

² Beschreibung... S. 30—31, 40—60.

³ Трофимова А. Г. Указ. соч., с. 38.

⁴ Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, с. 627.

⁵ Там же, с. 643.

⁶ Там же, с. 659.

произношениям алваны или албаны, и были все христиане армянского закону»⁷.

Проехав через весь Азербайджан в 1715—1718 г., А. П. Вольский писал: «Во всей Персии я почитаю лутчий провинции, начав от границы Турецкой Эриван и Тавризу... провинции Ширванская и Гилян, на которых великая польза персианам. И где бы я ни был, по прыбы точнее оных не видел... Ширван живых мест не мало и многолюдно и во всем довольство имеют, пожеже земля зело плодородна, и множество родится (которым и другие многие места довольствуютца) виноградов и протчих изрядных фруктов, каких я и в турецкой области не видал, также и лесов довольно, а особливо около моря. К тому же зело много... изрядных зверей, птиц, так же и скотом и рыбами, и особливо лутчей интерес их шелк, которого довольно везде родитца и редкая деревня, где не было шелковых заводов...»⁸.

С этой характеристикой хозяйства Азербайджана во многом совпадают хотя и кратко, но достаточно емкие оценки нашего источника. Во всех статьях И. Гербера подчеркивается красота природы, богатство земли⁹ и т. д. Но говоря об этом, он каждый раз отмечает, что все это было «до робелин» и что это «ныне в разорении»¹⁰. Сравнения этих сведений с другими источниками убеждают в достоверности сообщений нашего автора. Только в одном он, кажется, не прав. Он полагает, что разорение произошло только в результате антииранского восстания, в то время как упадок и разорение начались раньше, и можно даже сказать, что это было одной из причин, вызвавшей выступление трудовых масс. Общеизвестно, что в конце XVII — начале XVIII в. Иран переживал тяжелый экономический и политический кризис.

«Одним из наиболее важных факторов, обусловивших разложение и упадок Сефевидского государства, была чрезмерная, чем дальше, тем больше возрастающая, феодальная эксплуатация крестьянства и трудового населения городов, которая не только не сопровождалась ростом производительных сил, но и приводила к подрыву сельского хозяйства и ремесла»¹¹. Вместе с тем были и другие причины, вызывавшие разложение Сефевидского государства, такие, как непрекращающаяся междоусобная борьба, невероятная коррупция, разложение шахского двора и т. п. О шахе Ирана Хусейне А. П. Вольский писал: «... здесь такая ныне глота, что ни он пад подданными, по у своих подданных подданный, и чаю редко такого дурочка можно сыскать между простых, не только из коронованных, того ради сам ни в какие дела вступать не позволит, но во всем положении на своего

⁷ ИГЭД, с. 88; Beschreibung..., S. 41.

⁸ Журнал посланника Вольского 1715—1718 г.—В кн.: Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1928, с. 11—12.

⁹ ИГЭД, с. 87—99; Beschreibung..., S. 33—51.

¹⁰ Там же.

¹¹ Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М., 1952, с. 78.

наместника, Ехтима Давлета, который всякого скота глупее»¹². Источники подтверждают, что правительство шаха занималось казнокрадством и взяточничеством и погрязло в дворцовых интригах. Пытаясь предотвратить падение доходов, шахский двор увеличивал палог, взимаемые с разоренных крестьян страны. «Подданные великими налогами отягчены и платят чрезмерные коборы,— писал А. П. Вольнский,— но только больше того корысти управителям, а не государю, которому они приносят листвие, а самые плоды у себя оставляют, что уже у них вошло в обычай»¹³. Еще более жесткому произволу и насилью подвергалось население завоеванных областей.

«В 1698—1701 гг. в Азербайджане,— по свидетельству каталикоса Исайи (Есей) Хасана Джалаляна,— была проведена общая перепись населения, достигшего 15-летнего возраста, и объектов податного обложения. Перепись, как почти и всегда в подобных случаях, сопровождалась истязаниями крестьян и сельских старост... В результате этой переписи селения стали облагать по произволу властей по 150, 100, 50 туманов, каждое самое мелкое селение по 30—20 туманов. Цифры эти казались современникам небывалыми... Подушная подать была увеличена втрое. Были введены новые подати: «ихражат-и-шахзадё» — сбор на содержание шахских сыновей, «шеп динар» — сбор в шесть динаров, вскоре утроенный, и др. Не были пощажены не только крестьяне, но и ремесленники и купцы. Потом объявили новую перепись земель сельских общин, их пашен, виноградунок, садов... Провели перепись и среди кочевых азербайджанских племен... Все их стада, крупный рогатый скот, бараны и овцы были описаны и обложены налогом, удвоенным по сравнению с прежним временем»¹⁴. Однако и это не все. Наместники Сефевидов — беглербеги — и другие лица иранской администрации при сборе произвольно увеличивали палог, как правило, взыскивали с податного населения в 2—3 раза больше, чем было установлено. «Доходов государственных, как сказывают, с Шемахи и со всей провинции Ширванской... — сообщает А. П. Вольнский,— собирается... 80 000 рублей персидскою монетою. Однако ж сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждый год собирают и по своим карманам делят, как в бытность мою шемахинский хан именем Кей-Хосров учинил, который собрал 200 000 рублей»¹⁵. Согласно данным нашего источника, с Дербента и уездов Мюпкюр, Низават, Рустау, Бермяк султан собирал доходы «и понеже оп, султан, сам великое жалование имел»¹⁶.

Все это вело страну к глубокому упадку. Усиливающийся экономический, политический и национальный гнет вызывал за-

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. IV, с. 665.

¹³ Журнал посланника Вольнского..., с. 29—30.

¹⁴ Сб. статей по истории Азербайджана, вып. I. Баку, 1949, с. 297.

¹⁵ Журнал посланника Вольнского..., с. 12.

¹⁶ ИГЭД, с. 86.

конное недовольство трудящихся масс. В Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане развернулась антииранская борьба. В 1707 г. включились в антииранское движение джаробелоканцы и цахурцы. В 1709 г. произошло антииранское выступление в Ширване. В том же 1709 г. восстали горожане Тебриза. В 1711—1715 гг. вспыхнуло восстание в районах Соуджбулака, Тебриза и на Мугаши¹⁷ и во многих других местах. «Хотя нет конкретных данных о всех вооруженных выступлениях народных масс в Азербайджане в это время, — отмечает Ф. М. Алиев, — однако есть основание полагать, что народное недовольство и волнение были повсеместными»¹⁸. На это же указывал и А. П. Волюнский: феодалы «так озлобили народ своими поступками, что редкие остались места, где б не было реbellий»¹⁹.

Однако в исторической литературе все еще бытует мнение, что причиной антииранского выступления джаробелоканцев, кайтагцев и других дагестанцев якобы было то, что шах Ирана не уплатил им положенной субсидии. Это мнение может утвердиться и при изучении нашего источника. И. Гербер, как мы видели выше, сообщает, что шамхал тарковский и уцмий кайтагский получали из Ирана определенную сумму. Но можно ли из этого факта делать далеко идущий вывод? Здесь уместно вспомнить, что еще небезызвестный Д. Ханвей писал: «Шах Абас II, вступив на престол, заключил с шими (горцами Дагестана. — В. Г.) соглашение, обещав выплачивать ежегодно в виде субсидии определенную сумму каждому клану. А каждый из них обязался поставлять к шаху представителей с подарками: две телячьи кожи и две кожи ягненка в знак призвания его власти. И мир был установлен на этом, так как это было в интересах лезгин, они не нарушали этот договор до тех пор, пока субсидии, о которых они договорились, выплачивались им. Но 1700 туманов, предназначенных для этого в течение нескольких лет, использовались скупыми министрами шаха Гуйсейна в других целях. Тогда лезгины вновь прибегали к оружию и возобновили свои набеги»²⁰.

Это мнение со сноской на Д. Ханвея повторил В. П. Левинатов²¹. Однако при проверке это утверждение Д. Ханвея не подтвердилось. Во-первых, субсидии из Ирана получал «не каждый клан» и даже не все владетели Дагестана. Во-вторых, такие суб-

¹⁷ Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898, с. 250; Новосельцев А. П. Из истории классовой борьбы в Азербайджане и восточной Армении в XVII—XVIII вв. — ИЗ, 1960, № 7, с. 247; История Азербайджана, т. I. Баку, 1958, с. 290.

¹⁸ Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975, с. 21.

¹⁹ Журнал посланника Волюнского..., с. 17.

²⁰ Hanway J. An historical account of the british trade over the Caspian Sea, v. II. Dublin, 1754, p. 161.

²¹ Левинатов В. П. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, с. 66.

сидни получали, как известно, и другие ставленники шаха Азербайджана. Уже одно это говорит о том, что нельзя так однозначно объяснять причину выступления народных масс против владычества Ирана.

Восстание джарцев и других горцев было вызвано глубокими социально-политическими причинами, определившимися владычеством Ирана в Закавказье, «его реакционной ролью в отношении горских народов на протяжении многих десятилетий»²². Надо также помнить, что сефевидский Иран представлялся горским народам силой, постоянно угрожающей их национальной независимости и способствовавшей усилению социального гнета. Вот почему идея антифеодального протеста сливалась в сознании горцев с их антиколониальными устремлениями. К сказанному стоит добавить, что горцы, будучи суннитами, подвергались религиозным гонениям со стороны персов-шиитов, что вызывало недовольство не только среди мусульманского духовенства, но и со стороны широких народных масс. Недоверие ко всему персидскому доходило до того, что горцы, если верить Эвлия Челеби, брезгали «вести с ними (персами.— В. Г.) торговые связи, когда рука об руку обменивают свой товар с русскими христианами»²³. Из сказанного явствует, что причин для народного возмущения и развертывания освободительной борьбы против Ирана в Дагестане было более чем достаточно. Годами накапливавшийся горючий материал дал вспышку.

Восставшие джарцы в 1744 г. вступили в Ширван «и,— по справедливому замечанию В. Н. Левятова,— тут они попали на почву, где было много горючего материала... К джарцам стали стекаться толпы недовольных»²⁴. Если бы выступление джарцев, как пытались доказать некоторые историки, было набегом на подвластную Ирану территорию с целью получения причитающейся им субсидии, то вряд ли оно нашло бы поддержку в Ширване. Однако, как известно, выступление джарцев, поддержанное азербайджанцами, было направлено против иранской администрации, ее вооруженной челяди и против феодалов — приверженцев шахского правительства. Восстание носило ярко выраженный антииранский характер²⁵. Шахское правительство предприняло ряд мер для его подавления. Однако все попытки расправиться с восставшими оказались безуспешными. Повстанцы разбили белербегов Гасан-Али-хана ширванского, Угурлу-хана гилжинского, Кичик-хана шекпского. «Сколько бы ни приказывал шах своим войскам в Шемахе и в ее районах двинуться против восставших,— свидетельствует каталогос Исайя,— однако ханы, нахо-

²² Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957.

²³ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1182, л. 8.

²⁴ Левятов В. Н. Указ. соч., с. 66.

²⁵ Там же.

дившиеся в тех городах, как ни старались, никак не могли противостоять, а, наоборот, сами были поражены и уничтожены»²⁶.

Восстание получало все более и более широкий размах. В него включилась часть феодалов и местного мусульманского духовенства.

Восставшие, по словам Г. Алкадари, поставили перед собой цель «организовать убийства и уничтожение в Пухинском, Ширванском и Кубинском уездах поставленных шахом Гусейном ханом и их служащих»²⁷. Следует, однако, подчеркнуть, что феодалы и духовенство взялись за оружие по мотивам, далеким от интересов народных масс Азербайджана и Дагестана. За демагогическими лозунгами освобождения суннитов от еретиков-шиитов скрывались истинные цели — использовать выступления народных масс, благоприятную политическую обстановку для укрепления своей власти, преумножения богатств, расширения границ владений. На это в свое время указывал еще Неверовский: «Владетели,— писал он,— воспользовались этими волнениями, чтобы совершенно отложиться, а предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений»²⁸.

Заявив руководящее положение в движении, феодалы и духовенство, ловко играя на религиозных чувствах повстанцев, сумели придать восстанию религиозную окраску, и в дальнейшем оно развивалось под лозунгом борьбы правоверных суннитов против еретиков-шиитов.

Особая роль в этом принадлежит уроженцу сел. Девели Мюшкурского «уезда» Хаджи-Дауду. В исторической литературе принято считать Хаджи-Дауда беком или лезгинским владетелем. В действительности же, говоря словами нашего источника, он был «родом мужик простой», ловкий и предприимчивый. Дауд ездил на поклонение в Мекку, после чего принял сап хаджи, а затем, когда встал во главе отряда повстанцев, присвоил себе звание бека и стал называться Хаджи-Дауд-беком²⁹. Отряд, возглавляемый Хаджи-Даудом, И. Гербер называет «грубые бунтовские мужики». К Хаджи-Дауду примкнул уцмий Кайтага, который отправил к нему отряд под предводительством Муртазали. «В короткое время это войско увеличилось в несколько раз наплывом добровольных дружин дагестанских горцев»³⁰.

В 1711 г. повстанцы, возглавляемые Хаджи-Даудом и Муртазали, выступили против Шабрана и после упорной схватки взяли его. Отсюда они двинулись в Кубинское ханство, осадили и за-

²⁶ УЗИИЯД, 1957, т. III, с. 81.

²⁷ Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, с. 63.

²⁸ Неверовский. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан. СПб., 1848, с. 9.

²⁹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. I. СПб., 1862, с. 3

³⁰ ИГЭД, с. 95.

няли Худат. «Здесь они убили кубинского хана Султан-Ахмеда... истребили его сторонников и членов семьи», за исключением грудного ребенка, который был тайно увезен людьми в Самурский округ³¹. Вскоре после взятия Худата в Кубинское ханство прибыли удмий Кайтага «со своим войском, акушиницами и другими, которых привлек на свою сторону посредством подарков»³², и правитель Казн-Кумуха Сурхай с многочисленным ополчением. Теперь повстанцы представляли внушительную силу. Число объединенного отряда достигало 30 тыс. человек.

Рассказывая о действиях повстанцев в Азербайджане, А. П. Вольнский писал, что они, «собрався, пришли в 8000 и не токмо деревни, но и некоторой и городок, имянуемый Ак-таша, разорили. И притом, видя, им от персиян принятия никакого нет, пришли они уже к Шемахе, около которого в пяти и в четырех милях разорили множество деревень и людей. И так мы пять дней в таком были страхе, что ежедневно пришествия их в Шемаху ожидали»³³. Затем повстанцы напали на Шабран, Нияз-Абад, угрожали Баку, Дербенту и другим населенным пунктам. Однако источники не позволяют определить, были ли действия повстанческих отрядов согласованы; ясно одно — эти отряды сковали шахскую администрацию и, говоря словами П. Г. Буткова, ими «были заперты все пути ширванской дороги»³⁴. Вместе с тем действия «лезгинских отрядов», сопровождаемые грабежом не связанного с иранской администрацией местного населения, оказывали весьма отрицательное влияние, приведшее в конце концов к отходу народных масс от движения. Воспользовавшись этим и уходом основных сил, возглавляемых Сурхаем, в горы, шахские войска усилили натиск на повстанцев. Им даже удалось схватить Хаджи-Дауда и заключить его в Дербентскую крепость. Однако вскоре Хаджи-Дауду удалось бежать.

В 1720 г. в Иран вторглись афганцы во главе с Мир-Махмудом. Шах обратился за военной помощью к кавказским владельцам. Учитывая создавшуюся благоприятную обстановку, Хаджи-Дауд стал готовиться к новым выступлениям. Он рассылал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против Сефевидов, организовывал отряды, уговаривал феодальных владельцев выступить против Ирана. Сурхай-Хану кази-кумухскому, например, он, по словам нашего источника, говорил: «Ныне нам время себя людьми поставить и обогатиться, нежели мы сей случай из рук упустим, то мы достойны, чтобы весь свет нас дураками признал, ибо сила в наших руках, шах от Мирмахмута утеснен, и никто мешать не может»³⁵. После встречи с Хаджи-

³¹ Габиев С. Лаки, их прошлое и быт.— СМОИИК, 1906, вып. 36, с. 26.

³² Алкадари Г. Указ. соч., с. 63.

³³ Журнал посланника Вольнского..., с. 15.

³⁴ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 3—4.

³⁵ ИГЭД, с. 95.

Даудом Сурхай-хан «стал разглашать в народе, что бек их возбудил всех правоверных мусульманов от эретического персидского и казылбашеского подданства освободить и их холопство, под которым доньше жили, с себя сбросить, и чтоб все верные сунны к ним приставали и помогли б всех эретических кызылбашев изкоренить»³⁶.

Как видим, руководители движения по-прежнему ставили целью, говоря словами Хаджи-Дауда, «себя людьми поставить и обогатиться», а народным массам демагогически обещали от персидского холопства освободить³⁷. Как и следовало ожидать, эти призывы попадали на благоприятную почву, подготовленную всем ходом исторического развития взаимоотношений Сефевидов с горцами Дагестана. Имело этим и объясняется то, что широкие народные массы поднялись на борьбу. «Все куралинцы, курей, дагестанцы, лезгины и прочие их гор, — свидетельствует наш автор, — пристали» к повстанцам.

В то же время Хаджи-Дауд обратился к астраханскому воеводе И. В. Кикину. В письме от 21 апреля 1721 г. он писал: «Преж сего нам кызылбаш многие обиды были и покою нам от них, кызылбаш, не было и оттого мочи нашей не стало для того, что они сделали обиду через силу и за то стали мы с ними, кызылбаш, в неприятельстве... и Дербень и Шемаху, и Баку осадили, и при тех городех деревни разорили, и в которых числах будем брать и городы, будет милость божия над ними, будет и это дело ведает весь народ, а я ныне для дружелюбия пресветлейшему и державнейшему великому государю под руку иттить также, и юрты свои отдать и ему, государю, верно служить готов, и как приедет ваше войско и что попадобитца строить город или иное, что я и буду со всеми своими людьми великому государю служить верностию; а ныне присланному от вас в одном судне чепарном мы сказали и по своей вере единым богом и по курану и по шерти и по муртазалеевой голове, чтоб приезжали к нам торговые люди, а мы и волосом их не тронем, и столько моей мочи будет зделаю добродитель, а я ныне чаю, что у нас будет все под моею рукою, и чтоб они, торговые люди, ни в чем не опасались, а я преж сего к вашей милости писал письмо, чтоб донести великому государю, а отповеди нет и иное письмо вашей милости объявили ль или нет — неведаю»³⁸.

В другом письме на имя того же И. В. Кикина Хаджи-Дауд писал: «Ныне я хочу с вашею милостию дружелюбие иметь и соседство и донести мои слова великому государю, чтоб по своему государеву указу велел своим торговым людям свинцу и железа и прочее, что нам надобно, привозить, а мы сторонним людям продавать не будем и всем закажем, а от нас буде по-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ РДО, с. 240—241.

надобитцы полк и иное что, то кроме государевых людей продавать не будем и будем заказывать, и пыне у нас полк поспеет в скорых числах»³⁹. С подобными письмами Хаджи-Дауд обращался к России и в последующее время.

Губернатор Астрахани отправил к Хаджи-Дауду посланника, чтобы выяснить подлинные цели предводителей движения. В связи с этим Вольнский в письме к Петру I писал: «Кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потреблен; посылал я к нему отсюда поручика (как я перед сим в. в. допосил), через которого отвечает ко мне, что, конечно, желает служить, в. в., однакож, чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он, конечно, отберет города от персиан, и которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а также уступит в. в., кои по той стороне Куры реки до самой Гиспоганини, чего в руках никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваших был труд, а его польза»⁴⁰.

Собрав значительные силы, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан выступили против Сефевидов. Народы, по словам нашего автора, приставали к восстанию⁴¹ и 21 июля 1721 г. осадили Шемаху. «Первоначально, — сообщает очевидец осады Бенавени, — подступил к городу небольшой отряд повстанцев, состоящий из 1000 воинов. Против него выступил муганский хан во главе трех тысяч человек. Повстанческий отряд гнался за ними до половины горста. Но узкие улицы к ханскому дворцу были переграждены завалами из бревен. Конные повстанцы не могли проникнуть дальше и вынуждены были броситься на большие улицы, куда подъехали и другие части. Продолжалась пушечная и ружейная стрельба с обеих сторон. Но от этого мало кто страдал. Гораздо больше лезгин пострадало от холодного оружия и от камней»⁴². Горцы вынуждены были отступить. Но на следующий день они возобновили борьбу, которая длилась до 7 августа. Дауду и Сурхаю удалось занять Шемаху. При этом большую роль в ее падении сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. «Тамошние жители соединились с бунтовщиками, оных полки в город ввели», — свидетельствовал современник событий, житель Дербента Муртаза-Кули⁴³.

Шемаха была взята, писал Бакиханов, «с помощью тамошних суннитов»⁴⁴. Взяв город, повстанцы, согласно донесению А. В. Вольнского Петру I, «стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана взяли в полон, а знатных иорубили купцы, которые, в. в., были оные обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостиный двор напали... иных

³⁹ РДО, с. 241.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 54, л. 641.

⁴¹ Известия..., с. 228.

⁴² УЗИИЯЛ, 1957, т. III, с. 81.

⁴³ Там же, 1963, т. XI, с. 128.

⁴⁴ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 103.

побили... а товары все разграбили, которых было около 500 000 (в том числе у одного Евреипова на 170 000 руб. персидскою монетою)»⁴⁵.

Следует, однако, особо подчеркнуть, что русские кушцы подверглись разорению потому, что в надежде на безопасность пытались скрыть у себя ценности шемахинской знати⁴⁶. Некоторые подробности об этих событиях сообщает каталикос Исая: «... народ армянский — христиане, как жители города [так и] остальных селений, за исключением немногих, особенно не потерпели от резни, ибо милостью Христа они были пощажены»⁴⁷. Нечего и говорить, что Христос тут ни при чем. Скорее всего этот факт говорит об антииранской направленности движения.

Вблизи Шемахи повстанцы разбили войска гянджинского и эриванского хапов, спешивших на помощь шемаханскому хану, а затем выступили против хана Гянджи. Многие ставленники шаха, в том числе и правитель Дербента, бежали в Иран⁴⁸. «Хаджи-Дауд потом сиделице свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Зурхаем разделили»⁴⁹. Таким образом, за короткое время в борьбе с Сефевидами повстанцы добились серьезных успехов.

Оценивая достигнутые Хаджи-Даудом и Сурхаем успехи, Волынский писал Петру I: «Сколько им войну свою ни продолжать, а где-нибудь, конечно, надобно сыскать безопасный и основательный фундамент, понеже... теперь они з дву сторон имеют себе смертельной страх, паче же от в. в., сего ради иначе всего опасаются и чаю, что они, конечно, будут искать протекции Турецкой»⁵⁰. И действительно, осенью того же 1721 г. астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, что «Дауд-бек и Сурхай-хан, ребелазанты персидские, послали к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи»⁵¹.

Как видим, это обращение по своему содержанию мало чем отличается от вышеприведенных посланий. В обоих случаях руководители движения просят принять их под протекцию и оказать им военную помощь. Однако, говоря об обращениях предводителей движения, нельзя упускать из виду протурецкую ориентацию Хаджи-Дауда и Сурхая. Их «протурецкая ориентация была обусловлена классовыми и национально-религиозными интересами феодалов суннитов»⁵². Каждый из них старался не толь-

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 54, л. 645—646.

⁴⁶ Вестник Европы, 1868, т. II, с. 172.

⁴⁷ Левингов В. И. Указ. соч., с. 72.

⁴⁸ ИГЭД, с. 25.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 54, л. 641.

⁵¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 54, л. 667; Очерки истории СССР XVIII в., первая четверть. М., 1954, с. 665.

⁵² Лысов В. П. Персидский поход Петра I. М., 1951, с. 106.

ко стать ханом Ширвана, но и сохранить старые формы феодальной эксплуатации и сделать суннизм господствующим вероисповеданием. В связи с этим Турция несомненно больше импонировала руководителям движения, чем Россия.

Султанская Турция, борясь с Ирапом за овладение Кавказом, с самого начала XVIII в. делала все, чтобы изгнать его из Закавказья и прибрать Кавказ к своим рукам. Еще в 1714 г. из донесения Бековича-Черкасского русскому правительству стали известны попытки Порты присоединить прикаспийскую территорию Кавказа⁵³. Однако в это время Россия ограничивалась тем, что принимала меры по дальнейшему упрочению установившихся задолго до этого связей с народами Кавказа. В то же время русское правительство предписало своему послу в Константинополе Неплюеву воспрепятствовать приему Хаджи-Дауда и Сурхай-хана в турецкое подданство, чего он и добился. «Мы знаем, — говорил визирь Неплюеву, — что эти бунтовщики немалую сделали обиду русским купцам: поэтому то мы их и защищать не будем, пока ваш государь не получит полного удовлетворения»⁵⁴. Однако османы, дав это обещание из боязни вызвать недовольство России и Ирапа, на деле не переставали вести подрывную деятельность на Кавказе.

В 1722 г. после победоносного окончания Северной войны Петр I возглавил морской и сухопутный поход на Кавказ. В переведенном на местные языки и обнародованном манифесте объявлялось, что поход предпринимается с той лишь целью, чтобы «наказать бунтовщиков» и «сатисфакцию учинить»⁵⁵, хотя в действительности Россия преследовала иные цели. Как и следовало ожидать, весть о начале «Персидского похода вызвала сильную тревогу в правящих кругах Османской империи. Константинопольский двор неистовствовал из-за своей оплошности, из-за потери времени, а беспрепятственное продвижение русских войск разъяряло еще больше»⁵⁶. «Здесь (т. е. в Турции. — В. Г.), — доносил Неплюев 21 октября, — следует великое приготовление к войне. Посылают беспрепятственно и амуницию и артиллерию в Азов и Арзум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось»⁵⁷. В другом рапорте Неплюев писал, что турецкие войска стягиваются к Эрзеруму и эрзерумскому папе приказано «маршировать с тем войском в Дагестанскую землю»⁵⁸.

В связи с подготовкой к войне Турция решила также приять под протекцию предводителей антииранского движения. «Порта, — доносил Неплюев, — принимает в свое подданство Дауд-

⁵³ РДО, с. 224—225.

⁵⁴ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1726, д. 4, л. 33; Соловьев С. М. Указ. соч., с. 690.

⁵⁵ РДО, с. 244—246.

⁵⁶ УЗИИЯЛ, 1963, т. XI, с. 131.

⁵⁷ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1722, д. 6, ч. 1, л. 139.

⁵⁸ Очерки истории СССР XVIII в., первая четверть, с. 606.

хана и хочет сначала овладеть персидскою Грузией, а потом вытеснить русские войска из Дагестана»⁵⁹.

И. Гербер очень точно подметил причину склонения руководителей антииранского выступления на сторону Турции. «Как в 1722 году российская армия к Ширвани приближалась, то Даудбек и Сурхай, боясь, что им русским противится не возможно будет, то поддались турецкому владению»⁶⁰. Такого же мнения придерживался известный русский историк С. М. Соловьев. «Лезгины, — писал он, — овладевшие Шемахой, из боязни перед русскими должны были отдаться под покровительство султана»⁶¹. Не бояться за свою судьбу они не могли хотя бы потому, что в разосланном до начала похода манифесте, о котором речь шла выше, прямо подчеркивалось, что поход предпринимается с той лишь целью, чтобы наказать бунтовщиков. Об этом же должен был говорить и русский посол в Иране, на что указано в одном из документов: царские войска идут к «Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков»⁶². Народам Кавказа манифест Петра I гарантировал полную безопасность. Всем «в провинциях жителям обретающим... — говорилось в нем, — никому ниже единый убыток и трата учинитца, и самим им, и имением их, и селами, и деревням никто руку не положить, о чем для сего случая военачальникам нашим... и всего войску генерально крепко приказано»⁶³. Мы уже знаем, что манифест был встречен народами Кавказа доброжелательно, а самому Петру I был оказан радушный прием в Тарках, Дербенте и других местах, знаем также, что в бытность Петра I в Дербенте многие владельцы Дагестана по своему желанию вступили в подданство России.

Такой же радушный прием подготовили Петру I и народы Закавказья. Известно, что с самого начала XVIII в. установились связи Петра I с меликами и духовенством Армении, с грузинским царем Вахтангом VI. Основной целью этих отношений было стремление народов Закавказья с помощью России освободиться от гнета Ирана и Османской империи. С этой целью мелики Армении, собрав значительные воинские силы, ждали Петра I с тем, чтобы, соединившись с ним, повести дальнейшую борьбу⁶⁴. По договоренности должны были также соединиться с войсками Петра I воинские силы грузинского царя Вахтанга VI.

По свидетельству источников, с симпатией к России относились и азербайджанцы, которые открыто высказывались о своем желании присоединиться к России. Шемахинцы, узнав, что может случиться так, что в Закавказье вступят русские войска, говорят, — как свидетельствует Де-Бруин, — что этим писколько не

⁵⁹ АВПР, ф. Спешения России с Турцией, 1722, д. 6, ч. 1, л. 408.

⁶⁰ ИГЭД, с. 95.

⁶¹ Соловьев С. М. Указ. соч., с. 689.

⁶² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 30, л. 151.

⁶³ РДО, с. 245.

⁶⁴ Эзов Г. А. Указ. соч., с. 34.

были бы огорчены и что они были бы более счастливы под его (царя.— В. Г.) управлением, чем под управлением своего природного государя. Они даже открыто заявляют, что защищаться не будут и молятся Магомету, чтоб это наступило»⁶⁵. Русская ориентация очень сильна была и в других районах Азербайджана. «Население, живущее около Каспийского моря, ни о чем так не молится,— писал Крушинский,— как о том, чтобы московиты как можно скорее пришли и освободили его от ига персидской монархии»⁶⁶.

Когда Петр I прибыл в Дербент, к нему явились представители Шемахи, Сальян, Решата, Тбилиси, Еривана и других закавказских городов. Они просили о присылке к ним войск и принятии в подданство России. Шемахинцы заявили, что надеются на «милость» Петра I⁶⁷. Хорошо осведомленный о настроениях жителей Шемахи и Баку Раджаб Кеберли заявил, что «кроме партии Дауд-бека шемахинские жители... желают пришествия к себе войск е. и. в... желают быть в протекции е. в... а бакинские жители о приходе российских войск zelo радуются и желают быть в протекции е. и. в.»⁶⁸. А султан Сальянский Аслан-бек, по словам И. Гербера, первый был среди тех, кто явился и в «верном подданстве присягу учинил»⁶⁹.

Однако наш автор допускает неточность, утверждая, что г. Баку «добром поддаться» не хотел и поэтому был атакован⁷⁰. Кстати сказать, в таком же духе осветило этот сюжет большинство дореволюционных и советских авторов⁷¹. Однако монография Г. Б. Абдуллаева и публикации Ф. М. Алиева внесли ясность в этот довольно запутанный вопрос⁷². Выяснилось, что бакинцы не менее других были рады известию о предстоящем походе Петра I. «В сем же пути бакинские жители прислали письмо к императору, которым предавали себя в его покровительство». Письмо это было озаглавлено: «Пропшение знати и простопародия благославленной крепости Бадкуба». Это письмо, всецело отвечающее планам Петра I, очень его обрадовало, и он сразу же по прибытии в Дербент отправил в Баку подпоручика Ф. Лунина с ответной грамотой. И тут же известил письмом сенат, в котором писал, что Баку «через письмо предался в его величества волю»⁷³.

⁶⁵ Левитов В. И. Указ. соч., с. 65.

⁶⁶ См.: Аирафян К. Падение державы Сефевидов (1502—1722).— Очерки новой истории стран Среднего Востока. МГУ, 1951, с. 202.

⁶⁷ Алиев Ф. М. Указ. соч., с. 49.

⁶⁸ См.: Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965, с. 21—22.

⁶⁹ ИГЭД, с. 100.

⁷⁰ Там же, с. 98.

⁷¹ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 28—29; Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 106; Лыцов В. П. Указ. соч., с. 120 и др.

⁷² Абдуллаев Г. Б. Указ. соч., с. 20—21; Алиев Ф. М. Письмо бакинцев Петру I в 1722 г.— ДАН Азерб. ССР, 1964, № 7, с. 57—60; Он же. Аптисранские выступления..., с. 47—49.

⁷³ Там же.

А затем случилось непредвиденное. В. Лупин не был допущен в город. Очевидно, такой поворот дел можно объяснить лишь тем, что в Баку верх взяла партия во главе с бакинским султаном Мухаммедом-Гусейн-беком, придерживавшаяся ипой ориентации. Об этом недвусмысленно говорит и современник: хотя до «сего времени города охотно отдавались в покровительство государства (России.— В. Г.), но вдруг они, или паче начальники их, по-ступили совсем противным образом»⁷⁴.

Тем временем османы приняли в подданство Хаджи-Дауда. Для этого он, по словам И. Гербера, ездил в Константинополь, где «больше о себе одном старался, а Зурхая оставил, что и турки ево, Хаджи-Дауда, ханом шамахинским кафирмовали и укрепили, а Зурхая мало почли, чего ради Зурхай на Хаджи-Дауда великое сердце возымел, ево ханом не признал...»⁷⁵. Несколько иначе эти же события освещены П. Г. Бутковым. Говоря об утверждении Хаджи-Дауда ханом, он пишет, что Сурхай также был «от турков в защищении»⁷⁶. Это вызвало неприязнь Сурхая к Хаджи-Дауду и Турции⁷⁷.

Официально о принятии Дауда в подданство Турции русскому послу Неплюеву было объявлено на аудиенции 10 февраля 1723 г.⁷⁸, хотя намного раньше султан приказал Хаджи-Дауду, «чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих таможенных краев»⁷⁹. Вскоре на Кавказ вторглись турецкие войска и постепенно стали продвигаться к пределам Дагестана. «Так как водворение русских в тех краях,— признает историограф и министр турецкого двора, Джебдет-паша,— противно было интересам высшего правительства, весною 1723 года оно поспешило завладеть столицей Гюржистана, посадило от себя правителя в Шемаху»⁸⁰.

Османская империя надеялась захватить все Закавказье. Узнав о наступлении турецких войск, Петр I приказал занять Баку⁸¹. 26 июля 1723 г. без особого труда город был занят. Как выяснилось впоследствии, сопротивление русским войскам оказал только иранский гарнизон. Взятие Баку в Петербурге было торжественно отпраздновано⁸². Зато османы, в планы которых несомненно входил захват Баку, неистовствовали. Не теряя времени, они двинули свои войска на Гянджу, Ериван и Нахичевань⁸³.

⁷⁴ Русский архив, 1899, № 12, с. 486; *Абдуллаев Г. Б.* Указ. соч., с. 24; *Алиев Ф. М.* Письмо бакинцев Петру I..., с. 49.

⁷⁵ ИГЭД, с. 103.

⁷⁶ *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. I, с. 10.

⁷⁷ *Неверовский.* Указ. соч., с. 19; *Алкадари Г.* Указ. соч., с. 65.

⁷⁸ АВПР. ф. Сношения России с Турцией, 1722, д. 5, ч. 1, л. 100.

⁷⁹ Там же, д. 4, л. 11.

⁸⁰ Русский архив, 1888, № 12, с. 372.

⁸¹ *Комаров В.* Персидская война 1722—1723 гг. М., 1867, Приложение, с. 602.

⁸² *Ашурбейли С.* Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964, с. 257.

⁸³ *Hanway J.* Op. cit., v. II, p. 211—213.

В сентябре 1722 г. по предложению шахской Персии, напуганной вторжением турецких войск на Кавказ, между Россией и Ираном был подписан договор. По условиям Петербургского, правда не ратифицированного, договора шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. Это привело к резкому обострению русско-турецких отношений. Враждебные отношения в реакционных кругах Порты подогревались западноевропейскими державами⁸⁴.

Войну, казавшуюся неизбежной, все же удалось отвести благодаря заключенному в Константинополе в 1724 г. договору Турции с Россией о разделении кавказской территории⁸⁵. Согласно этому договору, за Россией утверждались прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Грузия и Армения отошли к Турции. Правителем Ширвана оставался Хаджи-Дауд.

К сожалению, И. Гербер не сообщает об отношении народных масс к османской оккупации. Однако этот досадный пробел анализируемого труда оказывается можно заполнить, если привлечь сведения других источников. Согласно им, народные массы Азербайджана, так же как и Грузии и Армении, оказывали османам упорное сопротивление. Вот несколько фактов: еще в мае 1724 г. войска ванского пашы встретили самое упорное сопротивление у крепости Хой⁸⁶. Лишь в ноябре 1724 г. после осады был взят Ереван. Затем турецкие войска двинулись к Тебризу, и здесь произошло кровопролитное сражение, в результате которого турки были разбиты. Однако в июле 1725 г. войска Османской империи численностью в 70 тыс. человек вновь блокировали Тебриз. Горожане, как и раньше, защищались с такою же храбростью, но, несмотря на это, длившееся несколько дней сражение завершилось взятием города. «Немногие осады,— пишет Д. Ханвей,— были столь кровопролитными», османы потеряли около 20 тыс. человек⁸⁷. В конце августа 1725 г. войскам Османской империи под начальством Сары-Мустафы-пашы удалось занять Гянджу. Ведя упорную борьбу с противником, население городов и сел Азербайджана и Армении обращалось за помощью к России. Эти обращения к Петру I опубликованы в монографиях П. Т. Арутюняна, и Ф. М. Алиева⁸⁸. Население оккупированной османами территории Азербайджана продолжало борьбу против агрессора и после

⁸⁴ АВПр, ф. Спешения России с Турцией, 1722, д. 6, ч. 1, л. 23, 157, 243; Сб. РИО, 1885, т. 49, с. 78.

⁸⁵ Полный текст Константинопольского договора см.: ПСЗ, т. VII, № 4531, с. 303—309.

⁸⁶ *Ериванци А.* История войны 1721—1736. Ереван, 1939, с. 30.

⁸⁷ *Напвай J.* Op. cit., v. II, p. 236—237.

⁸⁸ *Арутюнян П. Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954, с. 172—180, 219—220; *Он же.* Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII в. за присоединение к России.— УЗИВ, 1952, т. 3; *Алиев Ф. М.* Антииранские выступления..., с. 66—69.

подписания договора 1724 г.⁸⁹ Об этом свидетельствует хотя бы то, что Османская империя вынуждена была в 1725 г. направить «войско в Ширван и Шемаху для успокоения тамошних народов своевольтства»⁹⁰.

Одновременно, как об этом свидетельствует множество фактов, приводимых в работах П. Т. Арутюняна и Г. Б. Абдуллаева, азербайджанцы выступили за присоединение к России⁹¹. Население, оказавшееся под властью Османской империи, «было обложено тяжелыми податями», подвергалось национальному гнету. Особенно сильно страдало армянское население⁹². Эти народы, писал современник событий князь Долгорукий, «были так ожесточены, вконец разорены и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя», что «все народы, как христиане, так и басурманы, все против них готовы, только просят, чтоб им была надежда на нас»⁹³ (т. е. Россию). Хаджи-Дауду все труднее и труднее становилось держать народные массы в узде, а турки чаще и чаще требовали «подарки». «По истощению всех средств, предвидя дурной конец (Хаджи-Дауд.— В. Г.) и обращаясь к русскому правительству с просьбой о принятии его в подданство со всеми владениями»⁹⁴. Однако Россия, не желая нарушать условия Константинопольского договора, отклонила эти обращения. Дело завершилось тем, что в 1727 г. турки арестовали Хаджи-Дауда и сослали на Кипр, где он и умер. Ширваном стал править Сурхай-хан. Однако смена правителей ничего не изменила, да и изменить не могла в жизни трудящихся масс. Как и его предшественник, Сурхай-хан подвергал подвластное население жестокому гнету.

К сожалению, наш источник не содержит сведений о положении той части Азербайджана, которая была присоединена к России, кроме лаконичных утверждений о том, что «доходы получает государь». Поэтому для выяснения этого чрезвычайно важного вопроса опять-таки приходится обращаться к другим источникам.

В 1727 г., объезжая сухим путем территорию восточного Кавказа, Долгорукий писал Екатерине I: «Во всех провинциях, коими я ехал, с великою радостью меня встретили... и во всем меня довольствовали... И так весь здешний народ, желая в. п. в. протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтоб отнюдь не мало им обиды от нас не было, и крепкими

⁸⁹ *Левятов В. Н.* Указ. соч., с. 94.

⁹⁰ Сб. РИО, 1886, т. 55, с. 131.

⁹¹ *Арутюнян П. Т.* Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII в. за присоединение к России, с. 135; *Абдуллаев Г. Б.* Указ. соч., с. 17—20.

⁹² *Левятов В. Н.* Указ. соч., с. 92.

⁹³ *Соловьев С. М.* Указ. соч., с. 955.

⁹⁴ *Неверовский.* Указ. соч., с. 21.

указы во всем команды от меня подтверждена под жестоким штрафом»⁹⁵. Допустим, что князь Долгорукий несколько преукрашивает действительное положение вещей. Однако весь имеющийся в руках исследователей фактический материал свидетельствует о том, что в «прикаспийских провинциях русские власти проводили весьма умеренную налоговую политику, осуществляли меры, направленные на расширение торговли, восстановление и развитие разрушенного хозяйства»⁹⁶.

Интересные материалы о развитии производительных сил прикаспийской части Азербайджана содержат фонды напих архивов. Часть этих материалов читатель может найти в неоднократно упомянутых нами монографиях В. П. Левинатова, Г. Б. Абдуллаева, С. Б. Ашурбейли и коллективных трудах советских историков⁹⁷.

Однако прикаспийские районы оставались в составе России недолго. Как отмечалось выше, по условиям Репитского и Гянджинского договоров Россия уступила Прикаспие Ирану.

* * *

Особую зону, как отмечалось выше, в историко-этнографическом отношении представляют Закатальский и Белоканский районы Азербайджана, известные в прошлом под названием Джаро-Талы, Джаро-Белоканы. Описанию этой территории И. Гербером посвящен в немецком тексте специальный параграф, озаглавленный «Nation von Dsahar» («Джарский народ»), в русском тексте — «Джар»⁹⁸.

Следует указать, что транскрипция Джар не совсем совпадает с живым произношением аварцев — «Тар» и с традицией — «Чар», «Джары».

Во всех текстах анализируемого источника приблизительно очерчена территория Джаро-Белокан. Из них читатель узнает лишь, что «уезд» «не малый и состоит во многих деревнях». Эта ставшая стереотипной в устах нашего автора фраза не позволяет уяснить, какие именно селения входили в Джаро-Белоканы.

По данным М. А. Коцебу, в начале XIX в. «пространство земли, занимавшееся жителями Джаро-Белокан, имело около 60 верст в длину и столько же в ширину»⁹⁹. На севере Джаро-Белоканы граничили с хребтами гор, отделявших их от территории нынешних Тляротинского и Рутульского районов Дагестанской АССР, к востоку они отделялись р. Капычай от владений

⁹⁵ Соловьев С. М. Указ. соч., с. 955.

⁹⁶ Алиев Ф. М. Антииранские выступления..., с. 94.

⁹⁷ Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры. Баку, 1955; История Азербайджана, т. I. Баку, 1958.

⁹⁸ Beschreibung..., S. 73; ИГЭД, с. 110; Известия..., с. 119.

⁹⁹ ИГЭД, с. 253.

Елисейского султана, их южная граница — реки Алазань и Кизилх. С запада «границы чарцов, — пишет М. А. Коцебу, — весьма неопределенны; иные принимают за границу самую Кахетию, другие — урочище Лагодехи, а многие речку Нагнал-Емире»¹⁰⁰. В 1772 г. в рапорте П. И. Паничу капитан Львов писал: «Лезгинский дистрикт, Чар пазываемой, от Кахетии не более в сорока верстах отстоит»¹⁰¹.

Вчитываясь в страницы анализируемого источника, легко улавливаешь, что его автор считает джарцев отдельным народом, который имеет особый язык, не сходный ни с каким другим языком. Это, конечно, явное недоразумение. На самом деле джарцы — аварцы, и говорят они на аварском языке. Кроме того, здесь проживали ингилойцы и мугалы. Если этнографический состав здесь установить очень легко, то определить время образования Джаро-Белокап значительно труднее. Имеющиеся в источниках сведения разноречивы. Одни авторы, вслед за вышецитированным М. А. Коцебу, склонны считать, что народы, живущие «за первым снеговым хребтом: джурмуты, клейсерухи, калали, мигилиши, известные под общим именем «глуходар» («человек с открытою грудью» — амамалия, примененная к крайне бедному их состоянию, от бедности и скудности произведения земли их в холодном климате), приходили (и ныне приходят) для заработков в Кахетию». Кахетинцы занимали их для самых тяжелых работ. Со временем число прибывших пастелью увеличилось, что, «несмотря на потребность в рабочих, кахетинцы решились вовсе запретить им спускаться на плоскость». На этой почве возникла борьба. «Неизвестно, как долго длилась эта борьба, по последним ее актом была решительная победа глуходар» над соединенными силами царя кахетинского, и с тех пор (600 лет) они господствуют на 2/3 Кахетии¹⁰². Если верить приведенному документу, события, описанные здесь, произошли в XIII в.

В записке «Краткие сведения о Чарской области», составленной в 1831 г. майором Каргоновым, говорится, что «область эта издревле составляла лучшую часть Кахетии, под названием Куэты. Все жители ее были грузины... джарские лезгины вышли из Аварии и получили свое имя джарцев после водворения своего в Чарах, где они, в первое время поселения, приняли на себя защиту Кахетии... Потом, по прошествии некоторого времени, джарцы, усилясь в своих связях с однородцами и пользуясь тем, что персиане и турки ослабили Кахетию, сделали природных чарских жителей (грузин) себе подвластными»¹⁰³.

Еще категоричнее в 1847 г. писал пачальник Белоканского округа майор Колобакин: «После разорения Грузии шах Аббасом

¹⁰⁰ Там же, с. 254.

¹⁰¹ ГДИД, с. 364.

¹⁰² ЦГИЛ Груз. ССР, ф. 263, оп. 2, д. 4, л. 113—129; ИГЭД, с. 252—253.

¹⁰³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 236, оп. 2, д. 4, л. 113—129.

персидским лезгины спустились с гор и заняли всю Енисель, как ее восточную часть (бывшее Елисуийское султанство), так и западную (бывшее владение Чарское)»¹⁰⁴.

Все эти суждения были представлены в Комиссию по разбору сословно-поземельных прав местного населения. Любопытно, что члены этой комиссии сделали к указанным документам... следующее примечание: «Из расспросов знающих грузинский язык название «Чар» и «Джар» происходят от грузинского слова «джары» — войско».

Несколько иных взглядов придерживался грузинский царевич Вахушти. В своей известной «Географии» он пишет: «А под горою находится Пипинети, где пятый царь Леван поселил леков, дабы они летом доставляли ему лед с Кавказа, и до Арчила это было так. Затем он стал называться Чары, и (лезгины) превратили его в твердыню и прославились в войне»¹⁰⁵. Д. М. Бакрадзе, говоря об образовании Джаро-Белокаан, почти полностью повторяет Вахушти. Он пишет, что название «Джары», данное этой местности при царе Арчиле (1664—1673), некоторые производят от грузинского ჯარი («джари») — войско, хотя и в летописях, и у Вахушти оно употребляется всегда в форме ჯარი («джари»)»¹⁰⁶.

Приведенные утверждения едины в одном: аварцы заселили территорию, принадлежавшую ранее кахетинским царям. Но разноречивы утверждения о времени и причинах заселения. Одни относят эти события к XIII в., другие — к XVI, а третьи — к XVII в. Одни авторы говорят об упорной борьбе между аварцами и кахетинскими царями, завершившейся победой первых, после чего будто бы и произошла колонизация края; другие подчеркивают, что авары якобы были поселены здесь самими царями Кахетии для охраны границ или даже для того, чтобы доставлять лед кахетинским царям в летнее время. Сами джарцы на вопрос Комиссии по разбору сословных прав, откуда они пришли и как водворились здесь, отвечали: «Известно, что пришли с гор, но кто первый поселился здесь, какие выходцы основали селения — неизвестно. Позже к ним присоединились выходцы из разных мест Дагестана и из Казаха»¹⁰⁷. Поверенные Джара подполковник Мамед-ага Измаилов и другие, «основываясь на изустных преданиях», утверждали, что джарские лезгины пришли сюда с гор и нашли всю здешнюю местность пустой. Не было здесь ни имений, ни жителей, а потому джарские лезгины как победители никого данью не облагали.

Основав сел. Джары, «лезгины стали приглашать к себе на пустопорожные земли жителей из разных мест как мусульман-

¹⁰⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 236, оп. 2, д. 4, л. 113—129.

¹⁰⁵ Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904, с. 116—117.

¹⁰⁶ Бакрадзе Д. Заметки о Закатальском округе.— ЗКОРГО, 1890, XIII, с. 12.

¹⁰⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 236, оп. 2, д. 4, л. 11—19.

ских, так и христианских провинций Закавказья. Всех таких позднейших переселенцев лезгины называли мугулами»¹⁰⁸.

Эти утверждения, как не трудно заметить, находятся в явном противоречии с вышеприведенными данными. Согласно утверждениям самих джарцев, они поселились здесь неизвестно когда, на землях никем не занятых, и только после этого к ним стали переселяться ингилой и мугалы.

Совершенно противоположных взглядов придерживаются относительно ингилойцев и мугалов представители кавказской администрации. Вышеупомянутый майор Колобакин писал, «что первобытные здешние жители, или грузины, вскоре по водворению здесь лезгинского господства приняли мусульманство и названы ингилойцами, и татары, пришедшие из разных сторон,— мугалами»¹⁰⁹. Более решителен в своих суждениях генерал Меликов. В записке, составленной в 1855 г., он отмечает, «что лезгины, завоевав восточную часть Кахетии, подчинили своей власти грузин, а землю их разделили между собой. Впоследствии же этот покоренный народ, сделавшись вполне подвластным лезгинам, силою был принужден оставить христианскую веру и принять мусульманство... С этого времени стали называться ингилойцы — повоображенными... Что же касается мугал, то они суть выселенцы из нынешних мусульманских провинций Закавказского края (имеется в виду Азербайджан.— В. Г.)»¹¹⁰. Нет надобности доказывать, что эти утверждения порождены классовым и национальным мировоззрением чинов кавказской администрации.

В делах сословно-поземельной комиссии имеются и такие документы, которые иначе освещают этот вопрос. Они свидетельствуют о том, что не было никакой борьбы и что сами жители по причинам, необъясненным в документах, сами переходили на сторону джарских лезгин. Так, поверенные сел. Байдарло «показывали в 1870 г. российскому начальству, что их селение в XVII в. добровольно отдалось под покровительство цахурских лезгин. Жители сел. Чобанкель сами отделились под покровительство лезгин»¹¹¹. Однако эти сведения легко объясняются, если иметь в виду, что кахетинские крестьяне, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны «своих» феодалов, принимали сторону противоборствующей князьям силы.

Изучению истории Джаро-Белокап немалое внимание уделяла и советская историческая наука¹¹². Однако проблема эта далека

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же, л. 113—119.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. Закатальской сословно-поземельной комиссии, д. 39, л. 2; д. 40, л. 186; *Петрушевский И. П.* Джаро-белокапские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.

¹¹² *Петрушевский И. П.* Социальная структура Джаро-Белокапских вольных обществ накануне российского завоевания.— В кн.: Исторический

от окончательного решения. Особенно сложен вопрос о времени образования Джаро-Белокан. В силу этого мы оказались вынужденными ограничиться лишь тем, что приведем существующие в исторической литературе на этот счет мнения.

В учебнике «История Грузии» говорится: «В Чары лезгины (точнее, аварцы.— В. Г.) появились в XVI в. Здесь они поселялись с разрешения кахетинских царей и становились зависимыми от них людьми. Особенно усилился приток лезгии в Чары с XVII в., после разорения Кахетии Шах-Аббасом, когда дагестанские лезгины обосновались в селениях погибших во время войны или уведенных в Иран кахетинцев. Благодаря покровительству тех же кизилбашских ханов Чары быстро усилились и стали захватывать соседние селения. Вместе с тем Чары стали базой для набегов дагестанских разбойников на Кахетию»¹¹³. Авторы коллективного труда «История Азербайджана» окончательное расселение аваров на территории Азербайджана относят к началу XVII в. «Эти выходцы из Аваристана (в Дагестане),— утверждают они,— стали переселяться в пограничные районы Азербайджана и Грузии еще в XV в. Поводом для этого было приглашение кахетинцев, обращенное к аварам с целью защиты своих границ от неприятелей. В начале XVII в. авары при содействии Аббаса I подчинили себе энгилов (принявших ислам грузин), мугалов (мусульман-монголов) и остальное местное тюркоязычное население и окончательно утвердились в районах селений Белокан, Джары, Мухах, Талы, Чардахлы, Кавкакчель, Катех, Кашкачей, Сувагилы и др.»¹¹⁴.

Не вдаваясь в подробный анализ приведенных суждений, отметим, что при сопоставлении не все в них совпадает. Оба текста единодушны в том, что Джары заселялись поэтапно. В остальном сведения обоих текстов различаются. В первом случае авары по своей инициативе поселились в Джарах и стали подданными кахетинских царей, а во втором — они поселились по просьбе кахетинских царей, которые пуждались в охране своих границ. Различна и хронология переселения в Джары аваров.

Оригинальные суждения по интересующему нас вопросу в свое время высказал Е. А. Пахомов. В примечании к «Хронике войн Джара в XVIII столетии» анонимного автора он писал: «С конца XVI в XVII в. начинаются попытки аварских обществ, в то время живших еще, по-видимому, в сильной чересполосице с грузинскими, высвободиться из-под власти грузинских феодалов. В этой борьбе аварские и грузинские крестьяне являлись

сборник, т. I. Л., 1934; *Он же*. Джаро-белоканские...; *Папуашвили Т. Г.* Чаро-Белоканы (Каки-Энисели) в первой трети XIX в. Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1954; и др.

¹¹³ История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1950, с. 393.

¹¹⁴ История Азербайджана, т. I, с. 266.

естественными союзниками. Под влиянием прилива новых сил из Дагестана организация аварских и цахурских общин шла быстрее и успешнее и они шли во главе борющейся крестьянской массы, но в то же время все более обособлялись этнически. К исходу XVII и началу XVIII в. грузинские феодалы окончательно теряют влияние на них»¹¹⁵.

Касаясь вопроса об образовании Джаро-Белокап, И. П. Петрушевский писал, что зимние пастбища, кишлаги горцев Дагестана, находившиеся «на южной стороне Главного кавказского хребта, периодически перекочевывали сюда и при грузинском (кахетинском) владычестве». Это обстоятельство, как и малоземелье, было причиной того, что горцы Дагестана уходили в Кахетию небольшими группами. Имеющиеся сведения не дают возможности говорить о каком-либо их массовом переселении в одно время или завоевании этой территории ими. Несомненно, что аварские и цахурские общины существовали в Кахетии задолго до XVII в. Они, во всяком случае, существовали здесь до XIV в.¹¹⁶ И. П. Петрушевский считает, что образование Джаро-Белокап произошло не в результате «быстрого завоевания, массовой миграции в одно время».

«Переход власти от кахетинских феодалов к джарцам был, конечно, переворотом и притом не мирным, но этот переворот был вызван не хищническим вторжением, а перегруппировкой сил внутри правящих феодальных слоев Закавказья». Этому способствовали внешние и внутренние обстоятельства, сложившиеся к тому времени на Кавказе. Борьба шахского Ирана и Османской империи за овладение Кавказом привела к тому, что в ряде мест феодалы-христиане оказались замененными мусульманами или вынуждены были принять ислам. В итоге всего этого происходило образование новых феодальных владений. «Немалое значение имело и известное сочувствие аварам (с конца XVII в. открыто ставшим во враждебное отношение к кахетинским феодалам) со стороны укрепленного грузинского крестьянства»¹¹⁷.

Мы уже отмечали, что по анализируемому источнику нельзя определить точное число обществ, входивших в Джаро-Белокап. Ничего не сказано о численности джаро-белокапских общин и в «Географии» царевича Вахушти. Такие сведения можно почерпнуть из «Хроники войн Джара в XVIII столетии». Тщатель-

¹¹⁵ Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931, с. 52—53.

¹¹⁶ Петрушевский И. П. Социальная структура..., с. 192. В работе И. П. Петрушевского «Джаро-белокапские вольные общества в первой трети XIX столетия» (с. 11) вместо XIV в. указан XVI в. По всей вероятности, это опечатка, поскольку сам И. П. Петрушевский далее пишет: «Голода — Goloda (под этим именем еще в XIX в. известно именно аварское и ингилойское население Джаро-Белокапской области) был известен уже к началу XIV в.».

¹¹⁷ Петрушевский И. П. Джаро-белокапские..., с. 13—14.

ное изучение ее текста и сопоставление со сведениями, встречающимися в других источниках, не оставляют сомнения в том, что в начале XVIII в. было пять основных обществ: Джарское, Белоканское, Тальское, Мухахское и Дженихское. Кроме того, имелись селения, которые не входили ни в одно общество¹¹⁸. Правда, И. П. Петрушевский считает, что в первой трети XIX в. всех обществ было шесть: Джарское, Белоканское, Катехское, Тальское, Мухахское, Джинихское¹¹⁹. Самое могущественное и богатое из них — Джары — объединяло, по данным Коцебу, 29 селений, по сведениям И. П. Петрушевского, — 24; Белоканское — 4, Тальское — 2, Мухахское — 3, Джинихское — 7.

Установить численность населения Джаро-Белокаи в первой четверти XVIII в. не представляется возможным. Разноречивы известия и XIX в. По сведениям М. А. Коцебу, в Джаро-Белоканах был 3721 двор¹²⁰. По данным народной переписи, в Зака-тальском округе проживало 56 802 человека¹²¹. Из общего числа жителей 56 802 человека аваров было 26 141, цахуров — 8269, ингилоев — 10 220, мугалов — 12 172¹²².

В Джарах имя «авар» не было в употреблении. Обычно жителей Джаро-Белокаи называли «golodesel» — жители Голоды.

По единодушному утверждению источников, главные селения шести союзов сельских общин являлись «владельческими в отношении других селений». Зависимые селения платили «господствующим обществам не равное число повинностей, а по количеству занимаемых ими земель, садов и шелковичного» производства¹²³. Но среди всех селений самым главным считались Джары. М. А. Коцебу пишет, что в продолжение нескольких сот лет их господствующее влияние было «столь сильно, что без утверждения их не только султаны Элисуйские не могли вступать в управление по наследству доставшимся владением, но и ханы нухинские нередко ожидали утверждения звания их от Чарцев»^{123а}. Как бы то ни было, подтверждается одно, что в XVIII в. политическое влияние Джаро-Белокаи сильно выросло. Джары играли видную роль не только в политических комбинациях феодальных владетелей Закавказья, но к ним за помощью нередко обращалась и правящая верхушка султанской Турции и шахской Персии.

Как указывалось выше, во внутреннем устройстве самих обществ задолго до XVIII в. сложились отношения сюзерените-

¹¹⁸ ИГЭД, с. 254—256.

¹¹⁹ *Петрушевский И. П. Джаро-белоканские...*, с. 21—22.

¹²⁰ ИГЭД, с. 254—256.

¹²¹ Зака-тальский округ (Издание Кавказского статистического комитета). Тифлис, 1887, с. 19, 29.

¹²² Краткие статистические сведения о Зака-тальском округе.— ЗКОРГО, 1897, т. XIX, с. 40.

¹²³ *Петрушевский И. П. Джаро-белоканские...*, с. 23.

^{123а} ЦГИА Груз. ССР, ф. 263, оп. 2, д. 4, л. 129.

та, отношения, которые, как известно, ведут к образованию феодальной иерархии. И. Гербер отмечает, что джарцы «имеют между собой старшин и кады, которые ссоры между ними судят и далее им послушны не бывают, ибо всяк сам собою господином...»¹²⁴. Получается любопытная картина: старшины и кади кроме того, что разбирают ссоры, никакой властью не обладают, «ибо всяк сам собою господин». Здесь наш источник допускает несколько ошибок. Прежде всего укажем, что ингилойцы и мугалы были зависимы от джарцев на условиях кешнельского права. Уже одно это может свидетельствовать, что и в начале XVIII в. джарцы «строят свое экономическое господство целиком на феодальной эксплуатации попавших под их власть заалазанских селений»¹²⁵. Следует также обратить внимание, что упомянутые в анализируемом источнике старшины, кади и другие лица сельской администрации разбирали не только тяжбы, но и осуществляли внутреннее управление. Они же, как увидим ниже, осуществляли и руководство внешней политикой Джаро-Белокан.

Остается выяснить социальную принадлежность старшин, кади и других лиц сельской администрации. Вышеупомянутый М. А. Коцебу пишет, что во владельческих обществах достоинство старшины есть значительное и переходящее из рода в род, т. е. наследственное. В каждом владельческом селении ежегодно один старшина избирался из фамилий, имеющих право наследственное. В Джарах такими фамилиями были Чапар-али, Нахлари, Чимчинлары, Тебелли и Кахау; в Белоканах — Аладжали и Анапеяне; в Талах — Аджингалар, Араплар, Кергани; в Мухахах — Тибелли, Чугурмуты и Шитилары; в Джинихах — Магмуд-Асан-ага¹²⁶. Эти данные зафиксированы в начале XIX в. Мы не можем утверждать, что именно все эти фамилии и в начале XVIII в. выдвигали из своей среды старшин. Но представляя, что в таких сельских общинах, как Джаро-Белоканы, сдвиги в социально-экономическом развитии происходили замедленными темпами, а также учитывая, что в XVIII в. не отмечено никаких фактов, способствовавших коренному изменению общественных отношений, можно полагать, что и в интересующее нас время происходило нечто схожее с тем, что говорится в вышеприведенной цитате.

Несомненно и то, что в начале XVIII в., как и через сто с лишним лет, утверждение в звании старшин происходило на сходе, — и при этом соблюдался обряд избрания. Но если и в описываемое нами время указанные выше или другие фамилии, пусть даже не так открыто, как это делалось в XIX в., выдвигали из своей среды старшин и на сходе — джамаате — руководящую роль играли те же влиятельные фамилии, то можно себе

¹²⁴ ИГЭД, с. 141.

¹²⁵ Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 53.

¹²⁶ ИГЭД, с. 253.

представить, каким был обряд всенародного избрания старшин. Думается, что вполне применимо и к интересующему нас периоду высказывание И. П. Петрушевского о том, что народное избрание превращалось «в простое прокламирование, а единоглашие получало чисто формальный характер».

Вместе со старшиной кевхой, или кетхудой, во внутреннем управлении джамаата припимали участие кади и муллы. И. П. Петрушевский пишет: «Еще в XVIII в. созданся род исполнительного органа (русские официальные источники называют его главным управлением джамаата), состоящий из главного кевха вольного общества, нескольких кевхов крупнейших тухумов и казия... Избрание главного кевха и казия, ведавшего вопросами культа и шариатского суда, происходило таким же порядком, как и избрание тухумных сельских старшин»¹²⁷. В своей повседневной деятельности кевха и кади руководствовались адатом и шариатом. Напомним, что шариат — система феодального права, а адаты джарцев описываемого времени, как утверждают исследователи, несомненно являлись источником права периода развития феодальных отношений. Ярким свидетельством того, что право феодализирующейся общины охраняли адаты, является постановление, принятое на сходе в Агдаме в середине XVIII в. Этот документ интересен и «как образец смешения начал шариата и местного адата»¹²⁸.

В Джаро-Белоканах, как и в других вышеописанных союзах сельских общин Дагестана, решения кевхи, кади и других представителей сельской администрации исполняли пукеры. «Каждый избранный старшина,— пишет М. А. Коцебу,— получает от селения 30 конных есаулов, или разсылчиков, развозящих приказания его, которые исполняются беспрекословно»¹²⁹. Не исключена возможность, что за время, отделяющее это утверждение от времени составления труда И. Гербера, произошли изменения. Может быть, селения выдвигали меньше или больше есаулов и не так уж беспрекословно исполнялись сельчанами их приказы. Но то, что в джаро-белоканских обществах и в первой четверти XVIII в. имелись есаулы, которые выполняли полицейские функции, не вызывает никакого сомнения.

Наиболее важные вопросы внутреннего управления, касавшиеся всех обществ, а также вопросы войны, мира и внешнеполитической ориентации решались на общем джамаате всех фамилий наследственных старшин в местечке Агдам близ сел. Мухахи¹³⁰. Доказательством того, что и в XVIII в. джамаат собирался именно в этом месте, служит уже упомянутое поста-

¹²⁷ Петрушевский И. П. Джаро-белоканские..., с. 35, 36—37.

¹²⁸ Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 63—74. Приложения «Постановление собрания в Агдаме».

¹²⁹ ИГЭД, с. 258.

¹³⁰ Там же.

повление собрания в Агдаме¹³¹. Следует особо подчеркнуть, что в изучаемое нами время общественно-политическая роль джамаата была несколько ограничена, поскольку решающую роль в нем играли старшины, кади и «знатные»¹³². Иначе говоря, под оболочкой равенства и народовластия фактически происходил переход власти в руки сельской верхушки и мусульманского духовенства.

Итак, если имелись бедные и богатые, а власть старшин и других лиц сельской администрации была наследственной или они избирались из зажиточных фамилий и их решения исполняло определенное число вооруженных есаулов, то, очевидно, нельзя серьезно говорить о равенстве жителей Джаро-Белокаан. Это понимали даже царские офицеры, когда писали: «Правление Чарцев есть аристо-демократическое или вельможпо-пародное»¹³³. Если еще иметь в виду, что главные селения, как отмечалось выше, эксплуатировали тайно и явно селения подчиненные, то становится очевидной ошибочность утверждения нашего источника, что в Джарах «всяк сам собою господин».

Крайне скудны сведения И. Гербера о хозяйстве джарцев. Утверждения источника, что джарцы имеют хорошие «пашни, сады и шелковые заводы», не вызывает сомнения, поскольку такого рода сведения содержат и другие источники. Наряду с полеводством одним из ведущих занятий населения Джаро-Белокаан было скотоводство. Развита были и домашние промыслы (обработка дерева, камня, металла и особенно шерсти). Занимались джарцы также торговлей. Самым решительным образом должно быть отвергнуто утверждение И. Гербера, что джарцы «питаются воровством и грабежом», как не имеющее ничего общего с исторической правдой.

Следует, однако, отметить, что джарцы, как отмечалось выше, представляли из себя значительную силу и принимали самое активное участие во внешнеполитических комбинациях феодальных владений Закавказья. Они бывали вовлекаемы и в феодальные междоусобицы грузинских царей¹³⁴. «В недавних временах,— писал Ираклий II,— джаро-белокаанцы оказывали услуги кахетинскому царю»¹³⁵. Джарцы принимали активное участие в феодальных войнах, раздиравших тогда Кахетию и Картли. Нередко их отряды оказывались в составе обеих воюющих сторон одновременно. Неоднократно кахетинское крестьянство, угнетаемое «своими» феодалами, обращалось к джарцам и совместно с ними, по словам современника, «разрушало дво-

¹³¹ Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 63—71.

¹³² АКАК, т. I, с. 673.

¹³³ ИГЭД, с. 258.

¹³⁴ *Пайчадзе Г. Г.* Русско-грузинские отношения в 1725—1735 гг. Тбилиси, 1965, с. 31.

¹³⁵ ГДИД, с. 436.

ряп»¹³⁶. Некоторые исследователи не без основания отмечают, что проводниками и союзниками джарцев в их набегах на крепости и замки кахетинских дворян нередко служили кахетинские же крестьяне, что давало возможность аварцам (джарцам) легко проникать в глубь Кахетии¹³⁷. Не лишено вероятности предположение, что в начале XVII в. под ширмой лезгин скрывались порой и кахетинские крестьянские отряды. В антифеодальной борьбе, отмечает Е. А. Пахомов, «аварское и грузинское крестьянство являлись естественными союзниками»¹³⁸.

Это на первый взгляд смелое утверждение находит документальное подтверждение. В 1720—1722 гг. кахетинский царь Имам-Кули-Хан (Давид III) писал в Персию Гусейн-Кули-Хану (Вахтангу VI): «Силы лезгин все больше и больше растут. Если ходатайство Ваше не окажет нам помощи, наше дело пропало... Вы знаете, крестьяне глухи и легко поддаются обману: они послушались и теперь действуют злобно с нами против своих же. Лезгины увлекли также и некоторых томадов (князей)... И внутренняя Кахетия пристала к лезгинам»¹³⁹.

Общеизвестно также, что в XVIII в. на Грузию совершали набеги и феодалы Дагестана.

Но сводить всю историю грузинно-джарских отношений к одним столкновениям и постоянной борьбе, представлять эти набеги чуть ли не способом производства для Джара и других горцев Дагестана, как это делают некоторые авторы, неверно. Такое в корне неправильное мнение может сложиться и при знакомстве с анализируемым источником, если его текст понимать буквально, читать без критического анализа.

Сведения нашего источника о том, что османы безуспешно «искали ласканием и стражанием их (джарцев.— В. Г.) в послушание привести», подтверждают другие источники. Достоверны также сведения И. Гербера о разгроме отряда османских войск в Джарах. Сюжет этого эпизода напечатан отраженно и в других источниках. П. Г. Бутков передает его следующим образом: османы, «владея Грузиею, хотели было закрыть крепостцою зпатнейший проход лезгинцев, называемый Топкарган, и джаров привести в послушание; но джарцы по побуждению Сурхая (кази-кумухского.— В. Г.) собрались тайно, напали на турков и побили из них более 500 человек. Остальных рассеяли и начатую крепость до основания разорили»¹⁴⁰. В «Хронике войн Джара XVIII столетия» подобное событие освещено следующим образом: «В начале месяца скорпиона¹⁴¹ талайцы и другие

¹³⁶ Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 53.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, с. 52.

¹³⁹ *Бакрадзе Д.* Указ. соч., с. 10.

¹⁴⁰ *П. Г. Бутков.* Указ. соч., ч. I, с. 88.

¹⁴¹ Это датировка по солнечному календарю с названием знаков зодиака. Месяц «скорпиона» соответствует периоду октябрь — ноябрь.

осаждали крепость в течение восьми дней, но на помощь крепости явился Тахмураз с тремя тысячами неверующих и тремястами османов. Подойдя к крепости утром с южной стороны, они вступили в бой, но с божьей помощью неверующие и османы были обращены в бегство, причем одних неверующих было перебито 400 человек, а османов 20. После этого джарцы и др. покинули крепость» (имеется в виду Джиних). «В середине месяца лука¹⁴² джарцы, талайцы и другие выступили. Между османами и ими произошел бой, и османы обратились в бегство. Османов было перебито 100 человек... у османов было взято много добра (скота) и лошадей...»¹⁴³ Хотя «Хроника войн Джара XVIII столетия» и рассказывает о других сражениях джарцев с османами, тем не менее эти сведения могут служить подтверждением данных апализируемого источника. Иначе говоря, данные И. Гербера, дополненные сведениями других источников, могут служить надежной основой для освещения взаимоотношений джарцев с османами в первой трети XVIII в., т. е. в то время, когда большая часть Закавказья попала под власть Османской империи. Имеющиеся сведения не оставляют сомнения в том, что и джаро-белокашцы, как и другие народы Закавказья, вели жестокую борьбу с агрессией османов.

КАХЕТИЯ

В начале XVIII в. Грузия, как известно, не представляла собой единого централизованного государства и была разделена на ряд феодальных государств. Среди них видное место принадлежало Кахетии, описанию которой наш автор посвятил небольшой параграф. Это, очевидно, можно объяснить прежде всего тем, что И. Гербер был менее осведомлен в делах Грузии, и в этом нет ничего удивительного, поскольку, как мы знаем, сам он там не бывал. Этот параграф в немецком тексте назван «Territorium Kachete» («территория Кахетии»), в описании — «Кахетия, уезд и народ». И. Гербер замечает, что Кахетия расположена рядом с грузинской провинцией Кардуал (Georgian Provinz Cardwall)¹⁴⁴.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что наш автор представляет кахетинцев отдельным народом. Есть ли надобность доказывать ошибочность этого утверждения? Общеизвестно, что Кахетия — область Грузии, население которой говорит на кахетинском наречии грузинского языка¹⁴⁵. Сам И. Гербер пишет, что, кроме грузинского языка, «употребляют и разумеют также

¹⁴² Месяц «лука» — ноябрь — декабрь.

¹⁴³ Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 12.

¹⁴⁴ Beschreibung..., S. 78; ИГЭД, с. 144.

¹⁴⁵ Народы Кавказа, т. II. М., 1962, с. 212.

турецкой с татарским помешанной». Это положение, очевидно, следует понимать в том смысле, что в Кахетии вместе с грузинами проживали и азербайджанцы. Мы ведь уже знаем, что И. Гербер, говоря о языке «турецкой с татарским помешанной», имеет в виду азербайджанский язык. Это, однако, не исключает того, что и многие грузины владели этим языком.

Нуждаются в уточнении и очерченные И. Гербером границы Кахетии. Более точные сведения о них содержатся в широко известном труде царевича Вахушти. В своей «Географии», определяя эти границы, он пишет: «И границы всей нынешней Кахетии суть: с юга слияние Большой Алазани и Малой Алазани и оттуда линия, идущая до Кавказа, и еще черта, идущая до Куры с востока середниная между Лекетией и Кахетией гора Кавказ; с запада граница Карталинии... и с севера гора Кавказ же»¹⁴⁶.

Ошибочны и утверждения нашего автора об истории образования Кахетинского царства. В IX в., пишет он, царь Грузии разделил свое владение между своими сыновьями «Кардуэль, Кахеты, Гурыэль, Имерети, Мегрелы и Авгази»¹⁴⁷. На самом деле история образования Кахетинского царства в самых общих чертах такова. Известно, что в начале раннего средневековья на территории Грузии существовали два самостоятельных государства: западнотурецкое — Эгриси и восточнотурецкое — Картли (или Иберия греко-римских источников) со столицей Мцехета, а с середины V в. — Тбилиси. Население этих государств вело самоотверженную борьбу с Византией и Ираном. Небезынтесно отметить, что в этой борьбе вместе с грузинами принимали участие предки азербайджанцев и народов Дагестана. Особенно тяжелым для грузинского народа, как и для других народов Кавказа, оказалось арабское нашествие. И все же к началу XI в. грузинскому народу при поддержке других народов Кавказа удалось освободить значительную территорию. К этому времени относится и образование феодальной монархии во главе с родом Багратиона. Столицей государства был г. Кутаиси по причине того, что Тбилиси все еще находился во власти Арабского халифата. Крайне тяжелым для Грузии, как и для всего Кавказа, оказалось нашествие турок-сельджуков, так называемый период «диди-туркоба» (большое османское засилье). «Диди-туркоба» нанесло огромный урон единству страны и создало опасность истребления народа и полного «расстройства существовавшей в Грузии социально-экономической системы («картвелоба»)»¹⁴⁸. Создалась опасность тюркизации грузинской территории. Грузинский народ нашел в себе силы не только не допустить этого, но и вытеснить врага из пределов Грузии. Руководил этой борьбой выдающийся государственный деятель Грузии Давид IV (Строи-

¹⁴⁶ Вахушти. Указ. соч., с. 101.

¹⁴⁷ Beschreibung..., S. 79; ИГЭД, с. 115.

¹⁴⁸ Шенгелия Н. Н. Сельджуки и Грузия в XI в. Тбилиси, 1968, с. 398—399.

тель). В 1104 г. царь Картли Давид IV захватил кахетинского царя Агсартана и присоединил Кахетию к своему царству. В 1122 г. он освободил Тбилиси и город вновь стал столицей объединенного грузинского царства. Однако к концу XV в. в силу внутренних затруднений и внешнеполитических осложнений Грузия распалась на отдельные царства. «Политический распад Грузии,— отмечает Т. Б. Боцвадзе,— произошел в условиях экономического упадка, окончательной победы крепостнического строя и развития феодального иммунитета, что в свою очередь было результатом весьма сложного переплета сословно-классовых и внешнеполитических факторов»¹⁴⁹. Первоначально образовались царства Картли, Кахети, Имерети и самостоятельное княжество Самцехи-Саатабago. Впоследствии самостоятельными стали княжества Гурия, Мингрелия и Абхазия¹⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что борьба шахского Ирана и Османской империи за овладение Кавказом в XVI—XVII вв. содействовала сохранению раздробленности Грузии на мелкие царства, княжества и полусамостоятельные политические единицы — сатавадо (сеньории)¹⁵¹. Вместе с тем круги Ирана и Османской империи делали все, чтобы помешать развитию кавказско-русских связей. Но русско-кавказские, и в частности русско-грузинские, отношения развивались и укреплялись. Обращение Грузии к России в пору тяжелых испытаний свидетельствует о том, что она в лице России видела «единственного реального союзника и покровителя»¹⁵². Однако во второй половине XVII в. с утверждением на престоле Картли и Кахети царей-магометан (из ветви Багратионов-Мухранских) и в грузино-русских отношениях наступает сравнительное затишье¹⁵³. В первой четверти XVIII в., как увидим ниже, при Вахтанге VI, грузино-русские отношения активизируются. В 1703—1722 гг. в Кахетии царствовал Давид (Имам-Кули-Хан), с 1722 по 1733 г.— Константин, который еще в Иране, где он родился, был обращен в мусульманство и более известен под именем Мамад-Кули-Хан. Он, по словам анонимного автора, «получил от шаха Хусейна Кахетию от Телава до Бирекара»¹⁵⁴.

Из текстов нашего источника может создаться неверное впечатление, что деревня Кара-агач являлась столицей Кахетского царства¹⁵⁵. Кара-агач — это небольшая деревня, находившаяся на западной стороне Алазани, дворец, который, по словам

¹⁴⁹ Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974, с. 12.

¹⁵⁰ История Грузии, ч. I, с. 192, 302—311.

¹⁵¹ Народы Кавказа, т. II, с. 219.

¹⁵² Накашидзе П. Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968, с. 201.

¹⁵³ Там же, с. 202—203.

¹⁵⁴ Хроника войны Джара в XVIII столетии, с. 10.

¹⁵⁵ ИГЭД, с. 114; Beschreibung..., S. 78; Известия..., с. 137.

Вахушти, переделали в маленький городок, а потом турки превратили его в крепость и лишь после того как Кара-агач была укреплена и снабжена артиллерией, она стала называться Топ-Кара-агач¹⁵⁶. Она служила османам главным наблюдательным пунктом за Кахетией и аварскими обществами¹⁵⁷ (имеются в виду джаро-белокапские).

Необходимо внести ясность и в рассказ И. Гербера относительно борьбы между картлийским и кахетинским царями. Если верить нашему источнику, борьба началась только из-за того, что «Вахтаг себя христианином явно объявил...»¹⁵⁸. Это объяснение в настоящее время вряд ли кого может удовлетворить. Несомненно, борьба между Картли и кахетинскими царями была вызвана более глубокими социально-политическими причинами. Известно, что со времени своего возвращения из Персии в 1719 г. Вахтаг VI¹⁵⁹ стал готовиться к освободительной борьбе против Сефевидов. Тогда же он связался с армянскими военачальниками и повел переговоры о совместных действиях: «И по распоряжению Вахтага VI,— свидетельствует Исая Хасап Джалалаян,— мы начали организовывать войско...»¹⁶⁰

В 1720 г., как отмечалось выше, Вахтаг VI заключил соглашение с Петром I о совместных военных действиях¹⁶¹. В одном из своих писем в Россию он писал: «Многие причины побуждают меня к отвержению несправедливо наложенного на нас персидского ига, под которым предки наши пахотились и мы до сих пор находимся... Хотя в нынешнее время ослабление персиян и распадение могущества их позволяло бы нам самим предпринять дело, однако мы положили, что при опоре на сильнейшего государя и непобедимого предводителя мы можем действовать с большею безопасностью и ручательством за успех»¹⁶². До того Вахтаг просил Петра I ввести в Грузию 5 или 6 тыс. русских войск, которые могли бы оказать ему большую помощь не только в защите Грузии, но и в подчинении князей, недовольных его политикой. Он также предлагал Петру I воздвигнуть на р. Терек крепость, которая могла бы обеспечивать свободный проход из Грузии в Россию, заперть Дербент и затем двинуться на Шамаху.

¹⁵⁶ Вахушти. Указ. соч., с. 118.

¹⁵⁷ Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 55.

¹⁵⁸ ИГЭД, с. 115.

¹⁵⁹ После смерти царя Георгия XI царем Картли был утвержден брат Вахтага Кайсохров. В 1711 г. Вахтаг поехал в Иран в надежде быть утвержденным на престол Картли. Шах потребовал, чтобы Вахтаг принял мусульманство. Царем Картли был утвержден принявший ислам брат Вахтага Исэ (Али-Кули-Хан). Вахтаг оставался на положении пленника. В 1716 г. Вахтаг оказался вынужденным принять ислам, после чего был утвержден правителем Картли и тем не менее до 1719 г. оставался в Иране.

¹⁶⁰ Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа..., с. 156.

¹⁶¹ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч., с. 28.

¹⁶² ИГР, с. 222—223.

Сам же обязывался встретить Петра I с войском и вместе с ним пройти до самого Исфагана. Получив известие от Петра I о прибытии русских войск в Аграханский залив, Вахтанг VI, отвергнув предложения Порты, отправился со своим войском к Гяндже, где должно было произойти соединение грузинских войск с армянскими и азербайджанскими отрядами. В дальнейшем эти объединенные силы Закавказья должны были соединиться в районе Шемахи с русской армией¹⁶³.

Извещая о своих действиях, Вахтанг VI в письме от 4 октября 1722 г. Петру I писал, что он уже выступил, «но нас задерживает то, что мы не получили ваших приказаний», и «если государю по причине тамошних дел не будет досужно и если они будут задержаны от того, чтобы прибыть сюда, пусть они соизволят по крайней мере приказать своему войску идти в Ширван, мы выступим отсюда, соединимся, а после все дело устроится...»¹⁶⁴.

Однако соединения Вахтанга с русскими войсками не произошло. В 1723 г., как отмечалось выше, успешно осуществлявшийся поход русских войск пришлось приостановить. Это много осложнило положение Вахтанга. Правительство Ирана было недоволено им за то, что он в свое время не явился на помощь в борьбе против афганцев. А султанская Турция готова была вторгнуться на Кавказ.

Используя создавшуюся обстановку, кахетинский царь Константин, больше известный как Мамад-Кули-Хан¹⁶⁵, просил шаха Ирана назначить его на картлинский престол. Получив от шаха разрешение, Мамад-Кули-Хан двинулся на Тбилиси, но потерпел неудачу. Однако это не остановило Константина. Набрав большое число наемных войск, в том числе и горцев Дагестана, он вновь напал на Тбилиси и после ожесточенной схватки весной 1723 г. овладел столицей Картли.

Еще во время боев за Тбилиси Турция потребовала, чтобы Вахтанг VI покорился власти султана. Царь Картли решил принять условия турок. «В сложившейся обстановке,— пишет Г. Г. Пайчадзе,— решение Вахтанга VI было единственно правильным, так как в противном случае он не смог бы одновременно вести борьбу с наступающим Константином и оказать должное сопротивление Турции»¹⁶⁶.

Сообщая о сложившихся условиях, Вахтанг VI в письме от 10 мая 1723 г. к Петру I писал: «Войска султана во главе с арзарумским пашой подступили к нашей границе, послали нарочного сказать нам: «Покоритесь». Мы отказали ему. Он написал тогда письмо в шаху: «Разори». Шах отдал Картли кахетинскому

¹⁶³ Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа..., с. 157.

¹⁶⁴ ПГР, с. 142—143.

¹⁶⁵ Константин был обращен в мусульманство в Иране, где он родился.

¹⁶⁶ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч., с. 32.

владельцу, который с персидским войском пошел» на нас. Начались сражения. Узнав об этом, османы послали нарочного со словами: «Если ты не покоришься, мы выступим отсюда. Так как Вы (т. е. Петр I.— В. Г.) были задержаны от того, чтобы прибыть сюда, и мы не были в состоянии бороться с двумя государями, мы велели сказать султану, что мы покоряемся ему и этим охраняли себя до того времени, когда будем удостоены Вашим прибытием сюда...»¹⁶⁷

Однако войска турецкого султана вторглись в Грузию и захватили Тбилиси. Вахтанг VI ушел в Цхинвали. Чтобы облегчить положение Картли, он был вынужден дать османам большой выкуп: послал к туркам сына Бакара и брата Иесэ и с ними, по данным Вахушти, 12 мулов, груженых драгоценностями¹⁶⁸. Османы требовали, чтобы Вахтанг сам явился к ним, но по понятным причинам он не мог решиться на это. Султан назначил на престол Картли Иесэ, и Вахтанг VI оказался вынужден выехать в Россию. Захватчики, используя своего ставленника Иесэ, начали вводить такие порядки, которые существовали во внутренних губерниях Османской империи.

В это время Мамад-Кули-Хан связался с сыном Вахтанга VI Бакаром и обратился за помощью к России и Ирану. В письме к Петру I он писал: «Кахетинские крепости и редуты мы укрепили, но если помощь, на которую мы надеемся, и войско государя не прибудет сюда в течение следующих двух или трех месяцев, надежда страны будет очень потрясена и дела ее примут жалкий оборот»¹⁶⁹. Чуть позже, не без влияния Константина, к России обратились с прошением представителя кахетинского духовенства¹⁷⁰.

Главнокомандующий в Прикаспии генерал Матюшкин сообщал: присланный от кахетинского царя в Баку с письмом Мамута-Кули из Генжи милитинец Исая-бек объявил князю, что «опый кахетской хан получил известие о походе к ним турецких войск, которые намерены по взятии Генжи, всю Персию овладеть, и дабы для упреждения того намерения турецкого прислать в Гешжу войска российского. Понеже-де по определению шаха Тахмасиба тем городом уже з год управляет. А пыше-де имеют ведомость из Тифлиса, что будут в Персию турецкие войска под командованием пашей, один в Генжу, один в Эриван, один в Таврис, один в Милитию, один к Дауд-беку и для соединения з горскими народы, один для строения крепости в Топ-Кара-агач... генжинцы намерены против турок стоять крепко. Нежели-де их силы против турков не будет, в таком случае и шах Тахмасиб имеет-де намерение приехать в Гилян и в Баку к российскому

¹⁶⁷ ПГР, с. 147—148.

¹⁶⁸ *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч., с. 41.

¹⁶⁹ ПГР, с. 169—170.

¹⁷⁰ Там же, с. 170—172.

войску. И он, кахецкой хан, просит, дабы ему повелено было в лужном случае от турков приехать из Генжи в Баку, где бы мог сохрانشь свой живот»¹⁷¹

Не раз к России обращался Константин и в последующее время. Однако Россия в это время в силу целого ряда причин не могла оказать действительную помощь Кахетии. И тем не менее грузины оказывали упорное сопротивление османам. В этой борьбе их не раз поддерживали горцы Дагестана. Например, они участвовали в 1724 г. в сражении при Казахи как вспомогательное войско¹⁷². Главной причиной того, что османы не смогли воздвигнуть крепость на Хеве-Кабардинской дороге, и была совместная борьба грузин и народов Северного Кавказа, в частности тех же «лезгин», которые не только не способствовали господству Порты «в Картли и Кахетии, но, напротив, активно боролись против османов и тем самым выступали в роли союзников грузин»¹⁷³. Касаясь этой же темы, Т. Д. Боцвадзе чуть ниже подчеркивает, что ««лезгин», боровшиеся против османов, выступали в роли союзников грузин, и в грузинских источниках того времени не столь уж редки сведения об их совместной борьбе против турок»¹⁷⁴.

К сказанному следует добавить, что имеются факты, часть которых мы приводили выше, свидетельствующие о том, что горцы Дагестана совместно с кахетинским крестьянством выступали и против грузинских феодалов. Они, как отмечают источники, принимали участие и в междоусобицах феодалов Грузии. Именно в этом смысле и надо понимать утверждение И. Гербера, что Мамад-Кули-Хан против Вахтанга VI «всех лезгинцов и прочих воровских... людей горских возбудил и надеением добрых добыч собрал и к себе привел, с оными он в 1723 г. в Кардуэль вступил»¹⁷⁵. Участие горцев Дагестана в междоусобной борьбе грузинских феодалов отмечают и другие источники¹⁷⁶.

Следует иметь в виду и то, что в это время имели место также феодальные набеги из Дагестана на Грузию. Были и такие случаи, когда часть грузин объединялась с османами в борьбе против «лезгин»¹⁷⁷.

Все сказанное свидетельствует о том, что грузино-дагестанские отношения были сложны и многообразны. И в корне не правы те авторы, которые эти отношения упрощают и сводят обычно к феодальным набегам. Это одностороннее освещение ни в коей мере не может удовлетворить советскую историческую

¹⁷¹ АВПР СССР, ф. Сношения России с Грузией, 1724, д. 2, л. 87; *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч., с. 50.

¹⁷² *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч., с. 52.

¹⁷³ *Боцвадзе Т. Д.* Указ. соч., с. 49.

¹⁷⁴ Там же, с. 50.

¹⁷⁵ ИГЭД, с. 115.

¹⁷⁶ Хроника войн Дакра в XVIII столетии, с. 11, 54.

¹⁷⁷ *Боцвадзе Т. Д.* Указ. соч., с. 50.

науку. Более внимательное изучение вопроса приводит к твердому убеждению, что в XVI—XVIII вв., несмотря на паличие целого ряда факторов, вызывавших обострение политической обстановки, способствовавших осложнению грузино-дагестанских отношений, «ни в коей мере не прерывался ритм органических грузино-дагестанских отношений в культурно-экономической жизни, что указывало на полное отстаивание принципа многовековой дружбы и добрососедства между грузинскими и дагестанскими народами»¹⁷⁸.

Но вернемся к нашему источнику. Утверждение И. Гербера, что «Магумет-Гули-Хан» подчинен турецкому паше в Тбилиси, не совсем верно. П. Г. Бутков по этому поводу пишет, что Константин, будучи не в состоянии оказать сопротивление, ушел в Кахетию. «Потом захватили кахетинского царя Константина или Магомет-Кули-Хана... отрубили ему голову, которую послали к султану, заняли нижнюю Кахетию». В другом источнике читаем, что турецким командующим в Тбилиси был Исак-паша. Он отправил прибывшего к нему Юсуф-пашу известить кахетинского царя Константина (Мамад-Кули-Хана) о своем скором к нему прибытии. Юсуф был встречен кахетинским царем, сопровождаемым 2000 человек, «обошелся с ним ласково, изъявил желание, чтобы он ехал в деревню Кисик для ожидания там его... а когда Константин отошел, его убили»¹⁷⁹. В 1731 г. «в верхней Кахетии или Телаве сделали царем... брата Константина Таймураза»¹⁸⁰.

Под гнетом Османской империи Грузия находилась до 1735 г. Господство османов («османолоба»), как справедливо отмечают известные советские историки Н. А. Берзепашвили, Г. Г. Пайчадзе и другие, «крайне отрицательно сказалось на экономической и политической жизни страны... турецкое господство было тяжелым бременем для всех слоев населения, но наиболее мучительным оно было для крестьянских масс»¹⁸¹.

¹⁷⁸ *Боцадзе Т. Д.* Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений XV—XVIII вв. Тбилиси, 1868, с. 205 (на груз. яз.).

¹⁷⁹ *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. I, с. 52.

¹⁸⁰ Там же, с. 52—53; *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч., с. 38.

¹⁸¹ *Пайчадзе Г. Г.* Указ. соч., с. 36.

Все, что сделано выше, было подчинено одной лишь чрезвычайно сложной задаче — раскрыть максимальные возможности источника. Само собой понятно, что добиться этого возможно лишь путем всестороннего критического разбора самого источника. Поэтому необходимо было привлечь максимум документальных материалов и других источников, не только позволяющих проверить и перепроверить, но и помогающих углубить, а при возможности и дополнить данные нашего источника. Мы не уверены, что нам удалось привлечь все имеющиеся материалы и произвести исчерпывающий анализ рассматриваемого труда. Определенно можно лишь сказать, что недостаточность сведений не дала возможности с одинаковой полнотой решить все затрагиваемые в памятнике вопросы. По этой же причине мы оказывались вынужденными в ряде случаев ограничиваться лишь постановкой вопроса или выдвижением рабочих гипотез. Однако проделанный выше анализ, как мог убедить читатель, не оставляет сомнения в том, что наш источник — весьма сжатый, но охватывающий большой круг проблем и содержащий ценные сведения высокой степени достоверности памятник. Глубокое и всестороннее его изучение дает в руки исследователя дополнительный, а порой и недостающий для правильного решения сложных вопросов материал.

Особую ценность представляют сведения И. Гербера, очевидцем или активным участником которых он был. Это прежде всего данные о социально-экономической и политической истории народов северо-восточного Кавказа первой четверти XVIII в., сведения о внешнеполитической обстановке, об агрессивной политике Османской империи на Кавказе и материалы, рассказывающие о внешнеполитической ориентации владетелей Кавказа, и др. Вместе с тем приходится еще раз повторить и то, что сведения нашего источника о народах Кавказа не одинаково полны. Мало того, вне поле зрения нашего автора оказался ряд народов Северного Кавказа. В анализируемом источнике нет, например, сведений об адыгейских народах, осетинах, балкарцах, карачаевцах, ингушах, карабулаках, татах. За исключением очень кратких и, можно сказать, весьма поверхностных сведений о Кахетии, нет данных о Грузии. Нет сведений и об Армении; автор сообщает

только очень краткие и отрывочные данные об армянах, проживавших в городах северо-восточного Кавказа. Но если отсутствие сведений о народах северо-западного Кавказа, Грузии и Армении можно объяснить тем, что сам И. Гербер там не был и приведенные данные заимствовал из других источников, то непонятно, почему он обошел молчанием ряд народов центрального и северо-восточного Кавказа.

Несмотря на то что больше всего сведения нашего источника прямо или косвенно освещают историю народов Дагестана, все же приходится констатировать, что и в данном случае не все народы страны гор освещены в источнике равномерно. А некоторые народности, например агулы, цахуры, таты, терекемейцы, даже не упомянуты. Отсутствуют также сведения о ряде политических объединений Дагестана. Ничего не сказано о Костековском, Баматлинском, Карабудахкентском, Эрцелинском бейликствах, о Мехтулинском ханстве и некоторых аварских, даргинских и других союзах сельских общин.

Любопытно и то, что наш автор независимо от того, феодальное ли это владение (шамхальство, уцмийство, майсумство, ханство и т. д.) или союз сельских общин, более известных в литературе под неточным наименованием «вольные общества», определяет их одним и тем же термином *territorium*. Тому, что И. Гербер вовсе не употребляет термина «вольные общества», удивляться не приходится, поскольку это определение, как известно, возникло и получило широкое хождение лишь в XIX в. Гораздо сложнее объяснить, почему он избегает называть феодальные владения общепринятыми названиями «шамхальство», «ханство», «уцмийство», «майсумство» и т. д., тем более что сам автор широко пользуется указанными терминами, когда речь идет о титулатуре феодальных владений Дагестана. Забегая вперед, укажем, что в русских текстах определение *territorium* переведено как «уезд». Напомним, что этот термин известен на Руси исстари, по мере же присоединения к Москве отдельных княжеств («земель») термином «уезд» стали обозначать административно-территориальные единицы, а с введением губерний «уезд» стал частью губернии¹. Термин же, употребляемый нашим автором, восходит к латинскому *terra* — земля, страна, край, область, территория². Определяя одним и тем же термином феодальные владения и союзы сельских общин Дагестана, наш автор будто бы не замечает разницы между ними или даже отождествляет их. Все это наводит на мысль, что И. Гербер и на самом деле не разобрался в существовавших различиях между феодальными владениями и союзами сельских общин. Но это не так. На самом деле он всегда пытался подчеркнуть это различие. Отдавая в

¹ Юридический словарь. М., 1953, с. 724.

² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976, с. 1007; Немецко-русский словарь. М., 1958, с. 1066.

этом ему должное, все же нельзя не отметить, что И. Гербер в силу своей классовой ограниченности, слабой теоретической подготовленности не мог раскрыть специфику социально-экономического развития многочисленных народов Дагестана.

Однако для нас в данном случае важно не столько суждение самого И. Гербера, сколько содержащийся в его работе фактографический материал, который вместе с имеющимися в распоряжении дагестановедов данными позволяет раскрыть уровень социально-экономического развития различных районов Дагестана. Объективное изучение этого материала показывает, что различные части Дагестана развивались неравномерно. Наряду с более или менее развитыми феодальными владениями здесь имелось несколько десятков союзов сельских общин, находившихся на различных ступенях феодального развития, среди которых были «уезды», или *territorium*, где господствовали раннефеодальные отношения.

Наличествуящий в источнике фактический материал в совокупности с имеющимися в нашем распоряжении данными дает возможность исследователю не только понять причины феодальной раздробленности, но и разобраться во внутреннем управлении государственно-политических образований Дагестана. Более того, внимательное изучение этого материала проливает свет на историю средневековых государств Дагестана.

Выше мы уже имели случай высказать ряд соображений о так называемых средневековых «царствах», в том числе Серире, шамхальстве и других. Здесь же еще раз укажем, что в настоящее время установлено, что «Серир» — название государства, а не города и народа³. Напомним также, что столь же единодушно исследователи-кавказоведы локализируют это государство в горной части Дагестана. Все это как будто бесспорно, однако если вышеприведенный нами фактический материал убедил читателя в том, что это государство объединяло не только собственно аварцев и андо-цезские народности аварской группы, но что в него входили также лакцы, верхние даргинцы и ряд сельских общин лезгинской группы народностей Дагестана, то, очевидно, мы должны будем признать Серир государством не только этнически неоднородным, но и объединяющим большинство народов нагорного Дагестана. Если это так, то вполне закономерно и вытекающий из этого положения вопрос: почему в таком случае мы не должны считать Серир одним из первых общедагестанских государств? Не исключена также возможность, что при более углубленном и всестороннем исследовании административных границ, внутривнутриполитического управления «царство» Лакз может оказаться государством, объединившим народы южного, юго-западного и центрального Дагестана. Но если такое о Лакзе мож-

³ Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1953, с. 860.

по говорить пока в порядке постановки вопроса с большей или меньшей вероятностью, то, думается, ни у кого не вызовет сомнения, что известное средневековое шамхальство, очевидно возникшее на обломках ряда «царств», объединяло народы не только горного, но и равнинного Дагестана. Если все это так, то не пора ли нам отказаться от прочно закрепившегося в исторической науке утверждения, что народы страны гор никогда в своей истории не имели общедагестанского государства. В связи с поднятым вопросом несомненный интерес представляет и тот немалозначащий факт, что известные в истории Дагестана XVI — начала XIX в. феодальные владения — шамхальство, удмийства, ханства и др. — также не были этнически однородными. Как читатель мог видеть, в этих владениях проживали два, три и более народов Дагестана. Не является ли это издавна сложившейся в истории Дагестана традицией?

Детальное исследование этого сюжета может привести исследователей к высшей степени важным выводам. Общеизвестно, какую важную роль играли города и городское население в социально-экономической и культурной жизни народов. Однако в дагестановедении эта проблема еще не стала предметом специального изучения. Более того, в исторической литературе прочно утвердилось мнение, будто в Дагестане в XV—XVIII вв., кроме Дербента, не было городов. Однако накопленный за последнее время фактический материал и его анализ в свете учения классиков марксизма-ленинизма властно требует пересмотра этого тезиса. Не ставя перед собой цель окончательно решить чрезвычайно сложную проблему, да это и не входит в предмет нашего исследования, мы выше привели некоторые факты, имеющие непосредственное отношение к резиденции шамхалов — Таркам. Даже эти далеко не полные данные, как нам представляется, позволяют считать Тарки XVIII в. феодальным городом. Думается, что более детальное изучение источников, а также археологические раскопки на территории Ахты, Хунзаха, Кубачи, Кумуха, Эндерея и других крупных торгово-ремесленных центров могут дать в руки исследователя такой важности фактический материал, который позволит решить вопрос о феодальных городах Дагестана. При этом нас не должен пугать их полудеревенский характер. Именно таковыми, как это установлено наукой, были все города Азербайджана, Армении и Грузии⁴. Надо иметь также в виду и то, что в зависимости от ряда внутренних и внешних причин некоторые населенные пункты развивались в города и, наоборот, в результате нашествий, изменения торговых путей, перенесения резиденций и т. п. города приходили в упадок, а со временем даже превращались в обыкновенные селения. Таких

⁴ Новосельцев А. П. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. — История СССР, 1959, № 1; Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1959; Аюбян Т. X. Очерки истории Еревана. Ереван, 1977, с. 67—72.

примеров в истории великое множество. Мы же коснулись этих вопросов с той только целью, чтобы поставить задачу и привлечь к ней внимание исследователей.

В дагестановедении стало также привычным утверждение, будто до XIX в. наиболее крупные народы Дагестана — аварцы, лезгины, даргинцы — не имели единого этнонима, а именовались чаще всего по названию главного селения. На основании этого постулата делаются далеко идущие выводы, будто они еще не сформировались как народы. Нет спора, определение своей этнической принадлежности по названиям главного селения или союза сельских общин — явление весьма распространенное и среди всех народов Дагестана. К примеру, лакцев нередко называют «кази-кумухи», кумыков — «таркинцы», «яхсайцы», «эндерейцы» и т. д. Но разве это может служить доказательством того, что эти народы не имели единого этнонима или не осознавали себя как единый народ? И может ли это служить основанием для утверждения, что аварцы, лезгины и другие не сформировались как народы? Очевидно, нет. Тем более что приведенный выше фактический материал из разнохарактерных источников убедительно показывает несостоятельность указанного утверждения. Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что наш источник содержит важный фактический материал, способный во многом помочь при решении сложной и в высшей степени важной проблемы формирования народов Дагестана.

Старательное описание событий, современником которых был И. Гербер, выдвигает его труд в ряд наиболее ценных источников и для изучения политических событий, имевших место на северо-восточном Кавказе в первой четверти XVIII в. Хотя суждения и оценки нашего автора не всегда точны, а в ряде случаев и ошибочны, приведенный им фактический материал представляет большую ценность для исследования русско-кавказских отношений, правильного решения проблем, связанных с антииранскими выступлениями народов Кавказа и их борьбой против османской агрессии. В силу классовой ограниченности И. Гербер не мог оценить во всем объеме значение русско-кавказских отношений, раскрыть истинные причины роста ориентации народов Кавказа на Россию. Однако приводимый им фактический материал убедительно показывает, что народы Кавказа, оказавшись в крайне тяжелых экономических и политических условиях, видели в России единственную силу, способную освободить из-под ига Ирана и османской Турции и прочно оградить от нашествия иноземных захватчиков. Данные нашего источника показывают также, что активизация кавказской политики России в первой четверти XVIII в. диктовалась в значительной мере экономическими и военно-политическими мотивами: стремлением укрепить наиболее уязвимые юго-восточные границы государства, присоединить очень важный в экономическом и стратегическом отношении район Прикаспия.

Вышеприведенный материал не оставляет сомнений, что политика России находила на Кавказе живой отклик и поддержку. Почти все его народы, о чем свидетельствуют и материалы нашего источника, обращались к России с просьбой принять их в свое подданство и под свое покровительство. Однако в первой четверти XVIII в. к России была присоединена лишь небольшая приморская территория Азербайджана и Дагестана. В силу ряда внутренних и внешних причин не состоялось воссоединения войск Петра I с грузинскими войсками Вахтанга VI и не оказалось возможным подать руку помощи Восточной Армении, которая с нетерпением ждала своего освобождения.

Проделанный нами выше анализ фактического материала со всей убедительностью показал, что население присоединенных к России территорий оказалось в несравненно лучшем положении, чем те народы, которые оставались под игом шахского Ирана и османской Турции. Вместе с тем этот материал подтверждает, что Россия уже в ту пору играла «прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей»⁵.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 240—241.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АБКНЕА — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974
- АВПР — Архив внешней политики МИД СССР
- АДОЗО — Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899
- АКАК — Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. I — XII. Тифлис, 1886—1904
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВИ — Вопросы истории. М.
- ВИД — Вопросы истории Дагестана. Махачкала
- ВИЧИ — Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный
- ГДИД — Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891
- ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис
- ИГЭД — История, география и этнография Дагестана. М., 1958
- ИЗ — Исторические записки. М.
- ИПНД — Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1967
- ИЧИННИИ — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского ин-та. Грозный
- КРО — Кабардино-русские отношения, т. I—II. М., 1957
- КСИЭ — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. М.
- КЭС — Кавказский этнографический сборник
- МИДЧ — Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940

- ПГР — Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПб., 1861
- ПОПД — Памяти ^{И.И.И.} обычного права Дагестана в XVII—XIX вв. М., 1965
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РДО — Русско-дагестанские отношения. Махачкала, 1958
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских городах. Тифлис
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
- Сб. РИО — Сборник Русского императорского исторического общества. СПб.
- СП — Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб.
- СЭ — Советская этнография. М.
- УЗИВ — Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР. М.
- УЗИИЯЛ — Ученые записки Ин-та истории языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Махачкала
- УЗКБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та. Нальчик.
- УЗКНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та. Нальчик
- УЗМОРУ — Ученые записки Мордовского ун-та
- ФОД — Феодальные отношения в Дагестане. М., 1963
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГА Даг. АССР — Центральный государственный архив Дагестанской АССР
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
- ЦГИА Груз. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда
- ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский ин-т языка и литературы
- ВГА — Bibliotheca geographorum arabicorum

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	3
И. ГЕРБЕР И ЕГО СОЧИНЕНИЕ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)	7
Глава I	
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ	21
Терские казаки	21
«Черкасия горская»	35
«Терские или аульные»	38
Кабарда	42
Чеченцы	55
Глава II	
ДАГЕСТАН	66
Северный Дагестан	67
Предгорный и нагорный Дагестан	118
Южный Дагестан	184
Глава III	
ЗАКАВКАЗЬЕ	225
Азербайджан	225
Кахетия	253
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	261
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	268

Владилен Гадисович Гаджиев

Сочинение И. Гербера

**«ОПИСАНИЕ
СТРАН И НАРОДОВ
МЕЖДУ АСТРАХАНЬЮ
И РЕКОЮ КУРОЙ
НАХОДЯЩИХСЯ»**

**КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ КAVKAZA**

Утверждено к печати
ордена «Знак Почета» Институтом истории,
языка и литературы им. Г. Падасы
Дагестанского филиала Академии наук СССР

Редактор издательства Е. П. Прохоров
Художник В. А. Чернецов
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректор И. Р. Бурт-Яшина

ИБ № 5580

Сдано в набор 21.09.78.
Подписано к печати 23.01.79.
Т-01214. Формат 60×90^{1/16}

Бумага № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 19,3
Тираж 1800 экз. Тип. зак. 168
Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

